# ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1959

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

# ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА

*МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СЕССИЙ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва . 1959

Настоящий сборник составлен из докладов и сообщений научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, которые были сделаны на научных сессиях Института в 1955 и 1956 гг., посвященных 137-й и 138-й годовщинам со дня рождения Карла Маркса и 135-й годовщине со дня рождения Фридриха Энгельса.

Эти доклады были написаны на основании исследования работ основоположников марксизма, архивных и других документальных материалов, произведенного сотрудниками Института при подготовке к печати томов второго издания Сочинений Маркса и Энгельса. Считая, что результаты этой исследовательской работы могут представлять интерес для научной общественности, Институт марксизма-ленинизма подготовил их к изданию в виде сборника материалов научных сессий. Данный сборник не претендует на сколько-нибудь полное освещение истории формирования и развития марксизма. Его задача более узкая: раскрыть на конкретном материале отдельные стороны этой широкой проблемы, осветить отдельные вопросы, связанные с научным творчеством, жизнью и деятельностью великих основателей научного коммунизма и вождей международного пролетарского движения.

А. А. УЙБО

# РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ВОПРОСОВ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИИ «НЕМЕЦКАЯ ИДЕОЛОГИЯ»

Совместный труд К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» был написан в 1845—1846 годах. В теоретических взглядах Маркса и Энгельса к этому времени уже произошел переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

В своем труде «К истории Союза коммунистов» Энгельс говорит, что они с Марксом весной 1845 года принялись за детальную разработку их совместных новых воззрений «в самых разнообразных направлениях» [1].

Более точно характеризуя те задачи, которые Маркс и Энгельс видели перед собой в то время, Энгельс писал:

«Мы отнюдь не намеревались сообщить о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах. Наоборот. Мы оба уже глубоко вошли в политическое движение; у нас уже были последователи среди интеллигенции, особенно в западной Германии, и значительные связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших воззрений европейский и прежде всего германский пролетариат» [2].

Это была грандиозная программа научной и практической революционной деятельности. В осуществлении этой программы значительную роль должна была

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 326.

[2] Там же, стр. 327.

сыграть «Немецкая идеология» — произведение, к созданию которого Маркс и Энгельс сразу же и приступили. «Мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью» [1],— писал Маркс 15 лет спустя.

Главное в содержании «Немецкой идеологии», это — разработка коренных вопросов исторического материализма. Проблемы диалектического метода и философского материализма не являются объектом специального исследования в этом произведении, однако и они освещаются, поскольку речь идет об объективной диалектике многогранных процессов и явлений общественной жизни, диалектике отражения объективного мира в сознании, принципах, путях и средствах познания закономерностей развития общества, о необходимости и возможности революционного преобразования всей общественной жизни.

Многочисленные краткие экскурсы Маркса и Энгельса в область истории философии, экономических и социологических учений, в область истории литературы и искусства и т. д. служат в конечном итоге той же цели — разработке проблем исторического материализма.

«Немецкая идеология» является по своему содержанию изумительно богатым произведением и бесспорно заслуживает глубокого и очень внимательного изучения и исследования.

В настоящей статье затрагиваются лишь некоторые проблемы, разработанные Марксом и Энгельсом в этом труде.

* * *

В тот период, когда Маркс и Энгельс приступили к работе над «Немецкой идеологией», в Германии большим влиянием пользовались философские и социологические взгляды Гегеля. В начале сороковых годов XIX века на арену идеологической борьбы выступили младогегельянцы и отколовшийся от них Фейербах, в середине сороковых годов возникли довольно многочисленные группы немецких «истинных социалистов».

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 323.

Свою теорию Маркс и Энгельс развивали в неразрывной связи с глубокой критикой этих течений. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» раскрывают несостоятельность и консервативность гегелевского идеалистического понимания истории. В то же время они высоко оценивают диалектику Гегеля.

Гегель в своей философии истории исходил из основной идеалистической концепции, согласно которой мир представляет собой саморазвитие абсолютной идеи. Историю человеческого общества Гегель рассматривал как господство мыслей, как воплощение, «инобытие» диалектического развития категорий и понятий. Задачу философии истории он усмотрел в *объяснении* исторических процессов и явлений, а эту задачу он считал выполненной, как только удалось подвести то или иное конкретное явление под ту или иную философскую категорию.

Движение гегелевской мысли шло не от объективной реальности к идеям, а наоборот, от заранее готовых идей к действительности. В результате этого истории произвольно навязывались искусственные (хотя и диалектические) схемы. Действительные законы развития истории остались не раскрытыми. При таких обстоятельствах не могло быть речи о сознательном изменении действительности. Подобная задача Гегелем даже не была поставлена. История философии Гегеля оказалась консервативной.

В отличие от Гегеля младогегельянцы не идеализировали немецкую действительность. Они стремились делать из гегелевской философии атеистические и революционные выводы, считали себя революционерами и придавали своим идеям большое преобразующее значение.

Согласно убеждениям младогегельянцев, общественная жизнь находится под властью идей, представлений, понятий и т. д., все тяжести, недостатки, противоречия в жизни общества происходят от того, что в сознании людей закрепились неправильные, негодные представления и понятия. Важно, чтобы люди научились относиться критически к своим представлениям о жизни, выбросили из головы неправильные идеи, заменили их истинными понятиями и категориями — и в результате этого

преобразуется действительность. Одна из главных особенностей младогегельянской философии состояла в том, что все мнимогосподствующие политические, правовые, этические и иные представления сводились в конечном счете к религиозным представлениям. Следовательно,— рассуждали младогегельянцы,— стоит людям только отказаться от этих религиозных представлений, и неизбежно рухнут все существующие общественные порядки, уступая новым порядкам, которые будут соответствовать новым идеям и представлениям.

Уже в произведении «К критике гегелевской философии права. Введение», опубликованном в 1844 году в «Deutsch-Französische Jahrbücher», Маркс подчеркнул, что для преодоления и устранения определенных идей требуется нечто большее, чем их абстрактно-теоретическая критика, а именно — изменение тех реальных основ, на которых возникают эти идеи. Действительные общественные порядки не могут быть изменены только путем изменения теоретических представлений. «Оружие критики,— пишет Маркс,— не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой» [1]. Далее Маркс показал, что и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Овладевать же массами может не всякая теория, а только такая теория, которая отражает материальные потребности масс.

Развивая эти мысли в «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс показывают, что младогегельянская критика существующих идей практически бесплодна, ибо те или иные представления могут быть устранены «изменением условий, а не теоретическими дедукциями» [2]. Тем более это относится к изменению существующего общественного строя. Критические фразы младогегельянцев ровным счетом ничего не меняют в действительности. Поэтому младогегельянские критики, несмотря на внешнюю, формальную революционность их взглядов, являются величайшими консерваторами.

Фейербах, будучи вначале младогегельянцем, разделял с остальными младогегельянцами иллюзию о том,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 422.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 39.

что идеи господствуют в мире. После того как он отошел от Гегеля и младогегельянцев, он считал, что, хотя исторические эпохи и характеризуются той или иной формой господства религии, религиозные идеи не представляют собой нечто самодовлеющее, а являются выражением «человеческой сущности».

Полагая, что существовавшие формы религии выразили эту человеческую сущность неправильно, Фейербах выступил против этих форм религии, предлагая заменить их новой религией, религией любви, в которой человеческая сущность нашла бы истинное выражение.

В своих тезисах о Фейербахе, написанных весной 1845 г. и представляющих собой, по всей вероятности, подготовительную работу для первой главы «Немецкой идеологии», Маркс указал на достижение Фейербаха, заключающееся в том, что Фейербах сводит религию к ее земным основам. Но тут же Маркс отметил, что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. После того как найдены земные основы религии, они должны быть подвергнуты теоретической критике и их следует практически революционно преобразовать. В тезисах Маркса подчеркнуто также, что Фейербах ошибается, считая человеческую сущность чем-то вечным и неизменным. «В своей действительности,— пишет Маркс,— она т. е. человеческая сущность.— *А. У.*] есть совокупность всех общественных отношений»[1].

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, критикуя
, развивают положения, содержащиеся в «Те-
о Фейербахе». Фейербах рассматривает людей не в их данной общественной связи, не в окружающих их условиях жизни, делающих их тем, чем они в действительности являются; Фейербах не знает никаких иных «человеческих отношений», кроме любви и дружбы, к тому же идеализированных. Маркс и Энгельс приходят к выводу, что фейербаховское понимание истории является идеалистическим.

«Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист»[2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 3.
[2] Там же, стр. 44.

На фоне критики гегелевского, младогегельянского и фейербаховского *идеалистического* понимания истории Маркс и Энгельс выдвигают свою материалистическую теорию.

Гегель и младогегельянцы стремились подогнать историю под мерку, находящуюся вне самой истории, под произвольно сконструированные схемы, превращенные в догмы. Маркс и Энгельс, наоборот, устанавливают в «Немецкой идеологии» принцип — исследовать историю на эмпирической основе, рассматривать ее такой, какая она есть в действительности. При таком подходе к истории основой всего являются «действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [1].

При этом Маркс и Энгельс подчеркивают еще одну крайне важную особенность своего подхода к изучению истории. Не абстрактно-теоретический, «академический» интерес является для них побуждающей силой. Наоборот, «для *практических* материалистов, т. е. для *коммунистов,* все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его» [2].

Таким образом — научная объективность в органическом единстве с коммунистической партийностью, разработка верной теории в интересах революционного освобождения трудящихся — вот в чем заключается один из важнейших принципов исследования в «Немецкой идеологии», как и в других произведениях Маркса и Энгельса.

* * *

Приступая к конкретному анализу человеческой истории, Маркс и Энгельс прежде всего коротко затрагивают проблему антропогенеза. Для возникновения человека

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 18.
[2] Там же, стр. 42.

как живого существа потребовались определенные природные предпосылки. Природные факторы обусловливали первоначальную естественно возникшую телесную организацию людей, т. е. их анатомические и физиологические свойства. Биологические особенности, будучи результатом предшествовавшего развития, порождали, в свою очередь, потребности, которые уже не могли быть удовлетворены прежним, чисто животным способом, т. е. путем использования средств к жизни, предоставляемых природой в готовом виде. Эти новые потребности обусловливают необходимость *производства* средств к жизни. Тут и начинается превращение высшего животного в человека. К *природным* закономерностям жизни добавляются новые, *социальные* закономерности, приобретающие затем решающую силу. Начинается история человеческого общества, истоки которой коренятся в истории природы.

Маркс и Энгельс указывают, что людей можно, конечно, отличать от животных по сознанию и по многим другим свойствам и признакам, но среди этих признаков есть *решающее* звено — производство средств к жизни.

«Первый *исторический* акт этих индивидов,— говорится в «Немецкой идеологии»,— благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают *производить необходимые им средства к жизни»* [1].

Способ производства, указывают Маркс и Энгельс далее, является фактически воспроизводством физического существования индивидов, он представляет, вместе с тем, их образ жизни. Что представляют собой люди, это зависит от материальных условий их производства.

О громадной научной проницательности Маркса и Энгельса свидетельствует тот факт, что свою концепцию антропогенеза они выдвинули до появления трудов Дарвина, Дюбуа, Гексли, Геккеля и др., заложивших основу современной научной антропологии. Эта концепция, изложенная очень коротко в «Немецкой идеологии», была много лет спустя подробно разработана Энгельсом в его произведении «Роль труда в процессе превращения

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 19, сноска.

обезьяны в человека». Правильность ее всецело подтверждается данными современной науки.

Установив, таким образом, что «эмпирической предпосылкой» материалистического понимания истории является факт существования людей и что это существование обеспечивается производственной деятельностью, Маркс и Энгельс выдвигают свою диалектико-логическую программу дальнейшего исследования. Эта программа заключается в следующем: «исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами)» [1].

Эта программа исследования законов общественной жизни является одновременно и концепцией, которая по содержанию почти не отличается от той знаменитой характеристики исторического материализма, которую Маркс дал в предисловии к произведению «К критике политической экономии».

Исходя из этой основной концепции, Маркс и Энгельс подвергают анализу все важнейшие стороны материальной, политической и культурной жизни общества. Всю систему исследования пронизывает строгая диалектическая логика, эта логика не является абстрактной конструкцией, а представляет собой логику реальной, действительной истории. Иными словами — в «Немецкой идеологии» уже достигнуто единство исторического и логического, единство, при котором логическое выступает как историческое в обобщенной, освобожденной от случайностей форме. Это диалектико-материалистическое

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 36—37.

единство исторического и логического позволяет Марксу и Энгельсу рассматривать законы развития общества с естественнонаучной достоверностью.

Установив, что существование людей, индивидов, является первой эмпирической предпосылкой исторического процесса, и исходя из принятой ими концепции возникновения человека, Маркс и Энгельс раскрывают основную силу, побуждающую людей к исторической деятельности, показывают, что этой силой в конечном итоге являются человеческие потребности.

Это, конечно, нисколько не означает, что Маркс и Энгельс были сторонниками какой-то «потребительской» теории. Маркс и Энгельс — диалектики, которые учитывали всесторонние связи любого явления с другими явлениями. Они рассматривали также и потребности в неразрывной связи с производством материальных и духовных ценностей, в их противоречиях, в их развитии.

Уже возникновение самого человека, его отделение от животного мира, было результатом появления таких потребностей, которые не могли быть удовлетворены по образу и подобию животных — путем простого использования средств к жизни, существующих в природе в готовом виде.

Необходимость иметь пищу, одежду, жилище и т. д., словом необходимость обеспечить свое физическое существование — заставила первоначального человека производить средства для удовлетворения этих потребностей. Возможность производства была заложена в тех анатомических и физиологических свойствах (в той «физической организации»), которые стихийно, под влиянием среды, возникли у непосредственных предков человека в животном мире. Производство средств, необходимых для удовлетворения неотложных материальных потребностей, это «такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно — уже для одного того, чтобы люди могли жить» [1].

Маркс и Энгельс показывают в «Немецкой идеологии», что потребности людей не являются постоянными,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 26.

а наоборот, изменяются, расширяются, одни конкретные потребности в ходе истории исчезают, другие возникают и т. д., причем «сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям»[1].

Установив, таким образом, общую диалектическую связь между потребностями и производством, Маркс и Энгельс приступают к более подробному анализу исторического развития способа производства материальных благ, необходимых для удовлетворения постоянно развивающихся потребностей.

* * *

Изучая разработку Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» вопросов, связанных с развитием способа производства, следует постоянно иметь в виду, что *терминология,* употребляемая в этом произведении, а также и отдельные *понятия,* обозначаемые теми или иными терминами, находятся еще в процессе становления и отличаются от терминов и понятий, которые сложились впоследствии в других произведениях Маркса и Энгельса.

Взаимоотношения понятия и термина представляют собой частный случай взаимоотношений содержания и формы. Будучи обобщенным отражением определенных процессов и явлений действительности, понятия являются содержанием терминов, а термины представляют собой формы понятий, словесные «оболочки» понятий, средства их выражения. Отсюда и следует, что между терминами и понятиями могут быть все те сложные диалектические взаимоотношения, которые вообще существуют между содержанием и формой. Идеальным состоянием является, конечно, полное соответствие четкого и ясного термина тому понятию, которое в данном термине выражается. Но такое адекватное выражение термином понятия достигается не сразу. На раннем этапе развития любой новой теории (и это относится также и к марксизму) соответствие терминов понятиям часто бывает еще неполным. И это вполне объяснимо.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 27.

Во-первых, в процессе разработки теории складываются, вырабатываются понятия, их объем меняется, развивается, уточняется, становится то шире, то у́же, приобретает новые качественные грани и т. д. В связи с этим может оказаться, что первоначальные термины, избранные для выражения этих понятий, не могут с достаточной точностью выполнить свою функцию.

В таком случае возникает необходимость уточнить термины.

К тому времени, когда Маркс и Энгельс написали «Немецкую идеологию», в их творческом активе не было больших специальных исследований по политической экономии. Отдельные понятия, общие для марксистской политической экономии и для исторического материализма, поэтому еще не могли быть вполне четкими, отшлифованными. Понятия производительных сил и производственных отношений, общественно-экономической формации, базиса и надстройки и многие другие установились в их классическом виде в таких произведениях, как «К критике политической экономии» и «Капитал», будучи результатом глубокого и детального изучения экономических законов развития общества.

В соответствии с этим и термины уточнялись, вырисовывались, становились все более адекватными выражениями понятий.

В любой отрасли науки играет определенную роль преемственность идей, понятий, терминов и т. д. Что касается Маркса и Энгельса, то особенно в их ранних трудах эта преемственность проявляется, помимо всего остального, в гегелевской терминологии, в гегелевской манере выражения мысли. Одним из терминов, заимствованных Марксом и Энгельсом у Гегеля, который в свою очередь заимствовал его у более ранних мыслителей, был термин «гражданское общество». Маркс и Энгельс дали этому термину сперва новое содержание, а потом вовсе отказались от него, заменив его термином, более соответствующим содержанию — вместо «гражданского общества» они стали говорить об «экономическом базисе общества», или, что то же самое, об «экономическом строе общества» (об этом см. ниже).

Употребление Марксом и Энгельсом терминов, унаследованных от предшественников, объясняется не только тем, что в ряде случаев эти термины оказались вполне пригодными для выражения нового содержания (новых понятий), но и тем, что Маркс и Энгельс стремились изложить свою теорию на языке, понятном в условиях того времени, когда они приступили к своей научной деятельности. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс нередко одно и то же положение выражали дважды — в их новой терминологии и в старой, заведомо понятной немецкой публике.

Как известно, термин и понятие «производительные силы» во вполне зрелых произведениях Маркса и Энгельса включают в себя: 1) орудия и средства производства, 2) людей, с их способностью к труду, с их физическими и умственными способностями, знаниями, навыками, производящих жизненные средства.

В «Немецкой идеологии» этот термин означает, как правило, орудия и средства производства и лишь в редких случаях под ним подразумевается также и человек.

Что касается понятий «производительные силы» и «орудия производства», то и они находятся в «Немецкой идеологии» еще в процессе становления. «Орудия производства» — это инструменты, машины и т. д., словом все те более или менее развитые технические средства, при помощи которых человек воздействует на объекты труда. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс классифицируют «орудия производства» на «естественно возникшие» и на «созданные цивилизацией». Среди «естественно возникших орудий производства» упоминаются земля и вода, которые в более поздних произведениях вошли в другое, более общее понятие, обозначаемое термином «средства производства».

В отдельных случаях к орудиям производства причислялись и люди. Например, при характеристике «естественно возникших орудий производства» сказано, что люди «находятся рядом с самим имеющимся в наличии орудием производства в качестве орудий производства» [1].

Несмотря на относительную незрелость в «Немецкой

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 65.

идеологии» таких понятий, как «производительные силы» и «орудия производства», все же не трудно видеть, что их основное содержание уже вырисовывается достаточно ясно.

В «Немецкой идеологии» мы находим уже положение о том, что любой конкретный достигнутый уровень развития производительных сил характеризует отношения человека к природе и что историческая тенденция развития этих отношений заключается в том, что человек все в большей мере изменяет природу, подчиняет ее своим интересам, использует ее для удовлетворения своих потребностей. При этом Маркс и Энгельс показывают, что подчинение человеком природы представляет собой противоречивый процесс, на всех ступенях которого сохраняется (хотя и постоянно изменяется) также и зависимость человека от природы.

Исследуя общие закономерности развития способа производства, Маркс и Энгельс показывают, что с самого начала своего исторического существования люди не могут удовлетворять своих потребностей, будучи оторванными друг от друга. Их *отношения к природе* неизбежно порождают *отношения людей друг к другу,* и наоборот, отношения между людьми влияют на отношения людей к природе. Эти двоякого рода отношения возникают и развиваются *одновременно* как различные стороны материальной жизни, и во взаимозависимости этих сторон *в конечном итоге* определяющая роль принадлежит отношениям людей к природе (иными словами — развитию производительных сил). Первоначальные потребности и первоначальные средства их удовлетворения были примитивными и ограниченными, в дальнейшем развивались как потребности, так и способы и средства их удовлетворения. Аналогичная закономерность действует и в сфере отношений людей друг к другу. В «Немецкой идеологии» показано, что взаимоотношения людей характеризуются их большей или меньшей *широтой* (т. е. большим или меньшим *количеством* людей, объединенных теми или иными отношениями), а также большей или меньшей сложностью, многогранностью этих отношений.

Маркс и Энгельс отмечают в «Немецкой идеологии», что отношения между людьми, как и их отношения к

природе, с самого начала были двоякого рода — непосредственные и опосредствованные. Первый, непосредственный, тип взаимоотношений людей — это семейные, племенные и т. д., словом, родственные отношения. Второй, опосредствованный, тип отношений людей друг к другу — это отношения, связанные с производством средств к жизни.

«Итак, производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляются сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели» [1]. Из этих двух видов взаимоотношений (которые всегда существовали одновременно, не как ступени, а как стороны социальной деятельности) господствующими первоначально являлись семейные отношения, которые, однако, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождали новые общественные отношения, становились подчиненными. Ту же мысль развил и обосновал Ф. Энгельс много лет спустя — в произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Анализируя этот тип взаимоотношений между людьми, который исторически стал решающим фактором среди всей совокупности социальных отношений, Маркс и Энгельс приходят к характеристике *производственных отношений.*

Термин «производственные отношения» в «Немецкой идеологии» употребляется, но еще сравнительно редко, главным образом для обозначения отношений, существующих между людьми в непосредственной производственной деятельности, и не распространяется на отношения людей к орудиям и средствам производства и на отношения, складывающиеся в процессе распределения и обмена продуктов труда.

Довольно часто в «Немецкой идеологии» встречается двойной термин «отношения производства и общения»

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 28.

(«Produktions-und Verkehrsverhältnisse»), охватывающий всю совокупность экономических отношений. Еще чаще мы находим термины «общение» («Verkehr») и «отношения общения» («Verkehrsverhältnisse»), которые имеют очень широкое значение и охватывают всевозможные отношения между отдельными людьми, социальными группами, классами, нациями и странами. Но при этом всегда явствует из контекста, что решающим звеном, основной стороной в этой сложной системе взаимоотношений являются *материальные* отношения, существующие в процессе производства и обмена. Это материальное общение определяет политическое и культурное общение. Таким образом — термин «общение» охватывает производственные отношения, но кроме того и иные, производные от них, отношения. Для обозначения определенной, конкретной стадии, или ступени развития, совокупности этих отношений Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» употребляют термин «форма общения» («Verkehrsform»). Этот термин часто выражает понятие *базиса*. То же понятие, однако, содержится и в термине «гражданское общество». «Форма общения, на всех существовавших до сих пор исторических ступенях обусловливаемая производительными силами и в свою очередь их обусловливающая, есть *гражданское общество*» [1].

Но следует иметь в виду, что термин «форма общения» в «Немецкой идеологии» не всегда имеет *это* значение. Иногда этот термин обозначает какое-нибудь конкретное, более узкое понятие. Так, например, говорится, что «частная собственность есть форма общения, необходимая на известной ступени развития производительных сил» [2].

Прежде чем приступить к анализу вопроса о том, как в «Немецкой идеологии» характеризуется взаимосвязанность между производительными силами и производственными отношениями, необходимо остановиться еще на таких терминах, как «труд» и «разделение труда».

Термин «труд» имеет в «Немецкой идеологии» двоякое значение. Во-первых, в ряде случаев им обозначается очень широкий диапазон всевозможных форм человече-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 35.
[2] Там же, стр. 351.

ской деятельности — деятельность в сфере производства материальных благ, производство самого человека, деятельность в сфере торговли, в области политики и идеологии, в области художественного творчества и т. д.

Но в «Немецкой идеологии» есть такие места, чтение которых поначалу вызывает определенное недоумение. Речь идет о таких местах, где говорится о том, что одна из основных целей коммунистической революции — «уничтожить труд». Углубленное изучение таких мест убеждает, что термин «труд» употребляется там в особом смысле и противопоставляется другому понятию, которое обозначается термином «самодеятельность» («Selbstbetätigung»). Термин «самодеятельность» применяется в «Немецкой идеологии» для характеристики свободной, не вынужденной, деятельности в области материального и духовного творчества, для характеристики такой деятельности людей, которая проистекает из материальных и духовных потребностей человека, не ограничена прикованностью его к определенной профессии, принадлежностью к определенному классу, к определенной нации и т. д. Иными словами «самодеятельность», это — идеально свободная деятельность людей. *Такая* деятельность, как считали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», в полной мере возможна лишь при коммунизме, на базе высокого и всестороннего развития физических и умственных способностей людей, орудий и средств производства, находящихся в распоряжении этих людей, на основе полной свободы от социальных оков.

В противоположность «самодеятельности» термином «труд» обозначается в «Немецкой идеологии» всякая деятельность людей, *навязанная* им какими-то конкретными ограниченными экономическими, политическими и иными условиями и обстоятельствами. Сюда относится, прежде всего, всякая подневольная деятельность, например, производственная деятельность раба, крепостного, пролетария и т. д., но не только это. Недостаточное развитие орудий и средств производства, низкий уровень развития самих индивидов, ограниченность их физических и умственных способностей, прикованность человека к одной определенной профессии, будь это даже, к примеру, профессия художника,— все это обусловли-

вает наличие «труда», препятствует развитию «самодеятельности». «Уничтожение труда», следовательно, означает прежде всего уничтожение эксплуатации и подневольной деятельности человека.

О том, что выражение «уничтожение труда» в «Немецкой идеологии» не является случайным, свидетельствует, кроме всего остального, следующее место: «*Современное* государство, господство буржуазии, основано на *свободе труда*... вместе со свободой религии, государства, мышления и т. д... и *труда*,— освобождаюсь не Я, а лишь кто-то из моих поработителей. Свобода труда есть свободная конкуренция рабочих между собой... Труд *уже* стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» [1].

При изучении «Немецкой идеологии» необходимо также разобраться в термине «разделение труда» и в понятиях, обозначаемых этим термином.

Маркс и Энгельс пишут в «Немецкой идеологии», что люди не в состоянии обеспечить свое существование, удовлетворение своих потребностей, действуя в качестве разрозненных индивидов. Объективная необходимость совместной деятельности существует как в сфере производства самих людей, так и в сфере производства средств к жизни, в сфере политики, идеологии и т. д. Однако в этой необходимой совместной деятельности люди не могут выполнять тождественные функции в силу многих обстоятельств, среди которых важнейшими являются неодинаковые потребности, различные физические и умственные способности, неодинаковая доступность орудий и средств производства и неравенство социального положения людей.

Говоря о разделении труда, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» различают два его основных вида. Один из этих видов — «естественно возникшее разделение труда» — заключается в том, что специфический характер деятельности отдельных людей зависит от индивидуальных свойств каждого человека, например от его физических способностей, от его личных, специфических потребностей и т. д.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 192.

Второй и главный, решающий вид разделения труда выражается в распределении функций в зависимости от орудий и средств производства.

Если «естественно возникшее разделение труда» выражается, прежде всего и главным образом, в разделении функций между отдельными индивидами, то «порождаемое цивилизацией», зависящее от орудий и средств производства разделение труда означает разделение функций не только и не столько между индивидами, сколько между группами людей — между нациями, между отраслями производства, между различными подразделениями внутри отдельных отраслей и т. д.

Маркс и Энгельс формулируют очень важное положение о том, что «уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила,— поскольку это не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель),— влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда» [1]. В зависимости от развития производительных сил все более развивается и разделение труда.

До сих пор мы говорили только об одной стороне разделения труда — о *разделении функций* между отдельными индивидами и различными группами людей. Термин «разделение труда» во многих случаях употребляется в «Немецкой идеологии» именно в *таком* смысле.

Вместе с тем Маркс и Энгельс отмечают и некоторые другие стороны разделения труда. В частности, указывается, что разделение труда порождает *прикованность* людей на всю жизнь к одной определенной профессии.

«Дело в том,— пишут Маркс и Энгельс,— что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 20.
[2] Там же, стр. 31—32.

Далее, в «Немецкой идеологии» показано, что разделение труда означает наличие многогранных экономических отношений.

«Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» [1].

Из этой очень важной формулировки явствует, что «различные ступени в развитии разделения труда» представляют собой ступени развития *производственных отношений*.

Отсюда следует, что на разделении труда базируется возникновение и существование классов.

«Разделение труда уже с самого начала заключает в себе разделение *условий* труда, орудий труда и материалов, тем самым и раздробление накопленного капитала между различными собственниками, а тем самым и расщепление между капиталом и трудом, а также различные формы самой собственности» [2].

Маркс и Энгельс показывают, что разделение деятельности и ее продуктов, обусловленное разделением труда, является — как количественно, так и качественно — *неравным,* в силу чего «духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов» [3].

Разделение труда в этом смысле является основой противоречий между классами, между физическим и умственным трудом, между городом и деревней и т. д.

С точки зрения негосподствующих классов такое разделение труда становится отрицательным явлением, потому что в условиях, при которых «разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно,— собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» [4].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 20.
[2] Там же, стр. 66.
[3] Там же, стр. 31.
[4] Там же.

Теперь понятно, почему и в каком смысле в «Немецкой идеологии» неоднократно говорится о необходимости ликвидации разделения труда и о том, что при коммунизме не будет разделения труда.

Мы видели, что «разделение труда» в «Немецкой идеологии» не означает просто разделение функций; «разделение труда» — это прикованность человека к определенной форме деятельности, отсутствие свободного выбора занятий; это противоречие между трудом и капиталом, это — частная собственность. «Впрочем,— пишут Маркс и Энгельс,— разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности» [1].

Мы видели далее, что разделение труда рассматривается как основа противоречий между физическим и умственным трудом, между городом и деревней. Добавим к этому, что в «Немецкой идеологии» одна из сторон разделения труда (отделение умственного труда от физического) рассматривается как основа разрыва между действительностью и сознанием, основа идеалистического понимания истории и идеалистических взглядов вообще.

Когда Маркс и Энгельс говорят о необходимости ликвидации разделения труда, они подразумевают, следовательно, необходимость ликвидации прикованности человека к профессии, частной собственности на средства производства и соответствующих ей противоречивых производственных отношений, противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, между идеологией и действительностью. Наконец, говоря о необходимости ликвидации разделения труда, Маркс и Энгельс имеют в виду необходимость преодоления всякой односторонности в развитии человека, т. е. необходимость устранения даже такой прикованности к одной определенной форме деятельности, которая не навязана человеку внешними условиями, а избрана человеком «добровольно», причем, однако, этот

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 31.

«добровольный» выбор определяется узостью интересов, односторонностью потребностей, ограниченностью способностей.

Именно в этом смысле Маркс и Энгельс говорят, что «в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике,— как моей душе угодно,— не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком» [1].

В этой связи становится вполне понятным и следующее место из «Немецкой идеологии». Речь идет о художественном творчестве в условиях классового и коммунистического общества.

«Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда... Во всяком случае при коммунистической организации общества отпадает подчинение художника местной и национальной ограниченности, целиком вытекающее из разделения труда, а также замыкание художника в рамках какого-нибудь определенного искусства, благодаря чему он является исключительно живописцем, скульптором и т. д., так что уже одно название его деятельности достаточно ясно выражает ограниченность его профессионального развития и его зависимость от разделения труда. В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности» [2].

Следовательно, Маркс и Энгельс понимают здесь разделение труда как нечто такое, что ограничивает человека, делает его односторонним, не дает возможности для максимально многогранного развития каждого

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 32.
[2] Там же, стр. 393.

индивида. И отсюда они делают строго диалектический вывод, что эту прикованность, узость, односторонность следует устранить или иными словами — согласно тексту «Немецкой идеологии» — необходимо ликвидировать разделение труда.

При этом ясно, что Маркс и Энгельс нисколько не считают, что при коммунизме все люди будут заниматься всевозможными видами человеческой деятельности и что никто не может иметь определенного конкретного круга занятий. Речь идет только о том, что никакая деятельность не будет *навязана* человеку, а все виды деятельности будут выражением высоко и всесторонне развитых потребностей, интересов, склонностей и способностей.

Но все это означает и ликвидацию самого «труда», т. е. деятельности, которой человек занимается *по необходимости.* Вместо «труда» появляется «самодеятельность», т. е. деятельность, являющаяся для человека *потребностью.* Как известно, в более поздних произведениях Маркс и Энгельс уже не говорят о необходимости «ликвидации труда», а указывают, что в коммунистическом обществе труд превращается из необходимости в важнейшую потребность.

Выдвинув положение о необходимости ликвидации разделения труда (в том смысле, как об этом говорилось выше), Маркс и Энгельс показывают, что для этого требуются определенные материальные условия.

Разделение труда не возникло само по себе. Обусловившей его причиной явился определенный уровень развития производительных сил, от дальнейшего развития которых зависело в конечном счете и дальнейшее видоизменение разделения труда. Со временем, указывают Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», наступит возможность — и более того, необходимость — не нового, очередного видоизменения формы разделения труда, а устранения всякого разделения труда вообще, причем, еще раз подчеркиваем, именно в том специфическом смысле, в каком термин и понятие «разделение труда» употребляются в «Немецкой идеологии».

Маркс и Энгельс пишут, что «уничтожение разделения труда обусловливается развитием общения и производительных сил до такой универсальности, когда част-

ная собственность и разделение труда становятся для них оковами»[1].

И далее: «Уничтожение частной собственности и разделения труда есть вместе с тем объединение индивидов на созданной современными производительными силами и мировыми сношениями основе»[2].

* * *

В «Немецкой идеологии» складывается понятие общественно-экономических формаций, хотя соответствующий *термин* в этом произведении еще не существует. Маркс и Энгельс показывают, что в своем историческом развитии производительные силы проходят ряд стадий, каждая из которых порождает определенную «форму общения», форму разделения труда, иными словами — определенный конкретный тип экономических отношений, «форму собственности». Совокупность производительных сил на определенной стадии развития и соответствующие экономические отношения составляют материальную основу политических и идеологических сторон жизни общества, имеющих также определенный конкретный характер на каждой стадии общественной жизни.

В «Немецкой идеологии» характеризуются по существу четыре общественно-экономических формации.

Первая ступень развития общественной жизни называется «племенным строем», или «племенной собственностью». На этой стадии люди живут охотой и рыболовством, скотоводством, иногда и земледелием. Разделение труда еще мало развито. Частная собственность отсутствует. Общественная структура ограничивается расширением первоначальной семьи. Отдельные племена существуют почти изолированно, связь между ними осуществляется еще весьма слабо, в форме меновой торговли или же в форме вооруженных столкновений.

В качестве второй стадии развития общества в «Немецкой идеологии» рассматривается «античная собствен-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 441.
[2] Там же.

ность». Отдельные племена соединяются в города. Собственность существует здесь в форме общинной или государственной собственности (земля, рабы), но наряду с этим возникает и развивается частная движимая, затем и недвижимая собственность. Разделение труда имеет уже более развитый характер. Существует противоположность между городом и деревней, между физическим и умственным трудом. Общество уже состоит из классов — свободные граждане, рабовладельцы, с одной стороны, и рабы, с другой стороны. Государство представляет собой организацию рабовладельцев для подавления рабов.

Сущность третьей стадии развития общества определяется «феодальной или сословной собственностью». Основными отраслями производства являются земледелие, скотоводство (в деревне) и ремесло (в городах). Господствующему классу землевладельцев-феодалов противостоит порабощенный класс мелких крепостных крестьян. Кроме того, имеет место противоречие между феодалами, с одной стороны, и ремесленниками, с другой. В городах образовываются цехи как конкретная форма разделения труда между отдельными ремеслами. Но внутри каждого ремесла разделение труда отсутствует — каждый ремесленник должен уметь делать все, что полагается делать его орудиями труда. При дальнейшем развитии феодализма, по мере того как устанавливается экономическая связь между отдельными городами, возникает разделение труда между этими городами, в каждом из которых преобладает определенная особая отрасль ремесленного производства.

В недрах феодализма возникают элементы следующей ступени развития — буржуазного строя.

В условиях феодализма возникают общие интересы горожан, а вместе с тем и необходимость защищать эти интересы в борьбе с дворянством. В силу этого постепенно образуется класс горожан — буржуазия, которая постепенно поглощает все более или менее имущие слои городского населения.

Разделение отраслей ремесленного производства между определенными городами заложило основу возникновения мануфактур, т. е. «отраслей производства, пере-

росших рамки цехового строя» [1]. Возросшие потребности внутреннего и внешнего рынка, накопленные капиталы, приток населения из деревни в город, все это явилось основой дальнейшего развития мануфактуры. Далее Маркс и Энгельс отмечают ту чрезвычайно важную роль, которую в развитии общества играло появление машины. Они показывают, что «тот вид труда, который с самого начала был связан с машиной, хотя бы еще самой примитивной, обнаружил вскоре наибольшую способность к развитию» [2]. Поэтому именно ткачество, первая отрасль производства, в которой были применены машины, развивалось быстрее других отраслей мануфактурного производства.

Результатом возникновения мануфактуры явился новый тип производственных отношений. «В цехах между подмастерьями и мастером существовали патриархальные отношения; в мануфактуре же их сменили денежные отношения между рабочими и капиталистом» [3]. Мануфактура породила, с одной стороны, класс наемных рабочих, пролетариат, а с другой стороны, «торговля и мануфактура создали крупную буржуазию» [4].

Маркс и Энгельс показывают, далее, как вслед за мануфактурным периодом наступил период крупной машинной промышленности. Эта крупная промышленность породила широкое разделение труда, подчинила человека машине, превратила все отношения между людьми в денежные отношения. На базе развития крупной промышленности создался мировой рынок. Крупная промышленность «поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и... уничтожила прежнюю, естественно сложившуюся обособленность отдельных стран» [5].

В «Немецкой идеологии», таким образом, дана характеристика четырех общественно-экономических форма-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 54.
[2] Там же, стр. 55.
[3] Там же, стр. 56.
[4] Там же, стр. 57.
[5] Там же, стр. 60.

ций, показана историческая связь между ними, раскрыты в общих чертах особенности каждой формации.

* * *

Анализируя внутренние законы развития способов производства, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» показывают, что во всей истории развития общества существуют сложные диалектические взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями.

Под постоянным влиянием потребностей общества развиваются производительные силы. На каждой конкретной ступени развития этих производительных сил неизбежно, помимо воли людей, складывается определенный тип производственных отношений («форма общения»), содействующих дальнейшему развитию производительных сил. В дальнейшем новые производительные силы приходят в противоречие с производственными отношениями, которые сложились на базе прежних производительных сил. Существующий тип производственных отношений становится оковами для новых производительных сил.

Маркс и Энгельс раскрывают внутреннюю механику возникновения этого противоречия. В «Немецкой идеологии» говорится, что любая конкретная «форма общения», т. е. совокупность производственных, экономических отношений, является способом, формой управления производительными силами, формой их применения. На первых порах всякой формации эта совокупность производственных отношений обеспечивает людям господство,— хотя и исторически ограниченное и неполное,— над производительными силами. Производственные отношения являются «условиями самодеятельности индивидов», т. е. они обеспечивают определенную свободу действий людям, занятым производством. Каждая форма производственных отношений, таким образом, в пределах данного исторического периода, является совокупностью условий, при которых «определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней

связано; следовательно, они являются условиями самодеятельности этих индивидов, и создаются они этой их самодеятельностью»[1].

Маркс и Энгельс указывают далее, что развитие производительных сил (т. е., собственно говоря, орудий производства) на известном этапе выходит из-под контроля людей, существующие производственные отношения больше уже не дают возможности управлять этими новыми производительными силами. Перестав быть условиями самодеятельности для людей, они приобретают характер чего-то чуждого потребностям людей. Эти несоответствующие уровню производительных сил производственные отношения являются причиной того, что теперь и производительные силы выступают не как силы самих людей, а как нечто господствующее над ними. «Эти различные условия, которые сначала являлись условиями самодеятельности, а впоследствии оказались оковами ее, образуют на протяжении всего исторического развития связный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая,— соответствующая более развитым производительным силам, а значит и более прогрессивному виду самодеятельности индивидов»[2].

Но в чем же заключается суть установления новой «формы общения», т. е. нового типа производственных отношений? В том, что люди должны заново подчинить себе производительные силы, заново и по-новому «присвоить их». Именно это и происходило неоднократно в предшествующей истории. Однако никогда не было полного подчинения орудий производства людям, «все прежние революционные присвоения,— пишут Маркс и Энгельс,— были ограниченными; индивиды, самодеятельность которых была скована ограниченным орудием производства и ограниченным общением, присваивали себе это ограниченное орудие производства и приходили в силу этого только к новой ограниченности»[3].

Смена «форм общения», т. е. определенных совокупностей производственных отношений, рассматривается

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 72.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 68.

Марксом и Энгельсом как прогрессивный процесс, но каждая ступень этого процесса, представляя собой нечто более высокое по сравнению с предыдущей стадией, все же оказалась, в свою очередь, исторически ограниченной.

В «Немецкой идеологии» дается ответ на вопрос о том, почему производственные отношения в определенные конкретные периоды истории оказались консервативными, отстали от развития производительных сил, не изменялись постепенно, в соответствии с развитием производительных сил, почему их отставание привело к конфликту между производительными силами и производственными отношениями.

Дело в том, что в своей практической деятельности люди не выступают ни в качестве обособленных индивидов, ни в качестве единой массы, обладающей одними и теми же интересами. Общество на определенных ступенях развития делится на классы, у каждого из которых имеются свои материальные и иные интересы. История общества (на определенных ступенях развития) есть история столкновения классовых интересов, история классовой борьбы.

Определенные производственные отношения, т. е. «условия, при которых могут быть применены определенные производительные силы, являются условиями господства определенного класса общества, социальная власть которого, вытекающая из его имущественного положения, находит каждый раз свое *практически*-идеалистическое выражение в соответствующей государственной форме» [1].

Господствующий класс, который не мог бы существовать, если бы не было данных производственных отношений, кровно заинтересован в том, чтобы именно *эти* производственные отношения продолжали существовать. Поэтому он поддерживает, охраняет, закрепляет их всеми имеющимися в его распоряжении средствами. С другой стороны, негосподствующий, эксплуатируемый класс не может дальше жить при старых производственных отношениях. Для него, поэтому, жизненно важным вопросом является устранение старых экономиче-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 69.

ских порядков и установление новых, соответствующих его интересам, производственных отношений.

Таким образом, получается, что конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями находит свое выражение в столкновении классовых интересов.

Маркс и Энгельс показывают, что, начиная с возникновения частной собственности, общество всегда развивалось «в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом» [1].

Эта противоположность классовых интересов имеет место всегда (при эксплуататорском строе), включая и такие периоды, когда производственные отношения соответствуют уровню развития производительных сил. Но особую остроту она приобретает в тот период, когда существующие производственные отношения становятся оковами для дальнейшего развития производительных сил. Крайнее обострение классовых противоречий в такие периоды вызывает необходимость социальной революции. Маркс и Энгельс указывают в «Немецкой идеологии», что конфликт между производительными силами и производственными отношениями («формой общения»), который неоднократно имел место в предшествующей истории, должен был каждый раз «прорываться в виде революции» [2].

Поскольку революционное изменение существующих производственных отношений неизбежно связано с изменением политической и идеологической надстройки — «всякая революционная борьба направляется против класса, который господствовал до того» [3]. И поскольку революции решают конфликты, возникшие на базе несоответствия производственных отношений уровню производительных сил, то отсюда следует, что «революция является движущей силой истории» [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 433.
[2] Там же, стр. 75.
[3] Там же, стр. 69 — 70.
[4] Там же, стр. 37.

* * *

Установив, что социальные революции являются необходимой и неизбежной формой преодоления конфликта между производительными силами и производственными отношениями и что «все исторические коллизии... коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения» [1], Маркс и Энгельс обосновывают в «Немецкой идеологии» необходимость пролетарской революции.

Капиталистический строй породил массу высокоразвитых производительных сил, «для которых частная [собственность] стала такими же оковами, какими цеховой строй стал для мануфактуры, а мелкое деревенское производство — для развивающегося ремесла» [2].

При буржуазном строе, указывают Маркс и Энгельс, «все обусловленности, все односторонности индивидов слились в две простейшие формы — в частную собственность и труд» [3].

Будучи частной собственностью капиталистов, средства производства выступают как нечто господствующее над трудящимися, подавляющее их. «Единственная связь, в которой они [т. е. трудящиеся индивиды.— *А. У.*] еще находятся с производительными силами и со своим собственным существованием,— труд,— потеряла у них всякую видимость самодеятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее» [4].

Условия капиталистического строя породили класс, «который вынужден нести на себе все тяготы общества, не пользуясь его благами, который, будучи вытеснен из общества, неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем остальным классам; этот класс составляет большинство всех членов общества, и от него исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание, которое может, конечно,— благодаря пониманию положения этого класса,— образоваться и среди других классов» [5].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 74.
[2] Там же, стр. 60.
[3] Там же, стр. 66.
[4] Там же, стр. 67.
[5] Там же, стр. 69.

В «Немецкой идеологии» показано, что прежние революционные движения возглавлялись людьми, связанными с наиболее развитой формой производства. Эта закономерность сохраняет свою силу и в отношении пролетарской революции. При капитализме наиболее передовой формой производства является крупная промышленность, поэтому пролетариат, занятый в крупной промышленности, возглавляет социальную революцию, вовлекая за собой в общую борьбу остальные трудящиеся массы.

Изучая историю революций, Маркс и Энгельс устанавливают чрезвычайно важную закономерность, согласно которой каждая последующая революция была шире и глубже, чем предшествовавшая, устраняла те или иные противоречия в жизни общества, но каждый новый строй таил в себе новые противоречия, ведущие к еще более глубокому перевороту. Говоря словами «Немецкой идеологии», «основа, на которой каждый новый класс устанавливает свое господство, шире той основы, на которую опирался класс, господствовавший до него; зато впоследствии также и противоположность между негосподствующим классом и классом, достигшим господства, развивается тем острее и глубже. Оба эти обстоятельства приводят к тому, что борьба, которую негосподствующему классу предстоит вести против нового господствующего класса, направлена, в свою очередь, на более решительное, более радикальное отрицание предшествующего общественного строя, чем это могли сделать все прежние классы, добивавшиеся господства» [1].

При этом Маркс и Энгельс указывают, что все предшествующие революции свергали власть одного определенного класса и устанавливали власть другого класса, тогда как пролетарская революция «уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами» [2]. Конечной целью пролетарской революции является построение коммунистического общества.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 48.
[2] Там же, стр. 70.

Анализируя вопрос о том, каким образом может быть преодолен конфликт между производительными силами и производственными отношениями, сложившимися при капитализме, Маркс и Энгельс показывают, что трудящиеся должны присвоить существующую совокупность высокоразвитых производительных сил. Универсальный характер этих производительных сил, их связанность обусловливает необходимость их *коллективного* присвоения пролетариатом.

В результате такого присвоения средств производства совершается переворот в самой основе общества: материальные силы и отношения, ранее господствовавшие над людьми, подчиняются, как говорят Маркс и Энгельс, власти объединившихся индивидов.

Тем же индивидам подчиняются и новые, коллективные производственные отношения. Таким образом «*всесторонняя* зависимость, эта стихийно сложившаяся форма *всемирно-исторической* совместной деятельности индивидов, превращается благодаря коммунистической революции в контроль и сознательное господство над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до сих пор казались им совершенно чуждыми силами и в качестве таковых господствовали над ними» [1].

Производительные силы, подчиненные коллективной власти людей, используются при коммунизме для максимального удовлетворения потребностей людей. Коммунисты «стремятся только к такой организации производства и общения, которая сделала бы для них возможным нормальное, т. е. ограниченное лишь самими потребностями, удовлетворение всех потребностей» [2].

Далее Маркс и Энгельс указывают, что потребности и желания людей при коммунизме изменяются. Одни потребности, именно те, которые существуют при всяких условиях и лишь видоизменяются конкретными общественными отношениями, подвергаются и при коммунизме изменению и им обеспечивается возможность нормального развития. Другие же потребности, которые являются порождением определенных ограниченных общественных

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 36.

[2] Там же, стр. 246, сноска.

условий, исчезнут при коммунизме, поскольку перестанут существовать породившие и поддерживающие их основы.

Маркс и Энгельс показывают в «Немецкой идеологии», что степень возможности удовлетворения потребностей есть в то же самое время степень развития человека и степень его свободы.

В «Немецкой идеологии» вообще уделяется много внимания вопросу о развитии человека. Маркс и Энгельс приходят к выводу, что та или иная ступень развития зависит не только и не главным образом от субъективных желаний людей — быть развитыми или нет. Развитие людей всегда зависит от объективных условий, которые прямо или косвенно определяют степень развития на каждом конкретном этапе жизни общества. В действительной истории люди были всегда связаны с материальными условиями их жизни, они были связаны друг с другом, потому что «их *потребности,* т. е. их природа и способ их удовлетворения, связывали их друг с другом... им *необходимо было* вступать во взаимоотношения друг с другом» [1]. Эти взаимоотношения складывались на базе имеющихся производительных сил. Развитие каждого индивида всегда зависело от развития всех других индивидов, и все это зависело от способа производства.

Свобода развития, т. е. не такое развитие, которое ни от чего не зависит (такая свобода может существовать только в абстрактных представлениях идеалистов), а такое развитие, при котором человек сознательно использует и видоизменяет материальные факторы, от которых зависит его жизнь,— такое развитие в прошлом имело место лишь в узких пределах, хотя эти пределы исторически изменялись, расширялись.

Маркс и Энгельс показывают, что «люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им и допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами» [2].

Далее показывается, что в основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали ограниченные производительные силы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 439.
[2] Там же, стр. 433.

Недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие людей лишь в том смысле, что одни люди (принадлежащие к господствующему классу) удовлетворяли свои потребности за счет других, причем первые всегда составляли меньшинство. Для этого меньшинства установилась монополия развития, а большинство было лишено возможности развития. Этим противоречием всегда был обусловлен «ненормальный», «нечеловеческий» способ удовлетворения угнетенным классом своих потребностей, а с другой стороны, и ограниченность развития господствующего класса. «Эта ограниченность развития состоит, таким образом, не только в том, что один класс отстраняется от развития, но и в умственной ограниченности того класса, который производит это отстранение» [1].

Поскольку факторы, определяющие возможность развития человека, на протяжении определенного исторического периода не подчиняются человеческой воле, и поскольку законы действия этих факторов определенного времени не познаны, то они воспринимаются как случайные, чуждые, чисто внешние силы и отношения, о которых люди не знают, откуда они происходят и куда ведут.

При капитализме это «господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму», и отсюда с необходимостью вытекает историческая задача — «вместо господства отношений и случайности над индивидами, установить господство индивидов над случайностью и отношениями» [2].

Решение этой задачи достигается не разрозненными усилиями отдельных индивидов, а только посредством коллективной, целенаправленной деятельности. «Только в коллективе,— пишут Маркс и Энгельс,— индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» [3].

Но в данном случае речь идет не о *всяком* коллективе. Маркс и Энгельс показывают, как уже было отме-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 433.
[2] Там же, стр. 440.
[3] Там же, стр. 75.

чено, что люди всегда были неизбежно, независимо от их воли, связаны друг с другом, действовали сообща как члены определенных групп (семья, племя, сословие, класс). *Такое* объединение (отнюдь не произвольное) было лишь соглашением «насчет тех условий, в рамках которых индивиды получали затем возможность использовать случайность в своих интересах. Это право беспрепятственно пользоваться, в рамках известных условий, случайностью называли до сих пор личной свободой»[1].

Такого рода связи между людьми Маркс и Энгельс называют суррогатами коллективности. При этом общественные отношения, в которые вступали индивиды какого-нибудь класса и которые обусловливались их общими интересами против какого-либо другого класса, составляли всегда такую «коллективность», к которой индивиды принадлежали лишь как средние индивиды, как члены класса. В таких «суррогатах коллективности» люди были ограничены классовыми рамками, у них не было возможности полного развития даже в таком случае, когда они принадлежали к господствующему классу, не говоря уже об угнетенных классах. Только в таких условиях, когда не будет классов с их экономической, политической и идеологической ограниченностью, люди смогут действовать и относиться друг к другу как свободные личности.

В «Немецкой идеологии», таким образом, дается глубокое решение вопроса о взаимоотношениях между личными и общественными интересами людей. В классовом обществе существуют сложные отношения между этими интересами. С одной стороны, люди имеют свои индивидуальные потребности и порожденные ими личные интересы. Но поскольку они не могут существовать оторванно друг от друга, они неизбежно являются членами того или иного класса и им необходимо соблюдать классовые интересы. Общность классовых интересов не исключает конкуренции и противоречий между отдельными членами одного и того же класса. Общность классовых интересов не исключает также противоречий между отдельными группами внутри класса и противоречий между членами

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 76.

класса, с одной стороны, и классом как чем-то целостным, с другой стороны. Это объясняется тем, что условия существования класса, с одной стороны, являются условиями удовлетворения потребностей всех членов класса, но те же условия лимитируют свободу каждого члена класса. Эти внутриклассовые противоречия, однако, всегда играют второстепенную роль по сравнению с противоречиями между господствующим и угнетенным классом. Буржуа и пролетарии противостоят друг другу как индивиды и как члены антагонистических классов. Противоречия между интересами индивидов одного класса и интересами другого класса являются наиболее острыми противоречиями индивидуального и общественного.

Все эти противоречия преодолеваются и ликвидируются в процессе коммунистического преобразования общества. Происходит это не потому, что люди «забывают» свои индивидуальные интересы, «отказываются» от них, находят высшее удовлетворение в «самопожертвовании» или заранее воспитывают в себе какую-то «всеобщую любовь» ко всем остальным индивидам, а потому, что (на базе очень высокого развития производительных сил и подчинения этих сил коллективной власти всех членов общества) перед каждым человеком открываются практически безграничные реальные возможности удовлетворения всех своих нормальных материальных и культурных потребностей. Ни у кого не будет необходимости отказаться от удовлетворения своих нормальных потребностей в интересах других индивидов или в интересах общества, потому что ни интересы других индивидов, ни интересы целого общества этого не требуют. Следовательно, исчезнет реальная основа каких бы то ни было противоречий между личными и общественными интересами, а на этой базе исчезнут и сами эти противоречия.

* * *

В «Немецкой идеологии» глубоко разработана проблема диалектической взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания.

Прежде всего, Маркс и Энгельс подчеркивают свою общегносеологическую установку, согласно которой со-

знание является отражением материального, объективного мира.

Единственный дух, который существует действительно, это дух действительных, реально существующих людей. Реальным содержанием этого духа являются представления людей о природе (или о своих отношениях к природе), об обществе (или о своих отношениях друг к другу) или о самих себе. Эти представления могут быть относительно полными или неполными, правильными или неправильными, но они без всякого исключения являются вторичными по отношению к действительности. Это и выражается в самой общей форме в положениях о том, что «сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [1].

Поскольку реальный процесс жизни людей не представляет собой нечто неизменное, а постоянно развивается, то отсюда следует, что и сознание претерпевает изменения, развивается в зависимости от реальной жизни. И поскольку в этой реальной жизни в конечном итоге решающую роль играет способ производства материальных благ, то уровень сознания на каждой конкретной ступени его развития в конечном счете определяется уровнем способа производства. Иными словами, «люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления» [2].

В «Немецкой идеологии» показывается, что процесс производства и человеческое сознание родились одновременно. Люди не только объективно начали отличаться от животных, но и начали субъективно отличать себя от животного мира, как только они начали производить необходимые средства к жизни.

Сознание на очень ранней ступени развития человека было, как показывают Маркс и Энгельс, непосредственно связано с материальным производством. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 25.
[2] Там же.

материальное общение людей, в язык реальной жизни» [1]. Поскольку производство всегда представляет собой общественный процесс и поскольку человеческое сознание с самого начала человеческой истории переплетается с материальным производством, то отсюда следует, что сознание есть общественное явление.

На ранней стадии развития человеческого общества производительные силы, производственные отношения и сам процесс производства являются еще весьма примитивными, несложными, взаимоотношения людей ограничены рамками небольших общественных образований (семья, род, племя). Поэтому, естественно, общественное поле зрения человека на той стадии является еще очень узким. Действительное духовное богатство индивида, как подчеркивают Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», всецело зависит от богатства его действительных отношений. А поскольку первоначальные действительные отношения являются весьма небогатыми, то отсюда вытекает, что и первоначальное сознание должно быть очень ограниченным. «Сознание,— пишут Маркс и Энгельс,— конечно, есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида» [2].

Но не только узость поля зрения является характерной для первоначального сознания. Столь же характерно и то, что в силу неразвитости производства человек еще почти полностью подчиняется природе, которая господствует над ним как чуждая, всемогущая и неприступная власть. Отсюда проистекают первоначальные религиозные представления первобытного человека — обожествление природы. Следовательно, ограниченность сознания на этом этапе развития выражается не только в неполноте знаний, но и в том, что эти неполные знания в определенной области являются искаженными. В этой частичной искаженности представлений заключаются первоначальные гносеологические корни идеализма.

Маркс и Энгельс показывают в «Немецкой идеологии», что разделение труда, возникшее как необходимый

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 24.
[2] Там же, стр. 29.

результат развития производительных сил, уже на ранней стадии развития общества приводит к отделению умственного труда от физического. Это происходит при возникновении классового общества. Умственная, духовная деятельность становится главной или даже исключительной формой деятельности определенных кругов людей (философы, жрецы и т. д.), принадлежащих к господствующему классу.

«С этого момента,— пишут Маркс и Энгельс,— сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного,— с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» [1].

Это положение Маркса и Энгельса раскрывает весьма важные истоки идеализма. Определенная группа людей в действительности оторвана от материальной деятельности, от производства. Ей нет необходимости участвовать в производстве материальных благ, потому что ее материальные потребности удовлетворяются за счет труда других групп людей (эксплуатируемого класса). Оторванность от главного источника знаний, от сферы, в которой первичность действительности, вторичность сознания очевидны и, собственно, не нуждаются в доказательствах, эта оторванность обусловливает возможность идеалистических представлений. Но классовые корни идеализма раскрываются здесь еще не в полном объеме. Дело в том, что до сих пор речь шла лишь о таких неверных представлениях, которые могут быть просто ошибками, но не содержат элементов сознательной, преднамеренной фальсификации. До поры до времени фактически существующее противоречие между неправильными представлениями и действительностью не обнаруживается людьми, оно остается непознанным. Маркс и Энгельс показывают, что определенные идеи, представления и т. д. (как верные, так и неверные) оцениваются людьми как «нормальные», естественные, истинные до тех пор, пока нет конфликта между производительными силами и производ-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 30.

ственными отношениями. Но по мере того, как созревает этот неизбежный (в условиях классового общества) конфликт, обнаруживается и противоречие между определенными представлениями и действительностью. Следовательно, если «теория, теология, философия, мораль и т. д. вступают в противоречие с существующими отношениями, то это может происходить лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующей производительной силой» [1]. И именно в такие периоды обнажаются в полной мере классовые корни и классовый характер идеализма, обнаруживаются не только идеологические *ошибки* и иллюзии, обусловленные классовым положением идеологов, но и сознательное лицемерие со стороны представителей господствующего класса, сознательная фальсификация идей.

Идеология, господствующая в любой данный период развития классового общества, есть идеология господствующего класса. Но эта идеология существует не только и не столько для «внутреннего употребления» среди членов господствующего класса, а играет роль духовного орудия господства этого класса, будучи одной из составных частей надстройки в условиях данного классового общества. В качестве такого фактора господствующая идеология должна придавать себе «всеобщий характер», иными словами, она должна стремиться господствовать и в умах негосподствующих классов. Маркс и Энгельс показывают, что в начальный период существования формации эта «всеобщность» господствующей идеологии достигается фактически. И это потому, что интересы господствующего класса, только что пришедшего к власти, сначала действительно (хотя и неполностью) совпадают с интересами остальных, негосподствующих классов, за исключением бывшего господствующего класса. Маркс и Энгельс показывают, что на таких ступенях развития общества, когда господствовал один класс и условия жизни индивидов, принадлежащих к этому классу, совпадали с условиями жизни данного класса, «практическая задача всякого вновь восходящего класса должна была казаться каждому его отдельному члену *всеобщей* зада-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 30.

чей и когда каждый класс действительно мог ниспровергнуть своего предшественника не иначе, как освободив индивидов *всех* классов от отдельных оков, связывавших их до тех пор,— при таких обстоятельствах было необходимо, чтобы задача отдельных членов стремящегося к господству класса изображалась как общечеловеческая задача»[1].

Например, в период созревания и проведения буржуазной революции интересы всех нефеодальных классов и слоев общества совпадали с интересами революционной буржуазии, поскольку, во-первых, все эти классы и слои были заинтересованы в свержении феодальных порядков и поскольку, во-вторых, новый, буржуазный строй давал возможность некоторым элементам из небуржуазных классов и слоев подняться в ряды буржуазии. Именно этим и объясняется, что идеи, провозглашенные идеологами буржуазии, воспринимались и небуржуазными массами как идеи, соответствующие «человеческой сущности» вообще, как нечто воплощающее содержание разума вообще, как выражение «нормального здравого смысла» и т. д. Но буржуазный строй с самого начала содержал в себе противоречия. Они вначале оставались почти незаметными, но постепенно углублялись и обнажались все больше и больше. Идеи, которые вначале отчасти действительно были «всеобщими» и воспринимались таковыми, теперь уже фактически потеряли эту «всеобщность» и отражали только интересы одного, господствующего класса — буржуазии, потерявшей всю свою былую революционность. В сознании негосподствующих классов, и прежде всего в сознании пролетариата, все более созревает понимание, что господствующие буржуазные идеи не соответствуют действительному положению вещей. Это признается и отдельными наиболее честными и искренними представителями самой буржуазии, тогда как огромное большинство буржуазии и все ее идеологи, сохранившие верность своему классу, стремятся вопреки истине доказывать, что это противоречие не существует, что буржуазные идеи по-прежнему являются единственными разумными идеями, буржуазная мораль единственной «естественной» моралью и т. д. Здесь буржуазия

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 280.

и ее идеологи уже не могут обойтись без лицемерия, обмана, фальсификации.

Чем больше, указывают Маркс и Энгельс, лживость идей господствующего класса разоблачается жизнью, «тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества» [1].

В «Немецкой идеологии» раскрыты также причины возникновения и развития революционной идеологии. Тот же конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, который обнажает несостоятельность, иллюзорность и лживость политических, правовых, религиозных, этических, философских и других идей господствующего класса, порождает и новые, более прогрессивные идеи, соответствующие новой действительности. Конфликт между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями находит себе выражение (помимо всего остального) в том, что условия жизни для эксплуатируемого класса становятся невыносимыми. Это и вынуждает эксплуатируемый класс восстать против господствующих условий жизни, а вместе с тем и против господствующего класса. Революция созревает в действительности, и это приводит к возникновению и развитию революционных идей. Таким образом, «существование революционных мыслей в определенную эпоху уже предполагает существование революционного класса» [2].

Революционные идеи формулируются, разрабатываются, выдвигаются отдельными идеологами революционного класса и поэтому могут восприниматься как «чистые идеи», как субъективное творчество идеологов, если не учитывать той конкретной обстановки, в которой они возникли.

Маркс и Энгельс, критикуя немецких «истинных социалистов», показывают, как среди немецких литераторов возникла подобная иллюзия при чтении произведений французских и английских утопических социалистов и коммунистов. Немецкие «истинные социалисты» считали, что в произведениях этих авторов слишком много внима-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 284.
[2] Там же, стр. 46—47.

ния уделяется «грубой материи» и что в них слишком мало «науки» и «философии». Исходя из этого, «истинные социалисты» стремились преобразовать теории утопического социализма и коммунизма в духе немецкой философии, прежде всего в духе Гегеля и социологических взглядов Фейербаха. В «Немецкой идеологии» показано, что немецкая идеалистическая философия мешала «истинным социалистам» видеть, что в основе французского и английского утопического социализма и коммунизма «лежат практические потребности, лежит совокупность условий жизни определенного класса в определенных странах» [1]. Кроме того, «истинные социалисты» были не представителями пролетариата, а представителями немецкой мелкой буржуазии. Действительная среда, в которой они жили, следовательно, так же препятствовала им понять подлинный смысл и значение идей утопического социализма и коммунизма.

Здесь Маркс и Энгельс раскрывают очень важную закономерность, которая заключается в том, что новые идеи, возникшие в одной стране, в одних конкретных условиях, не могут без труда и без искажений распространяться в других странах, где реальные условия еще недостаточно созрели для правильного понимания этих идей.

Характерно, что в «Немецкой идеологии» очень много внимания уделяется вопросу о первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания, и значительно меньше отводится места для анализа обратного влияния общественного сознания на общественное бытие. Это, однако, нисколько не означает, будто Маркс и Энгельс не придавали должного значения этой стороне вопроса. Некоторая кажущаяся «непропорциональность» объясняется, прежде всего, тем, что Маркс и Энгельс вели в этом произведении борьбу против многих разновидностей идеализма и всесторонне обосновали основные принципы *материалистического* понимания истории, особенно настойчиво подчеркивали необходимость революционного преобразования действительности. Для Маркса и Энгельса важно было, прежде всего, разбить господствующую иллюзию, будто идеи определяют ход исто-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 457.

рии. Необходимо было также показать несостоятельность таких взглядов, согласно которым пролетарии должны прежде всего изменить самих себя и лишь после этого приступить к изменению общества. Критикуя Штирнера, который утверждал, что общество не может обновиться, пока те люди, из которых оно состоит, остаются прежними, Маркс и Энгельс показывают, что пролетарии «хорошо знают, что лишь при изменившихся обстоятельствах они перестанут быть «прежними», и поэтому они проникнуты решимостью при первой же возможности изменить эти обстоятельства. В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств» [1].

Здесь, таким образом, подчеркивается, что пролетарская революция не только разрушает старые экономические и политические порядки, старую идеологию (т. е. апологию этих порядков), но и создает как новые экономические и политические отношения, так и новую идеологию, новый духовный облик революционного класса. Эта идея еще более рельефно выражена в том месте «Немецкой идеологии», где говорится, что «как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, *в революции;* следовательно революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» [2].

* * *

Мы затронули лишь некоторые вопросы исторического материализма, разработанные Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии». В этом произведении отражен большой участок того революционного переворота в философии и социологии, который совершали тогда Маркс и Энгельс. Для всех, кто хочет получить ясную картину генезиса марксизма, изучение «Немецкой идео-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 201.
[2] Там же, стр. 70.

логии» представляет большой интерес. Было бы, однако, большой ошибкой полагать, что «Немецкая идеология» имеет ценность только для изучения истории возникновения марксизма. Это произведение, как и все остальные труды Маркса и Энгельса, имеет громадное значение как один из первоисточников вечно живой революционной теории научного коммунизма. Конечно, никогда не следует упускать из виду, что теоретический *язык* «Немецкой идеологии» часто существенно отличается от той формы, в которой Маркс и Энгельс излагали свои взгляды в более поздних произведениях, начиная с «Манифеста Коммунистической партии». К теоретическим положениям классиков марксизма-ленинизма вообще нельзя относиться догматически. Тем более это необходимо иметь в виду при изучении «Немецкой идеологии». Нельзя догматизировать и канонизировать ее отдельные формулировки и положения, не следует оперировать ими как совершенно готовыми формулами, противопоставляя их теоретическим положениям из других произведений или не учитывая тех изменений, которые претерпевали взгляды Маркса и Энгельса по отдельным конкретным проблемам впоследствии. «Немецкую идеологию» надо читать в известном смысле критически, причем основой такого критического подхода, естественно, должен служить тот дух зрелого марксизма, который составляет содержание «Манифеста Коммунистической партии», «Капитала», «Анти-Дюринга», «Людвига Фейербаха» и других произведений Маркса и Энгельса, «Материализма и эмпириокритицизма», «Государства и революции» и других бессмертных произведений В. И. Ленина, которые представляют собой новый этап в творческом развитии марксизма. Критерием оценки «Немецкой идеологии» должны служить, конечно, и те действительные процессы исторического развития общества, которые имели место за весь больше чем столетний промежуток времени, истекший с тех пор, когда было написано это произведение. И при таком подходе к «Немецкой идеологии» не подлежит сомнению, что великое испытание времени блестяще выдержали почти все основные концепции и положения этого труда.

*Г. А. БАГАТУРИЯ*

# К ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ, ОПУБЛИКОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ «НЕМЕЦКОЙ ИДЕОЛОГИИ» МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

«Немецкая идеология» — крупнейшее произведение раннего марксизма. По объему она уступает только «Капиталу»; по богатству содержания — это одна из самых выдающихся работ Маркса и Энгельса. В ней Маркс и Энгельс впервые всесторонне разработали свое новое мировоззрение — материалистическое понимание истории. Работа над «Немецкой идеологией» явилась решающим этапом в формировании марксизма. Естественно, что история такого произведения не может не представлять интереса не только для историка марксизма, но и для самого широкого круга читателей.

Изучение истории «Немецкой идеологии» остается до сих пор одной из нерешенных и актуальных задач истории формирования марксизма. В то же время это одна из трудных задач. Трудности заключаются в том, что хотя и имеются десятки фактов, прямо относящихся к истории «Немецкой идеологии», все же их сплошь да рядом бывает недостаточно для воспроизведения цельной картины. Кроме того, доступный фактический материал почти не обработан; по истории написания, опубликования и исследования «Немецкой идеологии» нет ни одной специальной работы.

Источники для исследования истории «Немецкой идеологии» немногочисленны. К ним относятся: 1) фотокопия рукописи «Немецкой идеологии», хранящаяся в архиве Института марксизма-ленинизма (ИМЛ); 2) переписка Маркса и Энгельса между собой и с третьими лицами, пе-

реписка третьих лиц; особенно важны письма за период 1844—1847 годов; из писем третьих лиц наибольшую ценность имеет переписка Вейдемейера, а также Гесса; неопубликованные письма хранятся в архиве ИМЛ; 3) свидетельства Маркса и Энгельса после 1847 года; 4) соответствующие книги, журналы и газеты, главным образом за период 1844—1847 годов; 5) другие архивные и печатные материалы. Часть указанного материала уже подверглась обработке в литературе о «Немецкой идеологии», и положительные результаты этой уже проделанной работы нельзя не учитывать.

* * *

Предыстория «Немецкой идеологии» относится к концу 1844 — началу 1845 г., от завершения работы над «Святым семейством» в ноябре 1844 г. до приезда Энгельса к Марксу в Брюссель в апреле 1845 года.

Максимально широкие хронологические рамки непосредственной работы по написанию «Немецкой идеологии» охватывают время в два года — от весны 1845 до весны 1847 г., от наброска «Тезисов о Фейербахе» Маркса и приезда Энгельса в Брюссель в апреле 1845 г. до написания Энгельсом работы «Истинные социалисты» в январе — апреле 1847 года. Основная работа по созданию «Немецкой идеологии» была проделана осенью 1845— весной 1846 года.

Первые попытки авторов найти издателя для «Немецкой идеологии» относятся, возможно, к октябрю 1845, во всяком случае,— к маю 1846 г. и заканчиваются 1847 годом. Мысль об издании «Немецкой идеологии» была у Энгельса и в 1883 г., после смерти Маркса. История публикации «Немецкой идеологии» после смерти Энгельса насчитывает более 60 лет.

Высказывания Маркса и Энгельса, дающие исходный пункт и основу для изучения «Немецкой идеологии», появляются в печати с 1847 года. Знакомство немецких социал-демократов с этим произведением и его оценка начинаются с 1895 года. В советский период, когда «Немецкая идеология» переживает свое второе рождение и развивается ее действительное научное исследование, особенно выделяются статьи 30-х и диссертации 50-х годов.

Наметив таким образом периодизацию истории «Немецкой идеологии», следует перейти к более подробному рассмотрению этой истории.

* * *

В 1844 г. Маркс и Энгельс окончательно совершили переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Необходимо было с этих новых теоретических позиций разгромить распространенную в Германии идеологию младогегельянцев и расчистить почву для развития и пропаганды коммунистических взглядов,— такова была цель, определившая содержание и форму первого большого совместного произведения Маркса и Энгельса «Святое семейство». Написанное в Париже в сентябре 1844 г. предисловие к «Святому семейству» заканчивалось словами:

«Мы предпосылаем поэтому предлагаемую полемическую работу нашим самостоятельным произведениям, в которых мы изложим — разумеется, каждый из нас в отдельности — наши положительные взгляды и вместе с тем нашу положительную точку зрения по отношению к новейшим философским и социальным доктринам» [1].

Здесь уже содержится впервые высказанная идея произведения, аналогичного «Немецкой идеологии», в которой общее введение («Фейербах») содержит «положительные взгляды» авторов, I том — критику «новейших философских доктрин», а II том — критику «новейших социальных доктрин».

Уже во время работы над «Святым семейством» (сентябрь — ноябрь 1844 г.) для Маркса и Энгельса была ясна необходимость развить свои взгляды в ряде крупных произведений. В начале октября 1844 г. Энгельс в письме Марксу, сообщая об успехах и трудностях коммунистической пропаганды в Рейнской провинции, писал: «Пока наши принципы не будут развиты — в двух-трех книгах — и не будут выведены, логически и исторически, из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, вся эта

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 8.

работа останется половинчатой, и большинство наших будет блуждать, как в темноте»[1].

Та же мысль развивается и в письме Энгельса Марксу 20 января 1845 года: «Что теперь нам более всего нужно, так это несколько крупных работ, которые создали бы опорный пункт для всех полузнаек, охотно желавших бы, но не умеющих справиться с задачей»[2].

Первой такой работой было «Святое семейство», второй — «Положение рабочего класса в Англии», третьей — «Немецкая идеология».

Основную часть текста «Немецкой идеологии» составляет критика книги Штирнера «Единственный и его собственность». Естественно предположить, что появление этой книги послужило первым поводом для замысла направленной против Штирнера работы, которая со временем разрослась в грандиозный двухтомный труд, направленный против всей младогегельянской философии и против «истинного социализма». Это предположение подтверждается свидетельством жены Маркса — Женни Маркс — в ее воспоминаниях «Беглый очерк беспокойной жизни», которые были впервые опубликованы в 1956 году. Женни Маркс пишет о событиях 1845 года: «Энгельс в течение лета работал с Карлом над критикой немецкой философии — внешним толчком к этому послужило появление книги «Единственный и его собственность». Результатом этой работы явился обширный труд, который должен был выйти в Вестфалии»[3].

Книга Штирнера появилась в ноябре 1844 года[4]. Уже 19 ноября Энгельс в письме Марксу подробно излагает свои первые впечатления от книги[5]. После ответа Маркса, ознакомившегося с книгой не позже декабря, Энгельс изменил свое первоначальное мнение и в письме 20 января 1845 г. выразил полное согласие с точкой зрения Маркса:

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 1.

[2] Там же, стр. 10.

[3] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 224—225.

[4] Об исторической обстановке, в которой появилась книга Штирнера, см. статью Ф. Энгельса «О лозунге отмены государства и немецких «друзьях анархии»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 441—445).

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 6—8.

«Что касается Штирнера, то я с тобою совершенно согласен. Когда я писал тебе о нем, я находился еще слишком под непосредственным впечатлением книги, а с тех пор как я отложил ее и больше обдумал, я прихожу к тем же выводам, что и ты»[1].

Таким образом, к началу 1845 года у Маркса и Энгельса сложилось полное единство взглядов по вопросу об оценке книги Штирнера.

Еще в декабре 1844 г. Маркс собирался написать статью против Штирнера. От этого времени сохранилось письмо Маркса редактору парижской немецкой газеты «Vorwärts!» Г. Бёрнштейну, в котором Маркс сообщал: «Я не смогу прислать Вам критику Штирнера раньше следующей недели, поэтому сдайте номер в набор без моего очерка... Мою статью Вы получите на следующей неделе»[2]. Статья о Штирнере в газете «Vorwärts!» не появилась. Была ли она написана — неизвестно.

Таким образом, к концу 1844 года у Маркса уже было намерение выступить с критикой книги Штирнера.

Замысел «Немецкой идеологии», согласно свидетельству самих авторов, относится к весне 1845 г., когда вслед за высланным из Парижа Марксом в Брюссель переселился Энгельс. К этому времени и Маркс и Энгельс пришли, хотя и разными путями, к одному результату — материалистическому пониманию истории. Широко известно то место в предисловии Маркса к его изданной в 1859 г. работе «К критике политической экономии», в котором кратко излагается история замысла, написания и попытки опубликования «Немецкой идеологии». Рассказав читателям о своей идейной эволюции и сообщив о приезде Энгельса в Брюссель, Маркс продолжает:

«Мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 9.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 4.

когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — выяснение дела самим себе — была достигнута» [1].

Весной 1845 г. Маркс составил свои бессмертные «Тезисы о Фейербахе» — этот, по характеристике Энгельса, «первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» [2], т. е. материалистического понимания истории. Тогда же, весной 1845 г., была задумана «Немецкая идеология». Возникает вопрос о связи этих двух произведений. Анализ «Немецкой идеологии» показывает, что там в различных местах развиваются основные идеи тезисов, причем формулировки этих идей очень близки даже текстуально. Кроме того, в записной книжке Маркса с текстом тезисов последние имеют заголовок: «1) ad Feuerbach», т. е. «1) к Фейербаху»; первая глава «Немецкой идеологии» имеет заголовок: «Фейербах». «Тезисы о Фейербахе» и «Немецкая идеология» связаны не только по времени и по содержанию, но и генетически; в «Тезисах» были сформулированы идеи, которые подлежали разработке в «Немецкой идеологии» и прежде всего в ее первой главе — в общем введении ко всей работе. Если «Тезисы о Фейербахе» — первый набросок, то «Немецкая идеология» — первая всесторонняя разработка нового мировоззрения.

* * *

Об истории написания «Немецкой идеологии» можно судить прежде всего по рукописи произведения. Начнем поэтому с проблемы рукописи.

Дошедшая до нас рукопись «Немецкой идеологии» имеет две существенные особенности. Во-первых, вся рукопись в целом не может считаться ни первоначальной, ни окончательной. Во-вторых, в рукописи отсутствуют отдельные страницы и целые главы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 323.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 340.

Рукопись не может быть первоначальной потому, что отдельные части ее переписаны, и это привело к нарушению нумерации страниц. Кроме того, в письме Вейдемейера Марксу от 30 апреля 1846 г. прямо сказано, что «целиком переписанные части являются лучше всего написанными» [1].

С другой стороны, рукопись не является и окончательной. Если взять крайний случай — главу «Фейербах»,— то даже готовая ее часть ни в коем случае не предназначалась для печати и представляет собой первоначальный или один из первоначальных вариантов, подлежавший коренной переработке. Возможно, что эта часть даже не была послана в Вестфалию.

Если дошедшая до нас рукопись не является первоначальной, то особенности более ранних стадий работы могли бесследно исчезнуть. С другой стороны, если дошедшая до нас рукопись не является окончательной, то возникает интересный вопрос: что было послано в Вестфалию, та ли рукопись, которую мы имеем, или другая, более отделанная? В нашем распоряжении есть, к сожалению, только один материал для суждения по данному вопросу: сравнение наличной рукописи четвертой главы второго тома «Немецкой идеологии» с текстом этой главы, опубликованным в журнале «Das Westphälische Dampfboot» за август — сентябрь 1847 года. Из переписки третьих лиц с Марксом и Энгельсом ясно видно, что эта публикация была сделана с той рукописи, которая находилась в Вестфалии. Такое сравнение двух текстов выявляет большое число расхождений, но почти все они могут быть объяснены редакционной правкой. Правда, участие Маркса здесь исключено, но такие изменения в текст мог внести Вейдемейер, бывший соредактором журнала. Однако остается одно расхождение — ссылка на книги Локка,— которое трудно или даже невозможно приписать редакции журнала. В тексте журнала после слов: «Локк является одним из первых научных поборников денежной системы, ретивым сторонником бичевания бродяг и пауперов, одним из doyens [старей-

[1] Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ). И. Вейдемейер — Марксу, 30 апреля 1846 г., ф. 1, оп. 1, № 5538.

шин.— *Г. Б.*] современной политической экономии» [1] добавлена отсутствующая в рукописи ссылка: «(см. сочинение Локка 1691 г. «Some considerations of the consequences of Lowering of interest etc.» [«Некоторые соображения о последствиях понижения процента и т. д.».— *Г. Б.*] и его сочинение 1698 г. «Further considerations etc.» [«Дополнительные соображения и т. д.».— *Г. Б.*])» [2]. Этот факт, который не может быть решающим доказательством предположения о втором варианте рукописи, заставляет более осторожно относиться к отождествлению дошедшей до нас рукописи и той, которая была послана в Вестфалию в качестве окончательного варианта работы.

Теперь рассмотрим вопрос о структуре и о составе рукописи. «Немецкая идеология» делится на два тома. Именно так именуют Маркс и Энгельс в самом тексте «Немецкой идеологии», в других работах и в переписке две основные части этого произведения. Тома делятся на главы. Первый том имеет предисловие и три главы: I — о Фейербахе, II — о Б. Бауэре и III — о Штирнере. Второй том также имеет предисловие и три главы: I — о журнале «Rheinische Jahrbücher», II и III — в рукописи отсутствуют, IV — о Грюне и V — о Кульмане. Ко второму тому по существу относится и написанная Энгельсом в качестве дополнительной, завершающей главы, работа «Истинные социалисты».

Самой большой по объему и самой сложной по структуре является глава о Штирнере. В основу ее построения положен своеобразный полемический прием. В своей книге Штирнер часто прерывает последовательность изложения так называемыми «эпизодическими вставками», которые не имеют прямого отношения к делу. Высмеивая эту манеру, Маркс и Энгельс начинают главу о Штирнере сообщением о его статье «Рецензенты Штирнера» в журнале «Wigand's Vierteljahrsschrift»; в этой статье Штирнер отвечал на критику его книги «Единственный и его собственность». Затем — для уяснения смысла статьи Штирнера — следует грандиозный «эпизод» на три сотни страниц, после чего Маркс и Энгельс снова

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 526—527.
[2] «Das Westphälische Dampfboot», 1847, S. 517.

возвращаются к рассмотрению статьи. Структура «эпизода» соответствует структуре критикуемой книги и, подобно последней, имеет две части, которые иронически озаглавлены как «Ветхий завет» и «Новый завет».

Деление на тома и главы является в «Немецкой идеологии» основным. Однако параллельно ему различается и другое расчленение материала. В рукописи главе о Б. Бауэре предшествует небольшое введение под названием «Лейпцигский собор», а после главы о Штирнере следует небольшое заключение под названием «Закрытие лейпцигского собора». Таким образом, II и III главы первого тома оказываются объединенными и противопоставленными I главе — о Фейербахе, которая должна была играть роль общего введения, как об этом даже прямо сказано в одном зачеркнутом месте в начале главы [1]. Но если первый том распадался на две неравнозначные части, то возможно, что второй том, небольшое введение к которому называется «Истинный социализм», становился равнозначным совокупности II и III глав первого тома. В таком случае, наряду с делением на тома, мы получаем другое деление — на разделы: «Введение», «Лейпцигский собор», «Истинный социализм». Какое из делений было первоначальным — решить трудно. Ясно одно, что отдельные очерки о Штирнере и о Б. Бауэре были написаны, вероятно, раньше, чем возникла мысль об их обрамлении в виде «открытия» и «закрытия» «Лейпцигского собора». Иначе непонятно, почему «открытие» «Лейпцигского собора» не имеет пагинации, тогда как «закрытие» продолжает пагинацию главы о Штирнере, а предисловие ко второму тому имеет общую пагинацию со следующей за ним I главой.

Что касается состава «Немецкой идеологии», то первый вопрос, который встает перед исследователем, таков: где отсутствующие части рукописи, где II и III главы второго тома, где 12 страниц из III главы первого тома и т. д. Рукопись «Немецкой идеологии» испытала многие превратности судьбы. Поэтому участь отсутствующих частей могла быть различной: они могли погибнуть; могли затеряться, в частности, в архивах германской социал-де-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 16.

мократии; могли быть опубликованы, например, в газетах и журналах 40-х годов XIX века, но мы не знаем где; наконец, они могли быть опубликованы — с изменениями или без изменений,— но мы не знаем, что эти публикации входили в состав «Немецкой идеологии». Последняя возможность, конечно, очень заманчива, и поэтому не удивительно, что неоднократно делались предположения относительно тех или иных статей как о вероятных «кандидатах» на места II и III глав второго тома. Наиболее правдоподобным представляется такое предположение относительно работы Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе». Рассмотрим соображения за и против.

Прежде всего выясним связь статьи Энгельса «Истинные социалисты» с «Немецкой идеологией». В этой статье есть прямые доказательства того, что она не могла быть опубликована отдельно от второго тома «Немецкой идеологии». Быть может, даже не будет ошибкой утверждать, что это — часть «Немецкой идеологии», именно последняя часть второго тома.

Это подтверждается следующими фактами.

«Истинные социалисты» были написаны Энгельсом приблизительно в январе — апреле 1847 года. Бóльшая часть второго тома «Немецкой идеологии» была во всяком случае готова к середине 1846 года. Следовательно, прошло не менее половины года. Как же начинается статья «Истинные социалисты»? — «С тех пор как были написаны приведенные выше характеристики «истинных социалистов», прошло немало месяцев... Мы не можем расстаться с «истинным социализмом», не рассмотрев предварительно поближе хотя бы самые развитые из его групп» [1].— Разве может так начинаться самостоятельная, отдельная статья?

Более того, в одном месте статьи прямо сказано, с чем она связана, что ей предшествует: «Роль Волопаса берет на себя тот самый господин Земмиг, о статье которого «Социализм, коммунизм, гуманизм» уже говорилось выше» [2]. Но указанной статье Земмига посвящена первая половина I главы второго тома «Немецкой идеологии».

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 545.
[2] Там же, стр. 561.

Следовательно, неразрывная связь «Истинных социалистов» со вторым томом «Немецкой идеологии» бесспорна. Можно даже думать, что это — последняя часть, последняя глава второго тома.

Есть еще два факта.

В письме Энгельса Марксу от 15 января 1847 г. излагается замысел рассматриваемой работы. Энгельс сообщает о заметке в «Trier'sche Zeitung» от 12 января относительно первого номера журнала «Veilchen» (эта заметка приводится и в «Истинных социалистах») и затем пишет: «Как бы было хорошо, если бы мы могли еще раз написать главу об «истинном социализме», теперь, когда они развились во всех направлениях, когда образовались вестфальская школа, саксонская школа, берлинская школа и т. д. и т. д., вместе с одинокими звездами, Пютман и т. д.»[1] и т. д. Именно этот замысел был полностью осуществлен в статье «Истинные социалисты».

Наконец, интересно, что, когда в 1883 г. Энгельс думал об издании «Немецкой идеологии», он написал об этом Бернштейну, обещая показать «одну безгранично дерзкую работу» Маркса и свою. Позже, сообщая о встрече с Энгельсом, Бернштейн писал, что это были рукописи о Грюне, Пютмане и т. д.[2], т. е. IV глава второго тома «Немецкой идеологии» и работа «Истинные социалисты». Характерно, что хотя глава о Грюне была опубликована как статья Маркса, а статья «Истинные социалисты» несомненно написана Энгельсом, Энгельс считал авторство общим, что понятно, если считать обе статьи главами общего труда — «Немецкой идеологии».

Теперь, установив отношение работы «Истинные социалисты» ко второму тому «Немецкой идеологии», обратим внимание на то, что в этой работе имеется прямая ссылка на какую-то ранее — «выше» — высказанную мысль: «Мы уже отметили выше, говоря о господине Грюне, привычку «истинных социалистов» присваивать себе непонятные рассуждения посредством заучивания наизусть отдельных фраз и лозунгов»[3]. Естественно предположить, что «выше» означает в IV главе второго тома

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 63.
[2] «Die Neue Zeit», XIV. Jahrgang, 1895—1896, Bd. II, S. 217.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 556.

«Немецкой идеологии». Однако такое предположение не подтверждается: в главе о Грюне нет такого места, хотя и есть мысли, отдаленно напоминающие только что приведенную. Но вот в работе Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе» искомая мысль есть и притом выраженная почти в тех же словах: ««Истинные социалисты» вообще имеют обыкновение, когда они встречаются с рассуждением, которое им непонятно, так как оно абстрагировано от философии и содержит юридические, экономические и т. п. термины, мигом сводить его к короткой, уснащенной философскими терминами фразе и заучивать этот вздор наизусть для любого употребления» [1]. Если в «Истинных социалистах» есть ссылка на «Немецкий социализм», как на сказанное «выше», значит «Немецкий социализм» должен был входить в состав «Немецкой идеологии».

Такой вывод подтверждается и рядом других фактов.

«Немецкий социализм в стихах и прозе» состоит из двух частей: «1. Карл Бек. «Песни о бедняке», или поэзия «истинного социализма»» и «2. Карл Грюн. «О Гёте с человеческой точки зрения». Дармштадт, 1846». К последнему названию, исходя из общего заголовка всей работы, невольно напрашивается добавление: «или проза «истинного социализма»». При сравнении названий обеих статей «Немецкого социализма» с названиями глав второго тома «Немецкой идеологии», как они даны в дошедшей до нас рукописи, бросается в глаза поразительное совпадение построения всех пяти названий. Если две части рассматриваемой работы Энгельса действительно были двумя недостающими главами второго тома «Немецкой идеологии», то последний должен был содержать действительно всестороннюю критику «истинного социализма» — критику его философии, историографии, религии, поэзии и прозы.

Наконец, снова обращаясь к письму Энгельса Марксу от 15 января 1847 г., мы находим в нем непосредственно вслед за изложением замысла статьи «Истинные социалисты» следующее место: «Я переработаю статью о грюновском Гёте, сокращу ее до размеров полулиста, макси-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 229.

мум трех четвертей листа, и подготовлю ее для нашей публикации [Publikation], *если* ты это одобряешь, о чем ты должен немедленно мне написать»[1]. И далее намечается программа переработки. Здесь не вполне ясно, что называется «публикацией»: «Немецкая идеология» или журнал, издание которого Маркс и Энгельс хотели организовать в Германии. Одно представляется очень вероятным: статья о грюновском Гёте до или после января 1847 г. мыслилась как часть «Немецкой идеологии».

Этим основным соображениям в пользу отнесения «Немецкого социализма» к «Немецкой идеологии» противоречит один существенный факт. Статья о грюновском Гёте начинается такими словами: «Г-н Грюн, чтобы отдохнуть от трудов, которые доставило ему его «Социальное *движение* во Франции и Бельгии», бросает взгляд на социальный *застой* у себя на родине»[2]. Если эта статья, имея такое начало, входила во второй том «Немецкой идеологии», то она не могла предшествовать нынешней IV главе — о книге Грюна «Социальное движение». Противоречие налицо, хотя и возможны различные попытки его разрешения. Например, в рукописи IV главы цифра «IV» перечеркнута. Возможно, что это сделал Вейдемейер, когда в 1847 г. публиковал эту главу в журнале «Das Westphälische Dampfboot». Возможно, что это сделал Бернштейн, когда в 1899—1900 гг. публиковал эту главу в журнале «Die Neue Zeit». Но возможно и то, что сами авторы думали отвести ей другое место во втором томе «Немецкой идеологии».

Подводя общий итог изложенному, следует сказать, что если нельзя считать вполне доказанной принадлежность работы Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе» к составу второго тома «Немецкой идеологии», то нельзя и отрицать эту в высокой степени вероятную гипотезу. Но до тех пор, пока не будут даны прямые, бесспорные доказательства противоположного, в интересах дальнейших научных исследований целесообразно считать вопрос об отсутствующих частях «Немецкой идеологии» открытым.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 63. В этом издании перевод: «для нашего журнала» — неточен.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 223.

Теперь в связи с проблемой состава «Немецкой идеологии» рассмотрим вопрос об авторах этого произведения.

Различные факты показывают, что «Немецкая идеология» была задумана как коллективное выступление сторонников нового мировоззрения против разнообразных представителей младогегельянской философии и «истинного социализма». В письме Маркса Леске от 1 августа 1846 г. есть даже прямое указание на то, что эта работа издается под редакцией Маркса «и при сотрудничестве Энгельса и других» [1]. Среди «других» был по крайней мере Мозес Гесс, который — особенно в 1845 г.— находился под сильным влиянием Маркса. В составе «Немецкой идеологии» были две главы, к которым Гесс имел прямое отношение: глава о Руге в I томе и глава о Кульмане во II томе. Остановимся на истории этих глав.

Глава о Руге носила название: «Dottore Graziano, паяц немецкой философии». Она содержала критику книги А. Руге «Два года в Париже», изданной в Лейпциге в 1846 году. Эта глава была написана Гессом в первой половине 1846 года. В «Немецкой идеологии» ей предназначалось, по-видимому, место четвертой главы первого тома, место последней главы «Лейпцигского собора».

Книга Руге появилась в начале 1846 года. В январе того же года в журнале «Gesellschaftsspiegel» Гесс, который был редактором этого журнала, опубликовал заметку о книге [2]. Гесс, в частности, заявил, что «более полное сведение счетов с болтовней Руге последует при окончательном опровержении философов и паяцев». 12 февраля Руге ответил Гессу заметкой «Раввин Мозес и Мориц Гесс», опубликованной в сборнике Г. Гейнцена «Оппозиция», который появился летом 1846 года [3]. Ознакомившись с этим сборником, Гесс 27 июля опубликовал в «Kölnische Zeitung» заявление с обещанием выступить

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 18.

[2] «Gesellschaftsspiegel», Heft VII, Bd. II, 1846, Nachrichten und Notizen, S. 11—12.

[3] «Die Opposition». Herausgegeben von K. Heinzen. Mannheim, 1846, S. 341—343.

со статьей против Руге [1], а на следующий день он пишет об этом Марксу.

Маркс, прочитав в газете заявление Гесса, пишет ему:

«Я уже собирался отправить письмо, как вдруг прочел объявление о твоей статье о Руге в «Kölnische Zeitung». Так как печатание нашего сочинения может еще очень задержаться, то я советую тебе взять обратно свою главу о Руге. Ты сможешь использовать ее почти целиком.

Я написал вестфальцам, чтобы они послали рукопись Даниельсу. Если ее у него еще нет, попроси, чтобы они послали главу о Руге прямо тебе.

Что это за книга Гейнцена? И что пишет о тебе Dottore Graziano? Напиши мне об этом» [2].

Со своей стороны Гесс в письме Марксу из Кёльна от 28 июля 1846 г. сообщает:

«Руге так пошло и подло поносит меня, что я счел целесообразным опубликовать против него заявление в «Kölnische Zeitung» и думаю, что мне следовало бы как можно скорее издать отдельной брошюрой опровержение его книги «2 года в Париже» с дополнениями, которые вынуждает его теперешнее выступление, *а доход от брошюры* (указать это на титульном листе) *предназначить господину А. Руге.*

Если ты с этим согласен, то поручи Даниельсу передать мне мою рукопись, когда он получит ее из Вестфалии; я хочу тогда посмотреть, не найду ли я в Германии или в Швейцарии издателя, который ее быстро напечатает и выпустит в свет» [3].

Эти два письма бесспорно показывают, что между январем и июлем 1846 г. Гесс действительно написал для «Немецкой идеологии» главу о Руге.

В архиве ИМЛ есть рукописное предисловие Гесса к брошюре против Руге. Рукопись сохранилась в двух вариантах: первый написан в Кёльне в сентябре 1846 г., второй — в Париже в июне 1847 года. Второй вариант значительно сокращен и несколько изменен по сравнению с первым. В первом варианте интересно следующее за-

---

[1] «Kölnische Zeitung» № 209, Beilage, 27.VII. 1846.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 16.

[3] Архив ИМЛ. М. Гесс — Марксу, 28 июля 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 7329.

черкнутое место после ссылки на заметку в «Gesellschaftsspiegel»: «Graziano сам виноват в том, что я не дожидаюсь этой возможности, но беру здесь паяца отдельно от философов»[1]. Во втором варианте появляется то важное место, из которого мы узнаем название главы «Немецкой идеологии»; оно также следует за ссылкой на заметку в «Gesellschaftsspiegel»: «Рукопись под заглавием «Dottore Graziano, паяц немецкой философии», в которой я выполнил свое обещание, была уже готова к печати, когда этот Dottore... выступил под эгидой Карла Гейнцена»[2].

Гессу не удалось издать свою работу отдельной брошюрой. В частности, 14 сентября 1846 г. он получил отказ издателя Леске[3]. Однако 5 и 8 августа 1847 г. в №№ 62 и 63 «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» была опубликована большая статья Гесса под названием: «Сочинения Dottore Graziano. Два года в Париже, очерки и воспоминания А. Руге». Есть все основания предполагать, что эта статья представляет собой — с возможными изменениями — текст бывшей главы «Немецкой идеологии».

Наконец, в самой «Немецкой идеологии» есть факт, свидетельствующий о том, что в плане работы предполагалось дать критику Руге. Введение ко II и III главам первого тома («Лейпцигский собор»), где изображается аллегорическая сцена между святым Бруно и святым Максом, заканчивалось следующими впоследствии вычеркнутыми словами: «В глубине сцены появляется Dottore Graziano, иначе — Арнольд Руге, под видом «необычайно хитроумной и политической головы» (Виганд, стр. 192)»[4]. Почему эта фраза была вычеркнута — неизвестно. Возможно, по чисто композиционным соображениям: решили, что целесообразнее главу о Руге дать вне «Лейпцигского собора». Быть может, просто потому, что Гесс взял свою рукопись. Но очень вероятны и гораздо более серьезны другие соображения: летом 1846 года

---

[1] Архив ИМЛ. M. Heß. «Dottore Graziano oder Doktor Arnold Ruge in Paris. Vorwort», ф. 173, № 2659.

[2] Архив ИМЛ. M. Heß. «Vorrede», ф. 1, оп. 1, № 200.

[3] Архив ИМЛ. К. Леске — М. Гессу, 14 сентября 1846 г., ф. 173, № 2698.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 81, сноска.

произошло резкое политическое размежевание Маркса и Энгельса с Гессом. И не случайно то, что спустя много лет Маркс и Энгельс называли авторами «Немецкой идеологии» только себя. Следует предположить, что состав «Немецкой идеологии» изменялся, и в окончательном виде она представляет собой труд двоих.

Глава о Кульмане, V глава второго тома, первоначально имела заголовок: «Сочинения св. Георга Кульмана». Энгельс зачеркнул его и написал новый: «V. «Д-р Георг Кульман из Гольштейна», или пророчество «истинного социализма»». В тексте главы, который переписан рукой Вейдемейера, есть одно незначительное исправление, сделанное Марксом. В конце рукописи стоит подпись: «М. Гесс».

С данными рукописи следует сопоставить еще один факт. В декабре 1845 г. в VI выпуске журнала «Gesellschaftsspiegel», редактором которого являлся Гесс, была без подписи опубликована заметка, первая половина которой разоблачает деятельность польского мистика Товянского в Швейцарии, а вторая половина местами текстуально совпадает с рукописью главы о Кульмане. В заметке, между прочим, сказано: «Мы хотим дать здесь краткую характеристику новейших пророков, сохраняя за собой право на более подробную критику» [1].

Остается предположить, что первоначально эта глава была составлена Гессом, затем переписана Вейдемейером и, наконец, отредактирована Марксом и Энгельсом и включена ими в состав «Немецкой идеологии».

Таково отношение Гесса к двум главам «Немецкой идеологии». Можно также предположить, что косвенно он мог играть и некоторую незначительную роль при работе над главой о Штирнере. Это связано с тем, что — как видно из писем Энгельса Марксу от 19 ноября 1844 г. и 20 января 1845 г. [2], а также из письма Гесса Марксу от 17 января 1845 г. [3] — Гесс почти одновременно с Энгельсом познакомился с книгой Штирнера и после

---

[1] «Gesellschaftsspiegel», Heft VI, Bd. I, 1845, Nachrichten und Notizen, S. 94.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 6—7, 9.

[3] Архив ИМЛ. М. Гесс — Марксу, 17 января 1845 г., ф. 1, оп. 5, № 61.

некоторых колебаний пришел к тем же выводам, что и Маркс. Уже в начале 1845 г. он выступил против Штирнера и др. с брошюрой под названием «Последние философы». В этой связи интересно, что в VII выпуске журнала «Gesellschaftsspiegel» непосредственно перед заметкой Гесса против Руге была помещена краткая заметка, несомненно, написанная Гессом, где о III томе журнала «Wigand's Vierteljahrsschrift» за 1845 г. сообщалось в том же духе и чуть ли не в тех же словах, что и в самом начале «Лейпцигского собора» [1].

Идейная близость Гесса к Марксу и Энгельсу в период работы над «Немецкой идеологией» оказалась преходящей. При первом серьезном политическом повороте их пути разошлись. В конце мая 1846 г.— вслед за размежеванием Маркса, Энгельса и их сторонников в Брюссельском коммунистическом корреспондентском комитете с Вейтлингом — Гесс порывает с «партией Маркса» [2]. Сказалась его мелкобуржуазная натура. В борьбе против младогегельянцев и поповствующих социалистов Гесс оказался лишь временным союзником и попутчиком.

Следы идейного размежевания с Гессом обнаруживаются и в «Немецкой идеологии». В главе о Б. Бауэре Маркс и Энгельс заявляют, что не несут никакой ответственности за писания Гесса, а в главе о Грюне они прямо указывают на Гесса, как на духовного отца «истинных социалистов» [3].

Отсюда становится понятным, почему впоследствии Маркс и Энгельс называли «Немецкую идеологию» только своим произведением.

Теперь, учтя данные рукописи и привлекая скудный материал переписки, можно схематически изобразить историю написания «Немецкой идеологии». Для изучения развития идей «Немецкой идеологии» наибольший интерес и значение имело бы установление времени написания отдельных глав или хотя бы порядка, последовательности их возникновения. К сожалению, данные «внешней»

---

[1] «Gesellschaftsspiegel», Heft VII, Bd. II, 1846, Nachrichten und Notizen, S. 11.

[2] Архив ИМЛ. М. Гесс—Марксу, 20 мая 1846 г., ф. 1, оп. 1, № 5539; М. Гесс—Марксу, 29 мая 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 101.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 100, 494—495.

истории не дают вполне определенного решения этой задачи. Приходится удовлетворяться более или менее достоверными гипотезами.

История написания «Немецкой идеологии» выглядит приблизительно так:

В апреле 1845 г. Энгельс приезжает к Марксу в Брюссель и они решают всесторонне разработать свое новое мировоззрение в противоположность немецкой философии. В апреле — августе Маркс был занят преимущественно трудом по политической экономии, в связи с чем он и Энгельс в июле — августе совершают поездку в Англию. В этот первый период работа над «Немецкой идеологией» могла быть лишь весьма ограниченной. Могли намечаться планы, могла начаться критика книги Штирнера и работа над общим введением, направленным против Фейербаха. Об этом периоде у нас нет никаких сведений, если не считать приведенного выше свидетельства Женни Маркс. Правда, следует учесть, что ее воспоминания, написанные много лет спустя, в 1865 г., не могут быть достаточно надежным источником там, где речь идет о датировке событий с точностью до месяцев.

Наиболее вероятно, что Маркс и Энгельс вплотную приступили к написанию «Немецкой идеологии», как к основному занятию на длительный срок, с сентября 1845 г., после возвращения из Англии. К этому времени появился III том «Wigand's Vierteljahrsschrift» со статьями Б. Бауэра и Штирнера, что придало работе Маркса и Энгельса особо актуальное значение. Только теперь можно было включить в «Немецкую идеологию» статью против Бауэра и объединить ее вместе со статьей против Штирнера в большую композицию под названием «Лейпцигский собор». Для датировки главы о Бауэре имеет значение тот факт, что в VII выпуске «Gesellschaftsspiegel» была опубликована посланная из Брюсселя 20 ноября заметка, которая почти совпадает с одним местом из этой главы [1].

С конца 1845 г. должна была развернуться и работа над вторым томом. Напомним, к примеру, что заметка о

[1] «Gesellschaftsspiegel», Heft VII, Bd. II, 1846, Nachrichten und Notizen, S. 6—8.— Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 97—99.

Кульмане была опубликована в VI выпуске «Gesellschaftsspiegel», в декабре 1845 года. Что касается главы о Грюне, то в написанной 3 апреля 1847 г. «Заметке против Карла Грюна» Маркс сообщает, что эта глава была написана «год тому назад»[1]. А первый том «Rheinische Jahrbücher», статьи которого критикуются в главе о философии «истинного социализма», вышел в свет только в августе 1845 года.

В апреле 1846 г. основная работа над произведением была уже проделана. Закончился второй, решающий период работы над «Немецкой идеологией». К этому времени относится следующее место из письма Энгельса Бланку от 3 апреля 1846 года: «В течение всей этой зимы я своей литературной работой не заработал почти ни гроша... Теперь у меня накопилось порядочно рукописей, полностью или наполовину готовых»[2].

Последний, третий период работы продолжался с мая 1846 по апрель 1847 года. В это время, наряду с усиленными поисками издателя, завершается работа над обоими томами и делаются дополнения к готовым материалам.

Из письма Маркса Леске от 1 августа 1846 г. следует, что в мае на место издания в Вестфалию прибыл первый том рукописи, а в июле — бо̀льшая часть второго тома.

В августе Энгельс уезжает из Брюсселя в Париж, но работа над «Немецкой идеологией» продолжается. В первом письме Марксу из Парижа 19 августа он в частности пишет: «В «Эпигонах» я просмотрел «Сущность религии» Фейербаха... Я прочту это внимательнее и в ближайшее время пришлю тебе выписки важнейших мест, если они окажутся достаточно интересными для того, чтобы ты мог их использовать для Фейербаха»[3]. Спустя месяц, 18 сентября, Энгельс снова возвращается к этому вопросу: «Я все еще не мог собраться с духом, чтобы сделать для тебя извлечения из Фейербаха»[4]. Еще через месяц, в середине октября, Энгельс сообщает результаты своей работы: «Наконец, после долгого колебания я

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 40.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 10.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 24.
[4] Там же, стр. 38.

заставил себя прочесть эту дрянь Фейербаха и нахожу, что в своей критике мы не можем ее касаться. Причину ты увидишь, когда я изложу тебе в главных чертах ее содержание»[1]. Далее следует изложение содержания книги Фейербаха и выводы Энгельса. Маркс получил материалы Энгельса и приобщил их к имевшимся рукописям.

Из приведенного вытекает, что косвенно работа над главой о Фейербахе продолжалась до октября 1846 года. А в январе — апреле 1847 г. Энгельс пишет последнее добавление ко второму тому — статью «Истинные социалисты». Можно считать, что этим заканчивается всякая работа над дошедшими до нас рукописями, заканчивается история написания «Немецкой идеологии».

Детальный анализ содержания, системы внутренних ссылок, текста рукописи, а также других фактов должен пролить дополнительный свет на историю возникновения и развития отдельных частей «Немецкой идеологии».

«Немецкая идеология» — совместный труд Маркса и Энгельса. Их первой общей работой было «Святое семейство». Но там разделение труда было проведено довольно просто: каждый писал свои части произведения, и в конце книги против названия каждой главы, каждого параграфа стояло имя автора. Но «Немецкая идеология», особенно ее первый том,— это нераздельный труд двоих. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс дали образец коллективности в научной работе, которую они считали одним из основных принципов современной науки.

Чрезвычайный интерес представляют собой дошедшие до нас свидетельства о непосредственной обстановке, в которой писалась «Немецкая идеология». Они настолько ярки и красноречивы, что сами говорят за себя.

Первое принадлежит Гарни. Вот отрывок из неопубликованного письма Гарни Энгельсу из Лондона в Брюссель 30 марта 1846 года:

«Прежде всего сообщаю, что несколько недель тому назад я получил через Веерта твое очень длинное письмо, оно было без даты. Я был очень рад услышать о твоих планах издания трехмесячного журнала. Соответствует ли результат твоим ожиданиям? Когда я сообщил своей

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 43.

жене о вашей весьма философской системе писания вдвоем до 3—4 часов утра, она заявила, что такая система для нее не годилась бы и что если бы она была в Брюсселе, она подняла бы бунт среди ваших жен. Она не возражает против организации революций, при условии, чтобы эта работа производилась по системе сокращенного рабочего дня. Вашим женам она советует образовать «Общество противников работы до 3—4 часов утра», предлагает свои услуги в качестве «английского корреспондента» и думает, что *г-жа Кодль* [1] тоже охотно присоединилась бы к этой общине» [2].

Второе свидетельство принадлежит самому Энгельсу, который вскоре после смерти Маркса разбирал оставшиеся после него рукописи. Вот отрывок из недавно опубликованного во Франции письма Энгельса Лауре Лафарг из Лондона 2 июня 1883 года:

«Среди бумаг Мавра я нашел целую кучу рукописей — наша совместная работа, относящаяся ко времени до 1848 года. Некоторые из них я скоро опубликую.

Одну из них я прочту тебе, когда ты будешь здесь; ты тоже лопнешь от смеха. Когда я прочел ее Ним и Тусси, Ним сказала: теперь и я знаю, почему вы оба тогда в Брюсселе так хохотали по ночам, что ни один человек в доме не мог спать из-за этого. Мы были тогда дерзкими парнями, поэзия Гейне — детская невинность в сравнении с нашей прозой» [3].

Своеобразно сложилась судьба рукописи «Немецкой идеологии».

В конце апреля 1846 г. Вейдемейер перевез рукопись первого тома из Брюсселя в Вестфалию. Это подтверждается двумя фактами. В письме Маркса Леске от 1 августа 1846 г. сказано, что Вейдемейер «оставался до мая

[1] Г-жа Кодль — тип сварливой жены из романа Дугласа Джерольда «Mrs. Caudle's Curtain Lectures», вышедшего отдельным изданием в 1846 г. и имевшего большой успех.

[2] Архив ИМЛ. Дж. Гарни — Энгельсу, 30 марта 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 7017.

[3] Впервые опубликовано в книге: *F. Engels, P.* et *L. Lafargue.* «Correspondance», t. I, Paris, 1956, p. 123. Упоминаемые прозвища означают: Мавр — Маркс, Ним — домашняя работница и верный друг семьи Маркса Елена Демут, Тусси — дочь Маркса Элеонора.— Архив ИМЛ. Энгельс — Л. Лафарг, 2 июня 1883 г., ф. I, оп. I, № 5672.

в Брюсселе, чтобы в полной сохранности перевезти через границу рукопись первого тома работы»[1]. Второе письмо Вейдемейера Марксу из Вестфалии, посланное из Шильдеше близ Билефельда, датировано, вероятно, 30 апреля (дата неразборчива). Вейдемейер, в частности, просит: «Пошлите мне... отсутствующие рукописи как можно скорее»[2]. Он сообщает также, что читал с женой главу о Штирнере. В письме друзьям в Брюссель 13 мая Вейдемейер снова напоминает: «Рукописи вы ведь во всяком случае пошлете?»[3]. В письме Вейдемейера Марксу от 11 июня уже прямо названо то, чего не хватает в рукописях: «Итак, ничто уже более не препятствует начать печатание, как только ты пришлешь начало рукописи»[4]. Отсюда можно заключить, что Вейдемейер перевез рукопись первого тома без начала, т. е., по-видимому, только «Лейпцигский собор»; глава о Фейербахе не была готова.

Можно наметить также маршрут, по которому ехал Вейдемейер. Из письма Наута Энгельсу от 28 июня 1846 г. видно, что на пути из Брюсселя в Вестфалию Вейдемейер проезжал Эльберфельд[5]. Учитывая имевшиеся тогда пути сообщения, естественно считать, что Вейдемейер вез рукопись первого тома по маршруту: Брюссель — Льеж — Кёльн — Эльберфельд — Дортмунд — Билефельд.

По этому же пути, очевидно, переправлялись «с оказией» рукописи и в дальнейшем. В конце письма Вейдемейера Марксу от 11 июня есть замечание: «При следующей отправке рукописей подумай о моей печати». В письме Веерта Марксу, посланном около 5 июня из Вервье, говорится: «Г-н Шульц уезжает сейчас в Кёльн. Рукописи, которые я взял с собой, отправлены»[6].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 17—18.

[2] Архив ИМЛ. И. Вейдемейер—Марксу, 30 апреля (?) 1846 г., ф. 1, оп. 1, № 5538.

[3] Архив ИМЛ. И. Вейдемейер—Марксу и др., 13 мая 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 10987.

[4] Архив ИМЛ. И. Вейдемейер—Марксу, 11 июня 1846 г., ф. 1, оп. 1, № 190.

[5] Архив ИМЛ. С. Наут—Энгельсу, 28 июня 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 9058.

[6] Архив ИМЛ. Г. Веерт — Марксу, ок. 5 июня 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 104.

Как видно из ряда писем Маркса, Гесса, Вейдемейера, Мейера, Ремпеля и Даниельса, более двух месяцев — в мае, июне и июле — часть рукописи, очевидно «Лейпцигский собор», находилась у Мейера в Беккероде близ Оснабрюка; а затем, вероятно в самом конце июля или в самом начале августа, она была послана Вейдемейером Даниельсу в Кёльн. Отсюда Гесс должен был получить свою главу о Руге.

Когда в 1847 г. появилась возможность опубликовать главу о Грюне в журнале «Das Westphälische Dampfboot», оказалось, что ее нет на месте. Даниельс передал ее Д'Эстеру, а тот отвез ее в Лейпциг, где надеялись найти издателя. Как видно из письма Даниельса Марксу от 28 июня 1847 г., рукописи этой главы тогда еще не было в Кёльне [1]. Только в августе и сентябре она была, наконец, опубликована в «Das Westphälische Dampfboot», который издавался в Падерборне. Редакция журнала сопроводила статью Маркса следующим примечанием: «Сообщая нашим читателям уже давно обещанную Карлом Марксом в «Trier'sche Zeitung» критику, мы в то же время доводим до их сведения, что в силу несчастливых случайностей рукопись более двух месяцев скиталась по Германии, не доходя до нас. При таких обстоятельствах г-н Карл Маркс должен был предполагать, что она находится в нашем распоряжении, и поэтому не мог ничего объяснить в ответ на наше прежнее заявление» [2]. (Здесь имеется в виду напечатанное в июньском выпуске «Das Westphälische Dampfboot» заявление редакции, которым она снимала с себя ответственность за задержку публикации статьи Маркса [3].)

О возвращении рукописи «Немецкой идеологии» Марксу нам ничего не известно.

В 1883 г. среди бумаг Маркса Энгельс снова обнаружил дошедшую до нас рукопись. В 1884 г. он цитирует раздел о Фейербахе во II главе своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [4], а в

[1] Архив ИМЛ. Р. Даниельс — Марксу, 28 июня 1847 г., ф. 1, оп. 5, № 5682.

[2] «Das Westphälische Dampfboot», 1847, S. 439.

[3] Там же, стр. 366.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 212.

1888 г. еще раз просматривает старую рукопись в связи с выпуском отдельного издания своей работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»[1].

В 1895 г., после смерти Энгельса, рукопись «Немецкой идеологии» вместе со всем рукописным наследством Маркса и Энгельса перешла в руки лидеров германской социал-демократии А. Бебеля и Э. Бернштейна.

В 1933 г. в связи с приходом фашистов к власти все хранившееся в архиве социал-демократической партии рукописное наследство Маркса и Энгельса было вывезено за границу, а в 1937 г. продано руководством СДПГ одному частному институту в Амстердаме (Институт социальной истории), где находится и по сей день[2].

* * *

Поиски издателя для «Немецкой идеологии» начинаются еще тогда, когда продолжалась работа над рукописью. У нас нет вполне достоверных данных о попытках найти издателя до мая 1846 года. Однако в некоторых письмах более раннего времени есть упоминания о каких-то переговорах с издателями. В письме Энгельса Кампе 14 октября 1845 г. речь идет об издании книги Маркса и Энгельса[3], но в это время они совместно работали только над «Немецкой идеологией». В письме Эвербека Марксу 31 октября того же года говорится о том, что все с нетерпением ожидают большой труд Маркса[4]; а в письме Вебера Марксу 22 ноября сообщается о поисках издателя, очевидно, для этой книги[5]. Правда, можно предположить, что во всех этих письмах имеется в виду работа Маркса над книгой по политической экономии. Но в таком случае непонятно, для чего потребовался новый издатель, если 1 февраля 1845 г. между Марксом и Леске

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 339—340.

[2] См. «Neues Deutschland», 7, I. 1955; *M. Rubel.* «Bibliographie des oeuvres de Karl Marx». Paris, 1956, p. 31.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 8—9.

[4] Архив ИМЛ. Г. Эвербек—Марксу, 31 октября 1845 г., ф. 1, оп. 5, № 78.

[5] Архив ИМЛ. Вебер—Марксу, 22 ноября 1845 г., ф. 1, оп. 5, № 79.

был заключен формальный договор об издании этого произведения [1].

Достоверная история издания «Немецкой идеологии» начинается с мая 1846 г., когда Вейдемейер приехал в Вестфалию, чтобы договориться об издании обоих томов. У Маркса, Энгельса и их сторонников были даже более широкие планы: предполагалось организовать издание трехмесячного журнала и публикацию переводов произведений иностранных социалистов.

По своему характеру такая работа, как «Немецкая идеология», не могла пройти цензуру. В большинстве германских государств существовал тогда порядок, согласно которому книги объемом более 20 печатных листов освобождались от предварительной цензуры, но могли быть конфискованы сразу после того, как они были напечатаны. Поэтому найти для «Немецкой идеологии» издателя, который согласился бы пойти на такой риск, было почти невозможно. Правда, в Германии два издателя уже выпускали большие книги Маркса и Энгельса: Леске в Дармштадте издал «Святое семейство», а Виганд в Лейпциге — «Положение рабочего класса в Англии». Но первый еще в марте 1846 г. отказался от договора об издании «Критики политической экономии», ссылаясь, между прочим, на то, что пострадал из-за I тома «Rheinische Jahrbücher» [2], а второй был издателем именно тех работ, на которые нападали Маркс и Энгельс.

Таковы были обстоятельства, при которых Маркс и Энгельс согласились принять помощь двух вестфальских капиталистов, Ю. Мейера и Р. Ремпеля, которые обещали устроить издание «Немецкой идеологии»: договориться с издателем и дать денежные средства. Эти буржуа, считавшие себя коммунистами, исходили якобы из партийных соображений. На самом деле, по своим политическим взглядам, это были типичные «истинные социалисты».

Письма Вейдемейера Марксу за это время позволяют проследить историю переговоров с Мейером и Ремпелем. В начале июля переговоры кончились ничем: в письмах Марксу 9 июля Мейер и 11 июля Ремпель отказались от

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 20.

[2] Архив ИМЛ. К. Леске—Марксу, 31 марта 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 92.

издания[1]. Предлогом для отказа послужила ссылка на то, что их капитал вложен в другое дело. Оценивая их поведение в этой истории, Маркс назвал Мейера и Ремпеля «коммунистическими буржуа»[2].

Вейдемейер не смог правильно понять поступка вестфальских предпринимателей. Их повод для отказа он принял за действительную причину; в поведении же Маркса и Энгельса, порвавших всякие отношения с такими «коммунистами», он усмотрел лишь личные, непартийные мотивы. Но ведь еще 14 мая тот же Вейдемейер писал Марксу о первом впечатлении Мейера от «Немецкой идеологии» следующее:

«Я пробыл всего несколько дней у Мейера, но вскоре и совсем уеду туда. Из вашей рукописи я ему прочел «политический либерализм», который ему очень понравился. В общем, сожалеют о том, что вы опять ввязались в такую полемику. Здесь, действительно, существует, даже у самых порядочных людей, такая симпатия к людям, которые сколько-нибудь завоевали себе имя, как например Бауэры, Штирнер, Руге. Они хотели бы их всех прикрыть своей рукой, чтобы защитить от побоев. Если эта защита оказалась недействительной, они показывают сердитое лицо экзекутору. Несколько дней тому назад во время одной прогулки я по этому поводу довольно резко повздорил с несколькими лицами, между прочим, и с Ремпелем. Это особенно касалось только что упомянутых трех корифеев. Но раньше всего нападки надо вести в чисто научном тоне совсем без гнева, как учитель с кафедры. Бога ради без иронии и сатиры, потому что выставить в смешном свете человека, который написал книгу размером больше 21 листа, это — преступление. Оно заслуживает наказания, стоящего на втором месте после наказания за государственную измену. От души радуюсь тому, какой громкий крик негодования вызовет ваша критика в немецких землях»[3].

---

[1] Архив ИМЛ. Ю. Мейер — Марксу и Энгельсу, 9 июля 1846 г., ф. 1, оп. 1, № 5540; Р. Ремпель—Марксу, 11 июля 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 9461.

[2] Архив ИМЛ. И. Вейдемейер — Марксу, 19 августа 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 10995.

[3] Архив ИМЛ. И. Вейдемейер—Марксу, 14 мая 1846 г., ф. 1, оп. 1, № 187.

Эта пространная выписка наглядно показывает, каковы должны были быть подлинные причины отказа содействовать изданию «Немецкой идеологии».

Правда, следует учесть, что в вестфальской истории немалую отрицательную роль сыграл Гесс. Об этом спустя много лет, 25 октября 1888 года, Энгельс в письме Бебелю писал следующее: «Гесс был в Вестфалии (Билефельд и т. д.) и передал нам, что тамошние деятели — Люнинг, Ремпель и другие — хотят достать средства для издания наших сочинений... Нотабене: в конце концов оказалось, что Мозес Гесс скрыл от нас самое главное, а именно, что вестфальцы вызвались только *взять на себя ручательство перед издателями* на случай возможных *убытков* от наших вещей; Мозес изобразил нам дело так, будто они, вестфальцы, *сами* берут на себя издание. Как только мы узнали, как обстоит дело, мы, разумеется, тотчас же прекратили всякие переговоры; быть авторами с вестфальской гарантией нам и в голову не приходило» [1].

Разрыв Маркса и Энгельса с вестфальцами был воспринят по-разному. Если в Кёльне Даниельс и отчасти Бюргерс стали на сторону Маркса, то в Париже Эвербек (а также Бернайс) высказался против разрыва с буржуа, которые имеют деньги и считают себя принадлежащими к партии. При этом Эвербек ссылался на силу врагов и слабость партии. Энгельс, приехавший в Париж в день отправления Марксу письма Эвербека, немедленно переубедил последнего.

За время с мая по июнь, пока продолжались переговоры с вестфальцами, те обращались всерьез только к двум издателям; это были Бунзов в Киле и Фоглер в Гамбурге. Кроме того намечались многие другие: в Бремене, в Дессау, Леске в Дармштадте, Хельмих в Билефельде и т. д. В июне — июле Даниельс и Гесс называли Марксу таких возможных издателей, как Куранда и Юрани в Лейпциге, Хофф в Мангейме.

После неудачи в Вестфалии Маркс и Энгельс на протяжении 1846—1847 гг. предпринимают неоднократные, но безуспешные попытки найти издателя. Из их переписки этого периода известно, что они обращались или предпо-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 61, 62.

лагали обратиться ко многим немецким и швейцарским издателям (Шлепфер и Йенни в Швейцарии, издательство в Бель-Вю близ Констанца, Кютман в Бремене и т. д.). С ноября 1846 г. они отказались от надежды опубликовать оба тома у одного издателя, а с апреля 1847 г.— от надежды опубликовать целые тома и использовали все возможности для публикации отдельных глав. Если статья Гесса о Руге и статьи Энгельса о Беке и грюновском Гёте входили в состав «Немецкой идеологии», то история публикации материалов «Немецкой идеологии» в 1847 году выглядит так: в августе в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung»—статья Гесса о Руге, в августе — сентябре в «Das Westphälische Dampfboot» — статья Маркса о Грюне, в сентябре и ноябре —декабре в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung»— статьи Энгельса о Беке и Грюне.

Причины, из-за которых «Немецкая идеология» не увидела света в 1846—1847 годах, изложены в известном письме Маркса Анненкову 28 декабря 1846 года, где Маркс писал:

«Я хотел бы иметь возможность послать Вам вместе с этим письмом мою книгу о политической экономии, но до сих пор мне не удалось издать ни этой работы, ни критики германских философов и социалистов, о которой я Вам рассказывал в Брюсселе. Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, являющихся заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но, кроме того, значительная часть членов немецкой коммунистической партии сердиты на меня за то, что я выступаю против их утопий и декламаций» [1].

Летом 1883 года, после смерти Маркса, у Энгельса возникла мысль об издании статей, входивших в «Немецкую идеологию»; но вскоре от этой мысли он вынужден был отказаться. Письмо Лауре Лафарг, датированное 2 июня, уже приводилось; более подробные сведения содержатся в письмах Бернштейну.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 32—33.

13 июня Энгельс впервые ставит вопрос о возможности публикации: «Как Вы думаете, не будет ли своевременным напечатать в «Sozialdemokrat» в виде фельетона одну *безгранично* дерзкую работу Маркса и мою от 1847 г., в которой мы отделали сидящих и сейчас в рейхстаге «истинных социалистов»? Это самое дерзкое из всего, что было когда-либо написано на немецком языке» [1].

22 июня Энгельс, приглашая Бернштейна приехать в Лондон, добавляет: «Я покажу Вам тогда и ту дерзкую рукопись, о которой писал, и другие рукописи» [2].

Но 27 августа Энгельс отказывается от своего предложения и объясняет, почему он вынужден воздержаться от опубликования рукописи: «Предложение по поводу дерзкой рукописи было, скорее, неудачной шуткой. Пока существует закон против социалистов и пока «Sozialdemokrat» является единственным возможным органом, нельзя ни в коем случае из-за таких второстепенных вопросов бросать в партию яблоко раздора, что случилось бы, если бы из этого захотели сделать «принципиальный вопрос»» [3].

Однако это решение Энгельса не означало окончательного отказа от идеи издания. 5 февраля 1884 года он писал Лаврову: «У меня около 60 листов (по 16 печатных страниц) старых рукописей Маркса и моих от 1845 до 1848 года. Из всего этого можно будет опубликовать только извлечения, но я не смогу взяться за это, пока не закончу работу над рукописью II тома «Капитала»» [4]. К сожалению, Энгельсу не суждено было даже частично опубликовать «Немецкую идеологию».

Следующий период истории публикации «Немецкой идеологии» охватывает 37 лет: 1895—1932. За это время отдельные части рукописи увидели свет, но только в 1932 г. последовало полное издание работы. Характерной особенностью этого периода является то, что социал-демократы, в чьих руках после смерти Энгельса оказалось

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 321.
[2] Там же, стр. 322.
[3] Там же, стр. 326.
[4] Там же, стр. 353.

рукописное наследство основоположников марксизма, не считали нужным и не желали обнародовать это важнейшее произведение.

Насколько к моменту смерти Энгельса была забыта и просто неизвестна история формирования марксизма, показывает тот факт, что в 1895 году П. Струве буквально «открыл» опубликованную в «Das Westphälische Dampfboot» статью Маркса о Грюне. Свое открытие Струве сопроводил подробным изложением статьи Маркса и привел из нее целый ряд выписок [1].

В дальнейшем история публикации германскими социал-демократами отдельных частей «Немецкой идеологии» выглядит схематически так:

В 1899 г. Бернштейн переиздает IV главу второго тома [2].

В 1903—1904 гг. Бернштейн издает частично III главу первого тома [3]. В 1913 г. анархист Б. Гиммельфарб издал эту часть на русском языке под названием «Критика учения Штирнера» [4].

В 1921 г. Г. Майер издает II главу первого тома [5].

Итог: за 26 лет после смерти Энгельса опубликовано меньше половины объема рукописи, причем неопубликованной остается самая ценная часть — глава о Фейербахе. После этого на 11 лет всякие дальнейшие публикации прекращаются.

С 1917 г. в истории изучения наследия классиков марксизма наступает новая эпоха. В 1920 г. в нашей стране создается специальный научно-исследовательский центр — Институт Маркса и Энгельса. Советское правительство в труднейшие для государства годы находит

---

[1] «Die Neue Zeit», XIV. Jahrgang, 1895—1896, Bd. II, S. 48—55.

[2] «Die Neue Zeit», XVIII. Jahrgang, 1899—1900, Bd. I, S. 4—11, 37—46, 132—141, 164—172.

[3] «Documente des Socialismus», Bd. III, 1903, S. 17—32, 65—78, 115—130. 169—177, 306—316, 355—364; Bd. IV, 1904, S. 210—217, 259—270, 312—321, 363—373, 416—419.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Критика учения Штирнера». С.-Петербург, 1913. Книга переиздана под названием «Святой Макс (Критика учения Штирнера)» в Москве в 1919 году.

[5] «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Bd. 47, 1921, S.773—808.— Русский перевод: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Лейпцигский собор». Киев, 1924.

нужным отпустить огромные средства для собирания, изучения и издания трудов Маркса и Энгельса.

В 1924 г. тогдашний директор ИМЭ Д. Рязанов опубликовал по фотокопии рукописи главу о Фейербахе [1]. Тогда же была поставлена задача восстановить состав «Немецкой идеологии» и подготовить ее полное издание.

Наконец, в 1932 г. на языке оригинала вышло первое полное издание рукописи «Немецкой идеологии» [2]. Это издание, остающееся лучшим немецким изданием и по сей день, было подготовлено П. Веллером и вышло под редакцией В. Адоратского. Единственным существенным недостатком этого издания является отсутствие примечаний.

Предстоящая неизбежная публикация в Советском Союзе полного текста рукописи заставила немецких социал-демократов поспешить с изданием «Немецкой идеологии», и в том же 1932 г., даже на несколько недель раньше, чем ИМЭЛ, З. Ландсхут и И. П. Майер выпустили свое «полное» издание [3].

Сравнение этих двух изданий выявляет несомненное превосходство советской публикации.

Издание ИМЭЛ является полной публикацией дошедшей до нас рукописи. Издание Ландсхута и Майера не является полным: оно не дает всех зачеркнутых вариантов текста, в нем отсутствует глава о Бауэре, в главе о Фейербахе пропущен целый абзац.

Издание ИМЭЛ является научной публикацией рукописи. Издание Ландсхута и Майера нельзя назвать научным: опечатки, небрежности расшифровки, произвол в расположении материала составляют особенности этого издания. Последний порок является наиболее важным; тем более, что он относится к главе о Фейербахе. Публикация этой главы связана с изменением расположения материала: глава не была завершена, не была

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга первая, 1924, стр. 191—256. В 1926 г. текст главы о Фейербахе был опубликован на языке оригинала в издании: «Marx — Engels Archiv», Bd. I, S. 205—306.

[2] Marx—Engels Gesamtausgabe (MEGA), Abt. I, Bd. 5, Berlin, 1932. Переиздано в Москве — Ленинграде в 1933 году. Народное издание было выпущено в Вене — Берлине в 1932 году.

[3] *K. Marx.* «Der historische Materialismus», Bd. 2, Leipzig, 1932, S. 1—535.

подготовлена для печати, и в ее рукописи содержатся указания самих авторов на необходимость доработки, перепланировки материала и т. д. В издании ИМЭЛ все перемещения отдельных частей рукописи строго мотивированы, а порядок изложения в рукописи можно воспроизвести, так как в опубликованном тексте указаны номера рукописных страниц. Таким образом, это издание, предлагая свое мотивированное расположение рукописного материала, дает возможность исследователю проверить правильность самой мотивировки. Издание Ландсхута и Майера не дает читателю ни мотивировки, ни возможности проверить правильность порядка изложения в главе о Фейербахе. Ландсхут и Майер молчаливо присваивают себе авторские права.

Даже такое общее сопоставление двух публикаций «Немецкой идеологии» 1932 г. дает право утверждать, что первым действительно полным и действительно научным изданием дошедшей до нас рукописи «Немецкой идеологии» является советское издание ИМЭЛ, осуществленное на языке оригинала в 1932 г., спустя 85 лет после написания последней части этого выдающегося труда.

Первым переводом «Немецкой идеологии» был перевод на русский язык, подготовленный Б. Быховским под редакцией В. Адоратского и изданный в 1933 году. Текст этой публикации был переиздан в 1933, 1934, 1935, 1937 и 1938 годах [1]. Новый русский перевод «Немецкой идеологии» вышел в свет в 1955 и был переиздан в 1956 году [2].

Что касается издания Ландсхута и Майера, то в 1953 г. Ландсхут в томе «Ранних сочинений» К. Маркса вновь опубликовал часть «Немецкой идеологии», в точности воспроизведя текст 1932 года [3].

[1] Издания 1933, 1937 и 1938 годов: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV.— Издания 1933, 1934 и 1935 годов: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология».

[2] Издание 1955 года: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3. Это издание легло в основу целого ряда аналогичных изданий в странах народной демократии. Уже вышли в свет: *Маркс— Енгелс.* Съчинения, т. 3, София, 1957; *K. Marx — F. Engels.* Werke, Bd. 3. Berlin, 1958. Готовятся к печати соответствующие тома Сочинений Маркса и Энгельса в Венгрии, Румынии, Чехословакии, Китае.— Издание 1956 года: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология».

[3] *K. Marx.* «Die Frühschriften». Stuttgart, 1953. S. 339—485.

Последним известным нам западногерманским изданием «Немецкой идеологии» является публикация главы о Фейербахе в составленном Ф. Боркенау сборнике избранных работ Маркса, который вышел в 1956 г. во Франкфурте-на-Майне и Гамбурге[1]. Особенностью этой публикации является то, что она воспроизводит текст не по изданию Ландсхута и Майера, а по изданию ИМЭЛ. В то же время примером того, насколько темной остается для составителя история «Немецкой идеологии», служит следующее нелепое утверждение: «1845 — ...Из «Немецкой идеологии» публикуется, прежде всего, лишь отдел, направленный против братьев Бауэров,— в виде «Святого семейства»; остальное — только посмертно Институтом Маркса и Энгельса»[2]. Выходит, что «Святое семейство» — это часть «Немецкой идеологии»!

Первое полное издание «Немецкой идеологии» дало основу для переводов на другие языки. Здесь можно лишь перечислить эти переводы.

На французский язык первый перевод был сделан с издания Ландсхута и Майера и вышел в Париже в 1937, 1938 и 1947 годах. Новый перевод с издания ИМЭЛ начал выходить в 1953 году[3].

На английском языке часть «Немецкой идеологии» вышла в Лондоне в 1938 году и была переиздана там же в 1941 и в Нью-Йорке в 1939 и 1947 годах[4].

На итальянском языке «Немецкая идеология» была издана частично в Милане в 1947 и полностью в Риме в 1958 году[5].

Отрывки из «Немецкой идеологии» были переведены на венгерский язык и изданы в Будапеште в 1952 году[6].

---

[1] «Karl Marx». Auswahl und Einleitung von Franz Borkenau. Frankfurt am Main — Hamburg, 1956, S. 43—97.

[2] Там же, стр. 222.

[3] *K. Marx.* «Oeùvres philosophiques», t. VI—IX. Paris, 1937—1947.— *K. Marx* et *F. Engels.* «L'Idéologie allemande. Première partie: Feuerbach». Paris, 1953.

[4] *K. Marx* and *F. Engels.* «The German Ideology», Parts I and III. London, 1938; London, 1941; New York, 1939; New York, 1947.

[5] *C. Marx.* «L'Ideologia tedesca». Milano, 1947.— *K. Marx— F. Engels.* «L'Ideologia tedesca» Roma, 1958.

[6] *Marx—Engels.* «A német ideológia». Budapest, 1952.

Глава о Фейербахе была переведена на чешский язык и издана в Праге в 1952 году[1].

В 1953 г. в Берлине был переиздан текст первой публикации ИМЭЛ и в том же году отдельной брошюрой были изданы отрывки из «Немецкой идеологии»[2].

Первый перевод на китайский язык главы о Фейербахе по ее публикации в I книге «Архива Маркса и Энгельса» был сделан Го Мо-жо еще в 30-х годах во время его эмиграции в Японию и был издан в Шанхае в 1940 и переиздан там же в 1949 году[3].

Часть «Немецкой идеологии» была издана в 1930 г. на японском языке; новое издание начато в 1953 году[4].

Наконец, следует отметить, что в 1930 г. глава о Фейербахе была опубликована на украинском, а в 1948 г.— на грузинском языке (единственные переводы на языки народов СССР)[5].

Общим недостатком всех перечисленных изданий «Немецкой идеологии» является скудный научный аппарат. Почти все издания недостаточно полны. Изданий до сих пор сравнительно немного.

* * *

Литература о «Немецкой идеологии» сравнительно невелика. Сюда относятся, помимо переписки Маркса и Энгельса, их немногочисленные высказывания о значении и истории этой работы, имеющиеся в печатных произведениях. Далее — статьи, связанные, главным образом, с изданиями «Немецкой идеологии». Кроме того, рассмот-

---

[1] *K. Marx* a *B. Engels.* «Německa ideologie. I. Feuerbach». Praha, 1952.

[2] *K. Marx, F. Engels.* «Die deutsche Ideologie», Berlin, 1953. Переиздано в Берлине в 1953 и 1957 и в Штутгарте в 1953 году.— *K. Marx. F. Engels.* Auszüge aus dem Werk «Die deutsche Jdeologie». Berlin, 1953.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». Шанхай, 1940; Шанхай, 1949 (на кит. яз.).— Ср. «Народный Китай» № 1—2, 1952, стр. 8; «Вопросы истории» № 10, 1954, стр. 183.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». Токио, 1930 (на яп. яз.).— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология», ч. I, Токио, 1953 (на яп. яз.).

[5] *К. Маркс* и *Ф. Енгельс.* «Фоєрбах». Харків — Київ, 1930.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из «Немецкой идеологии». Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).

рение «Немецкой идеологии» и отдельных ее сторон в произведениях, посвященных различным проблемам истории и теории марксизма. Наконец, несколько специальных диссертаций о «Немецкой идеологии»[1]. Вся эта литература насчитывает лишь несколько сотен страниц; значительная часть ее написана на русском, а также на немецком языке.

Первое упоминание о «Немецкой идеологии» в печатной литературе мы находим в заметке Маркса против Карла Грюна, опубликованной 8 апреля 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» и 9 апреля 1847 г. в «Trier'sche Zeitung», где о «Немецкой идеологии», в частности, сказано:

«Рецензия [имеется в виду глава о Грюне.— *Г. Б.*] представляет собой дополнение к написанной *Ф. Энгельсом* совместно со мной работе *«Немецкая идеология»* (критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и *немецкого социализма* в лице его различных пророков). Обстоятельства, которые помешали и теперь еще мешают печатанию этой рукописи, будут, может быть, изложены читателям в другом месте»[2].

В рукописи «Немецкой идеологии» не сохранилось общего названия всего произведения. Это название взято из приведенного места заметки Маркса.

Следующие упоминания «Немецкой идеологии» в работах ее авторов содержатся в предисловии Маркса к «К критике политической экономии» 1859 г. и в предисловии Энгельса к произведению «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» 1888 года.

Таковы основные упоминания о «Немецкой идеологии» в работах Маркса и Энгельса, опубликованных при их жизни.

Начиная с 1895 г. в социал-демократической литературе появился целый ряд статей о «Немецкой идеологии».

[1] *Б. Н. Картозия.* «Вопросы исторического материализма в труде К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология»». Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).— *А. М. Панфилова.* «Вопросы теории научного коммунизма в работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология»». Москва, 1955.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 40.

В них был собран немалый фактический материал. Но оценка «Немецкой идеологии» была неверной, что отчасти объяснялось неполнотой собранных фактов, а главным образом неверной методологией. Даже лучшие из авторов — например Меринг — недооценивали значения «Немецкой идеологии». Меринг дошел чуть ли не до утверждения, что мыши знали, чтó грызть. Меринг не мог правильно оценить «Немецкую идеологию» уже потому, что он весьма смутно представлял себе состав и содержание этого произведения и не знал важнейшей его части — главы о Фейербахе.

В связи с изданием «Немецкой идеологии» в 1932 г. в социал-демократической литературе особенно четко выявилась прямо противоположная тенденция: переоценка значения «Немецкой идеологии», стремление противопоставить ее классическим трудам марксизма, таким как «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах» и т. д.

В советской литературе, особенно после 1932—1933 гг., была, наконец,— опираясь на знание полного текста книги — дана в общем правильная оценка значения «Немецкой идеологии». Правда, по вопросу о степени зрелости марксизма в этой работе имеют место заметные расхождения во взглядах различных авторов. Общим недостатком и статей и диссертаций, написанных у нас о «Немецкой идеологии», является недостаточность фактического материала, как извлеченного при изучении содержания самой «Немецкой идеологии», так и привлеченного из других источников. Отсюда суммарный, поверхностный характер выводов, к которым обычно приходят.

* * *

Мы рассмотрели часть фактов, относящихся к предмету нашего исследования. Этих фактов еще недостаточно для того, чтобы полностью воспроизвести историю «Немецкой идеологии». Однако они дают возможность сделать некоторые общие выводы.

«Немецкая идеология» пережила насыщенную событиями и фактами историю; при этом ей во многих отношениях «не повезло». Дошедшая до нас рукопись опубликована; но до сих пор этот выдающийся труд не восста-

новлен во всей полноте, отдельные страницы и целые главы не найдены. О «Немецкой идеологии» написано несколько диссертаций; но до сих пор нет большого фундаментального научного труда, в котором она была бы всесторонне исследована — исторически и логически. О «Немецкой идеологии» написано немало статей; но до сих пор все содержание этого богатейшего в идейном отношении произведения не стало еще достоянием самых широких масс читателей, нет пока ни одной популярной подробной монографии, а в изданиях «Немецкой идеологии» ее содержание недостаточно раскрывается средствами научного аппарата.

Поэтому мы думаем, что дальнейшее изучение и дальнейшая популяризация «Немецкой идеологии» могли бы пойти по трем связанным между собой направлениям: 1) создание большого научного труда, 2) написание популярной монографии и 3) подготовка условий для академического издания «Немецкой идеологии». Эта комплексная триединая задача может быть решена только коллективными усилиями исследователей.

*И. А. БАХ*

# О СВЯЗЯХ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В АНГЛИИ В 1843—1845 ГОДАХ

Знакомство с Англией, этой «классической страной капитализма», изучение английской истории, обобщение опыта классовой борьбы английского пролетариата, как известно, сыграли огромную роль в формировании взглядов основоположников научного коммунизма.

Обстоятельства сложились так, что Энгельсу довелось раньше Маркса столкнуться с английской действительностью. Именно в Англии, где он пробыл с ноября 1842 по август 1844 г., совершился окончательный переход молодого Энгельса от идеализма и революционного демократизма к материализму и пролетарскому коммунизму. Острая классовая борьба, ничем не прикрытые противоречия классовых интересов, повсюду проявлявшиеся в английской общественной и политической жизни, привели Энгельса к пониманию решающей роли условий материальной жизни в развитии общества. Много лет спустя он в следующих выражениях обрисовал этот этап своего идейного развития: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу» [1].

Изучая место рабочего класса в капиталистическом хозяйстве Англии, Энгельс, в одно время с Марксом, но

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 326.

независимо от него, подходил к пониманию освободительной миссии пролетариата, как класса, способного осуществить социалистическое преобразование общества. На примере Англии ему тогда же удалось раскрыть ряд закономерностей капиталистической экономики.

Сопоставление «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркса с написанным им спустя несколько месяцев совместно с Энгельсом «Святым семейством» показывает, насколько тесное общение с Энгельсом, чтение его статей, помещенных в «Vorwärts», способствовали ознакомлению Маркса с английским рабочим движением. Так, в «Экономическо-философских рукописях» Маркс, обобщая свой опыт личного контакта с представителями парижских рабочих обществ, писал: «Когда между собой объединяются коммунистические *рабочие*, то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д... К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих... Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство» [1]. Развивая ту же мысль в «Святом семействе», Маркс уже пишет: «Нужно быть знакомым с тягой к науке, с жаждой знания, с нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию у французских и *английских* [курсив наш.— *И. Б.*] рабочих, чтобы составить себе представление о *человеческом* благородстве этого движения» [2].

Однако сделанные Марксом еще весной и летом 1844 г. выписки показывают, что интерес к Англии проявлялся у него и до начала содружества с Энгельсом. Работая над своими «Экономическо-философскими рукописями», Маркс конспектировал книгу Бюре «О нищете рабочих классов в Англии и во Франции», французский перевод книги английского врача Лаудона «Разрешение проблемы народонаселения и пропитания» и книгу немецкого экономиста и статистика В. Шульца «Движение

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, 1956, стр. 607.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 92.

производства»[1]. Делая выписки из этих книг, которые по-видимому не были известны Энгельсу, Маркс останавливается на ряде моментов, которые подчеркивал и Энгельс в своем «Положении рабочего класса в Англии». Так же как и Энгельс, Маркс обращает особое внимание на вытеснение ручного труда в результате внедрения машин, на вытеснение мужского труда женским и детским, на рост нищеты и пауперизма, идущий параллельно с расширением производства и с обогащением буржуазии. Выписки из Шульца, Пёкера и др., объединенные под рубрикой «Накопление капиталов и конкуренция среди капиталистов», Маркс заканчивает следующими обобщающими словами: «Огромная прибыль, извлекаемая домовладельцами из нищеты. Квартирная плата находится в обратном отношении к нищенскому уровню жизни, порождаемому развитием промышленности. Извлекаются проценты и из пороков разоренных пролетариев (проституция, пьянство: ростовщик, ссужающий деньги под залог)... Безразличное отношение к людям»[2].

Выписки, сделанные Марксом весной и летом 1844 г., дошли до нас в отрывках, позволяющих лишь частично судить о его круге чтения и ходе мыслей. Но и этих примеров достаточно, чтобы показать, какое значение для основоположников марксизма имело обобщение опыта классовой борьбы в Англии и в первую очередь обобщение опыта английского рабочего движения.

Английский чартизм, первое в истории действительно массовое, политически оформленное движение пролетариата, было — по словам Ленина — «во многих отношениях... подготовкой марксизма, «предпоследним словом» к марксизму»[3]. Опыт чартизма непосредственно дал основоположникам марксизма обильный материал для

---

[1] *E. Buret.* «De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France». Paris, 1840; *Ch. Loudon.* «Solution du problème de la population et de la subsistance». Paris, 1842; *W. Schulz.* «Die Bewegung der Produktion. Eine geschichtlich-statistische Abhandlung zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staats und der Gesellschaft». Zürich und Winterthur, 1843.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, 1956, стр. 544—545.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 30, стр. 458.

формирования понятия о партии пролетариата. Определяя чартизм как «концентрированную форму» борьбы пролетариата против буржуазии, Энгельс в своей книге подходит к пониманию партии, как более высокой формы организации рабочего класса, соединяющей в себе все формы борьбы против буржуазии.

Изучение многолетней борьбы английских рабочих против предпринимателей очень много дало Марксу и Энгельсу для формирования их взглядов на место и значение экономической борьбы пролетариата, показало им в фабричном пролетариате класс, отличный от рабочего класса мануфактурного периода, класс, способный к более высокой ступени сознательности и организованности. И Маркс, и Энгельс подчеркивали, что если первые выступления рабочих на фабриках были связаны с протестом против машин, то в дальнейшем именно фабричный пролетариат явился зачинщиком борьбы против капитала, составил революционное ядро рабочего движения. На примере английских тред-юнионов, Маркс и Энгельс (первый в «Нищете философии», второй в «Положении рабочего класса в Англии») раскрыли значение стачек, как первых попыток координировать действия рабочих, как первых шагов к их организации, показывающих, правда, «необходимость чего-то большего, чем только рабочие союзы и стачки, для того чтобы сломить могущество буржуазии» [1].

Вопросу о влиянии исторического и культурного наследия английского народа на основоположников марксизма уделено немало внимания в литературе по истории марксизма и по истории английского рабочего движения. Вопрос этот большей частью рассматривался до сих пор в теоретическом плане, в плане исследования идейных истоков марксизма. При этом, говоря о непосредственных связях Маркса и Энгельса с английским рабочим и социалистическим движением, большинство авторов за отсутствием конкретного материала вынуждено было ограничиваться общими положениями, опирающимися на несколько известных высказываний самого Энгельса.

Целью данной статьи является уточнение ряда кон-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 443.

кретных моментов, связанных с этими общими положениями и иллюстрирующих их. Детальный анализ дошедших до нас немногочисленных архивных документов, тщательное сопоставление их с данными, почерпнутыми из английской и немецкой рабочей печати, позволяют дать более полную картину связей Маркса и Энгельса в Англии в 1842—1845 годах.

* * *

Первые связи основоположников марксизма в Англии были заложены Энгельсом. Они сразу пошли по трем линиям: связи с социалистами-оуэнистами, связи с чартистами и связи с политическими эмигрантами, участниками тайных рабочих коммунистических обществ.

Энгельс впервые попал в Англию в возрасте двадцати двух лет буквально на следующий день после крупных рабочих волнений лета 1842 года. Эти волнения, значение и масштабы которых несколько умаляются большинством английских историков, были большим потрясением для английского общества. Их следы произвели на Энгельса сильное впечатление. «Когда я в конце ноября 1842 г. прибыл в Манчестер, то застал еще повсюду толпы безработных на перекрестках, и многие фабрики еще стояли» [1]. Манчестер, как и ряд других городов Англии, был зимой 1842—1843 гг. ареной ожесточенной идейной борьбы между приверженцами различного толка школ утопического социализма и чартистами. В мирную просветительную деятельность социалистов ворвался беспокойный дух политических борцов. Первые представители пролетарской интеллигенции, самоучки-пропагандисты атеистических взглядов встречались с политическими агитаторами-рабочими в жарких диспутах в манчестерском Холл оф Сайенс и в других рабочих клубах. Энгельс был постоянным посетителем этих диспутов [2], встречался с их участниками и в более интимной беседе. Оуэнист-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 323—324.

[2] Например, 11, 12 и 13 октября 1843 г. в Манчестере состоялся публичный диспут между оуэнистом Дж. Уотсом и чартистом Дж. Бэрстоу. На диспуте присутствовал Энгельс. (Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 532.)

издатель Джон Уотс и чартистский лидер, ткач Джемс Лич [1] — вот диапазон его встреч в Манчестере.

Сначала симпатии Энгельса идут к социалистам — последователям Роберта Оуэна. «Мы сходимся гораздо больше с английскими социалистами, чем с какой-либо другой партией»,— пишет он осенью 1843 года [2]. Особую ценность представляли материалистически-атеистические взгляды оуэнистов, их просветительная деятельность среди рабочих, их критика буржуазного общества и его институтов, их понимание исторической прогрессивности крупной промышленности. Но социалисты стремились стать выше противоположности между пролетариатом и буржуазией, они видели в рабочем классе только страдающий класс, не веря в его способность освободить себя. Революционную классовую борьбу они подменяли филантропической проповедью «всеобщей любви» [3].

Подлинных представителей революционной тенденции Энгельс видит в чартистах, которые борются за политические права рабочего класса. Завоевание политических прав необходимо пролетариату для того, чтобы улучшить свое экономическое положение, но коренное улучшение этого положения возможно только при уничтожении наемного труда, то есть в результате социальной революции. В Англии социальная революция может быть только делом рабочих. Здесь «наблюдается тот замечательный факт, что чем ниже стоит класс в обществе... тем он прогрессивнее, тем бо́льшую будущность он имеет» [4]. Так пишет Энгельс в мае 1843 года. На этом видно как постепенно он подходит к пониманию исторической миссии пролетариата. Он вскоре приходит к выводу, что силы для выполнения своей исторической задачи английские рабочие могут найти только в соединении двух доселе разъединенных элементов, в соединении теории и практики, в соединении социализма с рабочим движением. «Социализм, прошедший через горнило чартизма, очищенный от своих буржуазных элементов, подлинно пролетарский социализм, который уже и теперь формируется у многих

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 366 и 408.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 541.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 459—461.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 513.

социалистов и многих чартистских вождей, являющихся почти сплошь социалистами, этот социализм сыграет, и очень скоро, выдающуюся роль в историческом развитии английского народа... Слияние социализма с чартизмом, воспроизведение французского коммунизма применительно к английским условиям — вот что должно произойти в ближайшем будущем и частью уже началось. Лишь тогда, когда это осуществится, рабочий класс действительно станет властелином Англии; политическое и социальное развитие тем временем тоже подвинется вперед и будет благоприятствовать этой новой зарождающейся партии, этому дальнейшему развитию чартизма»[1]. Так была окончательно сформулирована Энгельсом эта мысль несколько позже, в его работе «Положение рабочего класса в Англии».

Изучая связи Энгельса в 1842—1844 гг., нельзя ограничиться его встречами с деятелями английского социалистического и рабочего движения. Для этого неутомимого, пытливого и общительного иностранца впечатления были богаче и возможности встреч шире, чем для кого-либо из английских рабочих деятелей того времени. Лондон был тогда одним из главных центров революционной эмиграции; 7 февраля 1840 г. там было основано знаменитое Просветительное общество немецких рабочих, которое просуществовало до 1918 г. и сыграло значительную роль в истории немецкого и международного социалистического рабочего движения. В 40-х годах прошлого века это общество было легальной организацией, за которой скрывался тайный Союз справедливых. Во главе общества стояли члены Союза справедливых, нашедшие убежище в Лондоне после поражения парижского восстания 12 мая 1839 года,— К. Шаппер, Г. Бауэр и И. Молль. С ними Энгельс познакомился в 1843 году; встреча эта произвела на него глубокое впечатление. Спустя много лет он вспоминал о ней: «это были первые революционные пролетарии, которых я видел. И как бы ни расходились в частностях наши тогдашние взгляды,— их ограниченному уравнительному коммунизму я в то время противопоставлял немалую дозу столь же ограничен-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 460, 461.

ного философского высокомерия,— все же я никогда не забуду импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека в то время, когда сам я еще только хотел стать человеком»[1]. Для Энгельса встреча с этими людьми означала установление связей с немецким и французским рабочим коммунистическим движением. Это не значит, что Энгельс не был раньше достаточно хорошо информирован о том и другом движении. В 1843 г. он уже был достаточно начитан по части социалистической литературы, был знаком не только с великими утопистами, Сен-Симоном, Фурье, но и с Кабе, Дезами и многими другими коммунистическими авторами того времени; он хорошо знал литературу немецкого ремесленного коммунизма, в первую очередь самого Вильгельма Вейтлинга. Но это было книжное, теоретическое знакомство. Между тем встречи в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих, где бывали также и французские изгнанники, связанные с тайными обществами у себя на родине, способствовали установлению непосредственного контакта между будущим теоретиком пролетариата и практическими руководителями первых рабочих организаций. Контакт, установленный Энгельсом с лондонскими деятелями Союза справедливых, был довольно тесным, если судить по тому, что ему предложили вступить в Союз. Отказался Энгельс, очевидно, по тем же причинам, которые обусловливали неучастие Маркса во французских тайных обществах — несогласие с их заговорщической тактикой и отрицательное отношение к их грубому эгалитаризму.

Интернациональный характер деятельности Союза справедливых в Лондоне был особенно по сердцу Энгельсу, который с самого начала видел в островной обособленности английских социалистов существенную слабость. «При встречах с английскими социалистами меня всегда несколько удивляло, как мало большинство из них знакомо с социальным движением, развертывающимся в различных странах континента»[2]. Тот факт, что

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 322.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 525.

коммунистические взгляды уже оформились в трех крупных цивилизованных странах — Англии, Франции, Германии — неопровержимо доказывал Энгельсу, что «коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации» [1]. Энгельс пишет для «New Moral World» серию статей «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» [2], цель которой — осведомить английского читателя о коммунистическом и социалистическом движении за границей и заложить основы для взаимопонимания между различными отрядами европейского социализма. В первой статье Энгельс дает очерк французского социализма от Бабёфа, Сен-Симона и Фурье до Кабе и рабочих-коммунистов эгалитариев 30—40-х годов. Вторая статья посвящена Германии и Швейцарии. В ней обрисована деятельность В. Вейтлинга как представителя немецкого рабочего класса и ярко охарактеризовано то революционное и социалистическое направление, которое было тогда представлено самим Энгельсом и Марксом.

Следует отметить, что статьи Энгельса имели значительный отклик в Англии. Первая статья появилась в «New Moral World» 4 ноября 1843 г., а 11 ноября она уже была перепечатана в главном чартистском органе «Northern Star». Точно так же была перепечатана в этой газете и вторая статья. К этому же времени, то есть к поздней осени 1843 г., следует, по-видимому, отнести первое знакомство Энгельса с наиболее выдающимся тогда деятелем левого крыла чартистов Джорджем Джулианом Гарни. Об этой встрече Гарни писал в 1897 году: «Это было в 1843 году, когда Энгельс из Бредфорда приехал в Лидс и отыскал меня в редакции «Northern Star». То был высокий, красивый молодой человек, с лицом почти по-мальчишески юным. Несмотря на немецкое происхождение и образование, его английский язык и тогда был безупречным. Он сказал мне, что постоянно читает «Northern Star» и очень интересуется чартистским движе-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 1, стр. 525.
[2] Там же, стр. 525—541.

нием»[1]. Гарни в начале 40-х годов жил в Шеффилде и лишь в сентябре 1843 г. перебрался в Лидс, где тогда издавалась газета. Следовательно, встреча его с Энгельсом могла произойти не раньше октября 1843 года. Посещение редакции чартистской газеты надо рассматривать как один из практических шагов, предпринятых Энгельсом для осуществления намеченной задачи — сближения социализма с чартизмом.

Вопреки установившемуся в нашей литературе мнению, что постоянное сотрудничество Энгельса в «Northern Star» началось в сентябре 1845 г., некоторые историки приписывают Энгельсу авторство ряда статей, напечатанных в чартистской газете весной 1844 г. в разделе «Движение за границей». Помещенная в номере от 3 февраля 1844 г. первая заметка, озаглавленная «Германия. Печать и германские самодержцы», начинается словами, которые как-то перекликаются с упомянутой выше статьей Энгельса «Успехи движения за социальное преобразование на континенте»: «Наши читатели уже осведомлены о быстрых успехах республиканских и коммунистических воззрений в Германии; этот успех с недавних пор вызывает необычайный страх у коронованных разбойников и их советников в этом обширном союзе государств». Дальнейшие статьи о положении в Германии носят пометку «От нашего собственного корреспондента» и помещены в №№ 338, 340, 341 и 346 «Northern Star» от 4, 18, 25 мая и 29 июня 1844 года. По манере изложения эти заметки не похожи на корреспонденции с мест и не датированы; это значит, что их мог бы составить Энгельс, находясь в Манчестере и используя данные, уже известные ему ранее или взятые им из немецких газет. Две из этих заметок (№№ 338 и 340) содержат общую характеристику обстановки в Пруссии и Германии — ханжество «христианского короля» Фридриха-Вильгельма IV, строгости цензуры, преследования оппозиционной прессы, студенчества и прогрессивной профессуры; в заметках сообщается об отставке Науверка, о новых исследованиях автора «Жизни Христа», Давида Штрауса. Сообщается в них и о давлении, оказанном царской дипломатией на германские

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 192.

правительства в связи с «антирусскими» настроениями немецких газет. В этих заметках мы не находим характерных для Энгельса уже в тот период элементов классового анализа. Заметка в № 341, посвященная волнениям, вызванным в Мюнхене повышением налога на пиво, содержит несколько более конкретные сведения; она написана в иронической манере, иногда свойственной и Энгельсу. Однако ни в этой заметке, ни в предыдущих еще нет ничего специфически «энгельсовского», т. е. ничего такого, что могло бы категорически подтвердить авторство Энгельса.

Особого внимания заслуживает заметка, помещенная в № 346. Она посвящена восстанию силезских ткачей и содержит выводы, которые необычайно близки к взглядам, высказанным Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии» и едва ли могли быть сформулированы кем-либо другим. Сообщая вкратце о событиях в Петерсвалдене и Лангбилау, автор заметки объясняет их тем, что местные рабочие-ткачи «не в состоянии выдержать конкуренцию английских машинных изделий и уже некоторое время находятся в бедственном положении, аналогичном положению английских ручных ткачей... Отсюда с очевидностью вытекает,— продолжает автор,— что фабричная система, внедрение машин и т. п. влекут за собой для рабочего класса на континенте те же в точности последствия, что и в Англии: угнетение и непосильный труд для огромной массы, богатство и благополучие для небольшой кучки; необеспеченность существования, недовольство своим положением и народные волнения характерны для силезских гор не менее, чем для густонаселенных городов Ланкашира и Йоркшира». Здесь мы видим мысль очень выпукло сформулированную в «Положении рабочего класса в Англии», мысль о неизбежных спутниках промышленного переворота — росте эксплуатации и обнищании пролетариата,— здесь видим и мысль о том, что Германия уже проделывает тот же путь развития капитализма, что и Англия. «Те же коренные причины, которые привели в Англии к нищете и угнетению пролетариата, существуют и в Германии, и они должны с течением времени привести к тем же результатам»,— пишет Энгельс в предисловии к своей книге и ссылается в под-

тверждение именно на волнения в Силезии и Богемии [1]. Это предисловие написано 15 марта 1845 г., т. е. почти год спустя после заметки в «Northern Star».

В подтверждение гипотезы об авторстве Энгельса следует напомнить, что для большинства немецких социалистически настроенных публицистов того времени (М. Гесс, К. Грюн и др.) была характерна вера в особый — минующий капиталистическую стадию — путь развития Германии. Это обстоятельство чрезвычайно суживает круг возможных авторов интересующей нас статьи и придает версии об авторстве Энгельса значительное правдоподобие.

Также подкрепляет эту версию и тот факт, что с момента отъезда Энгельса из Англии (в конце августа 1844 г.) заметки о Германии «От нашего собственного корреспондента» перестают появляться.

* * *

Проездом из Англии в Германию в конце лета 1845 г. Энгельс провел у Маркса в Париже 10 дней, во время которых выяснилось полное единство их взглядов во всех принципиальных вопросах. Известно, что за эти 10 дней был составлен план первой совместной работы — «Святого семейства» — и написано к ней предисловие.

Из Бармена Энгельс пишет Марксу первое письмо, которое свидетельствует о важности теоретических выводов, сделанных им во время бесед с Марксом, и о намеченном совместно плане сплочения своих единомышленников. Это письмо является одним из немногих свидетельств о первых шагах Маркса и Энгельса в борьбе за партию. «В Кёльне я провел три дня и был поражен невероятными успехами нашей пропаганды. Наши люди там очень деятельны, но чувствуется недостаток в надлежащей опоре. Пока наши принципы не будут развиты — в двух-трех книгах — и не будут выведены, логически и исторически, из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, вся эта работа останется половинчатой, и большинство наших будет блуждать, как в темноте» [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 239—240.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 1.

Зиму 1844—1845 гг. Энгельс проводит в Германии. Он работает над книгой «Положение рабочего класса в Англии», принимает активное участие в демократическом движении, в социалистической пропаганде, в создании социалистической печати. Обстановка в Рейнской Пруссии своеобразная. Страна накануне буржуазной революции, рабочее движение еще только начинается и социалистическая пропаганда находит поддержку у всех оппозиционных элементов: каждый недовольный существующим порядком объявляет себя социалистом. Такая обстановка порождает иллюзии относительно последовательной революционности буржуазии, которых не удалось избежать и молодому Энгельсу. Однако, выступая вместе с представителями мелкобуржуазного течения «истинного социализма», он никогда не солидаризируется с ними полностью, упорно пробивает себе путь к пролетарскому коммунизму. «Социализм стал злобой дня в Германии, и в течение года выросла значительная партия сторонников социализма... До сих пор нашу силу составлял средний класс... Однако мы надеемся в скором времени найти опору в рабочем классе, который всегда и повсюду должен являться силой и оплотом социалистической партии» [1]. Так пишет Энгельс 9 ноября 1844 г. в статье для «New Moral World», снова подчеркивая мысль о необходимости соединения социализма с рабочим движением. Эта статья, напечатанная 13 декабря 1844 г., и две другие, помещенные в «New Moral World» от 8 марта и 5 апреля 1845 г., показывают, что литературные связи Энгельса с Англией не порывались и после его возвращения на родину. Следует, однако, отметить, что после 5 апреля 1845 г. Энгельс прекратил сотрудничество в органе оуэнистов и на этом, по-видимому, его связи с представителями утопического социализма в Англии оборвались.

В феврале 1845 г. Маркс, высланный из Парижа по настоянию прусского правительства, переезжает в Брюссель, куда вскоре приезжает и Энгельс. С брюссельским периодом начинается систематическая разработка нового материалистического мировоззрения научного комму-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 519.

низма. Весной 1845 г. задуман второй совместный труд — «Немецкая идеология».

Параллельно с разработкой теории и в неразрывной связи с ней продолжается и практическая, организаторская деятельность Маркса и Энгельса по сплочению первого ядра единомышленников, причем очередной задачей является в то время расширение пропаганды и завоевание сторонников в пролетарской среде. «У нас уже были последователи среди интеллигенции, особенно в Западной Германии, и значительные связи с организованным пролетариатом,— писал Энгельс в 1885 году.— На нас лежала обязанность... убедить в правильности наших воззрений европейский и прежде всего германский пролетариат»[1]. Останавливаясь далее на своих и Маркса отношениях с общинами Союза справедливых, Энгельс писал в этой же статье: «Мы, однако, не только поддерживали постоянную переписку с лондонцами, но и находились в еще более тесных сношениях с д-ром Эвербеком, руководителем в то время парижских общин»[2]. Из этого мы видим, что связь основоположников марксизма с Англией в 1844—1845 гг. носила не только литературный характер, а касалась также и практической организаторской деятельности Маркса и Энгельса.

Из упомянутой Энгельсом «постоянной переписки» с Парижем и Лондоном нам пока известны только письма Эвербека (из Парижа) и три письма, написанные из Лондона В. Вейтлингом. Первое из них, от 18 октября 1844 г., адресовано Марксу, адресаты второго и третьего письма, от мая и сентября 1845 г., в письмах не названы.

С наиболее выдающимся представителем немецкого уравнительного ремесленного коммунизма В. Вейтлингом Маркс и Энгельс лично встретились только в 1845 году. Вставшая перед ними вскоре необходимость порвать с Вейтлингом, который оказался не способным преодолеть свою сектантскую ограниченность и отказаться от грубо-уравнительных, полумистических идей, задним числом исказила подлинную картину первоначального отношения основоположников марксизма к Вейтлингу. Маркс и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 327.

[2] Там же.

Энгельс видели в Вейтлинге яркого представителя его класса, со всеми свойственными ранним формам рабочего движения слабостями и ошибками, но талантливого и оригинального. Независимо один от другого, в своих ранних работах они дают ему высокую оценку. Вспомним слова Маркса о «гениальных сочинениях *Вейтлинга»*, его сравнение банальной и трусливой немецкой буржуазной литературы с *«беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих», «гигантские *детские башмаки»* немецкого пролетариата, предвещающие ему в будущем *«фигуру атлета»* [1]. Такого же рода оценку Вейтлингу дает и Энгельс в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте». Называя Вейтлинга «основателем немецкого коммунизма», Энгельс пишет об издававшемся Вейтлингом журнале «Die Junge Generation»: «Хотя этот журнал писался только для рабочих и писал его рабочий, он с самого же начала превзошел большинство изданий французских коммунистов, в том числе даже «Populaire» отца Кабе. Видно по журналу, что его редактор должен был очень усердно работать, чтобы приобрести те исторические и политические познания, без которых не может обойтись публицист и которых не дало ему скудное образование» [2].

Не менее высокую оценку Вейтлинга находим мы и в более поздней работе Энгельса, в его «Введении и заключении к отрывку из Фурье о торговле». Ставя Вейтлинга значительно выше «истинных социалистов», Энгельс называет его единственным немцем, который действительно сделал кое-что в области критики капитализма и произведения которого могут выдержать сравнение с произведениями Фурье [3].

В поисках путей для установления контакта с германскими рабочими Маркс и Энгельс, естественно, не могли пройти мимо В. Вейтлинга, которого они твердо надеялись поднять до понимания научного социализма.

В сентябре 1844 г. Вейтлинг, изгнанный из Швейцарии, прямо из тюрьмы прибыл в Лондон. 22 сентября английские социалисты устроили ему в Сошиал-холле

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 443, 444.
[2] Там же, стр. 535.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 581, 582.

торжественную встречу, почва для которой была подготовлена статьями Энгельса. Как видно из отчета о собрании, один из ораторов прямо заявил, что английская публика впервые узнала о Вейтлинге «из серии статей, написанных для «New Moral World» молодым немецким джентльменом, проживавшим в Англии»[1].

Подробные сообщения об этом собрании в Сошиалхолле, помещенные в выходившей в Париже при ближайшем участии Маркса газете «Vorwärts», показывают интерес Маркса к Вейтлингу. В то же время мы находим в этих сообщениях несколько редакционных вставок и примечаний, в которых в завуалированной форме уже содержится и критика по адресу Вейтлинга, который начинал разыгрывать из себя «вдохновенного пророка». Комментируя речь одного из англичан, назвавшего Вейтлинга «вождем немецкого коммунизма», редакция «Vorwärts» замечает:

«Тщетно пытались бы мы объяснить им [английским социалистам.— *И. Б.*], что ни в Европе, ни где-либо в Германии нет никакого *вождя*, никакой *главы* коммунизма; тщетно пытались бы мы доказать, что само дело не терпит никакого верховного командования... *Следует иметь в виду, что немецким коммунистам в Лондоне и в голову не приходит именовать своим вождем талантливого молодого человека, впрочем уже так много сделавшего»*[2]. Такие слова английского оратора,— пишет редакция «Vorwärts», возвращаясь в следующем номере к тому же вопросу,— лишь свидетельствуют о полном непонимании характера этого «самопроизвольного *массового* движения, повсюду выдвигающего своих глашатаев»[3].

Лестный отзыв Маркса о Вейтлинге в знаменитой статье о силезском восстании[4] послужил поводом для первого письма Вейтлинга к Марксу, 18 октября 1844 года. Ответное письмо Маркса до нас не дошло. Следующее письмо Вейтлинга, адресованное «друзьям» в Брюсселе и написанное не ранее 6 мая 1845 г., рассматривается советским литературоведом Ф. Шиллером как

---

[1] «New Moral World», 28. IX. 1844.
[2] «Vorwärts» № 91, 13. XI. 1844.
[3] «Vorwärts» № 92, 16. XI. 1844.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 430—448.

письмо к Марксу и Энгельсу[1]. Немецкий автор Э. Барниколь, опубликовавший это письмо на языке оригинала[2], считает адресатов неизвестными. Между тем в тексте Барниколя отсутствуют несколько слов, вполне ясно различимых на фото оригинала, хранящемся в архиве Института марксизма-ленинизма; эти слова позволяют довольно точно определить адресатов письма. Сообщая о том, что при известных обстоятельствах ему придется передать поручение, которое он выполняет для адресатов, англичанину, Вейтлинг пишет: «Это Райал. Энгельс его должен знать»[3]. Из контекста можно понять, что речь идет о сборе материалов для некоего корреспондентского бюро. Такое бюро действительно существовало в Брюсселе в 1845 году. Вот что пишет по этому поводу жена Маркса в своем недавно опубликованном «Беглом очерке беспокойной жизни»: «В мае мы поселились на улице Альянс, за воротами Сен-Лувен, в маленьком домике, который сняли у д-ра Брейера. Едва мы там устроились, как вслед за нами приехал Энгельс. Здесь же был Генрих Бюргерс, который со своим другом д-ром Роландом Даниельсом разыскал нас еще в Париже. Вскоре после этого приехал также Гесс с женой; некий Себастьян Зейлер тоже присоединился к маленькому немецкому кружку. Он организовал корреспондентское бюро, и маленькая немецкая колония жила здесь довольно хорошо»[4].

Как видно из всего сказанного, есть достаточно оснований считать, что письмо Вейтлинга «друзьям» адресовано если не лично Марксу, то во всяком случае небольшой группе лиц, тесно с ним связанных и разделявших его взгляды. Известно, что в это время М. Гесс также участвовал в общих литературных и издательских планах Маркса и Энгельса; он даже должен был написать главу для «Немецкой идеологии».

Поскольку это письмо Вейтлинга, оставшееся вне поля зрения большинства биографов Маркса, представ-

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга пятая, 1930, стр. 475.

[2] *E. Barnikol*. «Weitling der Gefangene und seine «Gerechtigkeit»», Kiel, 1929. S. 271—274.

[3] Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ). Письмо В. Вейтлинга [не ранее 6 мая 1845], ф. 1, оп. 5, № 66.

[4] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 224.

ляет значительный интерес, приведем здесь несколько более пространные выдержки из него. Но прежде чем это сделать, необходимо напомнить, что к маю 1845 г. уже обнаружились довольно резкие теоретические расхождения между Вейтлингом и другими руководителями лондонского Просветительного общества немецких рабочих. Этот факт, известный нам из сохранившихся протоколов Общества [1], объясняет несколько раздраженный тон письма Вейтлинга. Это раздражение было направлено против лондонских коммунистов, а отнюдь не против адресатов письма в Брюсселе. Вейтлинг пишет:

«Дорогие друзья! Между различными коммунистическими деятелями нет единодушия. Это особенно дает себя чувствовать при таких начинаниях, где требуются жертвы и где каждый может сделать больше или меньше, в зависимости от своего рвения к делу пропаганды. Но я вынужден прервать свою мысль — короче, дело обстоит так, что я счел издание здесь журнала затруднительным и в особенности не захотел иметь никакого отношения к редактированию. Если бы вы мне прислали письмо такого же содержания месяц тому назад, то я бы с радостью сделал все возможное для осуществления этого проекта. Но сейчас для меня слишком поздно. Я всегда терплю очень долго, но когда приходится слишком туго, то принимаю быстрое решение. Так случилось и сейчас. Вот уже неделя, как я отказался от всякого писательства и занялся изобретением в производстве модного товара. Я потратил остаток своих денег на то, чтобы заказать машину и сделать образцы. Сегодня вечером мне опять будут нужны деньги, и я не знаю, где их достать (2 фунта я смогу получить только завтра)... Редактирование такого журнала всегда неблагодарное дело. Я во всяком случае взялся бы за это только в соответствии с вашим предложением, а именно, чтобы каждая статья помещалась за подписью автора. Но тогда многие бы стали приносить статьи, из которых надо было бы делать выбор. На этом наживешь врагов. А тут еще, пожалуй, захотят

---

[1] См. Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung, 10. Jhrg., H. 2—3, S. 365—391, а также *Е. Кандель.* «Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов», 1953, стр. 114—116.

устраивать заседания и выносить большинством голосов решения по поводу того, что̀ будет выходить из моей головы, и не следует ли это сделать погуще или пожиже применительно к головам других людей. Короче говоря, в работе не было бы уже той свободы, которой я располагал, когда издавал «Junge Generation» и «Hülferuf». Уполномоченным я поэтому ответил отказом».

Из этого письма видно, что весной 1845 г. брюссельские «адресаты» — по-видимому, Маркс, Энгельс и их ближайшее окружение — через «уполномоченных» предложили Вейтлингу издавать в Лондоне немецкий коммунистический журнал. В отличие от тех органов, которые Вейтлинг издавал ранее и которые составлялись почти целиком им самим, новый журнал должен был печатать статьи различных авторов.

Мы знаем, что в 1845 г. Маркс и Энгельс всячески стремились завоевать позиции в печати: этим объяснялась поддержка, которую они оказывали таким печатным органам, как «Gesellschaftsspiegel» и «Rheinische Jahrbücher». Точно так же можно было опереться на публицистический талант Вейтлинга, на его связи с рабочим классом. В то же время это вовсе не означало, что следует отдать все дело издания журнала в руки Вейтлинга; журнал в Лондоне должен был послужить сплочению различных имевшихся налицо коммунистических элементов. Неосуществленный план издания журнала в Лондоне показывает, что уже весной 1845 г. Маркс и Энгельс считали Лондон важной позицией, которую необходимо было завоевать для пропаганды научного коммунизма. В этом заключалась одна из причин, побудивших их предпринять совместную поездку в Англию летом 1845 года.

* * *

О поездке, совершенной Марксом и Энгельсом в Англию между 12 июля и 20 августа 1845 г., об их пребывании в Лондоне и Манчестере мы почти ничего не знаем. Несколько тетрадок с выписками, сделанными рукой Маркса, свидетельствующих об изучении им английской экономической литературы; несколько тетрадок выписок, сделанных рукой Энгельса; ряд беглых упоминаний в ра-

ботах и письмах основоположников марксизма за более поздние годы, косвенные данные из переписки и воспоминаний современников — вот весь материал, которым может располагать исследователь. О совместных занятиях в манчестерской публичной библиотеке Энгельс вспоминал в 1870 г. в письме к Марксу: «В течение последних дней я опять много работал в маленьком башенном выступе за квадратным бюро, где мы сидели 24 года назад; я очень люблю этот уголок: из-за расписного окна там всегда уютно. Старый Джонс, библиотекарь, все еще жив, но очень стар и больше ничего не делает, я его там еще не видал» [1].

Брошюра английского историка-коммуниста М. Дженкинса «Энгельс в Манчестере» [2] показывает, что и в английских архивах, по-видимому, не сохранилось следов практической деятельности Маркса и Энгельса в Англии в интересующий нас период.

Одним из немногих документов, освещающих эту страничку практической деятельности Маркса и Энгельса, является заметка, озаглавленная «Демократическое движение», помещенная в «Northern Star» от 23 августа 1845 года. В этой заметке сообщается об участии Энгельса в «совещании демократов ряда стран», состоявшемся в таверне «У ангела» на Уэббер-стрит, Блэкфрайарз-род, под председательством чартиста Чарлза Кина. Энгельс поддержал внесенную Томасом Купером резолюцию о созыве «собрания проживающих в Лондоне демократов всех национальностей для обсуждения вопроса о создании общества, имеющего целью взаимное ознакомление — посредством периодических совместных собраний — с движением за общее дело, протекающим в каждой отдельной стране» [3].

По процедуре, принятой в Англии и строго соблюдавшейся и в рабочих организациях, оратор, поддерживавший резолюцию, обычно намечался заранее и принадле-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIV, стр. 343.

[2] *M. Jenkins*. «Frederick Engels in Manchester». [Manchester, 1951.]

[3] *И. А. Бах*. «Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.» (в сборнике статей «Из истории социально-политических идей», 1955, стр. 480—481).

жал к числу организаторов данного собрания. Это дает нам основание полагать, что Энгельс не случайно попал на совещание на Уэббер-стрит, а был в курсе его подготовки. Тот факт, что выступил именно Энгельс, а не Маркс, объясняется тем, что последний в то время еще не владел английским языком. Выступление Энгельса выражало не просто его личное отношение к вопросу, а позицию, занятую им совместно с Марксом. Следует также обратить внимание на то, что в заметке Энгельс назван «ситизен», в то время как чартисты названы просто «мистер». «Ситизен» — «гражданин» — было обращением, принятым среди политических эмигрантов. Называя Энгельса «ситизен», редакция «Northern Star» как бы подчеркивала, что рассматривает его выступление как выступление представителя политической эмиграции в Лондоне.

Поддержанная Энгельсом резолюция была принята единогласно и созыв организационного собрания назначен на 1 сентября. Из дальнейшего сопоставления заметок и объявлений видно, что «собрание английских и иностранных демократов» в назначенный срок не состоялось. Намеченная встреча была приурочена к празднованию годовщины провозглашения Французской республики 1792 г.— к 22 сентября. В этот день в помещении чартистской организации лондонского Сити состоялся торжественный вечер. Маркс и Энгельс, уже вернувшиеся в Брюссель, на этом собрании не присутствовали.

Энгельс посвятил описанию собрания 22 сентября в Лондоне отдельную статью — «Празднество наций в Лондоне» [1]. Ход собрания и текст речей даны им по подробному отчету, опубликованному в «Northern Star» [2]. Вводная часть статьи Энгельса представляет большой теоретический интерес. Она направлена против космополитической пропаганды буржуазных политиков; в ней впервые провозглашается идея тождества интересов пролетариата разных стран и в противовес лицемерному космополитизму буржуазии утверждается идея пролетарского интернационализма.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 2, стр. 587—599.
[2] «Northern Star», 27. IX. 1845.

Энгельс пишет: «пролетарии всех наций без шума и громких фраз начинают *действительно брататься* под знаменем коммунистической демократии. Ведь одни только пролетарии и могут действительно сделать это, ибо буржуазия каждой страны имеет свои особые интересы, а так как эти интересы для нее превыше всего, она не способна подняться выше национальности... А пролетарии во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба... Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями» [1].

Это — первая формулировка идеи пролетарского интернационализма, данная Марксом и Энгельсом в печати. Следует отметить, что почти дословно эта формулировка встречается и в «Немецкой идеологии», произведении, оставшемся, как известно, неопубликованным при жизни авторов [2].

В вводной части статьи «Празднество наций в Лондоне» Энгельс рассказывает, что в Лондоне уже не раз были сделаны попытки объединить радикалов или демократов различных стран. Но попытки каждый раз терпели неудачу потому, что англичане и иностранцы, не зная друг друга и не разбираясь в политических оттенках, смешивали радикальных буржуа с радикальными пролетариями и пытались свести как друзей на одном и том же собрании самых отъявленных врагов. Чтобы понять эти слова Энгельса, следует вспомнить о том, что упомянутая выше встреча английских социалистов с немецкими и французскими коммунистами по случаю приезда Вейтлинга в Англию привела к созданию в Лондоне в октябре 1844 года общества «Демократические друзья всех наций». По замыслу его основателей это общество должно было предоставить представителям различных стран, проживавшим в Лондоне, возможность собираться раз в месяц для личного общения и обмена информацией. Душой этого общества был К. Шаппер, который в качестве секретаря составил первый программный документ

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 590.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 61.

общества, датированный 14 октября 1844 года. В этом документе говорилось о «поощрении братских чувств между народами», «о защите человеческой свободы», «о великих принципах человеческого братства», «о поддержке политическим изгнанникам»[1]. Для этого документа характерна некоторая окраска космополитизма — фразеология об общечеловеческих интересах,— отчасти заимствованная у оуэнистов, под влиянием идей которых Шаппер в то время находился. Чартисты в обществе «Демократические друзья всех наций» не участвовали, хотя председателем на первом собрании был известный в свое время чартист доктор Мак Дуал.

Общество «Демократические друзья всех наций» было немногочисленным и просуществовало до весны 1845 года; к моменту поездки Маркса и Энгельса в Англию оно, очевидно, уже распалось.

Далее Энгельс пишет в своей статье, что «в августе 1845 г. снова были предприняты попытки к сближению, на этот раз не оставшиеся бесплодными, и празднование 22 сентября, уже объявленное раньше другими лицами, было использовано, чтобы публично провозгласить союз проживающих в Лондоне демократов всех наций»[2]. Этой несколько туманной фразой Энгельс дает знать читателю об основании в этот вечер международного общества «Братские демократы»[3].

Сопоставляя этот абзац статьи Энгельса с заметкой в «Northern Star» 23 сентября 1845 г., мы приходим к выводу, что именно августовское совещание, в котором участвовали Маркс и Энгельс, положило начало созданию общества «Братские демократы». Активное участие основоположников марксизма в установлении контакта между руководителями Союза справедливых и левыми чартистами подчеркнуто самим Энгельсом в его статье «К исто-

---

[1] «Northern Star», 26.X.1844. Этот же документ был опубликован в «New Moral World», 2.XI.1844.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 2, стр. 592.

[3] Некоторые авторы (например, Коль, в своей книге «Chartist portraits», стр. 284) относят дату основания общества к марту 1846 г., когда его название впервые появилось в печати; сами же «Братские демократы» считали датой основания именно 22 сентября 1845 года. (Ср. «Northern Star», 26.IX.1846 г., речь Гарни на праздновании первой годовщины со дня основания общества «Братские демократы».)

рии Союза коммунистов». Указывая на то, что «английские чартисты ввиду специфически английского характера их движения» не были в начале 40-х годов вовлечены в интернациональные связи, Энгельс пишет: «С ними лондонские руководители Союза вступили в связь лишь позднее, *через меня*» (курсив мой.— *И. Б.*)[1].

Сопоставим, далее, сказанное Энгельсом в статье «Празднество наций в Лондоне» о более ранних попытках создания международного общества с тем, что мы знаем об обществе «Демократические друзья всех наций»; мы видим, что общество «Братские демократы» отличалось от ранее существовавших организаций участием в нем, наряду с руководителями Союза справедливых, представителей левого, революционного, крыла чартистов во главе с Джулианом Гарни. Этому моменту Энгельс придает большое значение. Он подчеркивает, что в основе нового общества лежит не фикция «общечеловеческих интересов и чувств», а понимание тождества интересов пролетариата всех стран, не сентиментальные мелкобуржуазные космополитические фразы, а идея пролетарского интернационализма. Это был первый шаг к вытеснению лозунга «Все люди — братья!» лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Для осуществления этой задачи Маркс и Энгельс считали возможным и нужным опереться не только на руководителей Союза справедливых, но и на чартистов. В статье «Празднество наций» Энгельс дает очень высокую оценку Гарни. Он пишет, что это «настоящий пролетарий, с юности принимавший участие в движении», что он «совершенно ясно представляет себе цели европейского движения», что «ему принадлежит главная заслуга в деле устройства... празднества; он не щадил никаких усилий для сближения различных национальностей, для устранения недоразумений, для преодоления личных разногласий»[2].

Такую же оценку роли Гарни мы находим в журнале «Gesellschaftsspiegel», к которому известное касательство имели Маркс и Энгельс: «Лондонские немецкие рабочие

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 324.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 592.

объединились с чартистами,— пишет лондонский корреспондент журнала.— Гарни завязал дружеские отношения с немецкими коммунистами и Вейтлингом. Он очень активен и недавно призвал демократов всего мира для взаимного знакомства и посредничества» [1].

Весьма многие из руководителей чартистов, следуя своим узконациональным целям, избегали общения с революционной эмиграцией, в особенности с ее социалистическими элементами. Маркс и Энгельс считали очень важным преодолеть эту островную обособленность, стремились приобщить чартистскую массу к социалистическим идеям, к идеям пролетарского интернационализма. Основание общества «Братские демократы» при участии левых чартистов было первым и важным шагом на этом пути.

Хотя первое знакомство Энгельса с Гарни и состоялось осенью 1843 г., можно считать, что более тесная дружба между ними началась лишь после лондонской встречи 1845 года. Как иначе объяснить тот факт, что имя Гарни ни разу не упомянуто в «Положении рабочего класса в Англии», где целая глава посвящена чартизму и где содержатся такие теплые отзывы о манчестерском чартисте Дж. Личе?

После отъезда Маркса и Энгельса из Англии между Энгельсом и Гарни завязалась систематическая переписка. Письма Энгельса до нас не дошли: Гарни по просьбе самого Энгельса сжигал их. Но сохранившиеся подробные ответы Гарни позволяют довольно точно восстановить картину его отношений с основоположниками марксизма. Энгельс всячески старался воодушевить Гарни, толкал его на укрепление связей с немецкими коммунистами в Лондоне. После создания Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета в начале 1846 г. Маркс и Энгельс предложили Гарни основать в Лондоне Коммунистический корреспондентский комитет, опирались на него в своих попытках распространить учение научного коммунизма в Англии.

Гарни до конца оставался в числе руководителей общества «Братские демократы» [2]. Общество объединяло

[1] «Gesellschaftsspiegel», Bd. 6, 1845, S. 99.

[2] Дальнейшая история общества «Братские демократы» изложена в книге историка-коммуниста Ф. А. Ротштейна «Очерки по

только лиц, проживавших в Лондоне, и вследствие этого его деятельность носила главным образом местный характер. В связи с особыми требованиями чартистской партии, которая не разрешала своим членам участвовать в другой организации, общество «Братские демократы» на первых порах не имело определенной программы и устава. Лишь после того, как обнаружили, что на собрания этого общества проникают чуждые элементы, было внесено предложение — составить список членов общества, и каждое новое лицо должно было быть введено кем-нибудь из уже зарегистрированных членов. «Братские демократы» провели в 1846—1847 гг. ряд международных демократических митингов. 29 ноября 1847 г. на собрании «Братских демократов» выступил Маркс с приветствием от брюссельской Демократической ассоциации и призывал созвать в будущем, 1848, году конгресс демократов всех стран; как известно, конгресс не состоялся в связи с начавшейся революцией. В дальнейшие годы деятельность общества «Братские демократы» постепенно сходила на нет и в конце 1853 г. оно прекратило свое существование.

Для Англии деятельность общества «Братские демократы» имела большое значение. Общество содействовало распространению идей пролетарского интернационализма среди английских рабочих, способствовало формированию таких деятелей английского и международного рабочего движения, как Д. Гарни и Э. Джонс. Более тесное общение с чартистами способствовало политическому росту членов Союза справедливых, помогло им преодолеть специфическую ограниченность идей Вейтлинга, ускорило их переход к марксизму.

* * *

Изучение связей Маркса и Энгельса в Англии в 1843—1845 гг. показывает, что основоположники марксизма с

---

истории рабочего движения в Англии», 1925, стр. 128—177. Ф. А. Ротштейну принадлежит та заслуга, что он первый изложил историю этого общества. Однако не располагая данными об участии Маркса и Энгельса в подготовке к основанию общества в августе 1845 г., Ф. А. Ротштейн не смог правильно осветить историю его возникновения.

самого начала стремились активно воздействовать на развитие английского рабочего движения. Идея соединения чартизма с социализмом, окончательно сформулированная Энгельсом зимой 1844—1845 г. в «Положении рабочего класса в Англии», настойчиво проводилась им в жизнь с 1843 года. Придавая большое значение международному характеру революционной эмиграции в Лондоне, Маркс и Энгельс стремились использовать обстановку, чтобы сломить островную замкнутость английских рабочих, вовлечь их в общее русло европейского рабочего революционного движения, воспитать их в духе пролетарского интернационализма.

Вместе с тем Маркс и Энгельс ставили себе задачей сделать достоянием международного пролетариата лучшие традиции английского рабочего класса; добившись летом 1845 г. установления тесных связей между немецкими коммунистами в Лондоне и левыми чартистами, Маркс и Энгельс хотели таким образом помочь преодолению грубо уравнительного ремесленного коммунизма членов Союза справедливых, подвести их к пониманию исходных положений научного коммунизма.

С момента основания Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета в начале 1846 г. Маркс и Энгельс стремились укрепить свои позиции в Лондоне как одном из важнейших центров пропаганды научного коммунизма.

По мере назревания революционной ситуации накануне 1848 г. значение Лондона как главного штаба чартистского отряда международного пролетариата возрастало. Ряд документов, составленных при участии Маркса и Энгельса в 1847 и начале 1848 г., направлены на активизацию чартистских лидеров. Неудачу чартистской демонстрации 10 апреля 1848 г. Маркс и Энгельс рассматривали как крупное поражение международной революции.

«*В Лондоне 10 апреля* не только была *сломлена* революционная мощь чартистов, но и *нанесен первый удар революционизирующему влиянию февральской победы...* Кто не помнит, как эта победа «порядка», этот первый ответный удар на удары февраля и марта повсюду дал новую опору контрреволюции, окрылил так назы-

ваемых консерваторов новыми надеждами», писал тогда Маркс[1].

Во время революционных событий 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс, находясь в Кёльне, всячески старались укрепить международные пролетарские связи. «Neue Rheinische Zeitung» имела своего постоянного корреспондента в Париже, в Вене, печатала информацию из Англии. Однако после ареста ряда чартистов, в том числе и Э. Джонса, летом 1848 г., после отъезда из Лондона К. Шаппера и других немецких коммунистов, связи Маркса и Энгельса с Англией несколько ослабли и с трудом прослеживаются. Эти связи все же не порывались окончательно, и, приехав в Лондон во второй половине 1849 г., основоположники марксизма нашли вполне подготовленную почву для возобновления постоянного контакта с левым крылом чартистского движения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 82—83.

*Е. П. КАНДЕЛЬ*

# ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА С НЕМЕЦКИМ «ИСТИННЫМ СОЦИАЛИЗМОМ»

Выяснение вопроса об условиях формирования марксистской теории, об ее идейных источниках и ее противниках, в борьбе с которыми марксизм выкристаллизовался в последовательно революционное мировоззрение пролетариата, является насущной научной задачей, имеющей в то же время и актуальное политическое значение. В зарубежной правосоциалистической литературе делаются попытки фальсифицировать историю формирования марксизма и использовать это как средство в своих враждебных атаках на марксизм-ленинизм. Потребность в более ясном представлении о характере «истинного социализма» и борьбе против него основоположников марксизма определяется и практическими нуждами, связанными с разработкой научных биографий Маркса и Энгельса, а также с подготовкой второго издания Сочинений основоположников марксизма.

Буржуазные историки развития социалистических идей, руководствуясь узкоклассовым, узкопартийным подходом, внесли в этот вопрос значительную путаницу, хаос разноречивых мнений и прибегли к тенденциозной фальсификации истории социализма [1]. Это особенно прояви-

[1] Мы ограничиваемся здесь лишь самой краткой историографической справкой, так как более подробный обзор литературы по данному вопросу дан в работе профессора М. В. Серебрякова «Немецкий социализм и борьба с ним Маркса и Энгельса», напечатанной в «Ученых записках Ленинградского государственного университета». Серия философских наук, выпуск 2, 1948, стр. 3—122. Разделяя основные положения этой весьма ценной работы, автор настоящей статьи расходится с профессором М. В. Серебряковым в оценке отдельных значительных моментов в истории этого направления. Все эти случаи мы оговариваем в статье.

лось в буржуазной исторической литературе о немецком «истинном социализме». Кто только не упражнялся в этой области, кто только не писал об «истинном социализме» и о его мнимом «влиянии» на Маркса и Энгельса! Так, немецкий катедер-социалист Георг Адлер утверждал, что «истинный социализм» у Гесса ведет свое начало чуть ли не с 1841 г., когда им была выпущена работа «Европейская триархия», и по существу отождествлял «истинный социализм» с философским коммунизмом [1], который на деле являлся у Гесса лишь подготовительным этапом к «истинному социализму». Это давало Г. Адлеру возможность сблизить «истинных социалистов» с Марксом и Энгельсом. В том же направлении упражнялся и буржуазный исследователь Эмиль Гаммахер, который в своей книжке «Философско-экономическая система марксизма» также отождествлял философский коммунизм с «истинным социализмом», относя возникновение последнего к 1842 г., и утверждал, будто Маркс и Энгельс сами были «истинными социалистами» [2]. Подобно всем другим буржуазным фальсификаторам истории социалистической мысли и «опровергателям» марксизма, Гаммахер в другой своей работе, повторяя все те же домыслы, пытался доказать, что Маркс и Энгельс не были оригинальны, что они лишь синтезировали «истинный социализм» с французскими и английскими системами [3].

Подобные утверждения подчеркивают лишь враждебность буржуазных «исследователей» к мировоззрению наиболее передового, наиболее революционного класса — пролетариата и их неспособность с объективно-научных позиций осветить данный вопрос.

Недалеко ушел от этой откровенно буржуазной фальсификации и русский либерал, в то время легальный марксист, Петр Струве, который также отождествлял философский коммунизм с «истинным социализмом», сближал

---

[1] *G. Adler.* «Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland», Breslau, 1885, S. 85, 91.

[2] *E. Hammacher.* «Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus», Leipzig, 1909, S. 50—51.

[3] *E. Hammacher.* «Zur Würdigung des «wahren» Sozialismus» («Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Band I, 1911, S. 57, 89, 94, 96, 97).

Маркса и Энгельса с «истинными социалистами», утверждая, что основоположники марксизма «сами тоже некогда были в известном смысле «истинными социалистами»» [1].

Несколько отличную позицию занимал приверженец ревизиониста Э. Бернштейна — Д. Койген. Его интерес к «истинному социализму» носил апологетический характер. Идеалистически-этические воззрения «истинных социалистов» служат Койгену как бы основанием для его «психологически-этического» подхода к социализму. Койген, как и его предшественники, стремился всячески сблизить Маркса и Энгельса с «истинными социалистами», хотя и приводил кое-какие оговорки. В одном только отношении Койген делает шаг вперед — и это справедливо отмечает М. В. Серебряков. Мы находим у него попытку проследить две фазы в развитии «истинного социализма»: более раннюю, когда были выражены лишь отдельные элементы этого направления, т. е. то, что соответствует философскому коммунизму, и вторую фазу, в которой проявляются уже все черты «истинного социализма». Однако Койген не до конца провел эту линию и по существу отошел от нее, поскольку он отождествлял ранние, формирующиеся воззрения Маркса и Энгельса с воззрениями «истинного социализма» [2].

Близко примыкает к Гаммахеру и Койгену в освещении вопроса об отношении Маркса и Энгельса к «истинному социализму» и биограф Гесса — Злоцистый [3]. Научная ценность его книги уже с самого начала снижается тем, что ее автор сознательно поставил перед собой апологетическую цель, как он сам признается в предисловии к книге,— защитить Гесса от несправедливых, на его взгляд, обвинений со стороны Маркса и Энгельса. Не удивительно, что на протяжении всей работы повсюду вместо исследователя перед нами выступает адвокат, который всячески старается представить своего героя в наи-

---

[1] *P. Struve.* «Studien und Bemerkungen zur Entwicklungsgeschichte des wissenschaftlichen Sozialismus» («Die Neue Zeit», XV. Jahrgang, 1896—1897, Bd. 1, S. 69).

[2] *D. Koigen.* «Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland», Bern, 1901, S. 181, 192, 184, 206—207.

[3] *Zlocisti.* «Moses Heß», 1921.

лучшем свете. Философские и политические основы борьбы между творцами марксизма, с одной стороны, и Гессом и его сторонниками, с другой, в значительной мере остаются вне понимания автора. Зачастую эта борьба сводится у него к сугубо личной распре. Злоцистый пытается представить Гесса, как прямого предшественника основоположников марксизма и как одного из ближайших сотрудников Маркса в выработке материалистического понимания истории. Однако эта попытка, естественно, остается безуспешной. Автор сам вынужден был признать, что Гесс до конца своих дней не преодолел идеалистических воззрений. Хотя Злоцистый в целом занимает путаную позицию, однако по интересующему нас вопросу следует отметить у него правильную мысль. Он справедливо указывает, что работа Гесса «Философия действия» как бы датирует появление философского коммунизма (при этом автор вынужден признать, что в этой работе царит еще хаос и сумбур [1]).

Путаницу и искажения в вопросе об «истинном социализме» допускает и бывший русский меньшевик П. А. Берлин в своей книге о Марксе [2]. Это проявляется, в частности, в вопросе о времени возникновения «истинного социализма», которое он относит то к 30-м годам, то к началу 40-х годов. Так же неверно определяет он и конец этого направления, считая, что таким рубежом является силезское восстание ткачей 1844 года. Между тем факты показывают, что это восстание, как и другие волнения рабочих, как раз послужило толчком для появления «истинного социализма» и способствовало его усилению. П. А. Берлин не видит никакой разницы между философским коммунизмом и «истинным социализмом» и, подобно своим предшественникам, также пытается доказать, будто Маркс и Энгельс сами разделяли многие из основных идей «истинного социализма». В то же время автор опровергает себя, утверждая в другом месте, что Маркс и Энгельс «никогда вполне не разделяли учения «истинных социалистов»».

---

[1] *Zlocisti.* «Moses Heß», 1921, стр. 28—29.

[2] *П. А. Берлин.* «Карл Маркс и его время», 1923, стр. 72—82. Первое издание этой работы было напечатано в 1907 г. в журнале «Образование» в виде серии статей.

Таким образом, несмотря на довольно значительную литературу, имеющуюся в буржуазной историографии по данному вопросу, основные его проблемы остались недостаточно освещенными и нуждаются в научной разработке. Если попытаться определить основные пороки всей этой литературы, то можно было бы указать на такие моменты:

1) Отсутствие конкретно-исторического подхода к генезису и развитию идейных направлений в социалистической мысли и вследствие этого смешение философского коммунизма с «истинным социализмом»;

2) Неумение буржуазных историков отделить существенное от несущественного, в частности, существо идей того или иного направления от его терминологии, приводившее их к тому, что они сближали представителей совершенно различных направлений, как например Маркса и Энгельса, с «истинными социалистами»;

3) Неспособность вскрыть классовые корни и теоретическое существо идейного направления, в данном случае «истинного социализма»;

4) Путаница в определении хронологических дат генезиса и развития «истинного социализма», вытекающая из неумения вскрыть социально-экономическую основу и существо этого направления.

Следует отметить, что некоторые из этих порочных теорий были подвергнуты критике уже в конце XIX и начале XX века. В частности, это сделал Ф. Меринг, который на страницах «Neue Zeit» повел борьбу против попыток буржуазных историков отождествить Маркса и Энгельса с «истинными социалистами» [1]. Он был одним из первых, кто серьезно изучил всю прессу и литературу «истинного социализма» и раскрыл новые стороны в истории этого направления. Ярким выражением этого являются его содержательные введения к отдельным разделам второго тома «Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля» [2]. Он убедительно доказал, что «истинный социализм» вы-

[1] *F. Mering*. «Stein, Heß, Marx» («Die Neue Zeit», XV. Jahrgang, 1896—1897, Bd. I, S. 379).

[2] «Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle», 1923, B. II, S. 327—392.

ступил не ранее конца 1844 г. и что Маркс и Энгельс никогда не были «истинными социалистами»[1].

Однако Меринг не сумел разглядеть различие между философским коммунизмом и «истинным социализмом», не сумел раскрыть до конца особенности формирования взглядов Маркса на ранней ступени и поэтому не сумел дать до конца последовательную критику фальсификаторских работ буржуазных историков. Кроме того, в некоторых случаях он даже пытался взять под защиту «истинных социалистов» от несколько суровой, на его взгляд, критики со стороны Маркса и Энгельса[2]. Это, несомненно, является серьезным недостатком со стороны такого крупного марксистского историка, как Франц Меринг.

Большие заслуги в деле разоблачения буржуазных фальсификаций истории раннего периода формирования марксизма принадлежат выдающемуся русскому марксисту Г. В. Плеханову. Многочисленные работы посвятил он критике буржуазных противников марксизма — Зомбарта, Кроче, Струве, Массарика и других. В этих статьях строгая научность самым тесным образом соединена со страстностью революционного представителя пролетариата. Беспощадная критика сочетается у него с положительным решением сложнейших теоретических вопросов. Так, критикуя книгу Массарика «Философские и социологические основания марксизма», Плеханов высмеивает досужие размышления буржуазного профессора о том, что философия Маркса и Энгельса имеет, дескать, все признаки эклектизма[3].

Хотя Г. В. Плеханов относительно мало занимался домарксовским социализмом в Германии, в чем мы согласны с профессором Серебряковым, однако те немногие замечания, которые оставил Плеханов по вопросу о сущности «истинного социализма» и о его близости к русскому народничеству, заслуживают, как это мы покажем

---

[1] *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни», 1957, стр. 140—145.

[2] *Ф. Меринг.* «История германской социал-демократии», т. I, 1906, стр. 373.

[3] *Г. В. Плеханов.* «О книге Массарика» (Соч., т. XI, стр. 370—382).

ниже, внимания и изучения[1]. Между тем профессор Серебряков проходит мимо этих плодотворных идей.

Прогрессивные традиции борьбы против буржуазной историографии в защиту марксизма, связанные с именами Плеханова и Меринга, нынешними правосоциалистическими историками полностью утрачены. Бóльшая часть литературной продукции этих историков проходит под флагом отказа от марксизма, его коренной ревизии и прямой фальсификации. Это ярко проявилось и в области изучения истории формирования марксизма. Так, в начале 30-х годов в своем введении к сборнику ранних философских произведений К. Маркса и Ф. Энгельса[2] правые немецкие социал-демократы З. Ландсхут и И. Майер, а затем в своих статьях бывший бельгийский социалист Генрих де Ман и отдельные ученики покойного лидера французских социалистов Леона Блюма (М. Рюбель) и многие другие правые социалисты пытались возродить легенду о так называемом этическом социализме Маркса и Энгельса, об «этическо-гуманистической» сущности марксизма. Эта легенда должна была послужить им для оправдания идей классового мира, сотрудничества с империалистической буржуазией. Ради популяризации этого лживого тезиса они использовали раннюю, незаконченную работу Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года», дошедшую до нас в черновом виде. Известно, что Маркс, находясь в то время еще под влиянием Фейербаха, употреблял в этой рукописи фейербахианскую терминологию и был близок в отдельных вопросах к философскому коммунизму. Редакторы названного выше сборника, куда вошли и «Экономическо-философские рукописи», З. Ландсхут и И. Майер в своей вводной статье пытались доказать, будто Маркс защищает теорию «этического социализма», и объявили эту теорию высшим достижением марксизма. Они спекулировали на том, что противопоставляли эту раннюю работу Маркса, в которой еще не были выдвинуты положения о пролетарской революции и диктатуре

[1] *Г. В. Плеханов.* «Немецкий утопический социализм» (Соч., т. XVIII, стр. 74). «Литературное наследие Г. В. Плеханова» (сб. VIII, стр. 270, 275).

[2] *Karl Marx.* «Der historische Materialismus». Die Frühschriften. Herausgegeben von S. Landshut und J. P. Mayer, 1932, S. XI—XLI.

пролетариата, другим, зрелым произведениям Маркса: «Манифесту Коммунистической партии», «Классовой борьбе во Франции», «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта», «Капиталу». Более того, они поспешили объявить рукопись 1844 года «самой центральной работой Маркса», «узловым пунктом всего развития его мышления». Эту версию подхватили многие правосоциалистические писатели в других странах Западной Европы. Так, бывший бельгийский социалист де Ман заявил, что в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» содержится якобы недостававшее в марксизме этическое обоснование социализма. Маркс выступает здесь, дескать, как реалист, гуманист, а не как материалист. «Отрицательное отношение к философскому идеализму не ведет его к тому, чтобы противопоставить мнимым высоким реальностям идеи высокие реальности материи; он идет дальше этого и подчиняет оба действительных процесса значительно более широкому действительному процессу жизни в ее пассивно-активной бессознательно-сознательной целостности» [1]. Этот «этический социалист», болтающий о «высоких реальностях духа», как известно, кончил свой жизненный путь сотрудничеством с германским фашизмом, за что был осужден заочно бельгийским судом после освобождения страны от гитлеровцев. Таким образом, де Ман пытался использовать эту рукопись Маркса для прямой атаки на диалектико-материалистическое мировоззрение и для пропаганды эклектико-идеалистических взглядов.

В настоящее время эти теории «этического социализма» взяли напрокат многие немецкие и французские правые социалисты и с этих позиций ведут атаку против революционного марксизма. З. Ландсхут и его единомышленники продолжают и в наши дни упражняться в сознательной фальсификации взглядов Маркса и Энгельса периода формирования научного коммунизма. Так, Ландсхут в 1956 г. выступил со статьей «Современность в свете учения Маркса» [2], в которой занялся самой неприкрытой

---

[1] «Der Kampf», Heft 6, 1932, S. 272.

[2] «Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts-und Gesellschaftspolitik», 1956; см. также «Sonntag» № 12, 24.III.1957, S. 2. «Professor Landshut entdeckt den «echten Marx»», v. H. Turley.

апологией современного капитализма, используя для этой цели отдельные, искаженные самим Ландсхутом, положения из «Экономическо-философских рукописей» Маркса. Маркс употребляет в этих рукописях термин «самоотчуждение» (Selbstentfremdung), раскрывающий рабские условия существования рабочего при капитализме, при которых пролетарии создают богатства, противостоящие им как собственность капиталиста, как чуждая, порабощающая их сила. Экономическое порабощение рабочих является основой их политического и духовного угнетения. Устранить это «самоотчуждение» производителя — указывает Маркс — можно лишь путем устранения капиталистического строя, замены частной собственности общественной собственностью. Ландсхута не устраивает это логическое развитие идей Маркса. Он выхолащивает из понятия «самоотчуждение» его конкретное социально-экономическое содержание, превращает его в нечто абстрактное, внеисторическое, выражающее лишь отношение отдельного индивидуума к коллективу вообще. Поэтому, согласно Ландсхуту, это «самоотчуждение» может быть преодолено лишь при существовании частной собственности, а не общественной собственности, которая, дескать, возводит это «самоотчуждение» «в высшую крайность». Идеал Маркса, утверждает Ландсхут, в снятии самоотчуждения индивида и осуществлении человеческой сущности в бесклассовом обществе. Но это бесклассовое общество осуществляется ныне, по мнению господина Ландсхута, не в социалистических странах, а... в западном, «так называемом капиталистическом» мире. В этом мире, оказывается, центр тяжести распределения доходов уже десятилетиями перемещается на среднюю линию, усиливается нивелировка образа жизни и интересов «генерального директора и рабочего» и, следовательно, исчезают и классы; отпадают идеологические различия между различными партиями, их программы сближаются, а государство (которое Ландсхут понимает по Гегелю, а не по Марксу) все больше, особенно в США и ФРГ, превращается в «генеральное управление всеобщим благосостоянием». Так далеко идет господин Ландсхут в своей апологии государственно-монополистического капитализма.

Подобные идеи систематически развивают Ландсхут и его единомышленники и на страницах теоретического органа западногерманской социал-демократии — «Die neue Gesellschaft». Во втором номере этого журнала за 1957 г., например, ряд авторов, солидаризируясь с Ландсхутом, утверждает, что в высоко индустриализированных государствах Запада, как США в частности, перестает действовать «самоотчуждение промышленного рабочего» и окончательно побеждает реформистская тенденция [1]. В других статьях этого журнала делается попытка использовать понятие Маркса «самоотчуждение» для отрицания необходимости диктатуры пролетариата и руководящей роли пролетарской партии [2].

Естественно, что подобные выступления правых социалистов, систематически фальсифицирующие работы Маркса с целью враждебной пропаганды против марксизма-ленинизма, получают решительный отпор со стороны советских историков и историков-марксистов зарубежных стран, раскрывающих антинаучный и антимарксистский характер этих писаний. Вместе с тем необходимо отметить, что у отдельных советских философов и экономистов имела место известная переоценка отдельных ранних работ Маркса и Энгельса, в частности, переоценивалась степень зрелости «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Обычно отмечали лишь достоинства этих рукописей и не указывали на отдельные недостатки, свойственные им как документу, отражающему ранний период формирования философских и коммунистических воззрений Маркса. Несомненно, что такая переоценка наносит ущерб нашей борьбе против буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов марксизма.

На фоне буржуазной, антинаучной и тенденциозной историографии по данному вопросу с еще большей силой выступают достижения марксистско-ленинской исторической науки в Советском Союзе и странах народной демократии. Советские историки, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, вскрыли сущность «истинного социализма», его классовые корни и правильно опреде-

---

[1] «Die neue Gesellschaft», 4. Jahrgang, Heft 2, 1957, S. 110—111, 117.

[2] Там же, стр. 85.

лили отношение к нему Маркса и Энгельса. Советская историография полностью разбила легенду о том, будто Маркс и Энгельс были «истинными социалистами» и показала коренную противоположность междv марксизмом, как мировоззрением революционного пролетариата, и реакционным, мещанским «истинным социализмом» [1].

Однако весьма существенные вопросы в истории «истинного социализма» остались пока недостаточно освещенными или даже совсем неосвещенными и ждут своего исследователя. К их числу относятся и такие вопросы, как различие между философским коммунизмом и «истинным социализмом», исторические рамки существования этих направлений; отношение Маркса и Энгельса к философскому коммунизму; ленинский анализ существа «истинного социализма»; основные этапы критики «истинного социализма» Марксом и Энгельсом.

В освещении этих вопросов большая заслуга принадлежит ленинградскому профессору М. В. Серебрякову. В своей работе профессор Серебряков убедительно показал различие между философским коммунизмом и «истинным социализмом» и довольно подробно охарактеризовал отношение Маркса и Энгельса к философскому коммунизму и «истинному социализму». Однако автор этой ценной работы недостаточно осветил вопросы об исторических рамках существования этих двух направлений, о характере философского коммунизма, о существе «истинного социализма» и не подчеркнул основные этапы борьбы Маркса и Энгельса против «истинного социализма».

Все это побуждает нас остановиться на некоторых вопросах, поставленных профессором Серебряковым.

---

[1] Деятельность этого направления в немецкой социалистической мысли и борьба против него Маркса и Энгельса получили освещение в частности в упомянутой уже работе профессора М. В. Серебрякова «Немецкий социализм и борьба с ним Маркса и Энгельса» («Ученые записки Ленинградского государственного университета». Серия философских наук. Выпуск 2, 1948, стр. 3—122); в книге Е. А. Степановой «Фридрих Энгельс», второе издание, 1956, а также в ее большой статье «Карл Маркс», напечатанной в Большой Советской Энциклопедии, второе изд., т. 24, 1954; в книге Е. П. Канделя «Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов». 1953.

Одним из первых является вопрос о различии между философским коммунизмом и «истинным социализмом». Как известно, некоторые буржуазные исследователи начинают историю «истинного социализма» чуть ли не с 1841 года. При этом они, как правило, не проводят никакого различия между философским коммунизмом и «истинным социализмом». А такое различие, как мы увидим, проводить необходимо.

Но чем же обосновывается такое разделение на философский коммунизм и «истинный социализм»? Не надумано ли оно? Прежде всего надо отметить, что исторические рамки существования этих двух направлений различны. Маркс и Энгельс, являясь современниками и участниками социалистического движения Германии 40-х годов, всюду датируют появление «истинного социализма» с 1844 года[1]. И действительно, в произведениях Гесса, Грюна, Бернайса, появившихся в 1842—1844 гг., еще не проявились важнейшие отличительные особенности «истинного социализма».

В то же время этой литературе свойственны некоторые черты, которые позволяют отнести ее к философскому коммунизму, послужившему подготовительной стадией к «истинному социализму». Это не значит, что все философские коммунисты обязательно становились «истинными социалистами». Философский коммунизм как направление отличался крайней неопределенностью и двойственностью. Отдельные философские коммунисты сумели отрешиться от отрицательных сторон этого направления и стать на позиции революционного коммунизма Маркса и Энгельса, в бóльшей же своей части стали приверженцами «истинного социализма».

Исходным моментом появления философского коммунизма является разложение гегелевской школы и выступление Фейербаха с критикой религии, которое произвело огромное впечатление на радикальные круги немецкой интеллигенции. О степени этого воздействия говорят Маркс и Энгельс, в частности Энгельс в своей работе

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 349.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 581.

«Людвиг Фейербах». «Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы сразу стали фейербахианцами... Даже недостатки книги Фейербаха усиливали тогда ее влияние. Беллетристический, местами даже напыщенный слог обеспечивал книге широкий круг читателей и, во всяком случае, действовал освежающе после долгих лет господства абстрактной и темной гегельянщины»[1]. Бо́льшая часть радикальных представителей немецкой интеллигенции 40-х годов оказалась под сильным влиянием Фейербаха. Они восприняли не только положительные стороны философии Фейербаха, а именно его материалистическую критику гегелевского идеализма, но и ее недостатки и слабости.

Начиная с 1842 года, ученики Фейербаха (Гесс и другие) делают первые попытки связать фейербаховскую философию с воззрениями утопического социализма, с которыми они, как указывают Маркс и Энгельс, часто знакомились не непосредственно, а из вторых и третьих рук, по книгам таких компиляторов, как Штейн, Элькерс и др. Сочетание фейербахианства с отдельными положениями французского и английского утопического социализма дало так называемый философский коммунизм, который они старались пропагандировать в тогдашних периодических органах, выходивших как в самой Германии, так и за ее пределами.

Происхождение и сущность философского коммунизма является одной из наиболее трудных проблем, которые встают перед исследователем в данной области. Однако свидетельства современников и непосредственных участников указанного направления позволяют нам выявить ряд новых моментов, которые остались незамеченными прежними исследователями. Так, например, удается установить, что первоначально определение «философский коммунизм» означало в Германии то, что его приверженцы, в отличие от сторонников ремесленного коммунизма, от В. Вейтлинга и его учеников, пришли к коммунизму от философии и рассматривают свои комму-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 348—349.

нистические взгляды как логический вывод, как результат развития всей немецкой философии. К таким результатам невольно приходишь, когда знакомишься с корреспонденциями Ф. Энгельса за 1843—1844 годы в органе английских оуэнистов «The New Moral World».

В статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», напечатанной в октябре — ноябре 1843 г., Ф. Энгельс, после того как охарактеризовал направление Вейтлинга, указывал: «Существует в Германии и другая партия, защищающая коммунизм. Первая партия, как партия чисто народная, несомненно, в скором времени объединит весь рабочий класс Германии. А партия, о которой я сейчас буду говорить, это — партия философская, по своему происхождению не связанная с английскими или французскими коммунистами, а выросшая из той философии, которая в течение последнего полустолетия являлась гордостью Германии» [1]. Более резко та же мысль сформулирована Энгельсом несколькими страницами дальше. «Философский коммунизм можно считать навсегда утвердившимся в Германии, несмотря на все старания правительств подавить его... Наша партия должна доказать, что либо все усилия немецкой философской мысли от Канта до Гегеля остались бесполезными или даже хуже чем бесполезными, либо их завершением должен быть коммунизм; что немцы должны либо отречься от своих великих философов, чьи имена составляют их национальную гордость, либо признать коммунизм» [2]. На протяжении всей статьи Энгельс неустанно подчеркивает мысль, что немецкая философия, после продолжительных блужданий, наконец, пришла к коммунизму, что немцы стали коммунистами философским путем. В 1843—1844 гг. Энгельс причислял к деятелям этого направления себя и Маркса, М. Гесса, Г. Гервега. Было бы, однако, грубой ошибкой отождествлять даже в этот ранний период взгляды Маркса и Энгельса со взглядами Гесса и его единомышленников, которые наиболее полно в своих воззрениях выразили особенности философского коммунизма. Несмотря на некоторую

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 537.
[2] Там же, стр. 540.

близость во взглядах по ряду вопросов социалистической пропаганды между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Гессом и его единомышленниками — с другой, уже в 1843—1844 гг. проходил водораздел в условиях формирования их воззрений и в принципиально различном их характере.

В этот период и вплоть до начала 1845 г. Энгельс называл философскими коммунистами всех тех, кто к коммунизму пришел от младогегельянства. Начало перехода ряда младогегельянцев к коммунизму Энгельс датирует осенью 1842 года [1].

Примерно аналогичную постановку вопроса о философском коммунизме мы находим в статье родоначальника и одного из главарей этого направления, М. Гесса «О социалистическом движении в Германии», написанной им в мае 1844 года. Основная мысль работы Гесса: распространение социализма в Германии побуждалось, с одной стороны, немецкими ремесленниками во Франции, создавшими там ассоциации для распространения социалистических идей в Германии, с другой стороны — немецкой философией, которая начала по существу пробиваться к гуманизму. «Социализм, другими словами, пришел извне благодаря практической нужде пролетариата и возник изнутри благодаря теоретической потребности науки» [2]. Рассмотрев развитие немецкой философии от Канта до Гегеля и младогегельянцев, автор пытается доказать, что социалистические идеи получили в этом развитии свое философское обоснование. Указав на несколько отчужденное отношение младогегельянцев к социализму, существовавшее на первых порах, Гесс далее подчеркивает, что именно Фейербах своей философией способствовал, в конечном счете, повороту немецких философов к коммунизму. Этому также содействовали репрессии со стороны реакции, которые толкали младогегельянцев к дальнейшим шагам: они становились атеистами, политическими радикалами, а затем социалистами. «Объединение философии с социализмом уже не является

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 1, стр. 539.

[2] «Neue Anekdota». Herausgegeben von Karl Grün, Darmstadt, 1845, S. 191.

больше благим пожеланием и единичным актом; это объединение отстаивается партией, и она достаточно сильна, чтобы превратить свое дело в дело человечества, чтобы осуществить то, что ей предназначено» [1]. Любопытно, что, говоря о возникновении и развитии этой партии, Гесс при этом ссылается на «Rheinische Zeitung», на «Deutsch-Französische Jahrbücher» [2].

Среди представителей философского коммунизма более видное место занимал М. Гесс, чьи работы, в частности его статьи «Философия действия» (1842), «Социализм и коммунизм» (1842) — рецензия на книгу Л. Штейна — и, наконец, «О социалистическом движении в Германии» (1844) дают как бы полный свод взглядов философского коммунизма. Поэтому при анализе воззрений философского коммунизма целесообразно в первую очередь проанализировать статьи М. Гесса.

Было бы неправильно при характеристике философского коммунизма сделать вывод о его реакционности только на том основании, что он для ряда немецких социалистов явился подготовительной ступенью к формированию «истинного социализма» как реакционного направления. Такой подход будет явно антиисторическим. К сожалению, профессор М. В. Серебряков, которому принадлежит заслуга в научной постановке вопроса о сущности философского коммунизма и его отличии от «истинного социализма», не подчеркнул в своей работе, что в философском коммунизме рядом с зародышами реакционных взглядов уживались и прогрессивные идеи. С другой стороны, идеи, первоначально носившие прогрессивный характер, вследствие нескончаемых повторений утрачивали свои прогрессивные черты и приобретали реакционное направление, свойственное «истинному социализму» в целом. Это красноречиво показал Маркс в «Немецкой идеологии» на примере самого Гесса. «То, что уже у Гесса носило весьма неопределенный и мистический характер, но сначала — в «Двадцать одном листе» — заслуживало известного признания, и стало скучным и реакционным лишь благодаря вечному повторению в

---

[1] «Neue Anekdota». Darmstadt, 1845, S. 220.

[2] Там же, стр. 219—221

«Bürgerbuch», в «Neue Anekdota» и в «Rheinische Jahrbücher» в такое время, когда оно уже устарело,— это у господина Грюна превращается в полную бессмыслицу»[1]. Следовательно, не все, что первоначально выдвигали представители философского коммунизма, можно охарактеризовать как реакционное.

Переход от прогрессивности к реакционности можно наглядно проследить при рассмотрении отличительных особенностей философского коммунизма. Известно, что философские коммунисты рассматривали свои коммунистические воззрения как результат, как вывод из всего предшествующего развития немецкой философии. Это положение, неоднократно подчеркиваемое М. Гессом, разделял также и Энгельс в 1843—1844 годах. Указанная мысль в ее общем виде не является ошибочной. Это положение Маркс и Энгельс продолжали отстаивать даже в то время, когда марксизм выступил уже как всесторонне развитое учение. Так, Энгельс в 1874 г., в предисловии к своей работе «Крестьянская война в Германии», писал: «Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм,— единственный научный социализм, который когда-либо существовал»[2]. Ту же мысль подчеркивал Энгельс и в других своих произведениях: «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах». Последнее произведение он закончил словами: «Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии»[3]. Следовательно, сама по себе идея о связи между коммунизмом и классической философией являлась прогрессивной. Однако у философских коммунистов она вскоре утратила свое прогрессивное значение, так как Гесс и его сторонники стали трактовать эту мысль идеалистически, рассматривая коммунизм не как учение, являющееся выводом из развития объективного материального мира, общественного развития, классовой борьбы пролетариата,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 494—495.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 604.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 382.

а как совокупность абстрактных философских идей, лишь как чисто логический вывод из философии. В своей статье «О социалистическом движении в Германии» Гесс, в частности, писал, что «отношение законченной немецкой философии, т. е. фейербаховской, к социализму является отношением теоретического гуманизма к практическому гуманизму» [1]. Между тем, Маркс и Энгельс подвергали в «Немецкой идеологии» самой решительной критике Фейербаха (следовательно, и его учеников — «истинных социалистов») за то, что он при помощи определения «общественный человек» объявлял себя коммунистом, превращал в голую философскую категорию слово «коммунист», в действительности обозначающее представителя определенной революционной партии [2]. Коммунизм — это не совокупность философских идей, доказывали они, а материальное, практическое движение революционного класса — пролетариата.

Подчеркивая связь между немецкой философией и коммунизмом, философские коммунисты уделяли больше всего внимания воззрениям Гегеля и Фейербаха, стремясь использовать философские категории этих систем при анализе общественного развития. Выдвижение на первый план этих двух наиболее значительных систем немецкой философии в принципе было правильно. Известно, что Гегель и Фейербах являлись непосредственными философскими предшественниками марксизма и их системы послужили одним из теоретических источников научного коммунизма.

Однако Маркс и Энгельс, отталкиваясь от Гегеля и Фейербаха, стремились материалистически истолковать и критически переработать прогрессивные элементы, имеющиеся в этих системах. Известно, что критический пересмотр гегелевской философии права, произведенный Марксом, привел его к важнейшему положению исторического материализма, что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [3]. Философские же коммунисты в своей попытке сочетать

---

[1] «Neue Anekdota». Darmstadt, 1845, S. 206.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 41.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 321.

взгляды Гегеля и Фейербаха со своими социалистическими воззрениями продолжали оставаться, по существу, на идеалистических позициях, беря из этих систем наиболее слабые, идеалистические элементы. Так, Гесс в своей работе «Философия действия», написанной в крайне туманной и полумистической форме, сочетает отдельные, преимущественно этические, идеи Фейербаха под огромным влиянием которого он находился, с идеалистическими положениями из философских систем Фихте, Гегеля и даже из субъективной философии самосознания братьев Бауэров [1].

В другой своей статье «Социализм и коммунизм», представляющей собой рецензию на книгу Л. Штейна «Социализм и коммунизм в современной Франции», Гесс, подражая статье Гейне об истории немецкой философии, пытается проследить параллельное развитие немецкой философии и французского социализма с тем, чтобы доказать, что они приходят к единым результатам, к единым выводам. «Фурье и Гегель,— пишет Гесс,— возвысили французский и немецкий дух до абсолютной точки зрения» [2]. Абсолютная свободная личность и абсолютное равенство всех личностей — продолжает он — не находятся в противоречии друг с другом, а являются взаимно дополняющими моментами одного и того же принципа, принципа абсолютного единства всей жизни. Так, на протяжении всей статьи Гесс пользуется абстрактными категориями из философии Гегеля и Фейербаха и фактически остается в плену этих систем. В данной статье, как и в других статьях за этот период, Гесс широко использует гегелевские и особенно фейербаховские категории «отчуждение», «родовое существо», «истинный человек», «сущность человека» и т. д., но никакого конкретного содержания в эти понятия Гесс не вкладывает; он лишь сочетает эти категории с отдельными положениями, почерпнутыми у французских социалистов.

Правильно отмечая односторонний подход французских социалистов-утопистов к общественному развитию, свойственный им догматизм и антиисторизм, подчерки-

[1] *M. Heß* «Philosophie der Tat» («Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz», 1843, S. 309—331).
[2] Там же, стр. 79—80.

вая узкий горизонт уравнительного коммунизма, философские коммунисты игнорировали самое ценное, что имелось у социалистов-утопистов — едкую и остроумную критику существующего общества с его экономическими и политическими институтами. Естественно, что философские коммунисты оказывались значительно ниже социалистов-утопистов, так как кроме общих абстрактных философских рассуждений о стремлении человечества к общности, кроме идеалистической фразеологии, согласно которой абстрактные принципы определяли развитие общества, они ничего не могли противопоставить воззрениям французских социалистов-утопистов. На деле немецкие философские коммунисты оказались более отсталыми людьми в истории социалистической мысли, чем французские социалисты-утописты. Если многие французские социалисты-утописты видели прямую связь между развитием социалистических и коммунистических идей и господствующей в буржуазном обществе нищетой трудящихся классов и полусознательно подходили к идее о том, что коммунизм выражает, в первую очередь, интересы пролетариата, если это понял даже такой консервативный ученый как Лоренц Штейн и стремился показать это в своей книге «Социализм и коммунизм современной Франции», то философские коммунисты противопоставляли этим правильным положениям идеалистические фразы о том, что коммунизм порожден якобы более высокими, духовными побуждениями человечества. Так, Гесс, в упомянутой уже статье «Социализм и коммунизм» критиковал, между прочим, Л. Штейна и за то, что он связывает развитие социалистических идей с материальными потребностями общества, с интересами пролетариата. Грубая ошибка Штейна, считает Гесс, заключается в том, что он выводит «стремление к равенству» только из чисто внешних материальных побуждений к наслаждению, «он усматривает в коммунизме лишь стремление пролетариата обеспечить себе равное с имущими классами наслаждение. Однако как раз одним из главных преимуществ коммунизма является то, что в нем исчезает противоположность между наслаждением и трудом. Наслаждение отлично

от труда только при строе раздельного владения. Строй общности является практическим осуществлением философской этики, которая познает в свободной деятельности истинное и единственное наслаждение, так называемое высшее благо... Штейн знает коммунизм только в его первой, наиболее грубой форме»[1]. Дальнейшую критику Штейна Гесс ведет в связи с критикой идей грубого, уравнительного коммунизма Бабёфа и его приверженцев.

Этот идеалистический взгляд на коммунистическое движение развивает Гесс и в своей статье «О социалистическом движении в Германии», написанной в 1844 году. «Ошибочно думать,— и эта ошибка является продуктом эгоистической ограниченности, неспособной подняться до гуманности, и распространяется реакционерами и в частности Штейном,— что социализм порождается только пролетариатом, а у последнего вызывается потребностью желудка... Но если по отношению к Франции ошибочно думать, что величайшая идея нашего времени, да и всех времен вообще, т. е. идея социализма, источником своего происхождения имеет желудок, то по отношению к Германии подобное воззрение, если это только возможно, еще ошибочнее... французский пролетариат тогда только может в действительности устранить денежную аристократию, когда он предварительно теоретически преодолеет всякую бесчеловечность; тогда как немецкая духовная аристократия только тогда сумеет устранить существование черни, когда она сама практически преодолеет вечную бесчеловечность... Во Франции представителем гуманизма является пролетариат, а в Германии — духовная аристократия»[2]. Эти фразы Гесс бесконечно варьировал в «Einundzwanzig Bogen», в «Neue Anekdota», в «Deutsche Bürgerbuch», в «Rheinische Jahrbücher». Они были затем взяты у Гесса напрокат Карлом Грюном и другими «истинными социалистами» и вошли в круг основных положений «истинного социализма».

Следовательно, слова Маркса в «Немецкой идеоло-

[1] *M. Heß*. «Socialismus und Kommunismus» («Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz», 1843, S. 83—84).
[2] «Neue Anekdota», Darmstadt, 1845, S. 220—226.

гии», направленные против Грюна, о том, что его стряпня «стоит гораздо ниже книги *Штейна,* который, по крайней мере, пытался изложить связь социалистической литературы с действительным развитием французского общества» [1], в значительной степени могут быть отнесены и к Гессу.

Известно, что в ранний период формирования своих коммунистических взглядов Маркс ценил эти две работы Гесса — «Философия действия» и «Социализм и коммунизм», напечатанные в сборнике «Einundzwanzig Bogen». В предисловии к своим «Экономическо-философским рукописям 1844 года» Маркс рассматривает эти статьи Гесса, наряду с работой Энгельса «Наброски к критике политической экономии», как «содержательные и оригинальные немецкие труды». Маркс ценил эти статьи Гесса очевидно за то, что Гесс сделал в них первую попытку применить отдельные материалистические положения философии Фейербаха к анализу общественных явлений, пытался сочетать идеи материализма с отдельными положениями французского социализма. Так, в своей статье «Философия действия» Гесс, находясь под влиянием Фейербаха, кладет в основу своего анализа важнейшие положения Фейербаха, что сущностью христианства является разлад человека с самим собой. Это раздвоение духа — пишет он — проходит через всю прошлую историю и достигло своей вершины в христианской религии и в монархическом образе правления. Этот дуализм пора устранить. Немецкая философия давно поставила перед собой эту задачу. Но теперь она должна стать философией действия. Для этого человечество должно изменить характер своей деятельности. Тяготевшее в течение всей истории проклятие над человечеством состояло в том, что его деятельность не признавалась самоцелью. Необходимо изменить отношения между человеком и собственностью, чтобы собственность была отражением и продуктом его свободной деятельности. Разрыв между трудом и наслаждением, характерный для всей предшествующей истории, должен быть преодолен [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 496.
[2] «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz», 1843, S. 309–331.

Если сопоставить эти положения Гесса с соответствующими местами «Экономическо-философских рукописей 1844 года», то можно увидеть, что едва намеченные Гессом положения получили у Маркса неизмеримо более глубокую и плодотворную форму развития [1].

То же самое следует сказать, если сопоставить критику грубого, уравнительного коммунизма, которую дал Гесс в своей статье «Социализм и коммунизм» [2], с критикой, содержащейся в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса [3]. Но в то же время необходимо подчеркнуть, что, по существу, эта критика грубого, уравнительного коммунизма велась Марксом и Гессом с принципиально различных позиций: Марксом — с материалистических и революционно-пролетарских позиций, Гессом — с абстрактно-идеалистических. Критикуя уравнительный коммунизм, как первую грубую форму этого движения, Маркс отстаивал более высокую форму революционно-пролетарского движения и новую, научную программу; следовательно, он стремился выше поднять существующее коммунистическое движение *пролетариата*. Гесс же, критикуя уравнительный коммунизм французских пролетариев и Вильгельма Вейтлинга, тянул в сторону от пролетарского движения, к философскому коммунизму, апеллировавшему лишь к «образованным классам», к «духовной аристократии», т. е. к интеллигенции, оторванной от народа. В своих «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс зримо становится на диалектико-материалистические позиции, Гесс же, даже в этих двух его наиболее положительных работах, отступает от материализма в сторону субъективного идеализма Канта, Фихте и теории самосознания братьев Бауэров. В понимании отношения между свободой и необходимостью Гесс сделал шаг назад по сравнению даже с Гегелем, фактически вернулся к схемам Канта и Фихте. Отрывая развитие сознания, философии, социалистической мысли от разви-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, 1956, стр. 560—569.

[2] «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz», 1843, S. 84—85.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, 1956, стр. 586—587.

тия классовой борьбы и формирования пролетариата, Гесс приходил к теории об особой роли интеллигенции и подменял материалистический анализ закономерностей буржуазного общества и борьбы классов нескончаемым морализированием по поводу эгоизма буржуа. Здесь Гесс явно оказался под сильным влиянием наиболее слабых сторон, идеалистически-этических моментов, философии Фейербаха[1]. Следовательно, даже в наиболее положительных работах позиции Гесса, которые характеризуются философским коммунизмом, сильно отличались от позиций Маркса в период формирования его революционно-коммунистического мировоззрения.

Но может возникнуть естественный вопрос: кто еще, кроме Гесса, примыкал к направлению философского коммунизма? Не ограничивалось ли это направление одним Гессом? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к немецкой демократической печати первой половины сороковых годов.

Начнем с журнала «Weser-Dampfboot» за 1844 г., выходившего при активном участии Отто Люнинга — впоследствии одного из видных представителей «истинного социализма». В начале 1844 г. в журнале преобладает материал, написанный с буржуазно-демократических позиций. Здесь главным образом дебатируются вопросы борьбы с цензурой, свободы печати, местного самоуправления, деятельности провинциальной администрации и т. п.[2]. Но вот в номере 9 журнала появляется статья «Новая эпоха», которая сразу выдвигает ряд вопросов и решает их в духе философского коммунизма. Статья начинается словами, в которых нельзя не заметить влияния младогегельянцев. Говоря далее о борьбе за лучшие формы жизни в Англии и Франции,

---

[1] Гесс и его единомышленники фактически явились создателями одной из разновидностей так называемого «этического социализма», который по настоящее время правые элементы в социалистическом движении постоянно выдвигают на передний план в борьбе против революционно-пролетарского коммунизма. Не удивительно, почему буржуазные и правосоциалистические исследователи всегда питали интерес к Гессу, к его писаниям, подчеркивали его заслуги и пытались сблизить его взгляды с воззрениями Маркса и Энгельса.

[2] «Weser-Dampfboot» №№ 1, 2, 3, 6 и 7, 1844.

автор подчеркивает: «Угрожающе увеличивается там число чартистов, здесь коммунистов. В обеих странах они достигнут своей цели в большей или меньшей степени. Коммунисты вскоре станут еще более заметными, как только откажутся от тайных союзов и благодаря этому сумеют образовать открытую, легальную ассоциацию, политическую партию. Каждая партия, имеющая корни в эпохе, в конце концов победит. Борьбу следует вести только легальным путем»[1]. Автор этой статьи выступает против кровавой войны между имущими и неимущими классами и считает, что народ сможет добиться лучшей организации общества, отстаивая свои цели законными средствами. Статья подписана буквой «L.», что дает нам основание предположить, что она принадлежит Отто Люнингу. По кругу своих идей она не выходит из рамок весьма разбавленного философского коммунизма. Наряду с социалистическими положениями, в ней выдвигаются также и буржуазно-демократические требования, как например, уничтожение всех привилегий, демократическая организация государства, свобода печати и собраний, уничтожение феодальных отношений и т. д. Главное, что выделяет ход мысли автора из круга идей «истинного социализма», это признание необходимости политической борьбы и демократических преобразований.

После номера 9 журнала с указанной статьей последовал ряд номеров, выдержанных в либеральном, а подчас в буржуазно-демократическом направлении. Но вот 22 мая 1844 г. журнал печатает статью о лекциях Карла Грюна в Билефельде «Об истинном образовании», прочитанных с позиций философского коммунизма, и полностью солидаризируется с высказанными в этих лекциях взглядами[2]. Вслед за этой статьей было напечатано несколько заметок с похвалами по адресу Грюна[3]. Последующий материал журнала иллюстрирует уже переход от философского коммунизма к «истинному социализму».

---

[1] «Weser-Dampfboot», № 9, 1844, стр. 34.
[2] Там же, стр. 150—151.
[3] Там же, стр. 152—156.

Более определенно выступают идеи философского коммунизма на страницах газеты «Mannheimer Abendzeitung» за 1843 г., которую одно время редактировал Карл Грюн, а затем его сменил Бернайс. Редакция газеты солидаризовалась со статьями Гесса «Социализм и коммунизм» и «Философия действия». «Гесс,— как указывает газета,—выражает в них правильные, ценные идеи, которые окажут свое действие» [1]. Газета решительно выступила против преследований коммунистов в Германии [2] и выразила сочувствие коммунистам в связи с выступлением Блюнчли против Вейтлинга и его сторонников в Швейцарии [3].

С конца 1843 г. газета начинает печатать на своих страницах серию корреспонденций Бернайса из Парижа. В них он обрушивается на французскую крупную буржуазию за то, что она нарушила свои обещания — «вместо *равенства* она создала *монополию;* буржуазия полностью смешалась с аристократией по рождению; она так же нетерпима и так же стремится к господству, как и последняя. Свобода и чувство свободы имеют место лишь у бедных и угнетенных. А бедные и угнетенные во Франции только священники и пролетарии» [4]. В таком же духе Бернайс писал из номера в номер [5]. Бернайс призывает в своих статьях к союзу между пролетариатом и низшим духовенством для совместной борьбы против господства буржуазии. Нельзя не отметить, что этот призыв Бернайса к союзу между пролетариатом и духовенством носил реакционный характер. Давая такую резкую критику французской буржуазии, Бернайс ни слова не говорит еще о немецкой буржуазии. Во внутригерманских вопросах газета в основном отстаивает буржуазно-демократические требования.

В корреспонденциях из Лозанны, которые газета помещала на своих страницах, уже широко применялись как терминология, так и сами понятия философского коммунизма. Автор одной из этих корреспонденций

[1] «Mannheimer Abendzeitung» № 174, 27.VII.1843, S. 1.
[2] Там же, № 215, 14.IX.1843.
[3] Там же, №№ 230 и 242, 1.X и 15.X.1843.
[4] Там же, стр. 1079.
[5] Там же, № 274, 22.XI.1843, стр. 1099.

резко выступает против буржуазно-демократических порядков, существующих в Швейцарии. Он характеризует существующий там республиканский строй как организацию страхования частных интересов буржуазии. Автор ополчается против эгоизма и духа сектантской изолированности, которая господствует у буржуа в Швейцарии и Северной Америке [1]. Таким образом, в этих заметках развиваются взгляды, которые вошли затем в круг идей «истинного социализма».

Идеи философского коммунизма получили свое отражение и на страницах газеты «Trier'sche Zeitung», руководящую роль в которой играл Карл Грюн, впоследствии один из теоретиков «истинного социализма». В этом органе идеи философского коммунизма приобрели раньше чем где-либо реакционный характер и послужили теоретической основой для формирования платформы «истинного социализма». Известно, что до осени 1843 г. Карл Грюн стоял на младогегельянских и буржуазно-демократических позициях. Однако с октября 1843 г. Грюн начинает разделять воззрения философского коммунизма. В своей корреспонденции из Парижа от 16 октября 1843 г. Грюн, говоря о предполагаемом издании нового немецкого журнала в Париже, для которого объединились Руге, Фребель, Гервег и Гесс, писал: «Д-р Руге, который снова оставил Париж, вскоре опять вернется, чтобы основать журнал, который будет отстаивать идеи более высокого национального социализма. Этот проект, являющийся наилучшим противодействием против грубого, материального коммунизма какого-то Вейтлинга и компании, будет более чем желателен» [2]. Резкую атаку против уравнительного коммунизма, столь характерную для всех сторонников философского коммунизма, газета продолжала вести и в своих последующих номерах. В этом отношении особенно показательна корреспонденция «С берегов Рейна», напечатанная в газете от 13 октября 1843 года [3].

В дальнейшем Грюн и другие сотрудники этой газеты все больше стали примыкать к идеям философского

[1] «Mannheimer Abendzeitung» № 275, 23.XI.1843, стр. 1102.
[2] «Trier'sche Zeitung» № 285, 19.X.1843.
[3] Там же, № 279, 13.X.1843.

коммунизма, развитым Гессом в его двух статьях: «Философия действия» и «Социализм и коммунизм». Свидетельством перехода Грюна на позиции философского коммунизма является его лекция «Об истинном образовании»[1], прочитанная им 24 апреля 1844 года. Здесь идеи философского коммунизма выражены в беллетристической форме. Они сводятся к следующим положениям. Истинное образование состоит в проявлении всех благородных сил свободного индивидуума. Для развития свободных индивидуумов необходима свободная общность. Поэтому можно со всей исторической точностью сказать, что до сих пор только в Древней Греции существовало истинное образование. Да и там оно имело относительный характер. С тех пор мировая история накопила много образованности, но истинного образования нет еще до сегодняшнего дня.

Французские философы разрушили средневековье, разрушили все то, что противоречило здравому человеческому рассудку. Революция выразила эту новую теорию в практике, в простом вопросе: что такое третье сословие? И вся Франция в один голос ответила: это сословие бюргеров! С этого момента, собственно, датируется подлинная история нового времени, фактическое разрушение средневековья. Что́ Франция осуществила на деле, то Германия проводила в мыслях: Кант был подобен деятелям Национального собрания, Фихте — деятелям Конвента. Начиная с новых политических выступлений в период июльской революции, берет свое начало движение, которое значительно глубже политического энтузиазма. В Германии выступает целый ряд смелых критиков, которые разрушают всю старую традицию в политической, религиозной и социальной областях, разрушают все старое образование. Мир вступил в совершенно новую фазу — фазу социализма. Теперь на вопрос, что такое четвертое сословие, человечество отвечает: пролетариат.

Однако Грюн под пролетариатом понимает не то, что есть на самом деле. «Пролетарии,— разъясняет он,— это

---

[1] *K. Grün.* «Ueber die wahre Bildung», 1844 («Trier'sche Zeitung» № 163, 11.VI.1844).

не только те, кто так называется, но при современной цивилизации мы все пролетарии, так как мы все зависим от денег — этого практического бога современности». Таким образом, слово пролетариат превращается у Грюна в красивое словечко, под которым можно подразумевать почти все человечество. Ведь кто в буржуазном обществе не зависит от денег?! Затем в этой лекции Грюн предпринимает поход против политики. Политика, дескать, потерпела крах, натолкнувшись на два огромных препятствия: она не могла защитить общество от нищеты и преступлений и не могла обеспечить женщинам заслуженное ими положение в обществе. В духе подлинного сен-симонизма Грюн повторяет общеизвестные фразы о рабском положении женщин в буржуазном обществе и со всем пылом обращенного в философский коммунизм ополчается против эгоизма, господствующего в обществе. «Сокрушение эгоизма является победой новой идеи. Эгоизм должен быть выкорчеван» [1]. Говоря о новом обществе, Грюн пишет, что в нем труд духовный и материальный должен быть организованным и все должны наслаждаться плодами своего труда. Общество, как и все в мире, нуждается в организации, в порядке. В этом упорядоченном обществе истинное образование установится само собой [2].

С момента выхода из печати брошюрки Грюна «Об истинном образовании» «Trier'sche Zeitung» почти из номера в номер стала пропагандировать «новые» взгляды своего основного сотрудника [3]. Если раньше газета славословила младогегельянцев — А. Руге, Б. Бауэра и других, то сейчас она стала прямо указывать на раскол в немецком радикальном лагере. Она стала резко критиковать «чистых критиков» в лице братьев Бауэров и превозносить Фейербаха за его гуманистическую критику, за то, что он отстаивает любовь к людям не только как теоретический принцип своей философии, но и как практический принцип социального объединения, ассоциации. Любопытно отметить, что редакция газеты смутно представляла существо своего направле-

---

[1] *K. Grün.* «Ueber die wahre Bildung», 1844, S. 27.
[2] Там же, стр. 24—25.
[3] «Trier'sche Zeitung» №№ 163 и 165, 11 и 13.VI.1844.

ния — философского коммунизма; она стремилась изобразить Карла Маркса как лидера этого нового направления. «Карл Маркс,— пишет она,— является новым моментом в развитии науки» [1]. Однако анализ материалов газеты «Trier'sche Zeitung» за июнь и июль 1844 г. показывает, что уже здесь мы наблюдаем переход от простого философского коммунизма к наиболее реакционным особенностям мелкобуржуазного «истинного социализма». Влияние философского коммунизма можно проследить и на ряде материалов, напечатанных в Париже в немецкой газете «Vorwärts» за вторую половину 1844 г. и, в особенности, на напечатанных в этой газете М. Гессом «Вопросах и ответах» [2].

Таким образом, воззрения философского коммунизма были представлены не в одних лишь произведениях М. Гесса, хотя взгляды Гесса и сыграли определяющую роль в формировании этого направления. Взгляды философского коммунизма были широко представлены в известной части немецкой радикальной печати начала 40-х годов и в произведениях отдельных радикальных интеллигентов, ставших затем идеологами «истинного социализма» (Люнинг, Бернайс, Грюн). У истока этого направления стоял Людвиг Фейербах.

В отсталой Германии, с ее неразвитыми классовыми противоречиями, при отсутствии в ней действительной, страстной партийной борьбы неизбежна была попытка компромисса между коммунизмом и господствующими представлениями. Неизбежно было и то, что многие из немецких коммунистов, для которых исходной точкой была философия, приходили к коммунизму посредством такого перехода, тогда как другие, которые не в состоянии высвободиться из-под влияния ложных философских взглядов, продолжали проповедовать «истинный социализм». Таким образом, философский коммунизм явился для многих немецких социалистов переходной ступенью к революционно-пролетарскому коммунизму, для других же немецких социалистов подготовительным этапом к «истинному социализму».

---

[1] «Trier'sche Zeitung» № 165, 13.VI.1844, стр. 1.

[2] «Vorwärts» №№ 202 и 204, 21 и 28.XII.1844.

Попытаемся теперь вкратце, тезисно суммировать характерные черты философского коммунизма.

1) Коммунизм для философских коммунистов является логическим выводом из развития одной лишь философии, они игнорируют при этом, что коммунизм является в первую очередь результатом экономического развития общества, обобщением революционной практики пролетариата. Отсюда отказ от серьезного изучения политической экономии, истории социалистической мысли, истории классовой борьбы пролетариата, увлечение идеалистической философской фразой.

2) Для философского коммунизма характерно сочетание фейербахианства и младогегельянства с идеями французского и английского утопического социализма, стремление использовать гегелевские и фейербаховские философские категории при критике социального строя. Однако попытки философских коммунистов применить к анализу общественной жизни целый ряд понятий, специфических для гегелевской и фейербаховской философии,— родовая жизнь, родовой человек, отчуждение, раздвоение человека — не могли дать научных результатов, а лишь вскрыли плохое знание конкретного хода общественного развития, экономических отношений и закономерностей.

3) Из философии Фейербаха,— как и из философии Гегеля,— философские коммунисты, как правило, заимствовали наиболее слабые, идеалистические и чуждые революционной диалектике стороны. Для них, в частности, был характерен культ абстрактного человека, который был свойственен и Фейербаху, и подмена диалектики революционной борьбы идеалистическо-этической проповедью, моральным осуждением эгоизма буржуазии и т. п.

4) Для философских коммунистов коммунизм — это не мировоззрение революционного пролетариата, а идеология всех классов и, в первую очередь, образованных классов, «духовной аристократии», интеллигенции. В своих статьях они усиленно, без меры, подчеркивали бескорыстие имущих, образованных классов Германии в противоположность своекорыстию английской буржуазии.

5) Философские коммунисты постоянно подчеркивали односторонность систем французского и английского утопического социализма, считая, что форма эклектического сочетания фейербахианства с отдельными положениями утопического социализма, которую они отстаивали, является более высокой системой коммунизма. Свою систему они окрестили взятым у Фейербаха термином «гуманизм». С особой резкостью они выступали против уравнительного коммунизма французских и немецких революционных пролетариев. В действительности же, несмотря на отдельные правильные положения, которые содержались в произведениях некоторых философских коммунистов, последние, несомненно, стояли ниже большинства французских и английских социалистов-утопистов и, в особенности, представителей пролетарского уравнительного коммунизма.

6) Для большинства философских коммунистов характерно, что, в отличие от «истинных социалистов», они не отвергали необходимости политической деятельности, не отказывались от революционной борьбы за демократию.

Если сопоставить эти черты философского коммунизма с особенностями «истинного социализма», то нельзя не заметить, что многое, свойственное первому направлению, характерно и для второго — «истинного социализма». Однако последнему направлению свойственны и некоторые новые черты, придавшие ему реакционный характер. Со второй половины 1844 г. для «истинных социалистов» характерны отказ от политической деятельности, отказ от борьбы за демократию, признание одних только мирных средств, культ любви как средства преобразования буржуазного общества в социалистическое. Если философский коммунизм еще не являлся сколько-нибудь определенным идеологическим выражением социальных интересов какого-либо класса или слоя общества (если не считать туманных представлений небольшой группки интеллигентов), то «истинный социализм» с самого начала выступил как идеологическое отражение интересов немецкого мещанства.

Таким образом, реакционные тенденции, которые проявились особенно сильно в конце 1844 и в начале

1845 г. у «истинного социализма», в 1842—1844 гг. (первая половина) еще не проявлялись и, следовательно, отождествлять философских коммунистов с «истинными социалистами» не следует. К тому же философские коммунисты в целом ряде существенных вопросов отличаются от «истинных социалистов», хотя многие представители философского коммунизма впоследствии стали видными идеологами «истинного социализма».

Прежде чем перейти к «истинному социализму», необходимо предварительно выяснить, каково было отношение Маркса и Энгельса к философскому коммунизму?

Известно, что в 1842—1844 гг. Маркс и Энгельс сотрудничали с представителями философского коммунизма в одних и тех же печатных органах. Гесс помещал свои статьи на страницах «Rheinische Zeitung», «Deutsch-Französische Jahrbücher», редактируемых Марксом; они совместно сотрудничали и в других органах. Но были ли Маркс и Энгельс представителями философского коммунизма? Безусловно, нет. Прежде всего потому, что они никогда не были законченными фейербахианцами, как это можно сказать о Гессе или Грюне. В некоторых своих ранних работах («Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Святое семейство», статьи Энгельса за 1843—1844 гг.) они испытывали известное влияние и слабых сторон философии Фейербаха. Однако это влияние было преходяще и незначительно. Главное было то, что Маркс и Энгельс, становясь в 1843—1844 гг. коммунистами, одновременно становились на *материалистические* позиции в понимании общественного развития, в отличие от философских коммунистов, которые при подходе к обществу не могли отрешиться, подобно Фейербаху, от идеалистически-этических воззрений. Следовательно, уже по этой причине нельзя рассматривать Маркса и Энгельса как представителей философского коммунизма.

Между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и философскими коммунистами, с другой, проходил водораздел и по другому, еще более существенному, вопросу. «Современный социализм,— как указывает Энгельс в своей работе «Развитие социализма от утопии к

науке»,— по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой — царящей в производстве анархии»[1]. К осознанию этой мысли Маркс и Энгельс пришли уже в процессе своего перехода от революционного демократизма к революционному коммунизму. Известно, что формирование коммунистического мировоззрения происходило у Маркса одновременно с серьезным изучением классовой борьбы во Франции и Англии, ее истории, а затем глубокого усвоения и критического преодоления буржуазной политической экономии. То же самое, с небольшими поправками, следует сказать и об Энгельсе; его переход к коммунизму сопровождался глубоким изучением развития классовой борьбы в Англии, ее истории и критическим усвоением политической экономии. Следовательно, коммунизм Маркса и Энгельса уже в то время являлся, пусть самым первым, критическим анализом экономической структуры общества и обобщением современной им классовой борьбы, в то время как философский коммунизм Гесса и Грюна не выходил за пределы философских абстракций Гегеля и Фейербаха и общих мест французского утопического социализма.

В указанном выше произведении Энгельс писал, что, «как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах»[2]. Философские коммунисты, как правило, остались пленниками предшествующего идейного материала, не могли его превзойти, так как не добирались до материальных корней экономического и политического развития.

Необходимо остановиться и на другой стороне вопроса. Широко известно, что марксизм появился как критическое обобщение всей предшествующей научной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 107.

[2] Там же.

мысли, как законный преемник всего лучшего, что создало человечество в XIX веке. Это правильно и стало аксиомой. Однако другая сторона этого вопроса, а именно то, что теория Маркса и Энгельса возникла как обобщение опыта современного им демократического и рабочего движения, как ответ на коренные вопросы, выдвинутые этим движением, к сожалению, еще не получила достаточно убедительного раскрытия в научной литературе по истории марксизма. Одним из основных и решающих элементов для формирования Марксом и Энгельсом своего революционного коммунистического мировоззрения являлся опыт современного им рабочего и социалистического движения. В период «Rheinische Zeitung», в 1842 г., когда Маркс выступал еще как революционный демократ, он, говоря о коммунизме, показал неразрывную связь его идей с выступлениями английских и французских пролетариев[1]. Эту связь между распространением коммунистических идей и все усиливающимися выступлениями пролетарских масс в промышленных центрах Европы Маркс сумел еще более явственно проследить, находясь с конца 1843 года в Париже, на опыте борьбы французских пролетариев. Здесь он стремится лично познакомиться с развернувшимся движением французских пролетариев-коммунистов, посещает их тайные клубы и собрания немецких рабочих-коммунистов. Живое общение с рабочими укрепляет его веру в великую историческую миссию пролетариата. Непосредственное общение с революционными пролетариями, ознакомление с условиями их жизни и борьбы явились одним из самых могучих факторов перехода Маркса от революционного демократизма к революционно-пролетарскому коммунизму. Идеи уравнительного коммунизма, как известно, тогда пользовались наибольшим распространением среди французских и немецких революционных пролетариев. Маркс видел все пороки этой первой, примитивной формы коммунистических воззрений. Однако, в отличие от философских коммунистов, Маркс с самого начала примкнул к этому

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 115.

пролетарскому движению, показал всемирно-историческую роль пролетариата, не отказываясь в то же время от серьезной критики грубого уравнительного коммунизма. То же самое мы наблюдаем и у Энгельса, который, с конца 1842 г. переехав в Англию, занялся там серьезным изучением положения и борьбы рабочего класса. Уже первые его корреспонденции, которые он стал посылать в конце 1842 и начале 1843 г. в «Rheinische Zeitung» и другие органы печати, показывают, что его революционно-коммунистические выводы являются в первую очередь выводами из непосредственного наблюдения за рабочим и социалистическим движением в Англии. Известно, что уже вскоре он установил тесный контакт со многими английскими социалистами-утопистами и с лидерами левого крыла чартистской партии. Анализ первых революционно-коммунистических произведений Маркса и Энгельса («Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Святое семейство», статьи Энгельса в газете «Vorwärts» за 1844 г. и, наконец, книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии») показывает, что многие положения и требования, стихийно и полусознательно высказанные революционными английскими и французскими рабочими, получили в этих произведениях свою научную формулировку и обоснование.

Следовательно, Маркс и Энгельс с самого начала своей коммунистической деятельности стали все больше выступать как пролетарские революционеры. Между тем философские коммунисты представляли собой группу радикальных интеллигентов, которые не видели всемирно-исторической роли пролетариата, с пренебрежением относились к существовавшему в то время пролетарско-коммунистическому движению [1], превозносили интеллигенцию как главную силу общественного прогресса и в большей или меньшей степени тяготели к

[1] Правда, Гесс, находясь в 1843 г. в Париже, устанавливает здесь контакт с немецкими ремесленниками, приверженцами уравнительного коммунизма Вейтлинга. Однако, как показывают его работы этого периода, он не смог прийти к пониманию всемирно-исторической роли пролетариата, оценить значение первых пролетарско-коммунистических идей, а противопоставил им абстрактные воззрения философского коммунизма.

мелкобуржуазному социализму, который у них полностью проявился ко времени их перехода к «истинному социализму». Таким образом, всякая попытка представить Маркса и Энгельса как философских коммунистов научно не состоятельна.

Однако испытывали ли Маркс и Энгельс влияние отдельных идей философского коммунизма? Не было ли у них с философскими коммунистами некоторых общих точек соприкосновения? Конечно, здесь ни о каком влиянии Гесса или Грюна на Маркса и речи не может быть. Как мы уже указывали, Гесс и Грюн в своих ранних произведениях сами называли Маркса лидером всего социалистического движения в Германии. Следовательно, здесь речь может идти лишь о том, не оказывали ли влияние на Маркса и Энгельса и на философских коммунистов какие-то общие философские источники. Для ответа на этот вопрос мы обратимся к собственным заявлениям основоположников марксизма и к их первым коммунистическим произведениям.

Выступая в сентябре 1845 года с первой критической статьей против «истинных социалистов», указывая на целый ряд серьезных недостатков немецкой социалистической литературы, характерных и для философских коммунистов, Энгельс писал: «Я не делаю здесь исключения и для своих собственных работ»[1]. В своем известном предисловии к работе «К критике политической экономии», сообщая о том, как они с Энгельсом решили сообща разработать свои взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, Маркс добавляет: «в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью»[2]. В своем произведении «Людвиг Фейербах» Энгельс, говоря о влиянии философа Фейербаха на него и Маркса в 1843—1844 гг., подчеркивал, что следы этого влияния можно явственно проследить на таком произведении, как «Святое семейство»[3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 581.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 323.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 348.

Правда, Энгельс тут же отмечает, что «дальнейшее развитие фейербаховской точки зрения, выходящее за пределы философии Фейербаха, начато было в 1845 г. Марксом в книге «Святое семейство»» [1]. Эта работа свидетельствует не только о большом влиянии Фейербаха на Маркса, но и о начале преодоления этого влияния и о создании принципиально нового революционно-коммунистического мировоззрения. В предисловии к своей книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс в 1892 г. писал, что она отражает только одну из фаз эмбрионального развития современного, научного коммунизма и подобно тому, как человеческий зародыш на ранних ступенях своего развития воспроизводит жаберные дуги своих предков — рыб, так и в данной работе «повсюду можно найти следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой классической философии» [2].

Из приведенных здесь высказываний ясно, что суть этих влияний на ранние произведения Маркса и Энгельса заключается в непреодоленном еще влиянии отдельных моментов философии Гегеля, а главным образом Фейербаха, и это на первых порах (1843—1844 гг.) сближало Маркса и Энгельса с философскими коммунистами. При этом следует заметить, что это влияние меньше сказалось на Марксе, но больше на Энгельсе. Это всего нагляднее будет видно, если мы обратимся к самим произведениям Маркса и Энгельса.

Буржуазные и некоторые социал-демократические историки (в частности, П. Берлин), говоря о так называемом «истинном социализме» Маркса (на вздорность этого утверждения мы уже указывали), обычно ссылаются на две работы Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение». Несомненно, что в этих произведениях, особенно в «Введении», Маркс еще в сильной степени пользуется фейербаховской терминологией и некоторыми его

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 365.

[2] Там же, стр. 391.

философскими конструкциями. Так, Маркс прибегает еще в своей статье к положениям из «Предварительных тезисов к реформе философии» Фейербаха о противоречии между сердцем и головой (где сердце олицетворяет французское, движущее начало, а голова — немецкое), о необходимости объединения головы и сердца, установления галло-германского принципа. Однако эта конструкция наполняется у Маркса совершенно новым содержанием, находящимся в противоречии со взглядами не только «истинных социалистов», но и их предшественников — философских коммунистов. Как известно, в этой работе Маркс говорит, что главной проблемой настоящего времени является отношение промышленности к политическому миру, т. е. он подходит к основной идее исторического материализма. Маркс впервые провозглашает здесь всемирно-историческую роль пролетариата и указывает ему на необходимость овладеть революционной теорией. Таким образом, здесь уже намечена программа всего дальнейшего формирования научного коммунизма. На это фактически указал Маркс уже в «Немецкой идеологии». «Благодаря тому,— говорится там,— что Фейербах разоблачил религиозный мир как иллюзию земного мира, который у самого Фейербаха фигурирует еще только как *фраза,* перед немецкой теорией встал сам собой вопрос, у Фейербаха оставшийся без ответа: как случилось, что люди «вбили себе в голову» эти иллюзии? Этот вопрос даже для немецких теоретиков проложил путь к материалистическому воззрению на мир, мировоззрению, которое *вовсе не обходится без предпосылок,* а эмпирически изучает как раз действительные материальные предпосылки как таковые и потому является впервые *действительно* критическим воззрением на мир. Этот путь был намечен уже в «Deutsch-Französische Jahrbücher» — во «Введении к критике гегелевской философии права» — и в статье «К еврейскому вопросу». Но так как это было облечено тогда еще в философскую фразеологию, то попадающиеся там по традиции философские выражения — как «человеческая сущность», «род» и т. п.— дали немецким теоретикам желанный повод к тому, чтобы неверно понять действительный ход мыслей и вообразить, будто и

здесь опять все дело только в новой перелицовке их истасканных теоретических сюртуков» [1]. Это высказывание Маркса, направленное против младогегельянцев и в известной мере против «истинных социалистов», бьет не в бровь, а в глаз по тем буржуазным историкам, которые пытаются отождествить Маркса и Энгельса с «истинными социалистами».

Влияние Фейербаха на Маркса всего больше сказалось в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и в меньшей мере в «Святом семействе». Культ Фейербаха в указанных рукописях особенно полно выступает в предисловии к ним, где Маркс, например, пишет, что «немецкая положительная критика политической экономии своим подлинным обоснованием обязана открытиям *Фейербаха*... Только от *Фейербаха* ведет свое начало *положительная* гуманистическая и натуралистическая критика» — или же, что произведения Фейербаха «содержат подлинную теоретическую революцию» [2].

В самой рукописи Маркс пытается применить важнейшие понятия философии Фейербаха, как например, «отчуждение», «родовая жизнь», «человек — родовое существо», «завершенный натурализм», «законченный гуманизм» и другие понятия, свойственные Фейербаху, к анализу общественных и, в частности, экономических отношений. Несомненно, что во многих случаях Маркс заполняет эти философские термины совершенно новым содержанием, показывающим уже становление у него ряда идей исторического материализма. Однако было бы неверно сводить все дело к терминологии. В ряде случаев в этой рукописи еще не преодолено влияние некоторых слабых сторон философии Фейербаха. Так, например, Маркс пишет: *«Родовая сущность человека* — как природа, так и его духовное родовое достояние — превращается в *чуждую* ему сущность, в *средство* для поддержания его *индивидуального существования»* [3]. Это определение, данное Марксом, говорит о том, что он здесь еще пользуется не только терминологией, но и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 3, стр. 224—225.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, 1956, стр. 520.
[3] Там же, стр. 567.

отдельными понятиями Фейербаха. То же самое следует сказать и тогда, когда Маркс пишет, что в отношениях между мужчиной и женщиной видно, в какой мере человек стал для себя родовым существом, что «отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку»[1]. В другом месте этих рукописей, критикуя грубый уравнительный коммунизм, Маркс противопоставляет ему свое новое, коммунистическое мировоззрение и характеризует его как «завершенный натурализм = гуманизму... завершенный гуманизм = натурализму; он есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»[2]. Мы сознательно подчеркиваем здесь отдельные непреодоленные элементы фейербахианства, так как уже указывали выше, что отдельные недостатки этой ранней, незаконченной рукописи Маркса пытались и пытаются использовать буржуазные и правые социал-демократические историки для идеалистически-этической фальсификации марксизма, для борьбы против революционного коммунизма.

Вместе с тем необходимо отметить, что уже в этих рукописях Маркс в значительной мере преодолел влияние фейербахианства; это особенно проявляется, когда он переходит к конкретному социально-экономическому анализу. Серьезные расхождения с Фейербахом имеют место и тогда, когда Маркс в заключительной части своей работы пытается определить рациональные элементы в диалектике Гегеля, не отбрасывает ее, а продолжает ее материалистическую переработку, начатую им еще в работе «К критике гегелевской философии права».

Другим произведением Маркса, где еще сказывается влияние Фейербаха, хотя Маркс уже здесь выходит за пределы философии Фейербаха, как мы уже выше отмечали, является «Святое семейство». Здесь еще дает

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Из ранних произведений, 1956, стр. 587.
[2] Там же, стр. 588.

себя знать культ Фейербаха, а новое мировоззрение — гуманизм — рассматривается Марксом как сочетание философии Фейербаха с коммунистическими идеями, которые, в свою очередь, определяются как практические выводы из этой философии[1]. На влияние философии Фейербаха указывает и сам Маркс в письме к Энгельсу от 24 апреля 1867 года: «Здесь нашел я опять «Святое семейство», которое он [Кугельман.— *Е. К.*] мне подарил и экземпляр которого он пошлет тебе. Я был приятно поражен, найдя, что нам нечего стыдиться этой работы, хотя культ Фейербаха может показаться теперь смешным»[2]. Несомненно, что «Святое семейство» характеризует более высокий этап преодоления Марксом влияния Фейербаха. В целом «Святое семейство» знаменует появление принципиально нового мировоззрения. В этой книге сформулированы важнейшие положения диалектического и исторического материализма и содержится почти сложившийся взгляд на всемирно-историческую роль пролетариата.

Влияние философии Фейербаха и некоторых воззрений философских коммунистов на Энгельса оказалось значительно бо́льшим. Приведем только несколько примеров. В статье «Письма из Лондона», написанной в мае — июне 1843 г., Энгельс, говоря о социалистическом движении Англии, утверждал, что, в противоположность Англии, движение в Германии «исходит от класса людей, не только образованных, но даже ученых»[3].

В другой своей статье, «Быстрые успехи коммунизма в Германии», Энгельс подчеркивает: «До сих пор нашу силу составлял средний класс,— факт, который, может быть, удивит английского читателя, если он не знает, что этот класс в Германии значительно менее своекорыстен, пристрастен и туп, чем в Англии, по той простой причине, что он менее богат». Правда, Энгельс тут же добавлял: «Однако мы надеемся в скором времени найти опору в рабочем классе, который всегда и повсюду должен являться силой и оплотом социалистической

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 7, 101—103, 139.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIII, стр. 404.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 513.

партии»[1]. Эта мысль, что в Германии главными представителями социалистического движения являются образованные классы, сближавшая Энгельса с философскими коммунистами, неоднократно развивалась в его статьях за 1843—1844 годы[2].

Другим моментом, сближавшим Энгельса с философскими коммунистами, было неоднократное подчеркивание им, в частности в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», что германская философия пришла к коммунизму, что коммунизм является необходимым следствием младогегельянской философии и в особенности философии Фейербаха[3]. Даже в начале 1845 г. Энгельс с сочувствием повторял заявление Фейербаха, что коммунизм является лишь выводом из его принципов и практическим их применением[4].

В ряде своих произведений за 1843—1844 гг., в частности в таких работах, как «Наброски к критике политической экономии», «Положение Англии. Томас Карлейль.— «Прошлое и настоящее»», «Положение Англии. Восемнадцатый век», Энгельс еще широко пользуется философской терминологией Фейербаха, а подчас и отдельными его понятиями — «развитие рода в истории», «единство человека и природы», «человек должен лишь познать себя самого... устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы,— и тогда загадка нашего времени будет им разрешена»[5].

Это влияние предшествующего мировоззрения на Энгельса сказалось также и на таких его работах, как «Эльберфельдские речи» и, в меньшей мере, на «Положении рабочего класса в Англии», о чем он сам указывает в своем предисловии к этой книге.

Останавливаясь, в частности, на отдельных недостатках этой книги, Энгельс писал, что он сверх меры подчеркнул положение — конечной целью борьбы является освобождение всего общества, включая и капитали-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 2, стр. 519.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 1, стр. 537, 540.
[3] Там же, стр. 537—541.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 2, стр. 524—525.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 1, стр. 593.

стов,— вместо того чтобы сделать ударение на том, что коммунизм является партийной доктриной одного пролетариата. По существу, это положение проходит и через «Эльберфельдские речи» Энгельса. В абстрактном смысле это утверждение верно, но оно, как справедливо указывает Энгельс, на практике бесполезно, и даже может сыграть отрицательную роль. «И сейчас есть немало людей, которые с высоты своей якобы беспристрастной точки зрения проповедуют рабочим некий социализм, парящий над всеми классовыми антагонизмами и классовой борьбой. Но это или новички, которым нужно еще очень многому поучиться, или же злейшие враги рабочего класса, волки в овечьей шкуре»[1]. И в наши дни еще немало «волков в овечьей шкуре», которые своим «внеклассовым социализмом» подчас оказывают влияние на известные круги интеллигенции, питающие сентиментальную надежду на достижение общественного переустройства на пути примирения классов и исключительно мирных методов борьбы. Эти правосоциалистические теоретики в своей борьбе против марксизма-ленинизма подчас готовы возродить идеалистическо-этическую проповедь какого-нибудь «истинного социалиста» или даже использовать отдельные, еще незрелые формулировки в ранних произведениях Маркса и Энгельса, как это мы видели на примере «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Вот почему приходится отмечать отдельные нечеткие формулировки в ранних произведениях Маркса и Энгельса, предшествующие созданию ими исторического материализма. В разработке материалистического понимания истории, как справедливо замечает Энгельс, главная заслуга принадлежит Марксу[2]. Поэтому приезд к Марксу в Брюссель в апреле 1845 г., у которого к этому времени в основных чертах уже сложилась теория исторического материализма, имел огромное значение для Энгельса в деле преодоления некоторого влияния предшествующей немецкой философии и утопического социализма.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 391.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии», 1948, стр. 16—17.

* * *

Одним из важных вопросов исследования в данной области является установление даты перехода от философского коммунизма к «истинному социализму». Для решения данного вопроса обратимся сначала к собственным высказываниям Маркса и Энгельса, как непосредственных участников борьбы против «истинного социализма». В своей работе «Людвиг Фейербах» Энгельс отмечает, что «истинный социализм» с 1844 г. распространился как зараза «в среде «образованных» людей Германии»[1]. В письме к своему другу Иоганну Филиппу Беккеру Энгельс писал: «Мещанский социализм в Германии ведет свое начало с 1844 г. и был подвергнут критике уже в «Коммунистическом манифесте»»[2]. Такое же указание на 1844 г., как на дату появления «истинного социализма», мы находим и в статье Энгельса «Фурье о торговле», написанной в конце 1845 г., т. е. непосредственно в период оформления «истинного социализма» как течения.

Однако возникает естественный вопрос, какое объективное событие в жизни Германии в 1844 г. может послужить исходной датой для появления «истинного социализма». Таким рубежом профессор Серебряков справедливо считает силезское восстание ткачей в июне 1844 года. Однако этот тезис у него, к сожалению, не был в достаточной мере обоснован. Если же мы обратимся к самим периодическим изданиям философских коммунистов за 1844 г. и, в частности, к «Trier'sche Zeitung», к самим произведениям «истинных социалистов», то не останется никакого сомнения, что силезское восстание действительно послужило исходной датой появления «истинного социализма»[3]. Силезское восстание всколыхнуло все слои немецкого общества и выдвинуло целый ряд вопросов политического и социального раз-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 349.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 474.

[3] Советский историк С. Б. Кан в своей книге «Два восстания силезских ткачей» (1948) приводит большой материал, показывающий, как под влиянием силезского восстания 1844 г. формировались воззрения «истинных социалистов».

вития Германии, ответы на которые четко определили социальный, классовый характер «истинного социализма» как мелкобуржуазного направления.

На отношении философских коммунистов к силезскому восстанию можно видеть, как в их мировоззрении все более брали верх реакционные моменты, как складывался постепенно круг идей «истинного социализма».

Обратимся в первую очередь к «Trier'sche Zeitung» — одному из главных органов «истинного социализма». В номере от 19 июня 1844 г. была напечатана корреспонденция о силезском восстании, которая, очевидно, принадлежит демократическому публицисту, д-ру Бетцигу. Основная тенденция этой статьи — показать, что фабриканты, капиталисты неповинны в восстании; он ищет причины этого восстания в неблагоприятных внешних условиях и всячески старается затушевать резкую противоположность между капиталом и рабочим классом, обнаружившуюся в Силезии. Основной огонь он направляет против грубого коммунизма, считая, что последний своими теориями разжигает ненависть рабочих против фабрикантов. «Для угнетенных рабочих грубый коммунизм становится религией, ради которой он, подобно мученику, готов с восторгом отдать свою жизнь. Песня, которая была распространена среди рабочих Петерсвальдау, полностью проникнута коммунистическими воззрениями и их несчастный поход не имел, по их собственному заявлению, никакой другой цели, как то, чтобы и других превратить в «бедных людей». Так проявляет себя грубый коммунизм во всей своей отрицательной силе, так как он стремится лишь к тому, чтобы так или иначе уравнять всех» [1]. Автор этой статьи резонерствует далее о том, что коммунистические мечтания являются, дескать, следствием общественного распада, что они имеют только отрицательный результат и не могут положить начало новому общественному строю.

Можно было бы предположить, что эта статья выражает лишь частное мнение ее автора, но не всей газеты. Однако последующие статьи сотрудников газеты, помещенные в номерах от 20 и 23 июня, фактически выра-

---

[1] «Trier'sche Zeitung» № 171, 19.VI.1844.

жают ту же тенденцию. В корреспонденции, помещенной в газете от 20 июня, говорится об «эксцессах силезских рабочих», о «деморализации», господствующей среди них. Автор кончает свою статью заявлением, что духовные интересы тесно связаны с материальными и что если откроют народу путь к обеспечению его материального минимума, то возникнет у него потребность и к образованию, а благодаря этому и к нравственности. Автор, в конечном счете, призывает к благотворительности [1].

В статье о коммунизме, напечатанной в газете от 23 июня, автором которой, возможно, является Грюн, снова острие критики направляется против разрушительных действий и уравнительных тенденций грубого коммунизма. В частности, здесь атака ведется и против коммунизма Вейтлинга. Черты «истинного социалиста» особенно обнаруживаются у автора, когда он сетует, что коммунизм подобного сорта получает большое распространение лишь тогда, когда серьезные несчастья ставят человека в положение, заставляющее его думать только о средствах существования и забывать все более высокое. Выступая против обеих «крайностей», как против буржуазного эгоизма, так и грубого коммунизма, автор ратует за «организацию труда, способную обеспечить единство отдельных противоположностей — самопожертвования и личного интереса, потребности и труда» [2]. Предлагаемые автором в статье позитивные мероприятия для решения социального вопроса недвусмысленно обнаруживают мелкобуржуазные, мещанские позиции автора. Тут и «ограничение индивидуального эгоизма», и возрождение преимуществ цехового строя, но без их недостатков.

Подобного характера статьи «Trier'sche Zeitung» помещала многократно на протяжении второго полугодия 1844 года. Они фактически уже определяли новое направление газеты как органа «истинного социализма». Карл Грюн в своих больших статьях, как например «Политика и социализм», написанной в конце 1845 г., сам указал на огромное значение силезского восстания

[1] «Trier'sche Zeitung» № 172, 20.VI.1844.

[2] «Trier'sche Zeitung» № 175, 23.VI.1844; см. также № 176, 24.VI.1844.

в его повороте к «истинному социализму». «Между 1840 г. и сегодняшним днем лежит Силезия и целая доктрина. Мы узнали, что у нас имеется пролетариат, который умеет бороться и умирать» [1]. В этой же статье Грюн обрушивается на либеральное движение, высмеивает его борьбу за конституцию. «Кто требует в Пруссии конституции? Либералы. Кто такие либералы? Господа в своих домах и некоторые писатели, которые или сами владеют этими домами, или чей горизонт не шире желания этих почтенных владельцев домов и фабрик... Желает ли народ конституции? Даже и не грезит... Если бы силезский пролетариат был сознателен и если бы этому сознанию соответствовало существующее право, то он должен был бы подать петицию против конституции. Но у пролетариата нет для этого ни сознательности, ни прав; поэтому мы действуем его именем. Мы протестуем» [2].

Аналогичен был подход Гесса к оценке силезского восстания и понимание путей борьбы за переустройство общества. Откликаясь непосредственно на выступление силезских ткачей, Гесс в своей программной статье «Царящая в нашем обществе нужда и о мерах для ее преодоления» старается, с одной стороны, запугать буржуазию, характеризуя выступление силезских рабочих как «ужасные сцены», «анархические выступления», резко обрушивается на так называемые «грубые формы деспотического коммунизма», с другой стороны — призывает к той же организации «воспитания и труда», к действию «во имя любви и человечности» [3], с которой носился Грюн. На деле же это сводилось лишь к организации благотворительности в пользу рабочих. Таким образом, под влиянием силезского восстания у Гесса, Грюна и их последователей сформировались некоторые новые идеи, в дополнение к тем, которые имелись у философских коммунистов, и это определило появление «истинного социализма».

«Истинные социалисты» приняли активное участие в той шумной кампании, которую предприняли буржуазные

---

[1] «Rheinische Jahrbücher», Bd. II, 1846, S. 99.
[2] Там же, S. 100.
[3] «Deutsches Bürgerbuch für 1845», Darmstadt, 1845, S. 22—48.

либерально-оппозиционные элементы по организации «союзов для улучшения положения трудящихся классов». Если представители феодально-правительственной партии пытались использовать недовольство рабочих, чтобы, заигрывая с последними при помощи организации благотворительности, использовать их для оказания давления на либеральную буржуазию, то последняя, в свою очередь, чтобы использовать рабочих против правительства с целью заполучения некоторых политических уступок, всячески разыгрывала роль друга рабочего класса, участвуя в организации указанных союзов, и даже прибегала к расплывчатой «социалистической» фразеологии об «организации труда» и т. п. «Истинные социалисты» — Гесс, Грюн — принимали всерьез эту фразеологию и спешили зачислить этих платонических друзей социализма в ряды своих сторонников. В этом отношении особенно показательно письмо М. Гесса к Марксу от 3 июля 1844 года. «Повсюду появляются все новые социалисты, и что особенно важно— философская партия целиком завоевана. Вы уже теперь из немецких газет увидите, что я не преувеличивал, когда недавно изобразил вам распространение социализма в Германии. Силезские волнения тоже этому способствовали. В самое короткое время вся образованная Германия станет социалистической, и даже радикально-социалистической, я имею в виду коммунистической. «Trier'sche Zeitung» также начинает защищать наряду со своим ортодоксальным фурьеризмом и наше направление. Но эта газета не имеет никакой редакции. Поэтому приходится говорить собственно не о «Trier'sche Zeitung», а о ее корреспондентах. Карл Грюн, который с каждым днем становится все лучше, имеет большие заслуги в пропаганде нашего направления в немецкой печати... Теперь все бывшие философские радикалы являются как бы социалистическими радикалами»[1].

В том же духе откликается и другой корреспондент Маркса — Г. Юнг из Кёльна, по своим взглядам близкий к «истинным социалистам». «Повсеместно растут

---

[1] Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ). М. Гесс — Марксу, 3.VII.1844 г., ф. 1, оп. 5, № 55.

симпатии в пользу ткачей, бунтовщиков. И если кое-где кто-либо клевещет на это восстание, поносит его в грубых выражениях, то это ни в коей мере не капиталист, не буржуа, но чаще всего сверхусердный правительственный чиновник... В «Kölnische Zeitung» Вы теперь найдете больше коммунизма, чем когда-то в «Rheinische Zeitung». Она даже открыла подписку в пользу силезских ткачей» [1].

Не удивительно, что в условиях роста оппозиционных настроений в предреволюционной Германии, которые подчас окрашивались в «социалистический» цвет, часть буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции потянулась за «истинными социалистами». Не случайно Энгельс много лет спустя характеризовал «истинный социализм» в письме к А. Бебелю как попытку купца и студента втереться в социалистическое движение. «Но в Германии именно они самые опасные люди, и против них мы с Марксом вели с 1845 г. непрерывную борьбу» [2].

Следует в то же время отметить, что в самих «Союзах для улучшения положения трудящихся классов» очень скоро, особенно при разработке их уставных документов, развернулась борьба между буржуазно-либеральными элементами (Кампгаузен, Мефиссен и др.) и демократическими представителями мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции, добивавшимися более демократической организации этих союзов. «Истинные социалисты», активно участвуя в деятельности этого левого крыла, стали выдвигать ряд социальных требований, недвусмысленно показывающих мелкобуржуазный характер этого направления. Чтобы проиллюстрировать это, достаточно остановиться на выступлении Г. Юнга на первом организационном собрании Союза в Кёльне 10 ноября 1844 года. Юнг стал на нем резко возражать против названия «Союз для улучшения положения трудящихся классов» как «неправильного, обидного и непрактичного». Какая же мотивировка? — *Неправильного,* потому что сами организаторы союза являются трудящимися (очевидно, таковыми следует считать председателя

---

[1] Архив ИМЛ. Г. Юнг — Марксу, 26.VI.1844 г., ф. 1, оп. 5, № 54.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 477.

Кёльнской торговой палаты Кампгаузена, капиталиста Рудольфа Шрамма и других буржуа и буржуазных интеллигентов); — *обидного,* потому что это название предполагает наличие двух классов — класса, оказывающего покровительство, и класса покровительствуемого, и одновременно как бы увековечивает сословные перегородки между бедностью и богатством (но разве от перемены названия что-либо меняется?); — *непрактичного,* потому что только путем совместной творческой деятельности всех без исключения классов, и только путем взаимной помощи и установления полного политического равенства возможно разрешение социального вопроса [1].

В этом выступлении Юнга много путаницы. Но ясно, что он исходит не из необходимости обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, а из возможности их примирения между собой и их взаимопомощи. Это явно мелкобуржуазная позиция, хотя Юнг, подобно некоторым другим «истинным социалистам», считал себя другом и соратником Маркса. Несомненно также и то, что в полемике с либералами эти социалисты отстаивали более демократические позиции в указанных союзах. Вместе с тем они отражали не только усиление размежевания между либеральным и демократическим крылом оппозиции, но и рост экономических противоречий между буржуазией и мелкой буржуазией.

Таким образом, после силезского восстания более четко определились социальные позиции «истинного социализма» как мелкобуржуазного направления. К этому же времени полностью сложилась система взглядов «истинного социализма». В дополнение к основным чертам философского коммунизма, которые стали приобретать одиозный и реакционный характер, появились и некоторые новые особенности, придавшие «истинному социализму» как бы законченный характер. Какие же это новые черты были теперь свойственны «истинному социализму»?

---

[1] *С. Б. Кан.* «Два восстания силезских ткачей», 1948, стр. 226, 384—385; см. также «Rheinische Jahrbücher», Bd. I, 1845, S. 228.

Во-первых, это отказ от политической деятельности, от борьбы за демократические свободы; если ты социалист, то перестаешь быть политиком, если политик, то не можешь быть социалистом. Этот отказ от признания необходимости политической деятельности, эта теория «растворения политики в социализме» характерны для большинства «истинных социалистов» и придают этому направлению в условиях Германии накануне демократической революции реакционный характер. Увод масс от активной политической борьбы объективно имел реакционное значение, так как это было равносильно отказу от революционной борьбы с существующим порядком. Известно, что Грюн и многие его сторонники в своих статьях доказывали бесплодность политической деятельности, отвергали необходимость борьбы за конституционные свободы, за свободу печати, противопоставляли борьбу за социальные преобразования политической деятельности. На деле же многие «истинные социалисты», находясь в Германии, были вынуждены вопреки своим теориям заниматься политической деятельностью, примыкая к демократическому крылу. Одна группа «истинных социалистов», которую возглавлял редактор «Westphälische Dampfboot» Люнинг, и в теории не отказывалась от политической деятельности. Правда, их героем, которого они усердно рекламировали, был французский мелкобуржуазный социалист и демократ реформистского направления — Луи Блан.

Во-вторых, это критика либералов, но не с пролетарских, а с реакционно-мещанских позиций. Пример такой критики приводят Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Они цитируют одного из «истинных социалистов» — Земмига, который, обращаясь к пролетариям, писал: «Не поддерживайте ее [буржуазию.— *Е. К.*] в ее стремлениях и борьбе... пусть она борется одна. То, что она затевает... только в ее интересах. Но прежде всего *никогда не принимайте участия в политических революциях,* всегда исходящих лишь от недовольного меньшинства, которое из властолюбия свергает господствующую власть и стремится захватить власть в свои руки!» [1]

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 562.

Энгельс по поводу этого положения Земмига справедливо замечает, что автор имеет законное основание претендовать на благодарность королевского саксонского правительства. Другой истинный социалист — Отто Люнинг, обращаясь к буржуазии с вопросом, соответствует ли политическая свобода требованиям счастья, писал: «Я обращаюсь также к вам, состоятельные буржуа, к вам, имущие, кто сам именует себя по преимуществу либералами; обращаюсь не к тем из вас, кто знает, что весь ваш либерализм, не принося народу пользы, лишь утверждает ваше собственное господство, а к тем, кто еще искренне верит, будто народ можно осчастливить с помощью политических реформ. Вдумайтесь в мои слова без ненависти и предубеждения; я уверен, что некоторых из вас будут со временем приветствовать под нашим знаменем»[1].

Следовательно, критика либерализма велась «истинными социалистами» не с позиций революционного класса — пролетариата; это была критика либерализма с позиций той части немецкого мещанства, которая отворачивалась от задач демократической революции. При этом воззрения «истинных социалистов» отличались крайней путаницей и противоречивостью. Если Люнинг здесь выступает против политической деятельности, то на страницах «Westphälische Dampfboot» он во многих случаях высказывается за политическую деятельность. Каков же истинный путь к освобождению рабочих и к изменению их условий жизни? И тут на сцену появляется третий «кит» «истинного социализма» — любовь и братство. Своекорыстие, эгоизм и разобщенность должны быть заменены любовью и братством[2]. Уже философские коммунисты, в частности Гесс, противопоставляли любовь эгоизму. Однако тогда это еще не было одним из основных принципов направления, каким он стал у «истинных социалистов». Любовь становится у них одним из основных средств преобразования буржуазного общества. Так, Гесс писал: «Любите друг друга, найдите единение в душе — и вы будете в сердце

[1] *Lüning*. «Politik und Socialismus» («Dies Buch gehört dem Volke», B. II, 1845, S. 3—4).
[2] Там же, стр. 27—28.

своем обладать тем блаженным сознанием, которое тщетно искали так долго вне себя, в боге. Организуйтесь, объединяйтесь в действительности — и вы будете обладать в своих деяниях и творениях всем тем могуществом, которое тщетно искали так долго вне себя — в деньгах. Но пока вы не стремитесь развивать свою собственную природу, пока вы стремитесь не к человеческой, а сверхчеловеческой сущности, до тех пор вы будете нечеловеком»[1].

По существу это новая религия, та самая религия любви, которую Маркс и Энгельс критиковали у Фейербаха. Такое воспевание любви мы видим не только в работах Гесса, Грюна, но и в статьях Германа Криге, в которых слово «любовь» повторяется бессчетное количество раз.

Вместе с культом любви для «истинных социалистов» стал характерным отказ от решительной революционной борьбы, подмена ее сентиментально-этической проповедью примирения и братания между всеми людьми, проповедью, с которой они обращались и к имущим классам. Естественно также и то, что они не были способны к последовательной партийной позиции. Они относились враждебно ко всякой полемике внутри коммунистического движения, внося всюду дух беспринципного примиренчества.

Для истинного социализма было также характерно своеобразное сочетание расплывчатого космополитизма с своеобразным национализмом, которое Маркс и Энгельс подвергли резкой критике в «Немецкой идеологии». С одной стороны, Гесс, Грюн и другие утверждали, что нации и национальности являются уже преодоленным моментом, предрассудком, а с другой стороны — заявляли, что будто бы немцы всегда преследовали не своекорыстные национальные, а какие-то универсальные интересы, что они стоят выше национальных интересов, что немцы, благодаря своим воззрениям, имеют возможность работать в пользу всего человечества и т. д. Эти фразы фактически прикрывали, подчеркивает Маркс в «Немецкой идеологии», тогдашнюю отсталость национального развития Германии.

[1] «Deutsches Bürgerbuch für 1845», Darmstadt, 1845, S. 38—39.

Для «истинных социалистов» также характерно как и для русских народников представление о том, что можно избежать того или иного этапа в социально-экономическом развитии страны. Так, Люнинг говорил о развитии Германии: «Мы находимся, несмотря на наши неблагоприятные внешние условия, духовно на одном уровне с Францией. То, что во Франции практически приносит лишь незрелые плоды, вследствие того, что оно там теоретически не завершено, у нас при нашем участии получило, наконец, теоретическое завершение. Благодаря этому мы сэкономили длинный практический путь» [1].

Другой «истинный социалист» — Грюн, утверждал, что Германия не должна повторять историю Франции; Германия обладает наукой и философией, позволяющей ей, дескать, избежать ошибок Франции. Не следует проходить окольный путь, опыт других стран позволяет избежать его [2].

Хотя исходной датой появления «истинного социализма» является вторая половина 1844 г. (после силезского восстания), однако полностью оформилось это направление в 1845—1846 гг., когда в его распоряжении оказался целый ряд печатных органов и сборников: «Gesellschaftsspiegel», «Deutsche Bürgerbuch», «Trier'sche Zeitung», «Rheinische Jahrbücher», «Westphälische Dampfboot», «Neue Anekdota» и многие другие. На страницах этих изданий и сложился полный круг идей «истинного социализма». Это направление не было внутренне единым; оно распадалось на многочисленные группки, объединявшиеся вокруг того или иного органа печати. Однако всем этим группам были общи многие черты, определявшие единый характер всего направления.

При изучении истории «истинного социализма» и деятельности его представителей нельзя не заметить весьма странное, на первый взгляд, явление. Многие видные представители «истинного социализма», вопреки своим «теориям» и нападкам на политическую деятельность, принимали активное участие в общеоппозиционном дви-

---

[1] «Neue Anekdota», 1845, S. 82—83.
[2] «Rheinische Jahrbücher», Bd. I, 1845, S. 136.

жении в предреволюционной Германии. Во время же германской революции 1848—1849 гг. почти все видные «истинные социалисты» совершенно отбросили свои теории и стали лидерами немецкого мелкобуржуазного демократического движения. Грюн принадлежал к крайне левой фракции в прусском национальном собрании; Криге был членом Центрального комитета демократов; Люнинг, Ремпель, Земмиг возглавляли местных демократов. Этот список можно и дальше продолжить. Чтобы понять этот факт, следует обратиться к некоторым характеристикам, которые дал этому направлению В. И. Ленин.

При освещении истории «истинного социализма» в нашей исторической литературе недостаточно продумывались ленинские положения, дающие возможность несколько по-новому подойти к характеристике места этого направления в предреволюционной Германии. В наших работах мы постоянно фиксировали внимание на том вполне правильном положении, что «истинный социализм» являлся объективно реакционным направлением мелкобуржуазного социализма, критиковавшим либеральную буржуазию не с революционно-пролетарских, а с мещанских позиций и подменявшим революционную борьбу морально-филантропической проповедью о вреде эгоизма и о необходимости всеобщего братства и любви между всеми людьми, независимо от их классового положения. Однако эта оценка неполна и не отражает всей сложности и противоречивости данного направления. Она игнорирует другие стороны вопроса, отмеченные В. И. Лениным, а именно, что «истинные социалисты» выступили как выразители оппозиционных настроений, царивших в некоторых буржуазных и мелкобуржуазных кругах предреволюционной Германии, а также, что между «истинными социалистами» и русскими народниками существовала известная близость в характере этих направлений.

Освещая обстановку накануне революции в Германии в середине 40-х годов, В. И. Ленин писал: «Общественная жизнь в немецкой провинции 1844 года похожа на русскую в начале 20 века, перед революцией 1905 года. Все рвется к политике, все кипит оппозицион-

ным возмущением против правительства... Общая оппозиционность выражается в том, что все объявляют себя коммунистами... В Германии все были тогда коммунистами — кроме пролетариата. Коммунизм был формой выражения оппозиционных настроений у всех и больше всего у буржуазии... Главными проповедниками коммунизма были тогда люди вроде наших народников, «социалистов-революционеров», «народных социалистов» и т. п., т. е. в сущности благонамеренные буржуа, более или менее взбешенные против правительства» [1]. Не случайно Энгельс в 1890 г. в примечании к соответствующему разделу «Манифеста» об «истинном социализме» указывал, что революционная буря 1848 г. «отбила охоту у его носителей *спекулировать* социализмом» [2] (курсив наш.— *Е. К.*). В известном «Манифесте против Криге» Маркс и Энгельс показывают, что у «истинного социалиста» Криге социалистические фразы служат лишь прикрытием буржуазно-демократических требований, как например, требования национализации земли и уравнительного ее передела.

Примечательно, что Ленин, говоря об этом произведении Маркса и Энгельса, писал: «Когда немецкий коммунист Герман Криге, в 1846 году проповедовал уравнительный земельный передел в Америке, Маркс высмеял эсеровские предрассудки и мещанскую теорию этого квази-социализма» [3]. В другом месте, говоря об «истинных социалистах», Ленин снова подчеркивает их близость к русским народникам. ««Истинные социалисты» нечто вроде мирных лавристов, полукультурники, нереволюционеры, герои мудреных рассуждений и отвлеченной проповеди» [4]. Всюду, где В. И. Ленин разъяснял, кто такие «истинные социалисты», он постоянно их сравнивал с народниками, с эсерами, для которых особенно было характерно прикрытие буржуазно-демократических преобразований мещанским социализмом. Любопытно, что когда В. И. Ленин го-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 504—505.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии», 1948, стр. 73.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 13, стр. 250.

[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 10, стр. 430.

ворил о домарксовских направлениях утопического социализма 40-х годов XIX века, он писал: «Господствуют же такие формы социализма, которые в основном родственны нашему народничеству: непонимание материалистической основы исторического движения, неуменье выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными, якобы-социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п.» [1]. Приведенный нами ранее фактический материал об особенностях «истинного социализма» полностью подтверждает указанные положения В. И. Ленина, и, следовательно, нет необходимости в новом фактическом материале для подтверждения данной мысли.

Следует заметить, что и Г. В. Плеханов также неоднократно подчеркивал большую близость между немецкими «истинными социалистами» и русскими народниками 80—90-х годов. В своих письмах к Энгельсу Плеханов неоднократно называет русских народников нашими «истинными социалистами». Так, в письме к Энгельсу от 20 февраля 1895 года Плеханов писал, что «наши wahre Sozialisten порядочные реакционеры» [2]. В другом письме к Энгельсу Плеханов, говоря об одной народнической брошюре, писал: «Лучшая критика, какую можно было бы сделать на эту великолепную «программу», заключается в «Коммунистическом манифесте» (об «истинном, немецком социализме»)» [3]. Любопытно отметить, что Энгельс в своих ответных письмах Плеханову нигде не оспаривал эту характеристику.

Указывая на известное сходство между «истинным социализмом» и русским народничеством, нельзя в то же время абстрагироваться и от существенных отличий этих двух направлений друг от друга. Их отличает, во-первых, объективно-историческое различие двух эпох — 40-х годов и 60—90-х годов XIX века. Затем они отличаются по своим философским истокам (например,

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 544.

[2] «Литературное наследие Г. В. Плеханова» (сб. VIII, 1940, стр. 270).

[3] Там же, стр. 275.

наличие позитивистских идей в идеологическом вооружении народников) и по конкретным социально-экономическим программам. Однако главное отличие заключается в том, что народники в той или иной мере являлись выразителями демократических устремлений крестьянства, в то время как «истинные социалисты» были идеологами немецкого мещанства, которому были свойственны бесхарактерность, филистерская узость, постоянные колебания и трусость. Эти черты проявили немецкие мелкобуржуазные демократы и в период революции 1848—1849 годов. Однако указанные отличия не снимают вопроса об известном сходстве этих двух направлений. Сопоставление с русским народничеством позволяет нам объяснить причины внутренней противоречивости «истинного социализма», выяснить его место в общеоппозиционном движении предреволюционной Германии и показать, что Маркс и Энгельс подвергли решительной критике идеологов немецкой мелкой буржуазии еще до революции 1848—1849 годов.

«Истинный социализм», как мы уже ранее указывали, не сложился сразу в единое, законченное направление. Он проделал известный путь развития. Сильно изменилась и общественно-политическая обстановка в самой Германии накануне революции 1848—1849 годов. Да и сами взгляды Маркса и Энгельса в 1844—1847 гг. находились еще в процессе формирования. Следовательно, борьба основоположников марксизма с «истинным социализмом» прошла известные этапы[1]. Анализ произведений и писем Маркса и Энгельса, относящихся к их борьбе против «истинного социализма», позволяет более или менее определенно установить два этапа их борьбы: первый этап, начиная с лета (июль) 1845 по 1846 год; второй этап — 1847 год. Обычно раньше датировали начало борьбы Маркса и Энгельса против «истинного социализма» концом 1845 года. Факты же говорят, что начало этой борьбы следует

[1] Конкретный ход борьбы Маркса и Энгельса против «истинного социализма» достаточно полно освещен в указанной статье профессора М. В. Серебрякова и в работах многих других советских авторов. Это освобождает нас от необходимости дать подробное освещение данного вопроса.

отнести к лету 1845 года. В письмах к Гессу Маркс и Энгельс подвергают резкой критике выступления Грюна, называют Грюна «промышленником», «дельцом», который пытается на философских спекуляциях нажить себе «капиталец», и указывают на вредность той пропаганды, которую ведет Грюн в Париже, где он подвизался в качестве члена Союза справедливых [1]. В письмах к руководителю парижских общин Союза справедливых — Эвербеку Маркс требует от него, чтобы он выступал против пропаганды Грюна среди немецких рабочих в Париже, так как она наносит вред немецкому коммунистическому движению. Это видно из ответных писем Эвербека к Марксу и Энгельсу и из письма Гесса к Грюну от 1 сентября 1845 года [2].

Непосредственно литературными памятниками этой борьбы в первый период являются статьи Энгельса «Фурье о торговле» и «Празднество наций в Лондоне» и произведения Маркса и Энгельса — «Манифест против Криге» и «Немецкая идеология». Характерной особенностью первого этапа борьбы является то, что Маркс и Энгельс критикуют «истинный социализм» еще как составную часть единого коммунистического движения в Германии. Наиболее показательно в этом отношении письмо Маркса к Анненкову от 28 декабря 1846 года. Говоря о препятствиях, мешающих изданию «Немецкой идеологии», Маркс, между прочим, писал: «А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но, кроме того, значительная часть членов немецкой коммунистической партии сердиты на меня за то, что я выступаю против их утопий и декламаций» [3].

В статьях Энгельса «Фурье о торговле» и «Празднество наций в Лондоне» критика «истинного социализма» не носит еще резкого характера. Суть критики сводится к следующему. В Германии масса спекулятивных голов начинает опошлять коммунистическое движение. Своим философским пустословием и пренебрежительным

---

[1] Архив ИМЛ. Грюн — Гессу, 1.IX.1845 г., ф. 173, № III — 2639.

[2] Архив ИМЛ. Эвербек — Марксу, 31.VIII.1845 г., ф. 1, оп. 5, № 74.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 33.

отношением к предшественникам они пытаются прикрыть свою отсталость и неосведомленность. Они отрывают идеи французского социализма от конкретных исторических условий Франции и переводят их на язык логики Гегеля и философии Фейербаха и преподносят эту новую премудрость как «истинную немецкую теорию». При этом они кичатся своей основательностью и высмеивают использованные ими же социальные учения французов и англичан. С самими социалистическими произведениями они знакомятся не прямо, а из третьих рук, причем из этих учений они берут не лучшее — критику существующего общества, а худшее — утопические проекты, схематизацию будущего общества. «Поэтому-то немецкий «абсолютный социализм» так ужасающе жалок. Немножко «человечности», как сейчас принято выражаться, немножко «реализации» этой человечности или, скорее, животности, кое-что о собственности по Прудону — из третьих или четвертых рук,— несколько вздохов о пролетариате, кое-что об организации труда, жалкие союзы для улучшения положения низших классов народа — наряду с безграничным невежеством в отношении политической экономии и действительного состояния общества — вот к чему сводится весь этот «социализм», который к тому же утрачивает последнюю каплю крови, последние следы энергии и силы в результате своей беспартийности в области теории, своего «абсолютного спокойствия мысли». И таким переливанием из пустого в порожнее хотят революционизировать Германию, привести в движение пролетариат, побудить массы к мысли и действию!»[1] Главное обвинение, направленное против «истинных социалистов»,— это их нереволюционность и беспартийность, подмена революционной и партийной борьбы сентиментально-этической проповедью. Серьезной критике подвергает Энгельс и их космополитические фразы об отмене наций. Нельзя не заметить, что в этой критике «истинного социализма» содержится также критика его непосредственного предшественника — философского коммунизма. В 1846 г., в связи

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 584.

с осуществлением первых мероприятий Маркса и Энгельса по организации коммунистической партии пролетариата, в связи с созданием ими Коммунистических корреспондентских комитетов, борьба с «истинными социалистами» усиливается. Уже на заседании Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 30 марта 1846 г. во время разрыва с Вейтлингом Маркс и Энгельс поставили вопрос о необходимости развернуть борьбу против «мещанского коммунизма», «философского коммунизма», о необходимости очищения коммунистического движения от всех негодных элементов[1]. Этим же духом проникнут «Циркуляр против Криге». Маркс и Энгельс обвиняют «истинного социалиста» Криге в том, что он своей пропагандой компрометирует коммунистическую партию как в Европе, так и в Америке, в том, что он пытается свести коммунизм к сентиментальным фразам о любви и превратить его в новую религию, а также в том, что старается придать буржуазно-демократическому движению за аграрную реформу видимость борьбы за коммунизм[2].

«Циркуляр против Криге» и «Немецкая идеология» фактически знаменуют начало разрыва с «истинными социалистами». В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, суммируя все ранее сказанное ими об этом направлении, подчеркивают, что «истинные социалисты» вносят в молодое коммунистическое движение в Германии дух трусости и слабости, дух бесхарактерности и что этим наносят большой ущерб движению. «Истинные социалисты» обращаются не к пролетариям, а к мелким буржуа с их филантропическими иллюзиями и к их идеологам — к философии и философским выученикам. Для «истинного социализма» характерна попытка установить компромисс между коммунизмом и господствующими представлениями.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подчеркивают, что с момента образования подлинно коммунистической партии «истинным социалистам» придется

[1] Архив ИМЛ. В. Вейтлинг — М. Гессу, 31.III.1846 г., ф. 173, № III—2794.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 1—16.

искать поддержку вне коммунистического движения, среди мелких буржуа и опустившихся интеллигентов.

В результате упорной борьбы Маркса и Энгельса против «истинного социализма» уже на первом этапе наиболее прогрессивные элементы этого направления перешли на революционно-коммунистические позиции. Среди них наиболее известны Вейдемейер, Дронке, В. Вольф, Фрейлиграт, Шаппер, Молль, Бауэр, Эвербек и многие другие деятели Союза справедливых в Лондоне, Париже и других городах. В своих письмах Марксу Вейдемейер солидаризировался с его борьбой против «истинного социализма» [1].

Даже один из идеологов «истинного социализма» — Гесс вынужден был признать справедливость критики Марксом и Энгельсом «истинного социализма» и заявить о своей солидарности с ними. «С твоими взглядами на коммунистическое писательство,— писал Гесс Марксу 18 июля 1846 г.,— которые ты недавно сообщил Даниельсу, я совершенно согласен. Насколько вначале необходимо было связать коммунистические стремления с немецкой идеологией, настолько теперь необходимо обосновать их исторические и экономические предпосылки, иначе нельзя покончить ни с «социалистами», ни с противниками всех цветов» [2].

Хотя Гесс вскоре вступил в Союз коммунистов, руководимый Марксом, а в конце своей жизни вошел в германскую социал-демократию, он на протяжении всего своего жизненного пути являлся крайне неустойчивым попутчиком Маркса и не мог до конца преодолеть свои мелкобуржуазные идеалистически-этические воззрения.

«Немецкая идеология» знаменует конец первого этапа борьбы Маркса и Энгельса против «истинного социализма». С 1847 г. начинается второй этап борьбы. В этот период основоположники марксизма рассматривают уже «истинных социалистов» как направление, находящееся вне немецкого коммунистического движе-

---

[1] Архив ИМЛ. И. Вейдемейер — Марксу, 19.VIII.1846 г., ф. 1, оп. 5, № 122.

[2] Архив ИМЛ. М. Гесс — Марксу, 18.VII.1846 г., ф. 1, оп. 5, № 115.

ния. В своих статьях — «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»», «Конституционный вопрос в Германии», «Немецкий социализм в стихах и прозе» и других — они характеризуют «истинный социализм» как объективно реакционное направление, которое становится желанным орудием абсолютизма против либеральной буржуазии. Маркс и Энгельс призывают немецких коммунистов решительно отмежеваться от «истинных социалистов», не брать на себя ответственность «за реакционные поступки и вожделения «истинных социалистов»»[1]. Усиление борьбы Маркса и Энгельса против этого направления объясняется предреволюционной обстановкой в Германии, назреванием революционного кризиса. В этих условиях задача коммунистов была: стоять в передовых шеренгах революционной оппозиции к абсолютистскому строю. Естественно, что вздорные, по существу реакционные теории «истинных социалистов» могли нанести в этой предреволюционной обстановке серьезный вред.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс обобщают данную ими ранее критику «истинного социализма» и выносят ему свой окончательный приговор. Они характеризуют его как мелкобуржуазное направление, выражающее реакционные интересы немецкого мещанства[2]. Революционная буря 1848 г. полностью развеяла это направление. Во время революции сами идеологи этого направления совершенно отбросили свои теории, позабыли о своем «социализме» и прочно примкнули к демократической буржуазии.

* * *

История формирования направления «истинного социализма» и борьбы Маркса и Энгельса против него не утратила своей исторической злободневности и в настоящее время. И в наши дни, в период обостренной борьбы мировых сил социализма и капитализма немало еще в рабочем движении «волков в овечьей

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 44.
[2] Там же, стр. 452—453.

шкуре», пытающихся отравить рабочий класс буржуазной идеологией, немало еще и благонамеренных интеллигентов, реформистов и ревизионистов, мечтающих о социализме, но без борьбы за его достижение, о выборе какого-то «третьего пути», об избрании какой-то нейтральной позиции, стоящей над борющимися классами и партиями.

Борьба Маркса и Энгельса против «истинного социализма» является образцом непримиримой партийной борьбы против антипролетарских направлений, борьбы за создание и укрепление революционной пролетарской партии на последовательно научной теоретической основе.

*Л. И. ГОЛЬМАН*

# ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1848—1849 ГОДОВ

В период, непосредственно предшествовавший буржуазным и буржуазно-демократическим революциям 1848—1849 гг., в европейских странах завершается процесс формирования марксизма. Выходят в свет «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии» — «первые произведения зрелого марксизма» [1]. Марксизм с этого времени выступает как сложившееся, цельное, непрерывно развивающееся революционное учение, как великое мировоззрение рабочего класса — могучее идейное оружие в его борьбе за пролетарскую революцию, за коммунистическое преобразование общества.

Формирование научного коммунизма завершалось в обстановке складывавшейся в Европе революционной ситуации. В европейских странах назревали буржуазные и буржуазно-демократические революции. При этом общественно-политические условия в Европе значительно отличались от тех, которые существовали накануне французской буржуазной революции конца XVIII века. К этому времени в ряде стран (Англия, Франция, Бельгия, Голландия) капиталистический способ производства окончательно победил. В странах, где еще господствовал класс дворян-землевладельцев (Германия, Австрия, Италия и др.), также происходит развитие капиталистических отношений и формирование пролетариата. Характеризуя предреволюционную обстановку в начале 1848 г., Ф. Энгельс писал: «Повсюду за

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 25, стр. 373.

спиной буржуа стоит пролетариат, то разделяя их стремления и отчасти их иллюзии, как в Италии и Швейцарии, то держась молчаливо и осторожно, но исподволь подготавливая свержение буржуа, как во Франции и Германии, то, наконец, как в Англии и Америке,— в состоянии открытого восстания против господствующей буржуазии»[1].

В этих исторических условиях великие вожди рабочего класса Маркс и Энгельс считали необходимым обеспечить самостоятельную классовую позицию пролетариата. Они стремились сплотить передовых представителей рабочего класса в пролетарскую партию, вооружить их революционной теорией и правильной тактикой революционной борьбы. Они укрепляют и расширяют свои связи с представителями немецкого, английского, французского рабочего движения, усиливают свое идейное влияние на существовавшие в то время рабочие организации, ведут энергичную борьбу за преодоление сектантства и незрелых воззрений домарксовского утопического социализма, господствовавших до того времени среди пролетариата. Результатом этой кипучей деятельности Маркса и Энгельса было основание ими летом 1847 г. Союза коммунистов — первой в истории рабочего движения международной коммунистической организации, зародыша подлинно революционной пролетарской партии.

Руководимый Марксом и Энгельсом Союз коммунистов, несмотря на свою сравнительную малочисленность, выступил как передовая сила не только пролетарского, но и общеевропейского демократического движения. Как сами Маркс и Энгельс, так и их сторонники и соратники — В. Вольф, Г. Веерт, И. Вейдемейер, И. Молль, К. Шаппер, Г. Бауэр, Р. Даниельс, Г. Бюргерс, В. Тедеско, Ф. Жиго и др.— стояли в первых рядах борцов за демократические свободы и были активными участниками революционных событий, подготовивших наступление «красного» 1848 года. Считая, что пролетариат должен вести энергичную борьбу за буржуазно-демократические преобразования, осуществление которых облегчит рабочему классу достижение своих собствен-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 469.

ных классовых целей, Маркс и Энгельс решительно выступали против всякой сектантской замкнутости, против отгораживания от насущных задач современности. Именно Марксу и Энгельсу и его друзьям принадлежала инициатива установления и расширения интернациональных связей между представителями демократического лагеря различных стран. Происходит еще большее сближение Маркса, Энгельса и их сторонников с международным демократическим обществом «Братские демократы» в Лондоне, а также с представителями левого крыла чартизма. Укрепляются узы сотрудничества и дружбы между членами Союза коммунистов и представителями демократической эмиграции разных национальностей. Осенью 1847 г. при ближайшем участии Маркса и Энгельса была основана в Брюсселе Демократическая ассоциация, которая объединила в своих рядах пролетарских революционеров и передовые элементы немецкой, бельгийской, польской, французской буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Демократическая ассоциация, благодаря влиянию Маркса, избранного ее вице-председателем, а также Энгельса, который был ее официальным представителем в Париже, сделалась одним из крупных центров международного демократического движения.

Маркс и Энгельс были активными участниками международных митингов и собраний, способствовавших сплочению представителей демократических кругов разных национальностей. Под знаком солидарности с польскими революционерами и со всеми борцами за освобождение угнетенных стран Европы проходили митинг в Лондоне 29 ноября 1847 г. в честь годовщины польского восстания 1830 г. и собрание в Брюсселе 22 февраля 1848 г., посвященное 2-й годовщине краковского восстания. Маркс и Энгельс выступили на этих собраниях с яркими речами. В конце 1847 и начале 1848 г. в революционных пролетарских и демократических кругах Лондона, Брюсселя и других городов широко обсуждался проект созыва международного демократического конгресса. Как это видно из письма Джулиана Гарни Марксу от 18 декабря 1847 г., а также из письма брюссельской Демократической ассоциации

обществу «Братские демократы» от 13 февраля 1848 г., конгресс предполагалось провести в Брюсселе в сентябре 1848 г. и открытие его приурочить к годовщине бельгийской революции 1830 года[1]. Предложение о созыве такого конгресса было выдвинуто в результате переговоров Маркса с представителями общества «Братские демократы» во время пребывания Маркса и Энгельса в Лондоне в конце ноября и начале декабря 1847 г., в связи со вторым конгрессом Союза коммунистов[2]. В дальнейшем, после февральской революции во Франции, Маркс и Энгельс не оставляли идеи созыва демократического конгресса и не упускали подготовку его из своих рук. Однако ход событий революции 1848 г. помешал осуществить этот план.

Таким образом, деятельность Маркса и Энгельса накануне революции 1848 г. была направлена к тому, чтобы, создав ядро самостоятельной пролетарской партии — Союз коммунистов, усилить идейное и политическое влияние Союза на пролетарские массы всех стран, укрепить связи Союза с представителями международного революционно-демократического лагеря, обеспечить формировавшейся коммунистической партии авангардную роль в назревавших в Европе революционных событиях.

В борьбе за создание пролетарской партии, за распространение идей научного коммунизма, за сплочение передовых элементов рабочего класса всех стран Маркс и Энгельс огромное значение придавали выступлениям в печати, революционной публицистике.

В буржуазной исторической литературе можно встретить высказывания, свидетельствующие о непонимании роли Маркса и Энгельса как революционных публицистов, а иногда и о сознательном стремлении представить учителей и вождей пролетариата в виде бесстрастных доктринеров, вообще не способных горячо откликаться в печати на происходящие события. В таком искаженном

---

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 530.— Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ). Дж. Гарни — Марксу, 18 декабря 1847 г., ф. 20, оп. 1, № 14.

[2] См. Marx — Engels Gesamtausgabe (MEGA), erste Abt., Bd. 6, S. 627—628.

виде представлен, например, Маркс в изданной в Англии книге И. Берлина «Карл Маркс, его жизнь и окружение». Признавая, что Маркс был крупнейшим ученым, Берлин в то же время с первых же страниц своей книги спешит уверить читателя в том, что автор «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», «Капитала» и других бессмертных произведений был якобы совершенно лишен качеств народного вождя и агитатора, что как публицист он значительно уступал ряду демократических писателей XIX века и что он «не обладал изумительным красноречием Бакунина» [1].

В этой неправильной оценке сказывается не только игнорирование важнейших сторон биографии Маркса и Энгельса, в первую очередь, их участия в массовом революционном движении, их блестящей деятельности как вождей и организаторов борьбы пролетариата, как пламенных революционных трибунов и публицистов, но и неспособность буржуазных авторов понять важнейшую особенность марксизма — органическую связь между революционной теорией и практикой.

Применяя к Марксу и Энгельсу однобокую мерку, пригодную лишь для оторванных от жизни буржуазных ученых, такие «биографы» основоположников марксизма не в состоянии понять, как в одних и тех же лицах могли соединиться гениальные ученые и пламенные революционеры, теоретики и политические борцы, глубочайшие исследователи и мастера революционной публицистики, в совершенстве владеющие журналистским пером. Между тем именно эта связь теории и практики пронизывает всю деятельность основоположников марксизма, все их творчество. Именно поэтому их произведения, их печатные и устные выступления отличаются как теоретической глубиной, так и подлинной революционностью. Научный анализ и обобщения постоянно сочетаются у них с пламенной защитой интересов рабочего класса, с революционным пафосом, с острым обличением реакционеров, с бичующей критикой идеологов и политиков враждебного пролетариату лагеря. Не говоря уже о

---

[1] *J. Berlin.* «Karl Marx, his Life and Environment». London, 1949, p. 1.

многочисленных статьях и корреспонденциях Маркса и Энгельса, написанных для периодической печати, не говоря уже об их памфлетах и брошюрах, их многие научные труды, которые формально не относятся к жанру публицистики, проникнуты настоящей публицистичностью в лучшем смысле этого слова. Они отличаются этой публицистической чертой как по своим выдающимся литературным качествам, так и по своей неустаревающей злободневности. Они служат ярким образцом живого отклика на выдвинутые самой жизнью потребности революционной борьбы, на вставшие перед рабочим классом и его партией задачи.

Первый программный документ научного коммунизма — «Манифест Коммунистической партии» — является шедевром революционной публицистики. Глубочайшие идеи марксизма, квинтэссенция учения Маркса и Энгельса, изложены в нем в столь яркой литературной форме, с такой могучей силой и выразительностью, изложение проникнуто таким страстным обличением капиталистического строя и защитой интересов передового класса, что немногие произведения мировой литературы могут сравниться по своему воздействию на умы и сердца читателей с этим гениальным творением.

С другой стороны, и чисто журналистские, публицистические произведения Маркса и Энгельса во многих случаях содержат важнейшие теоретические обобщения, классические образцы применения самого передового научного метода — диалектического и исторического материализма — к анализу текущих событий и глубочайшего проникновения в существо исторических явлений. Именно это, в первую очередь, выделяет статьи и корреспонденции Маркса и Энгельса как публицистику особого, более высокого типа и свидетельствует о превосходстве ее над публицистикой даже наиболее талантливых современников основоположников марксизма.

В. И. Ленин, глубочайший знаток марксизма, творчески развивший его в новых исторических условиях, постоянно указывал на неразрывную связь между теорией и практикой как на основную черту, свойственную и учению Маркса и Энгельса и самим создателям этого учения. В своей биографии Маркса, в статьях о Марксе и

Энгельсе Ленин всесторонне охарактеризовал многогранную деятельность основоположников марксизма и как великих теоретиков, и как организаторов практической революционной борьбы рабочего класса, вождей международного пролетарского движения. Будучи сам непревзойденным революционным публицистом, В. И. Ленин высоко ценил публицистические произведения Маркса и Энгельса, их статьи и корреспонденции. В трудах В. И. Ленина дана глубокая оценка многих органов печати, которые редактировались Марксом и Энгельсом, или в которых они сотрудничали, творчески проанализирован целый ряд выступлений основоположников марксизма в периодической печати в разные периоды их деятельности. Лениным была показана та роль, которую сыграли в формировании и развитии марксизма статьи Маркса и Энгельса, печатавшиеся в «Rheinische Zeitung», «Deutsch-Französische Jahrbücher», «Neue Rheinische Zeitung» и в других демократических и пролетарских органах. Он определил место этих печатных органов в истории социалистического и рабочего движения, в истории революционной печати. Особенно высокую оценку Ленина получила «Neue Rheinische Zeitung» — газета, издававшаяся Марксом и Энгельсом во время революции 1848—1849 гг. и ярко отразившая их непосредственное участие в массовой революционной борьбе. Эту газету Ленин в свое время называл «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата»[1]. Должное место отвел Ленин в своем обзоре литературы по марксизму и «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», в которой был напечатан целый ряд публицистических статей основоположников марксизма в период, непосредственно предшествующий революции 1848—1849 годов[2].

Много внимания публицистической деятельности Маркса и Энгельса уделил выдающийся немецкий историк-марксист Ф. Меринг, внесший большой вклад в дело опубликования и исследования литературного наследия основоположников марксизма, в частности их статей в периодической печати кануна революции 1848 года.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 64.
[2] Там же.

В своей книге «Карл Маркс» и во втором томе «Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля» Меринг поместил специальные очерки, посвященные обзору статей Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung». Однако этим интересным очеркам присущ общий недостаток работ Меринга по истории марксизма и рабочего движения: неправильное освещение вопроса об отношении марксизма к антипролетарскому, сектантскому социализму. Так, разбирая одну из программных статей Маркса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» «Коммунизм газеты «Rheinische Beobachter»», Меринг утверждает, что тогдашняя линия основоположников марксизма на поддержку антифеодальной буржуазной оппозиции в вопросе о подоходном налоге была якобы так же ошибочна, как и сектантские нападки на эту оппозицию «истинных социалистов», что «Маркс и Энгельс ошибались в сторону, противоположную «истинному социализму»»[1]. Меринг тем самым не только неправильно истолковал тактику Маркса и Энгельса в этом вопросе, рассчитанную на использование отказа Соединенного ландтага принять правительственный проект о подоходном налоге для развертывания народной борьбы против абсолютистско-феодального строя, но и затемнил коренную противоположность между пролетарской политикой и реакционной позицией «истинных социалистов», объективно отводивших удар от этого строя.

Публицистические произведения Маркса и Энгельса явились объектом исследования в работах советских историков. В частности, революционной публицистике Маркса и Энгельса накануне революции 1848—1849 гг. посвящены многие страницы второго издания книги Е. А. Степановой «Фридрих Энгельс» и монографии Е. П. Канделя «Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов», а также совместная статья обоих упомя-

---

[1] «Из литературного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля», т. II, 1908, стр. 429. Почти аналогичную точку зрения Меринг проводит и в своей биографии Маркса. (См. *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни», 1957, стр. 162.)

нутых авторов «Из истории идейной борьбы в немецком демократическом движении 40-х годов XIX века» [1]. Полемические выступления в печати Маркса и Энгельса против немецкого мелкобуржуазного радикала К. Гейнцена в 1847 г. проанализированы в специальной статье Т. И. Ойзермана [2]. Все эти работы освещают многие стороны деятельности Маркса и Энгельса как публицистов накануне революции 1848—1849 годов.

Сами Маркс и Энгельс уделяли публицистике одно из ведущих мест в своей борьбе за пролетарскую партию и торжество идей научного коммунизма.

С первых же дней своей общественно-политической деятельности они рассматривали печать как важнейшее средство общения с массами, как трибуну для открытой пропаганды передовых революционных идей, как острое идеологическое оружие в борьбе с противниками. В напряженной обстановке кануна революции 1848 г. роль революционной печати еще больше повысилась. В этот период публицистическая деятельность Маркса и Энгельса становится особенно интенсивной. Как раз в это время Энгельс в полемике с Гейнценом сформулировал важные теоретические положения о роли и назначении партийной печати. Рассматривая печать как важнейшее оружие партийной политики, Энгельс определил те требования, которые должны предъявляться к партийным публицистам и литераторам, выполняющим почетную и ответственную обязанность литературных представителей партии. «Какова задача партийной прессы? — писал Ф. Энгельс.— Прежде всего вести дискуссии, обосновывать, развивать и защищать требования партии, отвергать и опровергать претензии и утверждения враждебной партии» [3]. Говоря о задачах революционно-демократической и пролетарской печати в Германии — стране, где в то

---

[1] См. «Вопросы истории» № 8, 1955, а также см. *Е. А. Степанова.* «Фридрих Энгельс». Второе, дополненное издание, 1956; *Е. П. Кандель.* «Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов», 1953.

[2] *Т. И. Ойзерман.* «К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейнцена» (в сборнике «Из истории социально-политических идей», 1955).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 271.

время еще существовал феодально-абсолютистский режим,— Энгельс указывал, что эта печать должна выяснять причины того гнета, которому подвергаются пролетарии, мелкие крестьяне и городские мелкие буржуа со стороны бюрократии, дворянства и буржуазии, а также средства, при помощи которых этот гнет должен быть устранен, пропагандировать идею завоевания политической власти трудящимися, доказывая, что завоевание власти «является первым условием для применения этих средств», обосновывать тактику партии по отношению к другим партиям и группам[1].

Из этих высказываний видно, что Энгельс считал партийную печать глашатаем политики партии, ее программных положений и тактических требований, выработанных на основе учета как общих закономерностей революционной борьбы, так и конкретных особенностей каждой страны. Высказывания эти показывают, что Энгельс отстаивал принцип партийности в публицистике, что на печать он смотрел, как на рупор партии, и образцом публициста считал отнюдь не так называемых «независимых литераторов», становящихся в позу беспартийных писателей и журналистов, а страстных защитников интересов своего класса и партии, умеющих защищать эти интересы в жаркой полемике с всевозможными врагами. Энгельс требовал далее от литературных представителей партии строго научного подхода к событиям и явлениям общественной жизни, теоретической подготовленности и вооруженности знаниями, умения по-научному разобраться в предмете, о котором они пишут, умения осмыслить конкретную ситуацию и теоретически правильно формулировать требования партии и задачи, стоящие перед ней.

Резко отрицательно относились Маркс и Энгельс к дилетантству в журналистике, к склонности многих буржуазных и мелкобуржуазных публицистов к показной псевдоучености, прикрывавшей порой самое вопиющее невежество, к манере этих писателей бесцеремонно и развязно касаться предметов, в которых они ничего толком не разумели. Стоит только познакомиться с заметкой Маркса против «истинного социалиста» Грюна (апрель

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 271—272.

1847 г.) и с энгельсовской критикой книги Грюна «О Гёте с человеческой точки зрения», чтобы увидеть, как беспощадно бичевали Маркс и Энгельс подобные приемы «литературных дельцов», как высмеивали они фразерство и претензии на ученость, скрывавшие, как правило, скудость мысли и пошлость. Так, по поводу книги Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии» Маркс писал, что эта книга и действительное французское и бельгийское социальное движение, «за исключением некоторых имен и дат, не имеют между собой ничего общего» [1]. В своем критическом разборе грюновской монографии о Гёте Энгельс показывает, какие убогие знания кроются за высокопарными псевдоучеными разглагольствованиями Грюна на различные научные темы, в частности на тему о естествознании, как о якобы «единственно положительной науке»:

«Дюма, Плейфер, Фарадей и Либих до сих пор простодушно придерживались того мнения, что кислород — газ, лишенный как вкуса, так и запаха. Но г-н Грюн, зная, что все *кислое щиплет* язык, объявляет «кислород» на стр. 75 «едким»... Не довольствуясь этим блестящим обогащением «единственно положительной науки»... г-н Грюн открывает на стр. 94 новую кость: «Вертер — это человек, которому недостает позвоночной кости, который не стал еще субъектом». До сих пор господствовало ошибочное мнение, что у человека имеется свыше двух дюжин позвонков. Г-н Грюн не только сводит эти многочисленные кости к их нормальному единству, но и открывает к тому же, что эта исключительная позвоночная кость обладает замечательным свойством делать человека «субъектом». «Субъект» — г-н Грюн — заслуживает за это открытие особой позвоночной кости» [2].

К партийному публицисту и агитатору Маркс и Энгельс предъявляли высокие требования и в смысле литературных навыков, в смысле умения владеть пером. В работе «Морализирующая критика и критизирующая мораль» Маркс жестоко высмеивает немецкого радикала Гейнцена не только за филистерский образ мыслей, но и

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 40.
[2] Там же, стр. 225.

за пошлый и низкопробный литературный стиль, за грубую брань и плоское морализирование, к которым Гейнцен прибегал вместо аргументов в полемике с коммунистами. Писания Гейнцена против коммунистов Маркс рассматривал как своеобразную попытку возродить грубиянскую литературу XVI века со всеми свойственными ей чертами: вульгарностью, фанфаронством, болтливостью, претенциозной грубостью в нападении и истерической чувствительностью к чужой грубости. Энгельс указывал, что публицист, который не обладает качествами литератора, стиль которого неуклюж и топорен, в состоянии лишь скомпрометировать партию, которую он представляет. Эту мысль Энгельс иллюстрировал на примере опять-таки литературных выступлений Гейнцена, показав, насколько они беспомощны, тяжеловесны по форме, что, впрочем, вполне соответствовало их путаному содержанию. Каждая фраза Гейнцена, отмечал Энгельс, содержала двойную бессмыслицу: во-первых, ту, которую он хотел сказать, во-вторых, ту, которую он не хотел сказать, но которая все же получалась в силу неуклюжести стиля. Показав неспособность Гейнцена к роли партийного публициста, Энгельс писал: «Г-н Гейнцен, может быть, и преисполнен самых благих намерений, он, может быть, является самым твердым в своих убеждениях человеком во всей Европе. Мы знаем также, что лично он честный человек и обладает мужеством и стойкостью. Но всего этого недостаточно, чтобы быть партийным публицистом. Для этого требуется нечто большее, чем определенные убеждения, благие намерения и голос Стентора. Для этого требуется немного больше ума, немного больше ясности мысли, лучший стиль и больше знаний, чем имеется у г-на Гейнцена, и, как показывает долголетний опыт, чем он вообще в состоянии приобрести»[1].

Великие вожди и теоретики пролетариата Маркс и Энгельс были щедро наделены всеми качествами партийных публицистов. Литературные дарования Маркса и Энгельса как революционных пролетарских публицистов в период кануна революции 1848—1849 гг. развернулись в полную силу, и их произведения этого времени являются выдающимися образцами революционной публици-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 274—275.

стики. Эти произведения до сих пор производят сильнейшее впечатление не только глубиной идей, но и своей страстностью, яркостью языка, исключительной четкостью изложения мысли, блестящим остроумием, богатством знаний из самых различных областей, метким применением литературных образов и сравнений, почерпнутых из сокровищницы мировой культуры. Статьи этого периода — настоящие образцы литературно-публицистического мастерства. Они непосредственно примыкают к блестящим революционным выступлениям Маркса и Энгельса на страницах «Neue Rheinische Zeitung» в годы самой революции.

Следует при этом сказать, что публицистические произведения, написанные Марксом, очень схожи с теми, которые вышли из-под пера Энгельса. Их роднит не только общность мировоззрения обоих авторов, полное единство их идейных и политических позиций, одинаковое понимание ими задач партийной прессы, но и близость литературных приемов, общие черты писательской манеры и эрудиции. Общность этой литературно-творческой манеры в значительной мере складывалась в процессе тесного духовного общения Маркса и Энгельса, постоянного обмена мнениями, совместной выработки единой точки зрения по многим вопросам и особенно совместной работы над общими трудами, например, над «Немецкой идеологией». Часто бывает весьма затруднительно определить, Марксу или Энгельсу принадлежит та или иная анонимно напечатанная статья. Даже такой знаток творчества основоположников марксизма, как Меринг, принял за работу Маркса написанные Энгельсом очерки «Немецкий социализм в стихах и прозе», а статью «Коммунизм газеты «Rheinische Beobachter»», принадлежащую Марксу, считал их общим произведением [1].

В то же время безусловно необходимо признать, что статьи Маркса и статьи Энгельса имеют отличающие их творческие особенности, отражающие индивидуальные черты ума и характера, а также литературного дарования.

---

[1] См. *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни», 1957, стр. 160—163.

Так, Марксу в большей степени, чем Энгельсу, была свойственна склонность к теоретическому анализу и научной абстракции, к экскурсу от непосредственной темы статьи в различные области общественных наук. У Маркса была больше развита, если так можно выразиться, диалектика речи. Он чаще, чем Энгельс, прибегал к антитезам, к противопоставлениям, нередко гениально выражающим сложность и противоречивость изображаемого. Язык Маркса более страстен, более порывист. Краткая формула, афоризм часто прерываются длинными, как бы стремящимися охватить все стороны явления, исчерпать все его черты периодами. Язык Энгельса более ровный, стиль его произведений более строг, он выделяется прозрачностью и четкостью, изложение предмета подкупает читателя своим логическим изяществом и непринужденностью. При этом произведения обоих авторов отличаются богатством содержания и разнообразием писательских приемов. Меткая, острая характеристика, яркое сравнение, сатирическая зарисовка, разящий без промаха сарказм перемежаются в их статьях со строго научной аргументацией, всесторонним рассмотрением предмета, теоретическими и политическими выводами.

До 30-х годов XX столетия сведения о масштабах литературно-публицистической деятельности Маркса и Энгельса накануне революции 1848—1849 гг. были весьма неполны. Несмотря на то, что литературное наследие Маркса и Энгельса изучалось Ф. Мерингом, Г. Мейером и другими исследователями, кроме крупных произведений этого времени и таких документов, как «Циркуляр против Криге», известно было лишь сравнительно небольшое количество статей, опубликованных в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», три статьи Энгельса и одно письмо Маркса, напечатанные во французском радикальном органе «Réforme», письмо Энгельса в редакцию французского журнала «Atelier» и приветственное обращение коммунистов-демократов Брюсселя к вождю чартистов Фергюсу О'Коннору, подписанное Марксом, Энгельсом и Жиго и опубликованное в чартистской газете «Northern Star». Меринг еще в 1902 г. писал о том, что исследование газеты «Réforme» с точки зрения розысков статей Энгельса является

весьма важной задачей, но весьма скептически отзывался о первых результатах такого исследования, произведенного Ш. Андлером [1]. Наоборот, некоторые статьи, не принадлежащие перу Маркса и Энгельса и написанные их соратниками, приписывались им [2].

В результате работы Института марксизма-ленинизма над подготовкой томов Сочинений Маркса и Энгельса на языке оригинала — MEGA,— проведенной под руководством академика В. А. Адоратского, значительно расширилось наше знание литературного наследия Маркса и Энгельса. Удалось установить принадлежность перу Маркса статьи ««Débat Social» от 6 февраля о Демократической ассоциации», напечатанной в феврале 1848 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», и статьи «Преследование иностранцев в Брюсселе», опубликованной в марте 1848 г. в «Réforme». Был обнаружен целый ряд ранее неизвестных статей Энгельса, опубликованных в 1846—1847 гг. в «Northern Star», ряд корреспонденций его в «Réforme», написанных в конце 1847 — начале 1848 г., и даже несколько неизвестных статей, напечатанных в сравнительно тщательно изучавшейся ранее «Deutsche-Brüsseler-Zeitung». Любопытно отметить, что открытие одной или нескольких статей влекло за собой обнаружение ряда других опубликованных анонимно работ Энгельса, так как одни статьи содержали ссылки на предыдущие и последующие, другие — представляли собой вариант известных уже статей, написанных на ту же тему, третьи — совпадали с ними во многом по содержанию. В ходе этой работы удалось расшифровать ряд намеков на статьи и литературные выступления в переписке Маркса и Энгельса.

При подготовке 4 тома второго издания Сочинений Маркса и Энгельса на русском языке было дополнительно обнаружено и обосновано авторство еще

---

[1] См. «Neue Zeit», XX. Jahrgang, Bd. 1, 1901—1902, S. 545.

[2] Например, опубликованные в V томе первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статьи «Тюремный конгресс в Брюсселе», «Придворная и газетная утка из Сан-Суси», «Прусский ландтаг и пролетариат в Пруссии, как и в Германии вообще», автором которых был, по-видимому, В. Вольф, а также статья «Парламент английских рабочих», принадлежащая, вероятно, Г. Веерту.

3-х статей Энгельса: «Раскол в лагере сторонников реформы» (опубликована в «Northern Star» 4 декабря 1847 г.), «Фергюс О'Коннор и ирландский народ» и «Революция в Париже» (опубликованы в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» 3 января и 27 февраля 1848 г.).

Все это позволило включить в состав 2 издания Сочинений Маркса и Энгельса 27 работ периода с мая 1846 по март 1848 г., не входивших в первое издание Сочинений. Нельзя считать, однако, что возможность открытия новых статей и рукописных работ Маркса и Энгельса за этот период исчерпана. Напротив, имеются прямые данные о наличии неразысканных статей и работ, например рукописи памфлета Энгельса, направленного против фаворитки баварского короля Лолы Монтес, второго циркуляра Маркса и Энгельса против Криге, написанного в октябре 1846 г.[1], и других документов. Отсутствие в библиотеках СССР и других стран некоторых бельгийских демократических газет (например, «Atelier Démocratique») препятствует выявлению статей Маркса и Энгельса, помещавшихся в бельгийской печати. Весьма важный ключ для разыскивания неизвестных статей Маркса и Энгельса дает редакционная заметка гамбургского журнала «Telegraph für Deutschland» № 193 за 1845 г. к недавно обнаруженной немецким литературоведом Б. Кайзером статье Энгельса «История английских хлебных законов». В этой заметке говорится, что данная статья, автором которой, по всей вероятности, является Энгельс, получена из газетно-корреспондентского бюро К. Рейнхардта в Брюсселе и что это бюро регулярно готовит корреспондентский материал (по-видимому, в литографированном виде) для иностранных газет[2]. Вполне вероятно, что при тщательном изучении немецкой, французской и бельгийской демократической печати за 1845 и 1846 г. можно будет обнаружить ряд статей Маркса и Энгельса, попавших в эти газеты через упомянутое бюро.

---

[1] Об этом см. письма Энгельса Марксу от 23 октября 1846 г. и от 9 марта 1847 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 52, 64, 66).

[2] См. «Einheit», Heft 8, August 1955, S. 764.

Из вновь обнаруженных, а также из ранее известных статей кануна революции 1848 г. большее количество принадлежит Энгельсу. Энгельс в этот период выступал в периодической печати чаще, чем Маркс, который был занят работой над своим важнейшим теоретическим произведением того времени — «Нищетой философии», разработкой вопросов политической экономии, подготовкой лекций о наемном труде и капитале. По-видимому, уже в это время стало намечаться то своеобразное разделение труда между двумя великими соратниками, которое составило впоследствии одну из характерных сторон их содружества и о которой Энгельс в 1887 г. писал в предисловии ко второму изданию работы «К жилищному вопросу»:

«Ввиду разделения труда, существовавшего между мной и Марксом, на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе,— в частности, следовательно, вести борьбу с враждебными взглядами для того, чтобы сберечь Марксу время для разработки его великого основного произведения» [1].

Свои выступления в печати Энгельс, так же как и Маркс, умело сочетал с научными занятиями, с участием в выработке, совместно с Марксом, первого программного документа научного коммунизма — «Манифеста Коммунистической партии»,— с практической работой среди пролетариата Парижа и Брюсселя. Вся деятельность Энгельса, его произведения и письма этого периода наглядно свидетельствуют, что, как писал В. И. Ленин, «имена Маркса и Энгельса справедливо ставят рядом, как имена основоположников современного социализма» [2].

* * *

Центральное место в публицистической деятельности Маркса и Энгельса в период, непосредственно предшествовавший революции 1848—1849 гг., занимают их выступления на страницах «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», выходившей в Брюсселе с 1 января 1847 по 27 февраля 1848 г. два раза в неделю.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 507.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 507.

Эта газета была основана немецкими эмигрантами в январе 1847 года. Первоначальное направление газеты определялось стремлением ее редактора А. Борнштедта примирить на основе беспринципного компромисса различные течения демократического и социалистического лагеря. Сам Борнштедт был весьма сомнительной личностью. Как впоследствии выяснилось, в 30-х и в начале 40-х годов он был связан с австрийской и прусской полицией, осведомляя ее о многих немецких эмигрантах. После февральской революции во Франции Борнштедт явился одним из ярых пропагандистов авантюристического плана привнесения в Германию революции «извне». Вместе с Гервегом он участвовал в организации добровольческого легиона, который позднее совершил вторжение в Баден и был разгромлен. Против этой затеи с немецким легионом и «экспортом» революции решительно боролись Маркс, Энгельс и их соратники.

Однако, если в начальный период своего существования «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» была мелкобуржуазным оппозиционным органом неопределенного оттенка, то позднее, под влиянием Маркса и Энгельса и их соратников, она все больше становилась рупором передовых демократических и коммунистических идей и в конечном счете сделалась фактически боевым органом Союза коммунистов, трибуной, с которой Маркс и Энгельс широко провозгласили программные и тактические принципы научного коммунизма, газетой, отражавшей требования и чаяния передовых элементов рабочего класса и международной революционной демократии.

В литературе существуют несколько точек зрения относительно того, к какому времени можно отнести начало перехода этой газеты в руки пролетарской партии, формировавшейся под руководством Маркса и Энгельса. Ф. Меринг считал, что начальной датой можно назвать весну 1847 г., поскольку в начале апреля 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» была помещена написанная Марксом «Заметка против Карла Грюна»[1]. В упомянутой выше статье Е. А. Степановой и Е. П. Канделя «Из

[1] См. «Из литературного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля», т. II, 1908, стр. 425.

истории идейной борьбы в немецком демократическом движении» указывается, что газета стала органом формирующейся коммунистической партии уже с лета 1847 г., правда, авторы тут же оговариваются, что лишь с октября 1847 г., когда руководителями сделались Маркс и Энгельс, она, наподобие «Neue Rheinische Zeitung», превратилась в орган демократии особого рода — демократии, проявлявшей во всем свой специфический пролетарский характер[1].

Приведенная оценка направления «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» после перехода руководства газетой в руки Маркса и Энгельса является, безусловно, правильной, как и в целом вся концепция авторов в отношении места «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» в истории демократической и коммунистической печати. Однако стала ли эта газета органом пролетарских революционеров уже с лета 1847 года? Этот сравнительно второстепенный вопрос требует, на наш взгляд, некоторых уточнений.

Сам Энгельс впоследствии в статье «К истории Союза коммунистов» писал по этому вопросу следующее:

«В Брюсселе мы основали Немецкое рабочее общество и завладели «Немецкой Брюссельской газетой», которая оставалась нашим органом до февральской революции»[2].

Немецкое рабочее общество было основано в конце августа 1847 г., поэтому из приведенного высказывания можно заключить, что Энгельс датирует начало борьбы за овладение газетой концом августа 1847 года. Это подтверждается и другими документами, в частности, письмами Вейдемейера Марксу. Так, 1 сентября 1847 г. Вейдемейер писал Марксу: «Как идут дела «Deutsche-Brüsseler-Zeitung»? Я слышал, что Вы хотите взяться за это дело, но то, что я до сих пор видел там, выглядит весьма убого и не может пробудить какого-либо интереса к распространению этой газеты; к тому же Борнштедт до сих пор внушал мне слишком мало доверия, чтобы решиться посылать ему статьи»[3]. В письме от 2 января 1848 г.

---

[1] См. «Вопросы истории» № 8, 1955, стр. 52.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 327.

[3] Marx — Engels Gesamtausgabe, erste Abt., Band 6, S. 688.

Вейдемейер просил Маркса прислать ему экземпляр «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» «за последнюю четверть года», указывая, что предыдущий материал его не интересует и ему хотелось бы иметь лишь статьи Маркса и Энгельса в собранном виде[1]. Постоянное, регулярное сотрудничество Маркса и Энгельса в газете началось с 12 сентября 1847 г. опубликованием в № 73 статьи Маркса «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»» и начала очерков Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе». В предыдущем номере о предстоящей публикации этих работ было дано специальное сообщение[2] — обстоятельство, которое также дает основание предполагать, что прежде Маркс и Энгельс не были постоянными сотрудниками и редакция решила особо отметить, не назвав, правда, их имена в своем сообщении, начало их постоянной работы в газете.

Правда, и до сентября Маркс и Энгельс выступали на ее страницах. Но это были редкие и эпизодические выступления. С начала выхода газеты (январь 1847 г.) до сентября 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» была напечатана лишь заметка Маркса против Грюна, статья Энгельса «Протекционизм или система свободы торговли» и его карикатура на открытие Соединенного ландтага в Пруссии. В газете публиковались также статьи соратников Маркса и Энгельса: В. Вольфа, Г. Веерта и других. Во всех этих выступлениях отстаивались пролетарская точка зрения и выдвинутые Марксом и Энгельсом принципы тактической платформы пролетарской партии.

Так, в статье «Протекционизм или система свободы торговли» Энгельс четко определил позицию пролетариата в важнейших вопросах политической жизни Германии, показав, что рабочий класс должен поддерживать требование оппозиционной буржуазии не во имя мира с ней, а для того, чтобы очистить поле сражения от ненужных феодальных барьеров и освободить арену для будущей решающей схватки между рабочим классом и капиталистами[3]. Отстаивая самостоятельную линию ра-

---

[1] Архив ИМЛ. Вейдемейер — Марксу, 2 января 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 156.

[2] См. «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», № 72, 9.IX.1847.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 63—64.

бочего класса в буржуазной революции, предостерегая его от опасности превратиться в придаток буржуазных партий, Маркс и Энгельс, а также их соратники, разоблачали трусость, непоследовательность, склонность к компромиссам с феодальной кликой представителей буржуазной оппозиции в Пруссии. Упомянутая карикатура Энгельса, опубликованная в виде литографированного приложения к газете, остро высмеивает крах конституционных иллюзий прусских буржуа. На рисунке изображен Фридрих-Вильгельм IV в момент произнесения тронной речи при открытии Соединенного ландтага в апреле 1847 года. В ней король раскрыл оторопевшим депутатам свои средневековые взгляды и дал им понять, что он не намерен идти ни на малейшее ограничение абсолютной власти. В подписи под карикатурой воспроизведены подлинные слова из этой речи: «Я и моя династия желаем служить господу богу». Король показан в окружении представителей придворной камарильи в рыцарских доспехах и с обнаженными мечами. У стоящих в глубине либеральных депутатов глупый и растерянный вид: постные и вытянутые лица, волосы поднялись дыбом от страха и неожиданности. Карикатура Энгельса имела большой успех. Хотя редакция и назвала автора «талантливым дилетантом»[1], рисунок Энгельса был высоко оценен бельгийской и французской демократической печатью, отметившей большое портретное сходство, меткость сатирической характеристики запечатленных на нем лиц и вообще всей церемонии открытия Соединенного ландтага. «Литографированные приложения к «Deutsche-Brüsseler-Zeitung»,— писала одна бельгийская газета по поводу этой карикатуры,— являются подлинным политическим вкладом в историю современности»[2].

Таким образом, уже с весны 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» публиковались статьи и материалы, отражающие позицию пролетарского, коммунистического течения в оппозиционном лагере. Но это течение было в

---

[1] См. «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 36, 6.V.1847.

[2] Цитирую по обзорной статье, приводящей отклики на карикатуру Энгельса, опубликованной в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 43, 30.V.1847.

то время отнюдь не единственным и не преобладающим в газете. Столбцы ее тогда заполняли писания Борнштедта, Гейнцена и других вульгарных демократов. Маркс и Энгельс не могли рассматривать в эти месяцы «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» как орган своей группы, представители которой сотрудничали в этой газете на таких же началах, как и в любых других демократических оппозиционных органах печати, не беря на себя ответственность за их направление. Лишь в августе 1847 г., когда Борнштедт выразил готовность идти на уступки, у Маркса родилась мысль о более регулярном и постоянном сотрудничестве в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», которая, как он писал Гервегу, «несмотря на все свои слабые стороны, все же имеет некоторые заслуги»[1]. Такое регулярное сотрудничество началось, как уже указывалось, только с сентября 1847 года. Однако даже после начала этого систематического сотрудничества редакция пыталась противопоставить направлению, проводимому Марксом и Энгельсом, свою линию беспринципного компромисса и ориентацию на амальгаму из разношерстных течений. Редакция напечатала 26 сентября и 21 октября 1847 г. клеветнические статьи К. Гейнцена против коммунистов. Помещая же ответные статьи Энгельса и позднее Маркса, она сопроводила их филистерскими призывами к примирению сторон и взаимной уступчивости, старалась придать своей собственной позиции видимость нейтралитета[2]. В конце сентября 1847 г. между Энгельсом и редактором газеты Борнштедтом возник острый конфликт в связи с попыткой Борнштедта завладеть руководством в Немецком рабочем обществе и растворить последнее в проектируемой широкой демократической международной ассоциации, лишив, таким образом, немецких рабочих самостоятельной организации[3]. При таких отношениях с редактором Маркс и

[1] Маркс — Г. Гервегу, 8 августа 1847 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 35).

[2] См. сопроводительные примечания редакции к статьям Энгельса «Коммунисты и Карл Гейнцен» и Маркса «Морализирующая критика и критизирующая мораль» в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» №№ 79 и 86, 3 и 28.X.1847.

[3] Об этом см. письмо Энгельса Марксу от 28—30 сентября 1847 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 70 и 77).

Энгельс не могли еще считать газету своим органом. Не удивительно поэтому, что 26 октября 1847 г. Энгельс называет еще «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» газетой Борнштедта [1].

Задача превращения газеты в последовательно революционный орган была не простой. Ею действительно нужно было, как позднее писал Энгельс, «завладеть», чего можно было добиться, только преодолев сопротивление и фактически отстранив от редакционных дел Борнштедта. Этот процесс «завладения» газетой продолжался по меньшей мере с конца августа до ноября 1847 года. С этого времени действительно роль Борнштедта и его друзей в газете сводится к минимуму, его имя все реже фигурирует на ее столбцах. Наоборот, участие в издании газеты Маркса и особенно Энгельса, с момента его высылки из Парижа в Брюссель в январе 1848 г., становится все более регулярным и разносторонним. Газета публикует изложение программных речей Маркса и Энгельса о Польше на митинге в Лондоне (№ 98 от 9 декабря 1847 г.), а также направленной против буржуазной идеологии речи Маркса о свободе торговли, произнесенной 9 января на собрании брюссельской Демократической ассоциации (№ 5 от 16 января 1848 г.). В газете печатаются подробные отчеты о заседаниях Немецкого рабочего общества (напр. №№ 1 и 2 от 2 и 5 января 1848 г.), критические статьи Маркса и Энгельса против родственных по духу Борнштедту вульгарных демократов и мелкобуржуазных социалистов (напр. в № 101 от 19 декабря 1847 г., «Заметка против А. Бартельса» К. Маркса; в № 104 от 30 декабря 1847 г., критическая статья Энгельса «Речь Луи Блана на банкете в Дижоне» и др.), причем редакция уже не сопровождала их двусмысленными оговорками, а солидаризировалась с их содержанием. С конца 1847 г. по всем важнейшим вопросам статьи для газеты пишет главным образом Энгельс. Его статьи «Движения 1847 г.» (№ 7 от 20 января 1848 г.), «Начало конца Австрии» (№ 8 от 27 января 1848 г.) печатаются на первой странице вслед за редакционными объявлениями, по существу

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 82.

играя роль передовых, программных статей. В последних трех номерах газеты (15, 16, 17) от 20, 24 и 27 февраля 1848 г. передовые статьи — «Три новых конституции», «Несколько слов газете «Riforma»», «Революция в Париже» — были написаны Энгельсом. В архиве Института марксизма-ленинизма имеется рукопись предназначавшейся, по-видимому, для «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» статьи Гесса о февральских событиях во Франции, датированной 28 февраля 1848 года. На рукописи рукой Энгельса сделана (возможно позднее, при разборе бумаг) ироническая пометка: «шедевр Гесса» [1]. Наличие этой рукописи среди бумаг Маркса и Энгельса подтверждает, что они в это время фактически выполняли прямые функции редакторов газеты, несмотря на то, что официально главным редактором продолжал именоваться Борнштедт.

Таким образом, если с конца августа — начала сентября 1847 г. Маркс и Энгельс начинают борьбу за установление в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» идейного влияния формирующейся пролетарской партии путем систематического выступления на ее столбцах, то с ноября 1847 г., когда это влияние окончательно утвердилось, в их руки постепенно переходят и редакционные дела газеты; они определяют характер передовых, подбор материала и информации, выступают не только в роли авторов, но и как редакторы ряда публикуемых статей. Газета становится фактически органом руководимой ими пролетарской организации — Союза коммунистов. Выступая в первых рядах общедемократического движения, она отстаивает в нем особые, классовые интересы пролетариата, его политические и социальные требования.

В «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», начиная с сентября 1847 г., кончая ее последним номером от 27 февраля 1848 г., была опубликована основная часть публицистических произведений, написанных Марксом и Энгельсом в предреволюционный период. Помимо изложения речей Маркса и Энгельса, информации об их выступлениях на собраниях Немецкого рабочего общества и Демократиче-

---

[1] Архив ИМЛ. *M. Heß*. Artikel über Ausbruch der Februar Revolution, ф. 1, оп. 1, № 4350.

ской ассоциации, за это время в газете было напечатано 16 статей Маркса и Энгельса и очерки Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе». Некоторые статьи печатались в нескольких номерах газеты.

Содержание всех этих статей представляет собой огромное идейное богатство. На страницах этого органа Маркс и Энгельс могли открыто развернуть пропаганду научного коммунизма и дать бой его противникам, решительно выступить против феодальной реакции, против политики буржуазии и антинародных доктрин ее идеологов, против вульгарных идей мелкобуржуазных писателей, мещанских фраз «истинных социалистов». Здесь Маркс и Энгельс свободно высказывались по многим вопросам, которые в статьях для других газет сознательно не поднимались ими из тактических соображений. Именно поэтому некоторые статьи Энгельса на одну тему, опубликованные одновременно в «Réforme» и «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», при общности их основных идей иногда отличаются друг от друга по тону и темпераменту. Например, в напечатанной в «Réforme» в январе 1848 г. статье «Исключительный закон для Ирландии и чартисты» Энгельс, характеризуя ирландских буржуазных националистов, дал им резкую, но сдержанную по форме оценку. Он писал, что «в глубине души они простые виги, и демократическая энергия г-на О'Коннора им глубоко ненавистна»[1]. А в статье на эту же тему «Фергюс О'Коннор и ирландский народ», опубликованной в то же время в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», он гневно называл их корыстной шайкой, прикрывающейся популярным лозунгом «рипила» — отмены англо-ирландской унии,— но помышляющей лишь о сделке с английскими господствующими классами[2]. Характеристика в обоих случаях по существу совпадает, но тон второй статьи значительно более гневный и обличительный.

В статьях Маркса и Энгельса этого периода отражается страстная взволнованность предреволюционного времени, неиссякаемое остроумие, почти юношеский задор авторов, сочетающийся со строгостью теоретической мысли.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 399.
[2] См. там же, стр. 402.

В «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» Маркс и Энгельс откликались на все важнейшие события того времени. Созыв Соединенного ландтага в Пруссии, движение за реформу во Франции, война швейцарских радикалов против реакционного Зондербунда, подъем чартизма в Англии и рост ирландского национально-освободительного движения, народное восстание в Палермо, введение конституции в Неаполе и аналогичные проекты в Пьемонте, Папской области, Дании — все эти события находили глубокое освещение в статьях Маркса и Энгельса. В этих статьях Маркс и Энгельс выступают как горячие поборники народной революции против феодально-абсолютистских порядков и пережитков средневековья, как ревностные сторонники глубоких демократических преобразований, объединения феодально-раздробленных стран — Германии и Италии, национальной независимости угнетенных стран. Они поднимают свой голос в защиту угнетенных национальностей Европы: поляков, венгров, чехов, итальянцев, ирландцев. В статье «Фергюс О'Коннор и ирландский народ» Энгельс напоминает об обязанности рабочего класса угнетающей страны протянуть руку братской помощи порабощенной нации, выражая надежду, что «массы ирландского народа все теснее будут сплачиваться с английскими чартистами и действовать с ними по общему плану» [1]. В статье «Начало конца Австрии» он призывает покончить с реакционной Австрийской империей и устранить «препятствия, стоящие на пути к свободе славян и итальянцев» [2]. Надвигается буржуазная революция, движущей силой ее являются народные массы, хотя она неизбежно должна привести к власти трусливую, дрожащую перед массами буржуазию, за спиной которой уже грозно вырисовывается революционный пролетариат,— такова главная мысль всех этих статей. Однако в противовес догматикам, которые и в более поздние времена считали, что после буржуазной революции должно наступить длительное господство буржуазии, Маркс и Энгельс уже тогда — еще до того, как они в 1850 г. выдвинули идею непрерыв-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 403.
[2] Там же, стр. 478.

ной революции — были полны надежды, что господство буржуазии будет весьма кратковременным. «Палач стоит у порога»,— напоминает Энгельс словами Гейне европейской буржуазии предстоящую ей судьбу [1].

Главное внимание в своих статьях Маркс и Энгельс уделяли Германии, где назревающая революция против феодализма должна была, по их мнению, принести наиболее важные плоды для пролетариата в случае ее успеха, ибо в этой стране уже существовали глубокие противоречия между пролетариатом и буржуазией и ломка феодальных отношений могла послужить там прологом к решающей схватке между трудом и капиталом. Сопоставляя начавшуюся революцию в Южной Италии с грядущей революцией в Германии, Энгельс писал: «Неаполитанская революция сама по себе достигнет своей цели, как только будут завоеваны радикальные буржуазные институты; германская революция, дойдя до этого пункта, собственно только и начнется» [2].

В ряде статей Маркс и Энгельс четко определили позицию немецкого пролетариата в германской революции, предугадав расстановку классовых сил и предсказав предательское поведение немецкой либеральной буржуазии во время будущих революционных событий. В статье «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»» Маркс решительно противопоставил соглашательским маневрам либеральной оппозиции идею революционного ниспровержения абсолютистского строя, радикальной ликвидации полусредневековых институтов и учреждений. Он сформулировал основные требования революционно-демократического преобразования Германии: отмену барщинных повинностей, введение суда присяжных и равенства всех перед законом, провозглашение свободы печати, свободы союзов, свободы собраний, установление подлинно народного представительства на основе всеобщего избирательного права [3]. Проводя через всю работу мысль о том, что главной движущей силой революции являются рабочие, мелкое крестьянство, трудящиеся низы и мелкая буржуазия городов, Маркс ярко

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 470.
[2] Там же, стр. 487.
[3] См. там же, стр. 201, 204.

показывает решающую роль народных масс в революционных переворотах, и в частности в деле свержения монархии и уничтожения феодализма. «Из всех политических элементов самым опасным для короля является народ. Не тот народ, о котором говорит Фридрих-Вильгельм и который со слезами благодарности на глазах принимает пинки и грошовые подачки,— этот народ безусловно не опасен, ибо он существует лишь в воображении короля. Настоящий же народ, пролетарии, мелкие крестьяне и городская беднота,— это, как выражается Гоббс, puer robustus, sed malitiosus, здоровенный и злонравный малый; он не позволит водить себя за нос ни тощим, ни жирным королям»[1]. Подобно тому как решительные революционные действия народа сумели в 1789—1794 гг., как указывал Маркс в другой статье, «стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции»[2], в Германии последовательное решение задач буржуазной революции также зависит не от трусливой, осмотрительной политики буржуазии, а прежде всего от готовности масс «сбросить в канаву» монархию, посадить на вилы владельцев феодальных поместий и совершить другие решительные революционные действия[3].

Отчетливо сознавая, что плодами победы народа в буржуазной революции неизбежно воспользуется буржуазия, Маркс в то же время подчеркивал, что установление буржуазного строя по сравнению с феодально-абсолютистским порядком «дает в руки пролетариата совершенно новое оружие в борьбе *против* самой же буржуазии», создает ему «положение признанной партии»[4].

Ряд важных вопросов, связанных с перспективами германской революции, был освещен Марксом и Энгельсом в полемике с К. Гейнценом. Опровергая плоское утверждение Гейнцена, что источником всех немецких бедствий являются немецкие монархи, Маркс в работе «Морализирующая критика и критизирующая мораль» с материалистических позиций вскрыл социально-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 206.
[2] Там же, стр. 299.
[3] См. там же, стр. 206, 200.
[4] Там же, стр. 197.

экономические предпосылки немецкой революции. Исходя из того, что революции, опрокидывающие старый общественный строй, возможны лишь тогда, когда созреют материальные условия нового общества, Маркс указывал, что насильственная реакционная роль, в какой выступает абсолютная монархия в Германии, показывает созревание в порах старого общества новых буржуазных общественных отношений, нового общества, «которое должно воспринимать и политическую оболочку — естественный покров старого общества — как противоестественные оковы и должно ее взорвать»[1]. Эти рассуждения Маркса являются серьезным вкладом в его учение о диалектическом взаимоотношении экономического базиса и политической надстройки, о неизбежной ломке старой политической надстройки, когда сложился новый базис, развитию которого препятствует эта старая надстройка. Применяя это учение к конкретным условиям назревавшей германской революции, Маркс подчеркивает, что ее особенностью является наличие глубокого антагонизма между пролетариатом и буржуазией, обнаружившегося прежде, чем последняя «политически конституировалась как класс» и успела покончить со всем феодально-абсолютистским хламом[2]. Отсюда и остро подмеченные Марксом уже накануне революции соглашательские тенденции немецкой буржуазии, ее стремление «преобразовать *абсолютную* монархию в *буржуазную* без революции, мирным путем»[3].

Победа над абсолютизмом, подчеркивали Маркс и Энгельс в статьях против Гейнцена, может явиться лишь результатом усилий пролетариата, мелкого крестьянства и мелкой городской буржуазии. При этом решающую роль в демократических преобразованиях Маркс и Энгельс отводили рабочему классу. Энгельс в статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» прямо называл пролетариат «ядром всякой современной демократии», указывая, что «мелкие буржуа и еще больше крестьяне всецело зависят от его инициативы»[4]. Таким образом

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 307—308.
[2] Там же, стр. 312.
[3] Там же, стр. 314.
[4] Там же, стр. 272.

Маркс и Энгельс непосредственно подходили к идее гегемонии рабочего класса в демократической революции, которая впоследствии была развита В. И. Лениным в стройное учение о союзе рабочего класса с крестьянством и гегемонии пролетариата. Ряд высказываний этого периода на страницах «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» показывает, что у Маркса и Энгельса в то время созревали идеи союза рабочих и трудового крестьянства не только в буржуазной, но и в социалистической революции. «Без сомнения,— писал Энгельс в статье «Движения 1847 года»,— придет время, когда разоренная, обедневшая часть крестьян присоединится к пролетариату, который к тому времени достигнет более высокой ступени развития, и объявит войну буржуазии»[1]. Однако в более зрелом виде идеи гегемонии пролетариата в общей борьбе всех трудящихся против гнета и эксплуатации были сформулированы Марксом и Энгельсом на основании обобщения опыта революции 1848—1849 годов.

Горячие немецкие патриоты Маркс и Энгельс решительно выступали против политической раздробленности Германии. Брошенный ими накануне мартовской революции лозунг: *«Да здравствует Германская республика!»*[2] предусматривал революционно-демократический путь объединения Германии, ликвидацию реакционных монархий — прежде всего австрийской и прусской,— уничтожение средневекового партикуляризма, который они рассматривали как одно из главных препятствий к прогрессивному развитию страны и одно из главных проявлений феодально-абсолютистского убожества. Маркс и Энгельс вели энергичную борьбу против сохранения раздробленности и в республиканской форме, к чему фактически сводились вынашиваемые мелкобуржуазными демократами Гейнценом, Руге, Струве и др. планы федералистского ошвейцаривания Германии или введения в ней «американской федеративной системы». Эти планы в условиях феодально-раздробленной Германии, подчеркивали Маркс и Энгельс, означали отказ на деле от ликвидации партикуляризма. Выступая за создание единого

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 465—466.
[2] Там же, стр. 501.

демократического централизованного государства, Маркс и Энгельс подчеркивали, что пролетариат заинтересован в централизации еще больше, чем буржуазия, так как централизация «дает ему возможность объединиться, почувствовать себя классом, обрести в демократии надлежащее политическое мировоззрение и победить в конце концов буржуазию» [1].

Маркс и Энгельс разоблачали иллюзии мелких буржуа, будто с буржуазной революцией воцарятся полное равенство и вечная справедливость. Показывая ограниченность буржуазной революции и буржуазной демократии, Маркс писал, что рабочие могут и должны участвовать в буржуазной революции, поскольку она является предпосылкой рабочей революции, но ни на одно мгновение не могут они рассматривать ее как свою конечную цель [2].

На примере Англии и Америки — стран, где буржуазная революция уже совершилась,— Маркс показывает наивность представлений вульгарных демократов типа Гейнцена о капиталистических порядках как о царстве социальной гармонии. Противопоставленная им гейнценовскому идеалу «американской федеративной системы» картина социальных контрастов и классовых противоречий в Соединенных Штатах Америки является едва ли не первым в марксистской литературе разоблачением легенды об «американском образе жизни» [3]. Завоевание буржуазной демократии должно явиться лишь ступенью на пути к освобождению пролетариата и всех трудящихся, на пути к ликвидации частной капиталистической собственности — основы эксплуататорского строя. Таков, как показывали Маркс и Энгельс, непреложный вывод, основанный не на желании отдельных мечтателей, а на самих законах исторического развития, на законах развития материальных условий жизни общества, развития противоречий, присущих самому капиталистическому способу производства.

Обосновывая неизбежность социалистической революции, Маркс и Энгельс дали отповедь Гейнцену, Руге

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 355.
[2] См. там же, стр. 313.
[3] См. там же, стр. 303.

и другим вульгарным демократам, изображавшим коммунизм как некую надуманную и изобретенную доктрину. Научный коммунизм, теория социалистической революции, отнюдь не является, писали Маркс и Энгельс, выдумкой отдельных доктринеров. «Коммунизм не доктрина, а *движение»,*— указывал Энгельс [1]. Коммунистическая теория представляет собой теоретическое выражение коренных потребностей развития общества, интересов самого передового прогрессивного класса. Появление и дальнейшее развитие этой теории обусловлено самой жизнью, самим ходом истории, и ее нельзя уничтожить, так же как нельзя уничтожить породившие ее общественные потребности. Так у истоков коммунистического движения, перед лицом его тогдашних противников, Маркс и Энгельс неопровержимо доказывали его неодолимость.

Следует при этом сказать, что победу социалистической революции Маркс и Энгельс отнюдь не мыслили себе как простой результат стихийного роста ее материальных предпосылок, механического роста производительных сил. В своих работах против Гейнцена они отчетливо показали значение классовой борьбы, в которой в конечном счете находит свое выражение конфликт между старыми производственными отношениями и переросшими их рамки производительными силами. Переход от капитализма к социализму они уже тогда представляли как революционный процесс преодоления передовым классом сопротивления отживших сил старого общества, процесс, в котором решающим условием победы пролетариата будет завоевание им государственной власти. Маркс и Энгельс в полемике с Гейнценом вскрыли классовую природу государства в буржуазном обществе — будь то конституционная монархия или республика,— показав, что буржуазное государство будет так же бешено подавлять движение против буржуазного строя, как подавляла абсолютная монархия движение против феодального. Поэтому важнейшим лозунгом пролетарской партии должно быть: *«господство рабочего класса* вместо *господства класса буржуазии»* [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 281.
[2] Там же, стр. 303.

В этом высказывании Маркса, в его характеристике сущности буржуазного государства и путей завоевания победы рабочим классом содержится набросок главной идеи марксизма — идеи диктатуры пролетариата. Можно с определенностью сказать, что если впервые набросок этой идеи был сформулирован в «Немецкой идеологии», то на страницах «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», еще до выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии», Маркс и Энгельс положили начало популяризации этого краеугольного положения, сделав тем самым огромный вклад в теорию социалистической революции.

Разрабатывать основы научного коммунизма Марксу и Энгельсу приходилось в постоянной борьбе с различными идейными противниками. Именно поэтому большинство статей в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» носят полемический и критический характер.

Многие объекты этой полемики давно сошли с исторической сцены. Однако ряд аргументов, доктрин, приемов, к которым прибегали тогдашние враги коммунизма, были унаследованы их современными преемниками, что делает выступления против них Маркса и Энгельса злободневными и острыми и в наши дни.

Неустаревающим является то искусство, с которым Маркс и Энгельс умели срывать псевдосоциалистические маски с представителей различных реакционных течений. Так, в статье Маркса «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»» блестяще разоблачаются лицемерные демагогические заигрывания с народом прусских мракобесов и защитников престола, выступающих под флагом христианского социализма. В этой статье вскрывается коренная противоположность между принципами религиозной, христианской морали и пролетарским мировоззрением вообще. Если социальные принципы христианства, пишет Маркс, «превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность», то для пролетариата «смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба» [1]. Очерки Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе»,— этот яркий памфлет, разоблачающий мещанские

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 204—205.

эстетические идеалы «истинного социализма»,— до сих пор остаются непревзойденным обличением всякого проявления в литературе обывательщины, пошлости, мещанской сентиментальности и угодничества.

Большой интерес представляют выступления Маркса и Энгельса против прямых апологетов капитализма и защитников буржуазной частной собственности. Так, в статье «Ламартин и коммунизм» Маркс едко высмеивает буржуазные доктрины о вечности и незыблемости частной собственности, выдаваемой Ламартином за источник всякой цивилизации и даже за «организацию жизненного принципа во вселенной»[1]. В статье «Конгресс экономистов» Энгельс раскрывает лицемерие и фальшь буржуазного фритредерства не только путем доказательства несостоятельности его доктрин, но и путем сатирических зарисовок самих проповедников этих доктрин, участников брюссельского конгресса 1847 г. по вопросу свободы торговли. Он ярко показывает подлинный облик рыцарей свободы торговли — английских и французских фритредеров: Боуринга, Юарта, Томпсона, Воловского, Дюнуайе и др. Вот как описано, например, выступление на конгрессе Воловского: «Этот самодовольный и поверхностный краснобай... стал разглагольствовать о трудящихся классах, которым он сулил золотые горы от свободы торговли и от имени которых с лицемерной яростью напал на протекционистов. Да, вопил он, стараясь взять самые высокие патетические ноты, да, эти протекционисты, «эти люди, у которых вот здесь, в сердце» (при этом он хлопал себя по своему круглому брюшку) «нет ни капли сочувствия к трудящимся классам»,— эти протекционисты мешают нам осуществить наши заветные мечты и помочь рабочим выбраться из нищеты! Но увы, его гнев был слишком притворным, чтобы произвести хоть какое-нибудь впечатление на немногих присутствовавших на галерке рабочих»[2].

Высказываясь за союз с мелкобуржуазными демократами, Маркс и Энгельс, как показывают их полемика с Гейнценом, выступления против бельгийского радикала

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 379.
[2] Там же, стр. 251.

Бартельса, против Луи Блана и т. д., подвергали суровой критике их отсталые доктрины и идеалы. Весьма важен и выдвинутый Марксом и Энгельсом самый принцип необходимости для коммунистов не только давать отповедь врагам, но откровенно и прямо критиковать неустойчивых, колеблющихся союзников. «Объединение демократов различных наций не исключает взаимной критики,— писала «Deutsche-Brüsseler-Zeitung».— Оно невозможно без такой критики. Без критики нет взаимного понимания, а следовательно и нет объединения» [1]. Этот принцип самокритики внутри общедемократического лагеря и критического отношения коммунистов к своим союзникам и попутчикам, разумеется, ничего общего не имеет с сектантским отрицанием всяких блоков и союзов. Наоборот, он говорит о том, что Маркс и Энгельс были сторонниками союзов и блоков на принципиальной основе, что они стояли в отношениях с союзниками за выявление и откровенное обсуждение разногласий, а не замалчивание их. Все выступления Маркса и Энгельса против Гейнцена проникнуты заботой о том, чтобы найти приемлемую платформу для совместного действия с демократами. Именно поэтому Маркс и Энгельс давали отповедь не только инсинуациям Гейнцена против коммунистов, но разоблачали компрометирующую всякое революционное демократическое движение манеру Гейнцена игнорировать конкретные исторические условия, его грубый поверхностный подход к фактам, волюнтаристские тенденции декретом отменить непреложные законы производства, доктринерское стремление навязать всем произвольно придуманные мещанские фантазии об улучшении мира. Маркс и Энгельс решительно боролись против всякого бесплодного сектантского доктринерства и догматизма. Отвечая на обвинение коммунистов в утопизме и доктринерстве, брошенное бельгийским радикальным органом «Débat Social», Маркс писал, что «немецкий коммунизм является самым решительным противником всякого утопизма и отнюдь не игнорирует историческое развитие, а, наоборот, опирается на него» [2]. Серьезным препятствием к объединению

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 384.
[2] Там же, стр. 480.

демократов Маркс и Энгельс считали проявление национализма и шовинизма, которое они отмечали у Бартельса, Блана и у других мелкобуржуазных демократов и социалистов.

Очень многое в публицистике Маркса и Энгельса того времени полно свежести и жизненной силы и для нашей эпохи. Имеются наряду с этим, конечно, и отдельные редкие суждения, нуждающиеся в коррективах, как правило, сделанных самими основоположниками марксизма в их последующих трудах. Так, нельзя считать обоснованной отрицательную оценку борьбы средневековых швейцарцев против Габсбургов, данную в статье Энгельса «Гражданская война в Швейцарии». В «Крестьянской войне в Германии» (1850 г.) Энгельс по-иному, чем в статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» (1847 г.), оценил крупнейшие крестьянские восстания средневековья, показав — в противоположность своей прежней оценке — их великое прогрессивное значение. В период гражданской войны в Америке 1861—1865 гг. Маркс и Энгельс внесли значительные уточнения в характеристику войны США против Мексики 1846—1848 гг., данную в статье Энгельса «Движения 1847 года». Все это говорит о том, насколько чужд был Марксу и Энгельсу догматизм, как умели они уточнять и творчески развивать свои взгляды на различные предметы. Современных читателей произведений Маркса и Энгельса того времени поразит не наличие в них редких неудачных с точки зрения последующего развития общественной науки мест, а необычайное богатство всего их содержания, меткость и безошибочность многочисленных характеристик исторических событий, течений, деятелей, глубина и научность прогнозов.

Достойным завершением публицистических выступлений основоположников марксизма на страницах «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» является статья Энгельса «Революция в Париже» — отклик на февральскую революцию во Франции, послужившую сигналом для революции и в других европейских странах. С восторгом и энтузиазмом отзывается Энгельс о героических рабочих Парижа, видя в них одних, в противовес буржуазным «перетрусившим зачинщикам мятежа», подлинных героев

дня, которые свергли монархию и добились провозглашения республики.

Весьма интересны соображения, которые Энгельс, выступивший вскоре как выдающийся военный теоретик пролетариата, высказывает о военной стороне действий повстанцев и контрреволюционных сил, в частности критика разработанного задолго до революции маршалом Жераром плана сосредоточения правительственных войск в обособленных фортах Парижа с целью подавления восстания, если оно вспыхнет. «Великолепный план Жерара,— иронически замечает Энгельс,— оказался чрезвычайно полезным для восстания; он парализовал войска и способствовал их пассивности, к которой они и без того были склонны» [1].

Призывая немцев последовать славному примеру парижан в борьбе за установление Германской республики, Энгельс, полный воодушевления, писал в этой статье: «Наступает наше время, время демократии. Пламя, полыхающее в Тюильри и Пале-Рояле,— это утренняя заря пролетариата» [2].

Эти слова свидетельствуют о непоколебимой вере Маркса и Энгельса в творческие силы рабочего класса и в торжество его великого дела. Пусть, может быть, несколько излишне оптимистические прогнозы Энгельса относительно близости пролетарской революции и не оправдались в то время. Однако в этом революционном оптимизме, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, было во сто крат больше исторического смысла, чем в трусливых опасениях и филистерском скепсисе политических обывателей.

Статьи Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» составляют важный этап в завершении формирования марксизма, в разработке ряда важнейших теоретических и тактических вопросов пролетарского социализма. В этих статьях получили свою конкретизацию и развитие многие положения исторического материализма, выдвинутые Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» и «Нищете философии», в частности

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 499.
[2] Там же, стр. 500.

учение об определяющей роли экономического базиса в развитии общества, о взаимоотношении между базисом и надстройкой, о классовой борьбе и социальных революциях, о роли в них народных масс, о великой освободительной миссии рабочего класса. В полемике с врагами социализма Маркс и Энгельс развивают идеи, получившие вскоре свои чеканные формулировки в «Манифесте Коммунистической партии». Они выдвигают наброски идеи диктатуры пролетариата, вплотную подходят к учению о гегемонии рабочего класса в освободительной борьбе против всякого социального гнета и эксплуатации, дают четкие определения теории научного коммунизма, как теоретического выражения коренных интересов рабочего класса, опровергают всевозможные нападки на коммунизм. Определяя тактику пролетариата в буржуазно-демократической революции, в национально-освободительной борьбе, а также по ряду других насущных вопросов, Маркс и Энгельс обосновывают в своих статьях важнейшие тактические принципы пролетарской партии. Все выступления Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» проникнуты духом пролетарского интернационализма, нашедшего свое яркое воплощение в девизе Союза коммунистов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

* * *

В предреволюционное время пропаганда революционных демократических и коммунистических идей велась основоположниками марксизма, помимо «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» на столбцах двух передовых органов тогдашней демократической и пролетарской печати: чартистской газеты «Northern Star» и органа французской социально-демократической партии «Réforme». Главная роль в выступлениях на страницах этих газет принадлежала Энгельсу, который состоял их официальным корреспондентом. Однако Энгельс стремился использовать свое сотрудничество в них, чтобы если не прямо, то косвенно предоставить слово Марксу, излагая в некоторых своих статьях содержание его речей и пропагандируя его взгляды. Кроме того, в «Northern Star» было опублико-

вано совместное обращение Маркса и Энгельса к Фергюсу О'Коннору, а в «Réforme» Маркс опубликовал в марте 1848 г. одно письмо и одну статью.

Сотрудничество Энгельса в «Northern Star» началось еще в 1843 году. Оно не прекращалось вплоть до марта 1848 г., став довольно регулярным в 1847 г., непосредственно накануне революции. С февраля 1847 по март 1848 г. им было опубликовано в этой газете 10 больших статей. В них Энгельс освещал главным образом предреволюционную социально-политическую обстановку в Германии и Франции, знакомя английских рабочих с событиями на континенте. Одна из статей посвящена брюссельскому конгрессу экономистов, происходившему в сентябре 1847 года; в ней содержится яркое разоблачение буржуазных фритредеров. В марте 1848 г. Энгельсом было написано письмо в редакцию «Northern Star» в знак протеста против грубых полицейских преследований, которым бельгийские власти подвергли после февральской революции во Франции проживавших в Бельгии революционных эмигрантов, в том числе Маркса и его жену. В письме-статье Энгельс сорвал либеральную маску с бельгийского правительства и его агентов и раскрыл подлинный смысл их контрреволюционных действий.

Из статей Энгельса, посвященных Германии, особенно выделяется статья «Прусская конституция», написанная в связи с опубликованием в феврале 1847 г. известных рескриптов Фридриха-Вильгельма IV о созыве Соединенного ландтага. В этой статье Энгельс за год до мартовской революции совершенно безошибочно предсказывает неизбежность наступления в Пруссии, а следовательно, и в Германии в целом, своего 1789 года. Показывая ограниченность этой назревавшей буржуазной революции, Энгельс в то же время отмечал ее огромное значение с точки зрения перспектив дальнейшей борьбы пролетарских и демократических сил против власти нового деспота — капитала. «Но с того момента,— писал Энгельс,— когда буржуазия устанавливает свое собственное правление, становится воплощением нового деспотизма и новой аристократии, противостоящих народу,— с этого момента демократия выступает как одна

только, единственная партия прогресса; с этого момента борьба упрощается, становится борьбой только двух сторон и в силу этого обстоятельства превращается в «войну не на жизнь, а на смерть»»[1].

В этой статье, так же как в дошедшей до нас в неполном виде неопубликованной брошюре Энгельса «Конституционный вопрос в Германии» и в статьях Маркса и Энгельса, помещенных в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», были намечены основы тактики пролетариата и его партии в важнейших вопросах, связанных с приближением буржуазной революции в Германии. Впоследствии Маркс и Энгельс с еще большей четкостью сформулировали эти тактические принципы в IV главе «Манифеста Коммунистической партии».

Статьи, посвященные Франции («Правительство и оппозиция во Франции», «Закат и близость падения Гизо», «Движение за реформу во Франции», «Раскол в лагере сторонников реформы», «Манифест г-на Ламартина», «Удовлетворенное большинство»), по своему содержанию тесно связаны одна с другой и представляют как бы единое целое. Эти статьи показывают одну из особенностей публицистического дарования Энгельса — его умение превращать посылаемые время от времени корреспонденции в какой-либо орган в серию статей, представляющих в совокупности цельное и стройное законченное произведение. Так писал Энгельс позднее свои серии статей «Революция и контрреволюция в Германии», «Заметки о войне» и т. д. В результате чтения этих статей у читателя возникает цельное представление о бурной политической жизни предреволюционной Франции. Никто из современников этих событий не сумел с такой ясностью, с таким проникновением в классовую сущность режима Июльской монархии и классовую подоплеку борьбы различных партий дать описание этих событий. При этом Энгельс отнюдь не превращает характеристику социально-политической обстановки во Франции в сухую социологическую схему. Перед читателями воспроизводится живой исторический процесс со всеми его характерными проявлениями. Воссозданы с

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 37—38.

большим мастерством картины политических нравов заправил Июльской монархии, скандальных афер, коррупции, безудержной погони за доходными местами и наживой, столкновения корыстолюбивых и честолюбивых интересов среди правящих классов.

На примере французской палаты общин и особенно его «разжиревшего, дающего и берущего взятки, спекулирующего, плутующего, паразитирующего и трусливого большинства» [1], Энгельс показывает ничтожество и угодничество перед сильными мира сего буржуазных парламентариев, порочность буржуазного парламентаризма. В статьях Энгельса даны запечатлевающиеся характеристики представителей правящей верхушки: Гизо, Дюшателя и других министров, пекущихся лишь об интересах подлинных правителей тогдашней Франции — биржевиков, железнодорожных спекулянтов, крупных промышленников, землевладельцев и шахтовладельцев [2]; портреты буржуазных деятелей, соперничающих с Гизо и стремящихся заменить его у власти: Тьера, Дювержье де Оранна, Одилона Барро и др.; фигуры ловких и беспринципных политических дельцов и журналистов, спекулирующих на росте антиправительственных настроений, вроде Эмиля де Жирардена и других.

Характеристики, данные в этих статьях, перекликаются с теми, которые позднее Маркс давал в своих классических работах по истории Франции: «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Энгельс с большими подробностями рисует рост оппозиционных настроений во Франции, описывая развернувшуюся в стране кампанию за избирательную реформу, и предсказывает не только неизбежность падения правительства Гизо, но и неминуемость краха всего режима Июльской монархии. При этом Энгельс вскрыл противоречия внутри самого лагеря оппозиции, показав неоднородность этого лагеря. Он выявил причины конфликта между умеренно-республиканской газетой «National», которая, по его словам, «всегда изменяла

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 391.
[2] См. там же, стр. 357.

в решительные моменты делу демократии... и неоднократно служила лишь интересам Тьера и Одилона Барро»[1], и демократическими элементами, группировавшимися вокруг газеты «Réforme». Представителей партии «Réforme» Маркс и Энгельс в тот момент рассматривали как своих союзников, хотя и не очень надежных и устойчивых. Они считали, что, несмотря на расхождение во взглядах между пролетарскими революционерами, с одной стороны, и мелкобуржуазными демократами и социалистами типа Ледрю-Роллена и Луи Блана, возглавлявшими эту партию, с другой, следует все же поддерживать последних и установить с ними единство действий, пока они выступают с прогрессивных позиций и ведут борьбу за республику, всеобщее избирательное право и социальные меры в пользу рабочего класса.

Поэтому на страницах «Northern Star», а также «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» Энгельс неоднократно выступал с защитой «Réforme» против «National». Своими выступлениями он способствовал разоблачению партии «National», этих буржуазных «трехцветных» республиканцев, в глазах демократических кругов за пределами Франции, что, несомненно, усиливало позиции партии «Réforme» и французских демократов и содействовало укреплению общедемократического лагеря в Европе. Недаром один из редакторов «Réforme», Флокон, по словам Энгельса, был «восхищен той манерой, с какой «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» и «Northern Star» защищали «Réforme» против «National»»[2].

Блок с представителями партии «Réforme» не означал, однако, как уже было сказано, отказа Маркса и Энгельса от критики взглядов своих колеблющихся союзников. Маркс и Энгельс отнюдь не солидаризировались со всеми выступлениями деятелей французской мелкобуржуазной демократии и в ряде случаев считали необходимым отмежеваться от этих выступлений в печати. Так, в статье «Движение за реформу во Франции.— Банкет в Дижоне», опубликованной в «Northern Star» 18 декабря 1848 г. и перепечатанной затем в «Deutsche-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 369.

[2] Энгельс — Марксу 14 января 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 91).

Brüsseler-Zeitung» в несколько измененном виде под заглавием «Речь Луи Блана на банкете в Дижоне», Энгельс подвергает самой острой критике космополитические взгляды Луи Блана, его националистические выпады против других народов и стремление изобразить французов образцовым народом, единственным якобы носителем прогресса, демократии и т. д. Энгельс убедительно показывает, что за напыщенными фразами Луи Блана, приписывающими Франции особую космополитическую миссию по отношению ко всему человечеству, скрывается высокомерное пренебрежение к вкладу других народов в сокровищницу мировой культуры, а оборотной стороной космополитизма Луи Блана является самый настоящий шовинизм, требование, чтобы все народы отказались от своих национальных черт и офранцузились. Подобные взгляды, писал Энгельс в варианте статьи, опубликованной в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», «резко враждебны стремлениям современной демократии и потому должны быть отвергнуты, если желать, чтобы объединение демократов различных наций не осталось лишь фразой» [1].

В другой статье Энгельс решительно осуждает подобные же националистические тенденции у Ледрю-Роллена, который на банкете в Шалоне внешне сочувственно, но на самом деле с изрядной долей кичливости и высокомерия говорил о демократических кругах других стран, призывая французских демократов «утешить и укрепить их». «Мы уверены,— давал отповедь Ледрю-Роллену Энгельс,— что *ни в одной стране* демократы не нуждаются в утешении, от кого бы оно ни исходило. Они восхищаются революционной гордостью французских демократов, но оставляют за собой право на точно такую же гордость и независимость. Четыре миллиона английских чартистов, несомненно, достаточно сильны, чтобы справиться со своими задачами собственными силами. Как мы ни радуемся тому, что французская демократия с энтузиазмом подхватила идею демократического конгресса и союза демократов всех стран, мы прежде всего хотим полной взаимности и равенства. Всякий союз,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 384.

который не признавал бы такого равенства своей основой, был бы сам по себе антидемократичен» [1].

Таким образом, статьи Энгельса в «Northern Star» показывают, что уже накануне революции основоположники марксизма не только на страницах своего брюссельского органа, но и на страницах английской рабочей газеты вели идейную борьбу против иллюзий и заблуждений представителей мелкобуржуазной демократии — борьбу, которая сделалась особенно острой в годы самой революции, а также после ее поражения.

В статьях, писавшихся для «Northern Star», Энгельс не ограничивался освещением событий во Франции и Германии. Выступая внешне как иностранный корреспондент — его статьи так и помечались редакцией: «от нашего парижского корреспондента», «от нашего немецкого корреспондента»,— он использовал трибуну популярной чартистской газеты, чтобы активно влиять на формирование классового сознания английских рабочих, способствовать их просвещению и распространению среди них идей научного коммунизма. Энгельс не был целиком удовлетворен направлением «Northern Star» и еще менее ее идейным уровнем. Как это видно из ответного письма Гарни Энгельсу от 30 марта 1846 г. (само письмо Энгельса Гарни до нас не дошло), Энгельс весьма нелестно отзывался о передовых «Northern Star», которые писались О'Коннором и полностью отражали все слабые стороны мировоззрения лидера чартистов [2].

Одной из задач своего сотрудничества в «Northern Star» Энгельс, несомненно, считал повышение идейного уровня газеты, использование ее как трибуны для пропаганды марксистского мировоззрения в той мере, в какой это позволяли рамки корреспондентских отчетов.

С большим тактом, не навязывая английскому рабочему читателю своих оценок, Энгельс во французских корреспонденциях умел разъяснять с марксистских позиций положение дел не только во Франции, но и в са-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 395.

[2] Архив ИМЛ. Дж. Гарни — Энгельсу, 30 марта 1846 г., ф. 1, оп. 5, № 91.

мой Англии, разоблачать политику английских правящих классов. Он пользовался для этого приемом сопоставления, как бы мимоходом давая понять английским рабочим, что у них дома есть над чем призадуматься не меньше, чем над тем, что делается во Франции. «Что вы на это скажете? — спрашивал Энгельс английского читателя по поводу приводимых им фактов, разоблачающих французскую правительственную систему.— Кому отдадите предпочтение... французской палате депутатов или вашей собственной палате общин? Мосье Дюшателю или сэру Джемсу Грехему? Смею утверждать, что выбор покажется вам затруднительным»[1]. В статье «Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли» Энгельс перед английским читателем показывает подлинное лицо английских фритредеров — этих рьяных защитников интересов наикорыстнейшей английской буржуазии. В этой же статье Энгельс разоблачает взгляды буржуазных экономистов и филантропов и противопоставляет им марксистскую точку зрения по ряду вопросов политической экономии. Он обстоятельно цитирует выдержки из речи Г. Веерта на конгрессе, выступившего с изложением точки зрения Маркса. Энгельс приводит также изложение речи самого Маркса, которая была подготовлена, но не была произнесена, так как руководители конгресса после выступления Веерта поспешили скомкать прения и не дали Марксу слова. Можно сказать, что это изложение речи Маркса было первой попыткой пропаганды ряда положений формирующегося экономического учения Маркса в английской рабочей печати.

В ряде статей Энгельс развенчивает враждебные пролетариату доктрины, вроде «теории» сглаживания классовых противоречий или «таких гнусных, позорных доктрин, пригодных лишь для старых баб, как доктрина «непротивления»»[2]. Он стремился пробудить в английском рабочем классе чувство непримиримости к эксплуататорскому строю, веру в свои силы, солидарность с рабочими других стран. Так большое революционизирующее влияние на рабочий класс Англии несомненно

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 190.
[2] Там же, стр. 25, см. также стр. 393.

должны были оказывать те места в статьях Энгельса, где он с энтузиазмом отзывался о революционной энергии французских пролетариев, «для которых восстание — привычное дело и которые идут совершать революцию так же весело, как в кабачок!»[1]. Энгельс показывал рабочим Англии, что подлинной, до конца революционной силой является рабочий класс, что режим Июльской монархии падет не от пространных речей, произносимых либералами и демократами на банкетах в пользу реформы, что он падет тогда, когда грозные пролетарии Парижа «двинутся, сметая все препятствия, от площади Бастилии к Тюильрийскому дворцу»[2]. Доказывая, что решающая роль в борьбе классов принадлежит пролетариату, Энгельс ориентировал в этом духе массы Англии. Энгельс открыто пропагандировал в своих статьях идею пролетарской революции и — правда, в неразвитой форме — идею диктатуры пролетариата. Он подчеркивал, что стремлением современной демократии всех стран «является осуществление перехода политической власти от буржуазии к рабочему классу»[3]. Завоеванную политическую власть, учил Энгельс английских рабочих, следует использовать для того, чтобы провести меры, которые в корне изменили бы существующий способ производства и распределения материальных благ и со временем отдали бы производительные силы страны в распоряжение всего народа, покончив со всеми частными капиталистическими предпринимателями[4].

Таким образом, еще до появления «Манифеста Коммунистической партии» Энгельс положил начало распространению идей научного коммунизма на страницах печатного органа чартистов. Нет сомнения, что своими выступлениями в чартистской прессе он в значительной степени способствовал пробуждению интереса к этим идеям со стороны лучших, передовых элементов чартизма, который в целом был, как известно, еще далек от научного коммунизма.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 363.
[2] Там же, стр. 364.
[3] Там же, стр. 393.
[4] См. там же, стр. 394.

* * *

Другим органом печати, в котором сотрудничал Энгельс накануне революции, была французская газета «Réforme». Как уже было сказано, Маркс и Энгельс расходились во многом со взглядами редакторов «Réforme» Луи Бланом, Ледрю-Ролленом и Флоконом. Однако, поскольку это была газета в целом демократического направления, Маркс и Энгельс считали возможным использовать ее для пропаганды революционных пролетарских и демократических идей.

О регулярном сотрудничестве в газете Энгельс договорился с ее редактором Флоконом в конце 1847 года. «Я предложил ему каждую неделю составлять для него статью, что он принял de grand coeur [с большой охотой.— *Л. Г.*]»,— писал Энгельс об этом соглашении Марксу 26 октября 1847 года[1]. В этот день в «Réforme» была напечатана статья Энгельса о торговом кризисе в Англии. С тех пор, до высылки из Парижа французскими властями в конце января 1848 г., Энгельс опубликовал в «Réforme» по меньшей мере 9 статей и корреспонденций.

В марте 1848 г., как уже говорилось, «Réforme» поместила письмо Маркса редактору газеты и статью Маркса «Преследование иностранцев в Брюсселе». Оба эти документа являются обличением полицейской реакции, поднявшей голову в «образцовом конституционном государстве» Бельгии после февральской революции. Маркс изобличает бельгийские власти как организаторов гнусных полицейских провокаций и шовинистической погромной травли иностранных демократов. Он показывает, что за спиной королевского бельгийского правительства стояла клика крупных буржуа, землевладельцев, чиновников, иезуитов, французских эмигрантов, выметенных из своей страны февральской революцией. Все эти слои подняли полицейскую кампанию против демократов с целью задушить республиканское движение в Бельгии. Письмо и статья Маркса, ярко раскрывающие политическую обстановку в Бельгии, были единствен-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 79.

ными выступлениями его в «Réforme». Основная доля участия в этом органе принадлежала Энгельсу.

Главной темой выступлений Энгельса в «Réforme» было экономическое положение Англии, чартистское движение, ирландский вопрос. Одна из корреспонденций Энгельса была посвящена интернациональному митингу в Лондоне 29 ноября 1847 г., созванному по случаю годовщины польского восстания 1830 года. В марте 1848 г. Энгельсом была написана, по всей вероятности для «Réforme», статья на французском языке о положении в Бельгии. Однако эта статья не была напечатана и дошла до нас в рукописном виде.

Корреспонденции и статьи Энгельса об Англии свидетельствовали о прекрасном знании автором английской экономической и политической жизни и английского рабочего движения. Редакция «Réforme» совершенно спокойно могла ставить впереди них пометку «нам пишут из Лондона», хотя большинство этих статей было написано Энгельсом в Париже. Эти статьи, как небо от земли, отличались от тех убогих бесцветных корреспонденций об Англии, которые составлял для «Réforme» какой-то «несчастный penny-a-liner [строчкогон.— *Л. Г.*]», как насмешливо называл его Энгельс, мелкий журналист, черпавший всю свою информацию из английских буржуазных газет («Daily News», «Morning Chronicle», «Globe») и смотревший на все, по словам Энгельса, «глазами парижского третьестепенного приказчика» [1]. В противоположность этому статьи Энгельса писались на основании английской рабочей печати, материалов, получаемых Энгельсом от его английских друзей (Гарни, Джонса и др.), а главное на основании личного знакомства с Англией и всестороннего изучения ее истории и современного состояния. Известно также, что Энгельс, опубликовавший «Положение рабочего класса в Англии», работал в то время над другой книгой на английскую тему — «К истории английской буржуазии», о чем свидетельствует заметка в № 91 «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» от 14 декабря 1847 года. Однако эта работа по ряду причин не была им завершена.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 85.

В своих статьях и корреспонденциях Энгельс широко знакомил французские демократические и рабочие круги с вопросами, волновавшими рабочий класс Англии, с его чаяниями и требованиями, с английской рабочей печатью, с важнейшими документами чартизма, с деятельностью чартистских организаций, с обществом «Братские демократы», до того времени весьма мало известным во Франции. Энгельс приводил обширные выдержки из чартистских петиций и обращений, из речей чартистских ораторов. Он старался популяризировать во Франции лучшие революционные традиции чартизма, лидеров его левого, революционного крыла — Гарни, Джонса и других. Излагая содержание чартистских документов, Энгельс, как это обнаруживается при сличении с оригиналами, опубликованными в «Northern Star», нередко сознательно выпячивал или заострял наиболее важные революционные места. Так, в корреспонденции от 21 ноября 1847 г., передавая содержание обращения Исполнительного комитета Чартистской ассоциации по поводу новой национальной петиции, Энгельс с гораздо большей четкостью сформулировал важную мысль о сочетании парламентской борьбы с организацией давления на парламент извне, со стороны народных масс [1]. Приводимый Энгельсом материал из чартистской прессы, обличающий английский государственный строй, монархию, палату пэров и палату общин, не мог не усиливать недовольства весьма восприимчивых к таким обличениям французских масс режимом Июльской монархии. «Вся наша социальная и политическая система есть не что иное, как чудовищное нагромождение лжи и мошенничества, служащих для выгоды бесстыдных тунеядцев и обманщиков»,— приводит Энгельс слова Гарни [2], и эти слова каждый читатель «Réforme» относил также к правлению своего короля-буржуа и его министров.

Пропаганда и популяризация Энгельсом чартистского движения на страницах мелкобуржуазной «Réforme» была направлена на политическое воспитание французских рабочих. Разоблачая в этих статьях английских

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 365. Для сопоставления см. «Northern Star» № 526, 20.XI.1847.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 389.

буржуазных радикалов, отмечая их клевету на чартистов, Энгельс учил французский пролетариат настороженно относиться и к буржуазным радикалам во Франции (в том числе и к тем, кто сотрудничал в «Réforme»). Показывая французским пролетариям успехи их английских собратьев в деле организации и сплочения своих сил, Энгельс наталкивал их на мысль о важности использования опыта чартизма, о необходимости создания своей самостоятельной политической организации. Чрезвычайно важное значение имели статьи, в которых Энгельс воспитывал чувство интернационализма у французских рабочих на примере поддержки чартистами ирландского национально-освободительного движения или на примере деятельности общества «Братские демократы». Так, Энгельс привел в одной из своих корреспонденций обращение этого общества к рабочим Великобритании и Ирландии от 3 января 1848 г., которое призывало рабочих давать отпор «заговорщикам, стремящимся натравить народы друг на друга при помощи гнусной лжи, будто люди разных стран являются прирожденными врагами»[1].

Таким образом, целью сотрудничества Энгельса в «Réforme» было стремление воздействовать через печать на французское рабочее и демократическое движение, завоевать позиции во Франции для формирующейся пролетарской партии[2]. Однако в этом отношении Энгельсу пришлось встретиться с немалыми трудностями. Попытка Энгельса популяризировать в «Réforme» работы Маркса — непроизнесенную речь Маркса на брюссельском конгрессе экономистов, его речь о свободе торговли от 9 января 1848 г., а также попытка добиться опубликования рецензии на «Нищету философии» — не увенчались успехом. Мелкобуржуазные редакторы «Réforme», в первую очередь Луи Блан, воспрепятствовали этому. Опыт общения с Бланом все больше убеждал Энгельса в необходимости рано или поздно выступить с развернутой критикой взглядов этого писателя. «Надо немножко припугнуть маленького султана»,— писал он Марксу

[1] Marx — Engels Gesammtausgabe, erste Abt., B. 6, S. 578.

[2] Об этом сам Энгельс писал Марксу в письме от 26 октября 1847 года. (См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 79.)

26 ноября 1847 года[1]. Итак, уже в то время назревали разногласия между Марксом и Энгельсом и французскими мелкобуржуазными демократами. Как уже отмечалось, Энгельс подверг критике взгляды некоторых из них на страницах «Northern Star» и «Deutsche-Brüsseler-Zeitung». Соглашательская позиция деятелей «Réforme» в годы революции, их выступления против революционного пролетариата, поднявшего в июне 1848 г. героическое восстание против буржуазии, привели позднее к полному разрыву и обусловили в дальнейшем резко критические отзывы Маркса и Энгельса о «Réforme» как газете и о партии «Réforme» как политической группировке.

Несмотря на то, что планы Энгельса относительно «Réforme» были осуществлены неполностью, его сотрудничество в этой газете все же в то время принесло некоторые плоды. Газета под влиянием Энгельса стала преодолевать известную национальную замкнутость, шире освещать демократическое и пролетарское движение в других странах. Под влиянием и в значительной мере через посредство Энгельса наладились связи между «Réforme», «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», «Northern Star», установилось как бы известное сотрудничество этих трех демократических газет. Особенно широко откликалась на выступления своих зарубежных коллег «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», перепечатывавшая материалы из «Réforme» и «Northern Star» и публиковавшая статьи о них, в том числе и статьи самого Энгельса (напр., его статью «Газеты «Réforme» и «National»», напечатанную 30 декабря 1847 г.). Редакция «Northern Star» среди другого материала из «Réforme» опубликовала одну из статей Энгельса о чартистском движении (из номера от 1 ноября), сопроводив перевод этой статьи следующими словами: «Нижеследующая статья переведена из «Réforme», наиболее влиятельной из французских газет, которая является постоянным защитником прав трудящихся во всех странах; эта статья доставит радость рабочему классу Англии, наполняя его чувством гордого сознания, что борьба за всеобщее освобождение не ограничи-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 90.

вается отныне пределами нашей окруженной морями тюрьмы»[1].

Со своей стороны «Réforme» стала помещать материалы из «Northern Star»[2], отчеты о чартистских собраниях, обращения общества «Братские демократы»[3], сообщения о заседаниях брюссельской Демократической ассоциации[4], обращения этой организации[5] и другой материал, почерпнутый — возможно через Энгельса — из «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» и других брюссельских демократических органов. Так, например, 19 января 1848 г. «Réforme» перепечатала следующую маленькую, своеобразную по форме, заметку из «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» (опубликована там 16 января), которая касалась уже непосредственно положения во Франции и возможно исходила от Маркса и Энгельса. Заметка называлась «Французские дела». В ней было сказано:

«Что предпринимает министерство? — Ничего.

Что предпринимает парламентская, действующая в рамках закона, оппозиция? — Ничего.

Чего следует ждать Франции от нынешних палат? — Ничего.

Чего хочет Гизо? — Остаться министром.

Чего хотят Тьер, Моле и К°? — Снова стать министрами.

Что выиграет Франция от этого ôte toi, afin que je m'y mette [убирайся, дабы я мог занять твое место.— *Л. Г.*]? — Ничего.

Итак, министерство и оппозиция обречены на ничегонеделание.

Кто же один осуществит будущую французскую революцию? — Пролетариат.

А что для этого сделает буржуазия? — Ничего»[6].

Итак, результатом одновременного сотрудничества Энгельса в трех упомянутых газетах было их взаимное

[1] «Northern Star» № 524, 6. XI.1847.
[2] См. «Réforme», 17.XI.1847.
[3] См. «Réforme», 28.XII.1847.
[4] См. «Réforme», 18.XI.1847 и 19.I.1848.
[5] См. «Réforme», 5.XII.1847 и 4.III.1848.
[6] «Réforme», 19.I.1848; «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 5, 16.I.1848.

сближение, а также рост их популярности в международных демократических кругах. Недаром на митинге в Лондоне 29 ноября 1847 г., посвященном юбилею польского восстания 1830 г., участники митинга приветствовали троекратным взрывом аплодисментов эти три демократические газеты Европы [1].

* * *

Выступления Маркса и Энгельса на страницах коммунистической и демократической печати накануне революции 1848—1849 гг. составляют яркую страницу в революционной деятельности основоположников марксизма. Эти выступления являются важной вехой в разработке и пропаганде идей научного коммунизма, в развитии теоретических и тактических принципов пролетарской партии.

В своих работах периода, непосредственно предшествовавшего революции середины XIX века, Маркс и Энгельс дали первые образцы конкретного применения метода материалистической диалектики к анализу текущих событий. Они выдвинули и обосновали в этих работах ряд важных положений исторического материализма, вошедших в идейный арсенал борющегося пролетариата. Развивая эти положения, они показали пример защиты пролетарской идеологии от наскоков со стороны противников рабочего класса, пример непримиримой критики реакционных взглядов, распространяемых идеологами эксплуататорских классов.

Накануне революции 1848 г. в своих статьях, корреспонденциях, заметках Маркс и Энгельс разработали в общих чертах программу действий революционно-демократических сил, определили задачи, стоящие перед этими силами в буржуазно-демократической революции. Они дали предварительные наброски тактических принципов, которыми должна была руководствоваться пролетарская партия в предстоявшей революционной борьбе. Выдвинув отправные идеи по ряду общих вопросов революции — по вопросу о ее движущих силах, о роли

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 375—376.

в ней масс, по аграрному и национальному вопросам и т. д.,— Маркс и Энгельс способствовали выработке в дальнейшем конкретной последовательно-демократической платформы пролетарских революционеров в 1848 году. Публицистическая деятельность Маркса и Энгельса до 1848 г. ясно показывает, что еще до начала революционных событий они тщательно готовились к ним, отчетливо представляли себе характер тех требований, которые следует отстаивать в Германии, Австрии, Италии и других странах. Еще до революции они выдвинули и пропагандировали идею объединения всех революционных классов в борьбе против феодально-абсолютистского строя, дав отпор сектантским настроениям, ведущим к изоляции пролетариата. В то же время своими публицистическими выступлениями Маркс и Энгельс вооружали рабочий класс пониманием своих собственных классовых задач. Они воспитывали в нем сознание противоположности его классовых интересов интересам буржуазии, приучали его относиться к буржуазно-демократической революции лишь как к промежуточному этапу в его борьбе, четко ориентируя его на социалистическую революцию и построение коммунизма как на его конечную цель.

Положив еще до революции 1848 г. начало пропаганде идей научного коммунизма не только в немецкой, но и в английской, а также во французской демократической печати, Маркс и Энгельс определили задачи рабочего класса и в тех странах, для которых буржуазно-демократическая революция была в основном уже пройденным этапом. Своими печатными выступлениями они содействовали формированию классового сознания рабочих этих передовых в то время капиталистических стран. Они воспитывали в рабочем классе Англии, Франции и других стран чувство непримиримости классовых интересов пролетариата и буржуазии, сеяли первые семена великой идеи завоевания рабочим классом политической власти, установления диктатуры пролетариата, звали рабочих на путь революционной борьбы и создания собственной политической партии.

Предреволюционная публицистика Маркса и Энгельса сыграла большую роль в деле формирования и

революционного воспитания первых кадров пролетарских революционеров, деятелей тогдашнего коммунистического движения. Помогая им уяснить теоретические и тактические положения марксизма, правильно осмыслить задачи дня, она содействовала их идейной закалке, морально и политически готовила их к надвигавшейся революции.

Одним из самых важных результатов публицистических выступлений Маркса и Энгельса накануне революции было распространение идей пролетарского интернационализма среди передовой части пролетариата главных стран Западной Европы. Каждой своей статьей, речью, заметкой Маркс и Энгельс воспитывали в рабочих различных национальностей сознание исключительной важности для них объединения сил, огромного значения для дела пролетариата международной пролетарской солидарности. Именно в период, предшествующий революции 1848 г., благодаря руководимому Марксом и Энгельсом Союзу коммунистов были сделаны первые шаги для осуществления великой идеи единства пролетариев всех стран, было положено начало формированию подлинно международного пролетарского движения, заложен фундамент для будущего Интернационала. Публицистическая деятельность Маркса и Энгельса содействовала укреплению интернациональных связей между передовыми элементами тогдашнего рабочего движения, сплочению вокруг знамени научного коммунизма тех передовых сил международного пролетариата, которые в те далекие годы составили первую фалангу его героических борцов.

*С. З. ЛЕВИОВА*

# ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ЗА СОЗДАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» КАК ОРГАНА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА

История «Neue Rheinische Zeitung» — боевого революционного органа германского пролетариата — в 1848—1849 гг. достаточно хорошо известна. Яркая и сжатая характеристика этой газеты дана в статье Энгельса «Маркс и «Новая Рейнская газета»» [1], а также в работах В. И. Ленина [2]. Анализ тактической программы Маркса и Энгельса в германской буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. содержится в трудах советских историков [3].

Значительно менее известны обстоятельства борьбы Маркса и Энгельса за создание «Neue Rheinische Zeitung» и ее связь с историей Союза коммунистов в 1848 году. Мало изучен вопрос о роли этой газеты в организации и сплочении пролетарского крыла демократического движения в Германии в годы революции. Наши сведения по этим вопросам, как правило, исчерпываются свидетель-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 311—319.

[2] *В. И. Ленин.* «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (Соч , т. 9); «Фр. Меринг о второй Думе» (Соч., т. 12); «Карл Маркс» (Соч., т. 21).

[3] *Е. Степанова.* «Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848—1849 годов» (в сб. «К столетию революции 1848 года», 1949); «Фридрих Энгельс», 1956. *Р. Конюшая.* Главы в монографии «Революции 1848—1849», т. I и II, 1952. *М. Михайлов.* «Союз коммунистов в начале революции 1848 года» («Ученые записки по новой и новейшей истории». Выпуск II, 1956).

ством Энгельса, относящимся к 80-м годам. Меринг, располагавший к моменту написания биографии Маркса и «Истории германской социал-демократии» некоторыми материалами прусских полицейских архивов, а также материалами переписки, по существу ничем не дополнил данные Энгельса, хотя и привел в введении к «Разоблачениям о кёльнском процессе коммунистов» некоторые письма членов Союза коммунистов.

В вопросе об основании «Neue Rheinische Zeitung» до сих пор исходным пунктом служило лишь известное высказывание Энгельса о том, что Марксу и ему в течение 24 часов после приезда удалось завоевать позиции в Кёльне; из этого исходил и Меринг. Одна из задач настоящего исследования заключается в том, чтобы показать, что созданию «Neue Rheinische Zeitung» предшествовала большая подготовительная работа Маркса, Энгельса и их соратников, которым удалось завоевать прочные позиции в одном из важных революционных центров Германии — Рейнской провинции. Автор ставил себе также целью осветить на конкретном документальном материале роль «Neue Rheinische Zeitung» как подлинного центра рабочего и демократического движения Германии и большую организующую роль, которую играли в этом движении члены Союза коммунистов, группировавшиеся вокруг редакции газеты и так или иначе связанные с ней. В основу исследования этих проблем были положены архивные фонды Института марксизма-ленинизма — переписка Маркса, Энгельса и так называемых третьих лиц, материалы полицейских архивов и другие документы, а также пресса 1848—1849 годов.

* * *

Как известно, мартовская революция 1848 г. в Германии не застала врасплох руководителей Союза коммунистов. Маркс, возглавлявший с начала марта Центральный комитет Союза, находился в Париже; туда же приехали к тому времени Шаппер, Бауэр, Молль и Фрейлиграт, а также связанные с ними по обществу «Братские демократы» лидеры английских чартистов

Гарни и Джонс[1]. Вскоре к ним присоединился прибывший из Брюсселя Энгельс.

Деятельность Маркса и его соратников в Париже протекала в нескольких направлениях, но преследовала одну цель — выработать программу действий пролетарской партии в начавшейся революции и тем самым подготовить членов Союза коммунистов и примыкавших к ним передовых немецких рабочих к возвращению в Германию для активного участия в революции.

Пребывание Маркса в Париже охватывает сравнительно небольшой отрезок времени — с начала марта до начала апреля 1848 года. Этот месяц заполнен кипучей организационной и пропагандистской работой Маркса и других членов Центрального комитета Союза коммунистов. Прежде всего необходимо было парализовать влияние агитации мелкобуржуазных демократов Гервега и Борнштедта среди немецких рабочих-эмигрантов в Париже. Авантюристической идее вторжения в Германию кучки вооруженных «легионеров» Маркс и его соратники противопоставляли четкий стратегический и тактический план действий пролетарской партии. Не ограничиваясь неустанным разъяснением немецким рабочим вредности и бессмысленности затеи с немецким легионом, руководители Союза коммунистов — Маркс, Шаппер, Валлау — создали, в противовес Немецкому демократическому обществу Гервега и Борнштедта, Клуб немецких рабочих, который, по существу, являлся легальной формой существования парижских общин Союза коммунистов[2]. Это подтверждается в первую очередь протоколами заседаний парижских общин Союза коммунистов от 8 и 9 марта 1848 г., на которых утверждается состав официального руководства клуба и его устав, выработанный Марксом[3].

---

[1] Маркс — Энгельсу, около 12 марта 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 96).— «Trier'sche Zeitung» № 89, Beilage, 29.III.1848 (корреспонденция из Парижа от 24 марта).— Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ). Венский полицейский архив, документ от 12 марта 1848 г., ф. 194.

[2] Женни Маркс — Вейдемейеру, около 17 марта 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 40).— Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив. Донесение 18 марта 1848 г., ф. 191.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 540—543.

В письме Женни Маркс к Вейдемейеру около 17 марта 1848 г. перечисляются руководители клуба. Если сравнить этот документ с письмом самого Маркса Энгельсу, написанным около 12 марта 1848 г., где сообщается состав вновь сформированного в Париже Центрального комитета Союза, то оказывается, что, за исключением Борна, состав руководства обеих организаций (Маркс, Энгельс, В. Вольф, Шаппер, Бауэр, Молль, Валлау) полностью совпадает [1]. В состав правления Клуба немецких рабочих был включен Энгельс, находившийся еще в то время в Брюсселе.

Новый состав Центрального комитета Союза коммунистов принял энергичные меры для того, чтобы известить членов Союза в других странах о своем разрыве с организацией Гервега — Борнштедта и о том, что основанный ими Клуб немецких рабочих пользуется полной поддержкой со стороны Союза коммунистов. Женни Маркс от имени Маркса обратилась к Вейдемейеру с просьбой поместить сообщение об этом в немецких газетах. Почти в тех же выражениях составлено заявление Центрального комитета Союза немецких рабочих (так из конспиративных соображений назывался Союз коммунистов), посланное вместе с сопроводительным письмом известному представителю утопического коммунизма Кабе, который издавал в то время в Париже газету «Populaire». Под этим заявлением, написанным рукой Энгельса, стоят подписи Маркса, Шаппера, Бауэра, Энгельса, Молля и В. Вольфа [2]. Как известно, те же лица подписали «Требования Коммунистической партии в Германии». Заявление составлено Марксом и Энгельсом, что явствует из подписанного ими обоими сопроводительного письма к Кабе, где указывается на важность этого документа и содержится просьба в интересах коммунистического движения опубликовать его в ближайшем номере газеты «Populaire».

Таким образом, уже в Париже Союз коммунистов под руководством Маркса перестраивает свою работу, используя демократические свободы, предоставленные

---

[1] *К Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 96.
[2] *К Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 613—614.

февральской революцией,— свободу собраний и право союзов.

В отличие от Гервега и К°, которые строили химерические планы немедленного учреждения в Германии республики в результате путча кучки эмигрантов-легионеров, Маркс и Энгельс исходили в своих планах прежде всего из реальной социально-политической обстановки в Германии. Находясь в эмиграции, они поддерживали непрерывную связь со своими друзьями на родине, прежде всего в Рейнской провинции. Не ограничиваясь этой перепиской, Центральный комитет Союза вскоре после мартовской революции рассылает эмиссаров в различные города, главным образом Западной и Юго-Западной Германии, для получения информации о состоянии уже существующих местных общин Союза и для создания новых общин. Одновременно руководство Союза коммунистов принимает все меры для того, чтобы переправить в Германию как можно большее количество членов Союза и других немецких рабочих-эмигрантов, которые должны были составить ядро новых, легальных рабочих организаций [1].

Но недостаточно было найти легальные возможности и денежные средства для отправки немецких рабочих на родину,— этот передовой отряд агитаторов и организаторов должен был располагать директивами Союза и конкретной программой действий пролетарской партии в германской революции. Такой программой явились «Требования Коммунистической партии в Германии» — документ, составленный Марксом и Энгельсом и подписанный всеми членами ЦК Союза коммунистов. Значение «Требований» выходит далеко за пределы партийных директив. Это была сжатая и четкая формулировка задач, стоявших перед пролетарской партией в Германии и одновременно задач всей германской буржуазно-демократической революции; решение этих задач должно было привести к полному уничтожению пережитков феодализма в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 332. — На мобилизацию средств для отправки рабочих в Германию указывает квитанция, выданная Энгельсом, Бауэром и Моллем Марксу 2 апреля 1848 г. (Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 1, № 259).

Германии, к подлинно демократическому объединению страны в виде единой неделимой Германской республики и в то же время должно было отвечать интересам «германского пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства» [1].

В данной связи мы не имеем возможности дать сколько-нибудь подробный анализ этого исторического документа, непосредственно примыкающего к «Манифесту Коммунистической партии», от написания которого его отделяет интервал в несколько месяцев; однако необходимо обратить внимание на то, что сама формулировка вышеприведенного положения из заключительного абзаца «Требований» весьма знаменательна. Она свидетельствует о том, что еще до своего приезда в Германию Маркс и Энгельс считали необходимым *совместные действия* пролетариата с основной массой крестьянства и с мелкой буржуазией, т. е. с широкими народными массами города и деревни.

Значительный интерес для понимания тактических и организационных планов руководства Союза представляет воззвание «Ко всем рабочим Германии», подписанное членами Союза Валлау и Клуссом. Это воззвание, выпущенное в качестве листовки в Майнце и помеченное 5 апреля 1848 г., составлено от имени майнцского Рабочего просветительного союза [2]. Напоминая о бесправном и угнетенном положении пролетариата, авторы воззвания подчеркивают необходимость объединенных и согласованных действий рабочих в защиту своих интересов. С этой целью намечалось создание по всей Германии целой сети рабочих союзов с центром в Майнце. В качестве задач рабочих союзов выдвигается: 1) обсуждение положения рабочих и мер, которые должны быть приняты для изменения этого положения, 2) выдвижение представителей рабочих в «германский парламент» (т. е. во франкфуртское Национальное собрание). Таким образом, эти новые легальные рабочие организации должны были заниматься не только политическим воспитанием

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 3.
[2] Там же, стр. 521—522.

рабочих, обычным делом такого рода союзов в домартовскую эпоху в Германии и за ее пределами,— предполагалось, что они должны принять активное участие в политической борьбе. Это обстоятельство особенно важно подчеркнуть, так как оно указывает на то, что еще до своего возвращения в Германию Маркс и Энгельс (по указанию которых и было, вероятно, составлено воззвание) и примыкавшее к ним руководство Союза коммунистов считали необходимым широкое вовлечение германского пролетариата в общедемократическое движение. Далее в воззвании указывается, что союзы должны создаваться в *городах и деревнях,* т. е. охватывать в той или иной форме как городских рабочих, так и ремесленников, занятых в сельских местностях.

План, изложенный в майнцском воззвании, представлял попытку создания самостоятельной рабочей организации во всегерманском масштабе. С самого начала было ясно, что центром такой организации должен послужить не Берлин, а район Западной Германии, где по ряду причин существовали особенно благоприятные условия для развития рабочего и демократического движения. Майнц, расположенный вблизи от французской границы, должен был послужить к тому же трамплином для возвращения в Германию членов и руководителей Союза. Там временно — до обоснования ЦК в Германии — была сосредоточена связь между общинами Союза.

Для того чтобы уяснить себе тактическую линию Маркса и Энгельса в начавшейся германской революции, необходимо кратко остановиться на положении местных общин Союза, как оно вырисовывается из сообщений эмиссаров в марте — апреле 1848 года. Наибольший интерес представляет письмо Вильгельма Вольфа, который в апреле 1848 г. совершил поездку по Германии, побывав в Майнце, Кобленце, Кёльне, Ганновере, Берлине и Бреславле [1]. Если другие члены Союза большей частью ограничивались сообщениями о положении на местах, то Вольф необыкновенно метко и проницательно обрисовал не только позицию отдельных деятелей Союза (в частно-

[1] Архив ИМЛ. Вильгельм Вольф — Центральному комитету Союза коммунистов, 18 апреля 1848 г., ф. 20, № 125.

сти, Борна и Готшалька), но и дал глубокую оценку сложившегося в Германии положения и позиции немецкой буржуазии [1].

Вольф отмечает, что буржуазия в Силезии, как и в других частях Германии, использовала победу народа на баррикадах в своих корыстных интересах и предоставляет свободу действий реакции — земельной аристократии и бюрократии. Ей удается настроить и крестьян против городских демократов и республиканцев.

Вольф, как и другие эмиссары и корреспонденты (Шаппер из Висбадена, Шиккель из Майнца, Дронке из Кобленца и Франкфурта-на-Майне, Бергман из Регенсбурга), сообщал о том, что после мартовской революции и переезда членов Союза в Германию оживилась заглохшая было деятельность местных общин Союза. В некоторых городах (Майнц, Берлин, Кёльн), где сразу после мартовской революции члены Союза фактически порвали связи с Центральным комитетом и прекратили нелегальную работу, теперь, после возобновления переписки с Центральным комитетом и приезда эмиссаров, вновь налаживаются старые связи, некоторые члены, фактически выбывшие из организации, вновь вступают в Союз, восстанавливаются старые и создаются новые общины. Под руководством местных общин Союза создаются рабочие и демократические общества, в которых зачастую (как, например, в Майнце) руководящую роль играют члены Союза коммунистов. Из Майнца Шмитце и Ланге (по-видимому, псевдонимы Штумпфа и Клусса) сообщают, что в связи с воззванием майнцского Рабочего просветительного союза получены сведения о создании рабочих союзов в Тодтнау, Пфорцгейме, Гейдельберге, Мангейме,

[1] В частности, любопытна характеристика, которую Вольф уже тогда (в середине апреля 1848 г.) дал Стефану Борну: «Он обещает стать чем-то вроде берлинского гражданина Альбера из временного правительства» («bereits in den Anfängen zu einem Berliner provisorischen citoyen Albert begriffen»). Ирония этих слов достаточно ясна; не случайно Меринг, имевший явную тенденцию превозносить и прямо канонизировать личность Борна, в своем введении к «Разоблачениям о кёльнском процессе коммунистов» опустил это место в письме Вольфа, которое он излагает и цитирует (*K. Marx.* Enthüllungen über den Kommunistenprozeß zu Köln», Berlin, 1914, S. 16).

Дармштадте, Оффенбахе, Ханау, Франкфурте-на-Майне, Одернгейме, Брухзале [1].

Однако, несмотря на успехи, достигнутые в отдельных местах, состояние общин Союза весьма плачевно: они в большинстве случаев находятся в состоянии бездействия и распада. Если вновь возникающие открытые рабочие союзы нередко насчитывают по нескольку сот членов, то тайные общины состоят из нескольких единиц и почти не связаны ни между собой, ни с Центральным комитетом.

Чем объясняется организационная слабость Союза, обнаружившаяся в первые месяцы революции? Во всяком случае, не недостатком энергии и активности со стороны эмиссаров ЦК, так как эти же люди, как правило, играли видную роль в демократических и рабочих организациях в 1848—1849 годах. Причины эти скорее объективного характера; они связаны с известной отсталостью рабочего класса Германии к моменту начала революции 1848 года. Основная масса немецких рабочих, распыленная и связанная с мелким производством, была еще в значительной степени во власти ремесленных и цеховых предрассудков. Об уровне политического и классового сознания рабочих накануне революции свидетельствуют, в частности, письма Энгельса в 1846 г., когда ему приходилось разъяснять немецким рабочим-эмигрантам в Париже основы научного социализма [2].

Значительным влиянием среди рабочих еще пользовались буржуазные и мелкобуржуазные демократы различных направлений; все они испытывали панический страх не только перед коммунистическими, но и перед республиканскими идеями. Поэтому открытая пропаганда задач, сформулированных в «Требованиях Коммунистической партии в Германии», в особенности необходимость борьбы за республику, была в это время немыслима. Об этом почти в одних и тех же выражениях сообщают в своих письмах Энгельс, побывавший в конце апреля в своем родном городе Бармене по делам

---

[1] Архив ИМЛ. Шмитце и Ланге — Центральному комитету, 23 апреля 1848 г., ф. 20, № 127.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 41, 53.

Союза, а также Веерт, Шиккель, Дронке [1]. Этим обстоятельством, между прочим, объясняется и нарочито неопределенный характер майнцского воззвания, где о целях рабочих союзов говорится в весьма туманной форме.

Однако это никоим образом не означало какого-либо изменения программы Маркса и Энгельса после возвращения в Германию. Речь могла идти лишь о временном отказе от пропаганды тех лозунгов, до которых еще не доросли массы. Известно, что в дальнейшем, в конце 1848 г., когда развитие революции привело к значительному росту сознательности пролетариата, «Neue Rheinische Zeitung» открыто выступила с пропагандой задач, провозглашенных в «Требованиях».

К каким выводам пришли Маркс, Энгельс и другие руководители Союза коммунистов на основании внимательного изучения положения в Германии, сложившегося после мартовской революции? Об этом достаточно ясно говорит в своей статье Энгельс [2]. Слабость рабочего движения в Германии, а также своеобразие задач германской буржуазно-демократической революции настоятельно диктовали необходимость выступления пролетариата на крайнем левом фланге демократического движения. Само собой разумеется, что новые задачи пролетариата требовали изыскания новых форм борьбы его партии.

* * *

Мы видели, что уже в первый месяц после мартовской революции в Германии Маркс и Энгельс приходят к выводу о том, что необходима широкая пропаганда идей научного социализма и сплочение немецких рабочих в борьбе за единую демократическую Германию.

---

[1] Энгельс — Марксу, 25 апреля 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 101).— Архив ИМЛ. Веерт — Марксу, 25 марта 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 167.—Шиккель — Марксу, 14 апреля 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 171.— Дронке— Центральному комитету, 5 мая 1848 г. (*K. Marx.* «Enthüllungen über den Kommunistenprozeß zu Köln». Berlin, 1914, S. 16—17). В более осторожных выражениях об этом же пишет Бергман 21 апреля 1848 г. (Архив ИМЛ, ф. 20, № 126).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 311—313.

Органом, одновременно раздвигающим политический кругозор рабочих и вовлекающим их в широкое русло политической борьбы во всегерманском масштабе, могла быть только большая ежедневная политическая газета. План издания такой газеты возникает у Маркса и Энгельса, по-видимому, во время их пребывания в Париже в марте 1848 года. Друзья Маркса в Германии знали об этом уже во второй половине марта [1]. Но оставалось неясным, где будет выходить эта газета — в Париже или в Германии. После мартовской революции в Германии, по приезде Энгельса в Париж, Маркс и Энгельс принимают решение о переезде в Германию и о возобновлении там на новой идейной и политической основе издания «Rheinische Zeitung» [2].

Одновременно в Кёльне среди членов местной общины Союза коммунистов (Даниельс, Д'Эстер, Бюргерс, Гесс, Аннеке, Готшальк) возникает идея основания демократической газеты на средства акционерного общества, при материальной поддержке буржуазных демократов [3]. Веерт, находившийся в Кёльне в конце марта 1848 г., сообщает об этом Марксу, считая необходимым его скорейшее возвращение в Германию [4]. Однако такую возможность предвидят также Даниельс и Готшальк, которые предпочитают осуществить намеченный ими план без Маркса. Не случайно оба они советуют Марксу и Энгельсу выставить свои кандидатуры на выборах в Национальное собрание от Трира и Бармена; эти «дружеские советы» — не что иное как замаскированное стремление не допустить в Кёльн обоих авторов «Манифеста Коммунистической партии». Это вполне понятно: газета, которую собирались издавать кёльнские члены Союза, находившиеся, благодаря Гессу, под сильным влиянием «истинного социализма», должна была быть по своему

---

[1] Архив ИМЛ. Даниельс — Марксу, 21 марта 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 165.

[2] Энгельс — Бланку, 26 и 28 марта 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXV, стр. 41, 42).

[3] Архив ИМЛ. Готшальк — Гессу, 26 марта 1848 г., ф. 173, № 2634.— «Trier'sche Zeitung» № 92, 1.IV.1848.

[4] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга пятая, 1930, стр. 161—162.

направлению весьма далекой от идей научного социализма. Об этом свидетельствует, прежде всего, объявление об издании новой газеты, появившееся 7 апреля в «Kölnische Zeitung» за подписями Гесса и Аннеке. В объявлении говорится, что газета не должна зависеть от каких-то определенных теорий, идей и принципов, а лишь от практических соображений, диктуемых современными обстоятельствами. Это должна была быть обычная мелкобуржуазная газета «чисто демократического направления», склонная обсуждать бедственное положение рабочих и вместе с тем совершенно чуждая не только интересам классовой борьбы пролетариата, но и пониманию подлинных задач германской революции. Выход первого номера газеты намечался на начало или середину мая (до открытия Франкфуртского собрания и французского Национального собрания) [1]. Опубликование этого объявления вызвало различного рода отклики: в письмах, адресованных Гессу, мы находим практические планы финансирования газеты со стороны буржуазных дельцов [2], предложения сотрудничества со стороны мелкобуржуазных интеллигентов [3], выражение настороженности и недоумения по поводу программы нового печатного органа — со стороны некоторых членов Союза [4]. Менее устойчивые члены Союза коммунистов, тяготевшие к мелкобуржуазному мировоззрению (Борн и Эвербек), сразу согласились сотрудничать в газете [5].

Такая активность со стороны идеологических противников была для Маркса, Энгельса и их соратников лишней причиной, для того чтобы ускорить свой приезд в Германию и взять в свои руки издание газеты.

11 апреля Маркс и Энгельс приезжают в Кёльн через Майнц, где они встретились с руководителями местных общин Союза. В Кёльне тотчас же начинаются пере-

[1] «Kölnische Zeitung» № 98, 7.IV.1848.

[2] Архив ИМЛ. Функе и Мюллер — Гессу, 6—7 и 13 апреля 1848 г., ф. 23, № 18/7, ф. 23, № 7/2.

[3] Архив ИМЛ. Томас — Гессу, 9 апреля 1848 г., ф. 23, № 7/1; Бенрат — Гессу, 7 апреля 1848 г., ф. 173, № 111/2610.

[4] Архив ИМЛ. Хейльберг — Гессу, 17 апреля 1848 г., ф. 173, № 2643.

[5] Архив ИМЛ. Борн — Гессу, 21 апреля 1848 г., ф. 20, № 149; Эвербек — Гессу, 16 апреля 1848 г., ф. 173, № 2358.

говоры с Аннеке, Гессом и другими об издании газеты [1]. Мы не располагаем сведениями о подробностях той борьбы, которую пришлось выдержать Марксу и Энгельсу. Бесспорно одно — им пришлось преодолеть значительное сопротивление и натолкнуться на серьезные материальные трудности, так как имена Маркса и Энгельса, достаточно одиозные для рейнской буржуазии [2], закрывали им доступ к тем источникам финансирования, которые гостеприимно открывались перед Гессом и его друзьями. Трудно сказать, сколько времени заняла эта борьба. В конце концов в виде компромисса было принято решение поручить издание газеты Бюргерсу при ближайшем участии (и фактическом руководстве) Маркса. В конце апреля 1848 г. Бюргерс пишет проспект «Neue Rheinische Zeitung», к сожалению не дошедший до нас [3]. Там не была указана фамилия редактора [4] — во-первых, по-видимому, потому, что не были еще закончены переговоры, а во-вторых, чтобы не отпугнуть буржуазных акционеров именем коммуниста Маркса. Проспект, по словам корреспондента «Elberfelder Zeitung», был составлен в республиканско-социалистическом духе. Судя по тому, что в сообщении этой консервативной газеты не было употреблено более резких выражений, проспект, вероятно, был написан в довольно умеренном тоне. Этот документ был разослан членам Союза в различные пункты Германии, а также и за границу с целью организации подписки на акции газеты. Он был послан Энгельсу, который находился тогда в Бармене, Веерту в Брюссель, Эвербеку в Париж [5]. Интересно отметить и то обстоятельство, что название газеты окончательно опре-

---

[1] Корреспондент аугсбургской «Allgemeine Zeitung» уже 12 апреля сообщает о собрании в связи с основанием новой газеты и тут же замечает, что в Кёльне находятся Маркс, Энгельс и Дронке («Allgemeine Zeitung» № 109, 18.IV.1848).

[2] Ср. правобуржуазную «Elberfelder Zeitung» № 106, Beilage, 15.IV.1848.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 100 (Маркс — Энгельсу, середина апреля 1848 г.; Энгельс — Марксу, 25 апреля 1848 г.)

[4] «Elberfelder Zeitung» № 120, 30.IV.1848 (сообщение из Кёльна от 27 апреля)

[5] Архив ИМЛ. Эвербек — Марксу, 21 мая 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 174.

делилось лишь к моменту составления проспекта (вторая половина апреля). Во всяком случае, в объявлении Гесса и Аннеке говорится о возобновлении издания «Rheinische Zeitung», а в письме Жотрана и составленном на основании проспекта объявлении в бельгийской демократической газете «Débat social» от 21 мая 1848 г. уже упоминается о «Neue Rheinische Zeitung». Одновременно, в апреле — мае 1848 г., происходит сбор средств путем подписки на акции газеты. И здесь Маркс и Энгельс в первую очередь опирались на своих друзей и товарищей по партии. Эмиссары Союза, объезжавшие различные города Германии, в то же время проводили подготовительную работу для издания газеты.

Воспоминания Бюргерса подтверждают изложенный выше результат борьбы Маркса и Энгельса в Кёльне в апреле 1848 г. за создание «Neue Rheinische Zeitung». В свойственной ему хвастливо-самоуверенной манере Бюргерс приписывает себе главную роль в подготовке к изданию газеты [1], но более или менее правильно излагает то, что сохранилось в его памяти: 1) буржуазные демократы и акционеры газеты согласились передать руководство Марксу лишь при условии, что газета будет носить умеренно-демократический характер (даже не будет вести открытую пропаганду республиканских взглядов); 2) в последний момент Маркс добился изменения предполагавшегося состава редакции, введя туда своих друзей и единомышленников — членов Центрального комитета Союза коммунистов Энгельса и В. Вольфа, а также членов Союза Веерта, Дронке и Ф. Вольфа. Однако есть основания предполагать, что новый состав редакции был ясен Марксу и Энгельсу и известен некоторым членам Союза еще раньше — во второй половине апреля [2].

---

[1] *H. Bürgers.* «Erinnerungen an Ferdinand Freiligrath» («Vossische Zeitung», 10 XII 1876).

[2] Маркс — Энгельсу, середина апреля 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 100) (о привлечении Дронке к участию в газете).— Архив ИМЛ. Эвербек — Гессу, 16 апреля 1848 г., ф. 173, № 2358 (о Ф. Вольфе как будущем парижском корреспонденте «Neue Rheinische Zeitung»); Эвербек — Центральному комитету Союза, 30 апреля 1848 г. (о Ф. Вольфе как предполагаемом члене редакции), ф. 20, № 129.

Вероятно, новый план издания газеты был принят не ранее середины апреля, так как секретарь немецкого Рабочего союза в Брюсселе Шлотман еще 24 апреля полагал, что «Rheinische Zeitung» будет издавать Гесс [1].

Вопрос о том, когда начнет выходить газета, еще не был окончательно решен в апреле. Судя по письму бельгийского радикала Жотрана [2], которого Веерт познакомил с содержанием проспекта, в этом документе не сообщалось, что газета начнет выходить с 1 июня. Об этом же свидетельствует и письмо Дронке, который 17 мая убеждает Маркса ускорить выпуск газеты на один месяц [3]. «Allgemeine Zeitung» в корреспонденции из Кёльна от 24 мая сообщает о выходе «Neue Rheinische Zeitung» с 1 июля [4].

Окончательное уточнение вопросов, связанных с предстоящим выходом газеты, произошло, по всей вероятности, после возвращения Энгельса в Кёльн (он приехал 20 мая), где к тому времени собралась бо̀льшая часть членов редакции [5]. Уже 24 мая Энгельс пишет Бланку о том, что газета начнет выходить с 1 июня и что необходимые для этого средства собраны [6]. Впрочем, это было сказано больше для успокоения Бланка и подобных ему радикалов. В 1884 г. Энгельс вспоминает: «Мы приступили к изданию газеты 1 июня 1848 г. с очень небольшим акционерным капиталом, из которого была внесена только небольшая часть; да и сами акционеры были более чем ненадежные» [7].

Только в конце мая в газетах Рейнской провинции появились объявления о предстоящем выходе «Neue Rheinische Zeitung» с 1 июня. В «Kölnische Zeitung» такое объявление появилось 28 мая, в «Trier'sche Zeitung» — 30 мая. Газеты, выходившие в других частях Германии,

---

[1] Архив ИМЛ. Шлотман — Гессу, 24 апреля 1848 г., ф. 20, № 103.

[2] Архив ИМЛ. Жотран — Марксу, 19 мая 1848 г., ф. 1, оп. 1, № 1788.

[3] Архив ИМЛ. Дронке — Марксу, 17 мая 1848 г., ф. 20, № 19.

[4] «Allgemeine Zeitung» № 150, 29.V.1848.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVIII, стр. 156.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 46—47.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 314.

поместили такого рода сообщения с бо̀льшим или меньшим запозданием: «Deutsche Zeitung» — 3 июня, «National-Zeitung» — 7 июня, «Berliner Zeitungs-Halle» — 11 июня.

Из всего изложенного явствует, что слова Энгельса, написанные через 36 лет, в 1884 г., о том, что они с Марксом *в 24 часа* завоевали позиции в Кёльне, не следует понимать буквально. Энгельс не считал нужным восстанавливать перед читателями все перипетии борьбы; он стремился подчеркнуть конечный результат — решительную и сравнительно быструю победу над мелкобуржуазными демократами, которая была одержана лишь благодаря тому, что Маркс и Энгельс и их соратники проявили большую энергию, настойчивость, маневренность и организаторский талант.

* * *

Вновь основанная в Кёльне газета должна была, по мысли Маркса и Энгельса, возглавлять борьбу пролетарского крыла демократического движения за доведение до конца буржуазно-демократической революции в Германии.

Для понимания роли «Neue Rheinische Zeitung» в деле организации и сплочения пролетарских революционеров не только Рейнской провинции, но и других частей Германии необходимо вкратце остановиться на формах деятельности Союза коммунистов в 1848 году.

Вся беда в том, что наши сведения о Союзе коммунистов за 1848—1849 гг. весьма и весьма скудны. Из официальных документов Союза до нас дошли два протокола, относящиеся к пребыванию Центрального комитета в Париже, а также краткая и отрывочная протокольная запись заседания кёльнской общины Союза коммунистов от 11 мая 1848 года[1]. Что касается данных переписки, то они преимущественно падают на март — май 1848 г., т. е. на период реорганизации местных общин Союза и подготовки издания «Neue Rheinische Zeitung». Таким образом, существует «белое пятно» в истории Союза коммунистов именно за то время, которое

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 523.

примерно совпадает с изданием газеты. Исходным пунктом для исследователей, занимающихся этим вопросом, служили главным образом высказывания Маркса и Энгельса в последующие годы; были также попытки — правда, не совсем удачные — использовать и материалы кёльнского процесса коммунистов: показания Даниельса и Рёзера. На основании этих данных делался тот вывод, что Союз коммунистов перестал существовать еще до того, как начала выходить «Neue Rheinische Zeitung». Такова точка зрения Меринга, которую он последовательно проводит в ряде работ [1]. Ту же мысль высказывает и Фелинг, автор диссертации о Шаппере [2]. К этой же точке зрения присоединяется — правда, с рядом оговорок — и советский историк М. И. Михайлов [3].

Что можно утверждать с достоверностью по этому вопросу на основании имеющихся материалов?

К приезду Маркса и Энгельса в Кёльне существовала община Союза коммунистов, весьма неоднородная по своему составу [4]. В нее входили Даниельс, Д'Эстер и Бюргерс, связанные с местными демократами и радикалами, а также Готшальк, Аннеке и Виллих, находившиеся под сильным влиянием «истинных социалистов» (главным образом Гесса). В апреле 1848 г. под руководством Готшалька создается кёльнский Рабочий союз, который с самого начала был задуман как легальная форма деятельности местной общины Союза коммунистов [5]. Однако В. Вольф, побывавший в Кёльне в начале апреля, непосредственно перед приездом туда Маркса и Энгельса, рисует весьма плачевную картину состояния

[1] *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни». 1957, стр. 181—182; его же «История германской социал-демократии», т. II [1922], стр. 91, 93; его же введение к книге *K. Marx.* «Enthüllungen über den Kommunistenprozeß zu Köln». Berlin, 1914, S. 19.

[2] *A. W. Fehling.* «Karl Schapper und die Anfänge der Arbeiterbewegung bis zur Revolution von 1848». Rostock, 1922. Maschinenschrift, 2. Teil, S. 2—4.

[3] *М. И. Михайлов.* «Союз коммунистов в начале революции 1848 г.» («Ученые записки по новой и новейшей истории». Выпуск II, 1956, стр. 119—123).

[4] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга первая, 1930, стр. 76—104.

[5] Архив ИМЛ. Готшальк — Гессу, 26 марта 1848 г., ф. 173, № 2634.

местной общины [1]. Готшальк, полный честолюбивых планов личной гегемонии в рабочем движении Кёльна, сознательно запустил связи с Центральным комитетом Союза и лишь под давлением Вольфа согласился их возобновить.

С приездом в Кёльн Маркса и Энгельса, а также других членов Центрального комитета — Шаппера, Молля, В. Вольфа — положение изменилось. Прежде всего, местопребывание Центрального комитета было уже в апреле 1848 г. перенесено в Кёльн, где с 1 июня начала выходить «Neue Rheinische Zeitung». Мы не располагаем соответствующим решением Союза коммунистов по этому поводу, но имеем все основания сделать такой вывод, исходя из косвенных данных.

В письме руководителей майнцской общины Шмитце и Ланге Центральному комитету от 23 апреля 1848 г. приводится протокол заседания этой общины, происходившего 20 апреля 1848 года. При этом сообщается, что заседание «открыл Карл Шаппер... в качестве полномочного эмиссара кёльнского Центрального комитета» [2]. Далее, в письме Марксу 17 мая 1848 г. Дронке настаивает на издании распоряжения от имени Центрального комитета Союза. Из протокола заседания кёльнской общины 11 мая [3], происходившего под председательством Бюргерса, явствует, что Маркс выступал на нем в качестве председателя Центрального комитета.

Обвинительный акт кёльнского процесса коммунистов, свидетельствующий о значительной осведомленности полицейских чиновников в истории Союза коммунистов, также подтверждает, что «в 1848 г. ...наиболее видные члены Союза, во главе с самим Центральным комитетом, поспешили в Кёльн, и этот последний [Центральный комитет.— *С. Л.*] вплоть до весны 1849 г. имел здесь свое местопребывание» [4].

---

[1] Архив ИМЛ. В. Вольф — Центральному комитету Союза, 18 апреля 1848 г., ф. 20, № 125.

[2] Архив ИМЛ. Шмитце и Ланге — Центральному комитету Союза, 23 апреля 1848 г., ф. 20, № 127.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 523.

[4] Köln. Rheinischer Appellationsgerichtshof. Anklageschrift... 1852, S. 30. Об этом же см. S. 26.

Правда, в противовес этому ряд историков выдвигает основанную главным образом на показаниях Даниельса и Рёзера[1] на кёльнском процессе коммунистов и после него версию о том, что весной или летом 1848 г. по инициативе Маркса было принято решение о роспуске Союза коммунистов. Однако самый характер этих данных заставляет относиться к ним с большой осторожностью. Не следует забывать, что, как правило, члены Союза старались из тактических соображений всячески преуменьшить размах деятельности Союза, а также размеры влияния и участия Маркса и Энгельса в этой деятельности. Кроме того, обращает на себя внимание ряд несообразностей в показаниях Рёзера, который явно путает даты и смешивает мотивировку решений, принятых на заседании 11 мая 1848 г., с более поздними оценками деятельности Союза (может быть, даже с известным ему первым Обращением Центрального комитета к Союзу коммунистов). Так, его сообщение о заседании членов Союза коммунистов в Кёльне с участием Готшалька «вскоре после приезда Маркса и Энгельса» (т. е. в апреле), где решался вопрос о роспуске Союза, явно противоречит наличию более позднего протокола заседания кёльнской общины от 11 мая, где решался вопрос о пребывании Готшалька в Союзе. Столь же противоречивым является сообщение о мнимом решении распустить Союз, принятом якобы по предложению Маркса и поддержанному Готшальком, в то время как в сохранившейся записи о заседании 11 мая Готшальк сам заявляет о *своем* выходе из Союза.

В подтверждение версии о роспуске Союза приводили также ряд более поздних высказываний Маркса и Энгельса о слабости Союза в годы революции, о том, что центр тяжести был тогда перенесен на пропаганду через печать и т. д. Все это известно и не подлежит никакому сомнению, но отсюда отнюдь не следует, что в эти годы *перестала существовать и была распущена по инициативе самого Маркса* организация Союза. Больше того,

---

[1] «Kölnischer Anzeiger» № 246, 16.X.1852 (показания Даниельса).— Архив ИМЛ. Берлинский полицейский архив (показания Рёзера 30 декабря 1853 года), ф. 191.

если уж опираться на высказывания Маркса и Энгельса 60-х и 80-х годов, то можно привести и свидетельство Энгельса, относящееся к 1869 году. В биографическом очерке «Карл Маркс» Энгельс пишет, полемизируя с лассальянцами, которые пытались связывать появление пролетарской партии в Германии исключительно с именем Лассаля: «Необходимо поэтому напомнить, что до революции 1848 г. и во время нее среди рабочих, в особенности в Западной Германии, существовала хорошо организованная социалистическая партия и что хотя после кёльнского процесса коммунистов она и распалась, но отдельные ее члены продолжали незаметно подготовлять ту почву, которой воспользовался впоследствии Лассаль» [1]. Нет необходимости пояснять, что здесь речь идет о Союзе коммунистов, роспуск которого относится к 1852 году.

Существует еще одно документальное подтверждение того, что Союз коммунистов не был распущен и его Центральный комитет во главе с Марксом продолжал существовать в годы революции. В письме к Гессу 1 ноября 1848 г. Эвербек пишет о своих беседах с Д'Эстером в Берлине и о предстоящих переговорах с Марксом в Кёльне по делам Союза коммунистов. Речь шла о возникшем среди группы парижских членов Союза во главе с Гессом плане — перенести местопребывание Центрального комитета Союза в Берлин. Это предложение явно имело целью парализовать влияние Маркса и Энгельса и добиться изменения тактики Союза в духе мелкобуржуазных демократов. Д'Эстер, не выдвигая принципиальных возражений, настаивал на том, чтобы отложить решение вопроса до конгресса Союза коммунистов, который-де должен быть созван в ближайшее время в Берлине и на котором будет обновлен состав Центрального комитета [2]. Здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что при этом нет и тени упоминания о происшедшем ранее роспуске Союза. Существование Союза коммунистов в 1848—1849 гг. подтверждают также недавно опубликованные документы Союза коммунистов. Среди них

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 314.

[2] Архив ИМЛ. Эвербек — Гессу, 1 ноября 1848 г., ф. 20, № 154.

имеется отчет Лондонского округа Центральному комитету Союза в Кёльне от 18 июня 1848 года [1].

Есть ли, однако, зерно истины в показаниях Рёзера? Несомненно, что накануне выхода «Neue Rheinische Zeitung» руководство Союза коммунистов, находившееся тогда в Кёльне, обсуждало — быть может, при участии других членов Союза — вопрос о том, в какой форме должна протекать в данных условиях деятельность коммунистов в Германии. Точка зрения Маркса и Энгельса, с достаточной определенностью сформулированная ими впоследствии, была, вероятно, высказана уже тогда. Она сводилась к тому, что коммунисты должны занять место на левом крыле общедемократического фронта и активно воздействовать на ход и исход революции в Германии, завоевывая на свою сторону не только пролетариат, но и широкие слои народа — крестьянство и городскую мелкую буржуазию. Само собой разумеется, что старые формы организации Союза, при слабости и разобщенности его местных звеньев, могли в данных условиях только сковывать, связывать усилия коммунистов. Поэтому необходимо было перенести центр тяжести на работу в печати и в легальных массовых организациях, широко используя свободу печати, собраний и союзов, впервые завоеванную германским народом на мартовских баррикадах. Это означало, в частности, что особую важность для коммунистов приобретала работа в «Neue Rheinische Zeitung», которая должна была вести разъяснение и пропаганду программных и тактических взглядов Союза коммунистов, являясь мощным орудием воздействия на широкие народные массы.

Для уяснения того, как понимали Маркс и Энгельс участие пролетариата и его авангарда в германской революции, нет необходимости, как нам кажется, прибегать к мало доказательной гипотезе о так называемом роспуске Марксом организации Союза в годы революции. Дальнейшая работа исследователей покажет, какие новые достоверные документальные свидетельства могут пролить свет на историю Союза коммунистов в 1848—1849 годах. Данные, которыми мы располагаем в настоя-

[1] «International Review of Social History», v. I, part 2, 1956, p. 245—248.

щее время, свидетельствуют о том, что организация Союза в том виде, в каком она существовала до революции 1848 года, переживала в период революции известный кризис. Прежняя конспиративная организация потеряла свое значение в новых условиях, когда открывались возможности легальной пропаганды и открытого участия в революционной борьбе. С другой стороны, отдельные члены Союза коммунистов, в той или иной форме отклонявшиеся от тактической линии руководства Союза во главе с Марксом и Энгельсом, сознательно запускали свои связи с Центральным комитетом, как это делал Борн в Берлине, или открыто заявляли о своем нежелании оставаться в составе этой организации, подобно Готшальку в Кёльне.

Единая организация Союза распадалась, отдельные общины начинали действовать на свой страх и риск, регулярная связь между ними все более нарушалась. Это отмечается в первом Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов, а также в ряде более поздних высказываний Маркса и Энгельса.

В этих условиях центром, объединяющим и сплачивающим силы пролетарских революционеров в Германии, разъясняющим и пропагандирующим программные и тактические положения Союза, стала «Neue Rheinische Zeitung».

* * *

«Neue Rheinische Zeitung» была подлинным боевым штабом пролетарской партии. Члены ее редакции, помимо своей журналистской деятельности, принимали активное участие в работе демократических организаций, используя все возможности для общения с массами и пропаганды научного социализма. Маркс и Энгельс и их верный соратник Вильгельм Вольф играли выдающуюся роль в демократическом движении Рейнской провинции.

Значительно менее известна практическая революционная деятельность Веерта и Фердинанда Вольфа.

Ряд писем *Веерта* к матери, а также переписка его матери и брата содержат интересный материал с этой точки зрения. Зная отрицательное отношение родных к его революционным взглядам, Георг Веерт тщательно скрывал от них свое участие в работе Союза коммуни-

стов. Поэтому он предпочитал сообщать им о своих путевых впечатлениях и о перспективах деловых поездок. Между тем положение комиссионера торговой фирмы давало Веерту удобный предлог для поездок по делам Союза коммунистов в различные пункты Германии, а также за границу. Так, он первым из будущих редакторов «Neue Rheinische Zeitung» побывал тотчас после мартовской революции в Германии (в Кёльне), откуда прислал Марксу подробный отчет о сложившейся обстановке [1]. В середине мая Веерт посетил Брюссель, где, также выполняя поручение Маркса, вел переговоры с бельгийскими радикалами о содействии распространению газеты в Бельгии [2]. В конце мая 1848 г. Веерт опять оказывается в Кёльне, где началось издание «Neue Rheinische Zeitung». Летом 1848 г. он предполагал поехать во Франкфурт-на-Майне (по-видимому, снова по партийным делам), но занятость в газете не дала ему возможности осуществить этот замысел [3].

В начале октября 1848 г., когда после снятия осадного положения в Кёльне должен был возобновиться выход «Neue Rheinische Zeitung», Веерт, единственный из старых редакторов, которому не угрожали пока арест и высылка, работал бок о бок с Марксом [4]. В эти тяжелые месяцы, когда всю редакционную работу фактически выполняли 3 человека (Маркс, Веерт и Фрейлиграт), Веерту приходилось заниматься не только своим отделом фельетона (в этом ему, вероятно, помогал Фрейлиграт), но и организационными делами редакции. Так, он от имени редакции жалуется местным властям на нарочито неаккуратную доставку газеты подписчикам [5].

В январе — феврале 1849 г., когда с возвращением Энгельса в Кёльн положение в редакции улучшилось,

[1] Архив ИМЛ. Веерт — Марксу, 25 марта 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 167; Г. Веерт — Вильгельмине Веерт, 27 марта 1848 г., ф. 177, № 3653.

[2] Архив ИМЛ. Жотран—Марксу, 19 мая 1848 г., ф. 1, оп. 1, № 1788.

[3] Архив ИМЛ. Вильгельмина Веерт — В. Веерту, 4 июля и 12 августа 1848 г., ф. 177, №№ 6143 и 6144.

[4] Архив ИМЛ. Вильгельмина Веерт — В. Веерту, начало октября 1848 г., ф. 177, № 6145; Дронке — Энгельсу, 7 ноября 1848 г., ф. 1, оп. 1, № 5546.

[5] Архив ИМЛ. Рефельд — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 6 ноября 1848 г., ф. 23, № 7/21.

Веерт отправляется в большое путешествие по Северной Германии, Англии и Голландии. Официально это снова была поездка по делам торговой фирмы; именно в таком свете Веерт и рисует ее в письмах к матери[1]. Однако Марксу он пишет о другом: о своем присутствии на конгрессе ганноверских демократов в Харбурге, где он распространял экземпляры «Neue Rheinische Zeitung»[2]. Известно также, что в Лондоне Веерт посетил одного из лидеров чартистов — Гарни[3]. Во время такого рода поездок Веерт выполнял ряд важных поручений Маркса и способствовал укреплению связей редакции газеты с демократами и пролетарскими революционерами в Германии и за ее пределами.

Несколько своеобразную роль играл в редакции *Фердинанд Вольф.* Подобно Дронке, он значительное время находился вне Кёльна, являясь одним из парижских корреспондентов «Neue Rheinische Zeitung». Однако публицистика составляла только одну сторону его деятельности. Он вел систематическую работу в парижских общинах Союза коммунистов и вообще среди немецких рабочих-эмигрантов в Париже, у которых пользовался большим влиянием. Это отмечает в своих письмах Эвербек, также находившийся в то время в Париже. В письме Центральному комитету 30 апреля 1848 г. он особенно подчеркивает заслуги Ф. Вольфа в борьбе против утопических и мелкобуржуазно-социалистических взглядов среди членов Союза коммунистов в Париже. В письме Марксу 21 мая 1848 г. Эвербек упоминает о том, что Ф. Вольф деятельно участвует в обсуждении «Манифеста Коммунистической партии», разъясняя рабочим идеи этого произведения[4]. Однако вскоре Ф. Вольф уехал в Кёльн, чтобы принять участие в издании газеты, а когда он вновь появился в Париже после сентябрьских событий в Кёльне, то застал там совершенно изменившееся положение. За время его отсутствия Гесс и его

[1] Архив ИМЛ. Г. Веерт — Вильгельмине Веерт, 30 января 1849 г., ф. 177, № 3655.

[2] Архив ИМЛ. Веерт — Марксу, 31 января 1849 г., ф. 1, оп. 5, № 195.

[3] Архив ИМЛ. Г. Веерт — Вильгельмине Веерт, 23—25 февраля 1849 г., ф. 177, № 3657.

[4] Архив ИМЛ. Эвербек—Марксу, 21 мая 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 174.

сторонники, в том числе крайне неустойчивый Эвербек, которого Энгельс еще раньше считал величайшим путаником, приложили немало усилий к тому, чтобы подчинить своему влиянию немецких рабочих-эмигрантов. Эвербек, совершивший кратковременную поездку в Германию, был крайне встревожен известием о появлении Фердинанда Вольфа в Париже. В своем письме Гессу он предупреждает своего друга и единомышленника, что необходимо принять решительные меры, дабы воспрепятствовать успеху пропаганды «философа» Вольфа в парижском Немецком рабочем обществе[1].

Следует еще добавить, что, вернувшись к декабрю 1848 г. в Кёльн, Фердинанд Вольф по поручению Маркса занимался организационными и финансовыми делами редакции[2].

Тесная связь редакторов «Neue Rheinische Zeitung» — Маркса, Энгельса и их соратников — с революционно-демократическим движением Рейнской провинции особенно ярко проявилась во время сентябрьских событий в Кёльне в 1848 году.

В этот момент в Кёльне и других городах Рейнской провинции поднялась волна протеста против решения Франкфуртского собрания, одобрившего позорное перемирие с Данией. В Кёльне происходят народные собрания — массовые митинги, организаторами которых явились редакция «Neue Rheinische Zeitung» и демократические союзы города.

На одном из таких собраний 13 сентября был избран Комитет безопасности из 30 человек, в который, наряду с руководителями демократических организаций Кёльна, вошли Маркс, Энгельс, В. Вольф, Дронке, Бюргерс[3]. Военные власти Кёльна в тайном донесении, посланном в Берлин, отмечают, что в Комитет безопасности выбраны представители «крайней демократической партии», в том числе редакторы «Neue Rheinische Zeitung»[4]. До сих пор оставался не совсем ясным харак-

---

[1] Архив ИМЛ. Эвербек — Гессу, 14 ноября 1848 г., ф. 20, № 155.

[2] Архив ИМЛ. Ф. Вольф — Шарду, 30 декабря 1848 г., ф. 23, № 4.

[3] «Kölnische Zeitung» № 257, Erste Beilage, 17.IX.1848.

[4] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, донесения от 13 и 14 сентября 1848 г., ф. 191. Ср. также рукописную «Kölner Stadtchronik» за сентябрь 1848 г., ф. 458, № 3906.

тер участия Энгельса в сентябрьских событиях, хотя известно, что после введения в Кёльне осадного положения был издан приказ о его аресте. Между тем тайное полицейское донесение называет имя Энгельса в числе наиболее популярных ораторов, выступавших на народных собраниях и в демократических организациях Кёльна[1]. В донесении указывается, что полиция долго не решалась арестовать Маркса, Энгельса, обоих Вольфов, Молля, Шаппера, Дронке, Бюргерса и других, так как вооруженные участники народных собраний не допустили бы этого. Только после введения осадного положения власти решились отдать приказы об аресте некоторых из них.

Яркое представление об участии Энгельса в сентябрьских событиях дает сообщение «Deutsche Zeitung» о его выступлении на народном собрании в Кёльне 20 сентября 1848 года[2]. Это собрание было организовано Комитетом безопасности, Демократическим обществом и Рабочим союзом в связи с подавлением восстания во Франкфурте. Энгельс произнес большую речь, в которой напомнил всю историю переговоров о перемирии, охарактеризовал предательскую позицию большинства Франкфуртского собрания, малодушие его левого крыла, показал причины, толкнувшие народные массы на восстание, нарисовал яркую картину хода восстания и его кровавого подавления. Несмотря на откровенно враждебный тон буржуазного корреспондента «Deutsche Zeitung», даже из его сообщения видно, какой революционной страстностью была проникнута речь Энгельса и как горячо она была воспринята собравшимися. Вслед за Энгельсом на этом же собрании выступали Бюргерс, Дронке и В. Вольф.

В сентябрьские дни, когда кёльнские власти, действовавшие по указке прусского правительства, готовились к провокационным действиям против кёльнских демократических организаций и «Neue Rheinische Zeitung», Маркс и Энгельс старались предостеречь рабочих от неподготовленных и несвоевременных выступлений, стремясь в то же время уберечь от разгрома массовые демократиче-

[1] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 1 октября 1848 г., ф. 191.
[2] «Deutsche Zeitung» № 262, Beilage, 27.IX.1848.

ские организации Кёльна и «Neue Rheinische Zeitung». Поэтому они избегали всякого упоминания на страницах газеты о связи ее редакции с Комитетом безопасности. Это становится ясно, если сравнить, например, напечатанное в виде листовки решение народного собрания в Кёльне 20 сентября 1848 г. (о позиции Франкфуртского собрания в связи с заключением перемирия) и текст того же решения, опубликованный в «Neue Rheinische Zeitung» [1].

В газете опущено упоминание о следующих моментах:

1) что народное собрание созвано Комитетом безопасности, Демократическим обществом и Рабочим союзом Кёльна;

2) что экспедиция «Neue Rheinische Zeitung», взявшая на себя сбор средств в пользу франкфуртских повстанцев, намерена пересылать поступающие взносы депутату Франкфуртского собрания Шлёффелю и призывает все другие демократические газеты последовать ее примеру.

Однако принятые редакцией меры предосторожности оказались тщетными; эта листовка послужила одним из существенных пунктов обвинения, выдвинутого властями против редакторов «Neue Rheinische Zeitung».

После введения осадного положения бо̀льшая часть членов редакции была вынуждена покинуть Кёльн под угрозой ареста или высылки. Власти не решались пока тронуть лишь Маркса и Веерта, но против них обоих уже было возбуждено судебное следствие.

Когда после снятия осадного положения удалось возобновить издание «Neue Rheinische Zeitung», на первой странице ее было помещено объявление о том, что состав редакции остается прежним и что в число редакторов газеты включен Фрейлиграт [2]. Если принять во внимание, что Энгельса, Вильгельма и Фердинанда Вольфов, Дронке и Бюргерса в то время не было в Кёльне, то такое заявление должно было означать, во-первых, что редакция, в частности Маркс, уверена, что это их отсутствие будет временным, во-вторых, что им будет выпла-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 543—544.

[2] Там же, стр. 448.

чиваться жалованье, т. е. оказываться материальная поддержка, столь необходимая им в эмиграции, и, в-третьих, что, несмотря на интриги против Энгельса, в том числе со стороны буржуазных акционеров газеты, напуганных его деятельностью в сентябрьские дни, он оставался ближайшим другом и опорой Маркса в редакции [1].

Значительную роль в демократическом движении Рейнской провинции играл известный немецкий революционный поэт Фердинанд *Фрейлиграт.*

В мае 1848 г. Фрейлиграт возвращается на родину после длительного пребывания за границей. Остановившись ненадолго в Дюссельдорфе, куда он приехал 14 мая [2], Фрейлиграт направляется в Кёльн, где в то время уже существовали массовые демократические и рабочие организации. «Elberfelder Zeitung», с тревогой следившая за «кознями демократов», в своей корреспонденции из Кёльна от 6 июня сообщила о принятии Фрейлиграта в члены кёльнского Рабочего союза [3]. Вероятно, уже во время пребывания Фрейлиграта в Кёльне у него завязались прочные связи с руководителями местных демократических организаций, а также с редакторами «Neue Rheinische Zeitung». Вернувшись затем в Дюссельдорф, он становится деятельным участником Народного клуба — массовой демократической организации. Сообщения о его выступлениях на собраниях Народного клуба можно встретить в донесениях полицейских агентов, внимательно следивших за революционной деятельностью поэта [4].

Известно, что дюссельдорфский Народный клуб, во главе которого стоял Юлиус Вульф, поддерживал тесную связь с кёльнским Рабочим союзом В дюссельдорфском полицейском архиве сохранились два интересных документа — совместные протесты кёльнского Рабочего союза и дюссельдорфского Народного клуба против ареста Готшалька и Аннеке. Первый документ, датированный 6 июля 1848 г., подписали: от имени Народного

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 103—104.
[2] «National-Zeitung» № 47, 19.V.1848.
[3] «Elberfelder Zeitung» № 159, 9.VI.1848.
[4] Архив ИМЛ. Дюссельдорфский полицейский архив, документ от 1 августа 1848 г., ф. 191.

клуба Эмиль Аннеке (брат Фридриха Аннеке) и Фрейлиграт, от имени Рабочего союза Молль, Янсен, Калькер, Хр. Эссер, Мермет, Бедорф и другие. Второй протест от 22 июля подписали от кёльнского Рабочего союза Молль и Калькер, а от имени комитета дюссельдорфского Народного клуба Шнаке и Э. Аннеке. Фрейлиграт был избран также делегатом от дюссельдорфского Народного клуба на первый конгресс демократов во Франкфурте-на-Майне в июне 1848 года[1]. Таким образом, мы располагаем неоспоримым свидетельством того, что Фрейлиграт был одним из руководящих членов Народного клуба. Арест Фрейлиграта в конце августа в Дюссельдорфе за чтение на народном собрании своего знаменитого стихотворения «Мертвые — живым» вызвал энергичный протест демократической общественности города, в том числе и Народного клуба[2].

Будучи оправдан судом присяжных, Фрейлиграт в начале октября по приглашению Маркса переезжает в Кёльн, чтобы принять участие в редактировании «Neue Rheinische Zeitung», и остается членом редакции газеты до конца ее существования. Яркое представление о деятельности Фрейлиграта в этот период дает его письмо швейцарскому издателю Жаку Шабелицу 8 марта 1849 года. Из этого письма видно, что поэт всецело поглощен работой в газете. Он выясняет возможность наладить связь между «Neue Rheinische Zeitung» и базельской «National-Zeitung» и приглашает Шабелица сотрудничать в газете[3]. В оценке внешнеполитической обстановки и перспектив революции, которая дана в письме Фрейлиграта, чувствуется сильное влияние статей Маркса и Энгельса в «Neue Rheinische Zeitung».

Таким образом, документальный материал подтверждает, что Фрейлиграт был не только крупным революционным поэтом Германии, но и активным участником демократического и рабочего движения в Рейнской провинции в 1848—1849 гг., другом Маркса и Энгельса.

---

[1] *G. Lüders*. «Die demokratische Bewegung in Berlin im Oktober 1848». Berlin, 1909. S. 138.

[2] «Neue Rheinische Zeitung» №№ 90 и 93; 31.VIII и 3.IX.1848.

[3] Архив ИМЛ. Фрейлиграт — Шабелицу, 8 марта 1849 г., ф. 23, № 15.

То, что было сказано о редакторах «Neue Rheinische Zeitung», в той или иной степени применимо к другим членам Союза коммунистов. Все они, как отмечает Энгельс в своей работе «К истории Союза коммунистов» [1], были активными деятелями демократического и рабочего движения. Они организовывали и возглавляли демократические и рабочие союзы в различных частях Германии, вокруг них группировались близкие к Союзу мелкобуржуазные демократы и радикалы. «Neue Rheinische Zeitung» служила связующим центром, объединявшим и направлявшим деятельность членов Союза. Ее статьи, написанные или отредактированные Марксом и Энгельсом, разъясняли задачи пролетариата в германской революции и пути осуществления этих задач. В личном общении и переписке с Марксом, Энгельсом и другими редакторами газеты члены Союза коммунистов получали практические советы и указания. В свою очередь, письма и сообщения друзей и единомышленников, которые были не только очевидцами, но и непосредственными участниками революционных событий, предоставляли возможность Марксу и Энгельсу получать из первых рук разностороннюю политическую информацию и вместе с тем являлись неоценимым материалом, который широко использовался — прямо или косвенно — редакцией «Neue Rheinische Zeitung».

Вот далеко не полный перечень членов Союза коммунистов и примыкавших к ним демократов, действовавших во время революции в различных частях Германии.

В *Кёльне,* помимо редакторов газеты, находились члены Центрального комитета Союза коммунистов Шаппер и Молль, а также члены Союза Готшальк и Аннеке — все активные участники кёльнского Рабочего союза (Молль, как известно, был председателем союза в июле — сентябре 1848 г., а Шаппер в феврале — мае 1849 года).

В *Дюссельдорфе,* как уже было сказано, действовал Фрейлиграт, там же находился в то время Кугельман [2]; видную роль в Народном клубе играли Лассаль и Юлиус Вульф, автор «Республиканского катехизиса

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 333.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIX, стр. 432—433.

для немецкого народа». «Neue Rheinische Zeitung» в ряде корреспонденций и статей откликнулась на арест Лассаля[1] и Ю. Вульфа[2].

В *Хамме* в то время находился друг Маркса Иосиф Вейдемейер, являвшийся делегатом от местных демократических союзов на первом конгрессе демократов[3].

В *Берлине* члены Союза коммунистов Борн и Хетцель стояли во главе рабочих организаций; письма Борна иногда использовались в качестве материала в статьях Маркса и Энгельса, хотя точка зрения Борна и его оценка текущих событий были совершенно неприемлемы для редакции газеты. Достаточно сравнить, например, сохранившийся отрывок письма Борна Марксу от 17 июня 1848 г., написанного под впечатлением штурма цейхгауза, со статьей Энгельса «Согласительное заседание 17 июня»[4], чтобы понять всю надуманность утверждений Меринга, который со слов самого Борна говорит о мнимом согласии и одобрении позиции Борна со стороны Маркса и Энгельса[5]. Из тактических соображений Маркс и Энгельс в то время не считали целесообразным выступать с критикой Борна, но по существу они всегда отмежевывались от него в принципиальных вопросах. Если Борн принимал всерьез действия левых в прусском Национальном собрании, то Энгельс в своей статье пригвоздил к позорному столбу кумиров берлинских левых — Берендса, Юнга, Эльснера, Штейна и Рейхенбаха,— по существу дезертировавших в знаменательный день штурма цейхгауза.

В *Берлине* находился также демократически настроенный студент Фернбах, являвшийся одним из корреспондентов «Neue Rheinische Zeitung»[6]. Летом

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 283—288, 482—484, 493—497, 501—506.

[2] Там же, стр. 245.— «Neue Rheinische Zeitung» № 40, 10.VII.1848.

[3] *G. Lüders.* Цит. соч., стр. 140.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 88—92.—Архив ИМЛ. Борн — Марксу. 11 мая 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 173.

[5] *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни». 1957, стр. 211.— «Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1841 bis 1850». Bd. III, S. 81—82.

[6] Архив ИМЛ. Фернбах — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 22 ноября 1848 г., ф. 23, № 7/27.

1848 г. газета с возмущением сообщила своим читателям о его аресте [1].

В *Майнце* еще с начала апреля 1848 г. развернули свою деятельность члены Союза коммунистов Валлау, Клусс, Штумпф, Шиккель, Нойбек и Жермен Меттерних; они организовали Рабочий просветительный союз, выпустивший воззвание «Ко всем рабочим Германии», о котором упоминалось выше в другой связи.

Особое положение среди членов Союза коммунистов занимал *Д'Эстер.* Являясь еще до мартовской революции членом кёльнской общины Союза коммунистов, он вскоре после революции уехал из Кёльна и был избран депутатом прусского Национального собрания, где примкнул к левому крылу. Д'Эстер играл также видную роль в демократическом движении Германии: на втором конгрессе демократов он был избран членом Центрального комитета демократов Германии [2]. Д'Эстер был мелкобуржуазным демократом, однако выделялся среди берлинских левых своими энергичными выступлениями, в которых он разоблачал происки реакции в Рейнской провинции. «Neue Rheinische Zeitung», резко критиковавшая позицию левых в прусском Национальном собрании, положительно отзывалась о выступлениях Д'Эстера [3]. И это было не случайно. Есть все основания считать, что Д'Эстер не порвал своих старых связей с руководством Союза коммунистов, в частности с Марксом, Энгельсом и с редакцией газеты. Об этом свидетельствует, прежде всего, письмо Эвербека Гессу 1 ноября 1848 г., в котором сообщается о переговорах Эвербека с Д'Эстером в Берлине по делам Союза коммунистов. Из этого письма явствует также, что в какой-то момент Д'Эстер, опутанный интригами Гесса и Эвербека, склонен был отрицательно относиться к Энгельсу. Однако эти трения носили кратковременный характер, так как в своей работе «Германская кампания за имперскую конституцию» Энгельс вспоминает о дружеском отношении Д'Эстера, в то

[1] «Neue Rheinische Zeitung» № 34, 4.VII.1848.
[2] *G. Lüders.* Цит. соч., стр. 87.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 78, 169—170; т. 6, стр. 408.

время тесно связанного с временным правительством Пфальца, который содействовал освобождению его из-под ареста[1]. О связях Д'Эстера с редакцией «Neue Rheinische Zeitung» свидетельствует его письмо ответственному издателю (Gerant) газеты Корфу, в котором он просит экспедицию «Neue Rheinische Zeitung» помочь в распространении издаваемой Центральным комитетом демократов газеты «Demokratischer Urwähler»[2]. В этом же письме Д'Эстер посылает приветы «всем знакомым» — редакторам «Neue Rheinische Zeitung» Марксу, Фрейлиграту, Бюргерсу.

Известно, что Маркс и Энгельс не только критиковали левых в берлинском Национальном собрании, но и толкали их на решительные действия. Через Д'Эстера редакция «Neue Rheinische Zeitung» поддерживала личную связь с руководителями демократического движения в Германии, воздействуя на них в революционном духе. Весьма вероятно, что сделанный Д'Эстером 29 сентября 1848 г. запрос по поводу бесчинств военщины в Кёльне и введения там осадного положения[3] также являлся результатом влияния Маркса. Под давлением энергичного протеста левых депутатов прусского Национального собрания, поддержанного демократическими кругами Кёльна[4], министр-президент Пфуль был вынужден 2 октября отдать приказ коменданту Кёльна о снятии осадного положения[5]. Эти действия Д'Эстера вызвали усиленный интерес к нему со стороны комендатуры Кёльна. 10 марта 1849 г. военный комендант Кёльна полковник Энгельс сообщил военному министерству в Берлин о волнениях среди безработных рабочих в городе, к чему якобы причастен Д'Эстер. В ответ на это последовал запрос из Берлина о подробностях дела[6]. В конце марта 1849 г. полковник

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 167—168.

[2] Архив ИМЛ. Д'Эстер—Корфу, 23 декабря 1848 г., ф. 23, № 7/45.

[3] «Verhandlungen der constituirenden Versammlung für Preußen». Bd. V, 1848, S. 3146—3147.

[4] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 2 октября 1848 г., ф. 191.

[5] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив. Телеграмма Пфуля кёльнским властям, ф. 191.

[6] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 14 марта 1849 г., ф. 191.

Энгельс сообщает в Берлин, что, хотя не существует юридических доказательств революционной деятельности Д'Эстера, он является «одним из опаснейших сторонников красной республики в Берлине» и поддерживает непрерывную связь с редактором «Neue Rheinische Zeitung» Карлом Марксом. Поэтому, рассуждает этот ретивый солдафон, единственная возможность обезвредить Д'Эстера заключается в том, чтобы выслать «главного зачинщика» Маркса из Рейнской провинции[1]. Не забывая о том, что необходимо относиться с осторожностью к оценкам, исходящим из враждебного лагеря, следует признать, что в данном случае верно схвачена суть дела — постоянный контакт, существовавший между Д'Эстером и Марксом. Эта связь проявилась в новой форме во время германской кампании за имперскую конституцию летом 1849 года: по-видимому, Энгельс имел в виду Д'Эстера, когда вспоминал о том, что Центральный комитет демократов выдал Марксу мандат для поездки в Париж, чтобы «представлять германскую революционную партию перед французскими социальными демократами»[2].

* * *

Задуманная Марксом и Энгельсом как газета демократического направления, обнаруживающая по каждому принципиальному вопросу свой пролетарский характер, «Neue Rheinische Zeitung» с первого и до последнего дня своего существования была массовой политической газетой. Ее основатели и редакторы, руководители Союза коммунистов, избрали единственно правильный путь, дающий возможность доносить свои идеи до самых широких слоев народа,— путь политических обличений. Помимо передовых статей газета систематически давала на своих страницах не только всестороннюю информацию о политической и социальной борьбе в различных частях Германии и за ее пределами, но и публиковала многочис-

---

[1] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от конца марта 1849 г., ф. 191.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 7, стр. 151.—*S. Seiler*. «Das Complot vom 13. Juni 1849, oder der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich», Hamburg, 1850, S. 33—34.

ленные сообщения с мест, рассказывающие о бесчинствах реакционных чиновников, военщины и их агентов — орудий феодальной контрреволюции. Устами представителей различных слоев общества — демократически настроенных интеллигентов, чиновников и других читателей газеты — разоблачаются гнусные замыслы правительства и местных властей, их репрессии против демократического движения, их стремление лишить народные массы демократических свобод, завоеванных в результате мартовской революции.

Как удалось Марксу и Энгельсу превратить редактируемую ими газету в мощное орудие политических обличений, направленных против реакционного пруссачества, против социальных основ монархии Гогенцоллернов?

Ответ на это дает в первую очередь архив редакции «Neue Rheinische Zeitung», т. е. письма и рукописные корреспонденции в адрес редакции, хранящиеся в Архиве Института марксизма-ленинизма. Эти письма и корреспонденции свидетельствуют о наличии у редакции газеты широких связей с демократическими кругами не только Рейнской провинции, но и всей Германии. Правда, этот материал, как и подавляющая часть переписки 1848—1849 гг., носит неполный, односторонний, отрывочный характер. Если мы располагаем большим количеством писем в адрес Маркса и Энгельса и редакции газеты, то объем дошедшей до нас переписки Маркса и Энгельса и их писем третьим лицам крайне незначителен. Можно предполагать, что это соотношение носит не случайный характер: возможно, что письма Маркса и Энгельса уничтожались их адресатами из конспиративных соображений.

Архив редакции «Neue Rheinische Zeitung» убедительно характеризует тактику Маркса и Энгельса в 1848 г. как тактику создания широкого демократического фронта с целью мобилизации возможно более широких масс на борьбу за полную победу германской буржуазно-демократической революции. Маркс и Энгельс сумели превратить газету в мощное орудие сплочения самых различных элементов вокруг пролетарского ядра демократического движения.

Любопытная оценка этой тактики с позиций мелкобуржуазной демократии содержится в письме оппози-

ционно настроенного прусского чиновника, юстицкомиссара Штребера в редакцию «Neue Rheinische Zeitung». Посылая из Берлина свою брошюру «Revolutionäre Diplomatie» с просьбой рекомендовать ее читателям на страницах газеты, так как там содержатся факты, «представляющие большой интерес для демократии», автор письма заключает далее: «Впрочем, я лишь «розовый», но Вы ведь намерены на определенном отрезке пути идти рядом даже с «синими», поэтому я полагаю, что на первых порах — и, пожалуй, еще долгое время — мы с Вами можем считать друг друга хорошими союзниками». Остается добавить, что «Neue Rheinische Zeitung» поместила через несколько дней положительный отзыв о брошюре Штребера и извещение о его высылке из Берлина [1].

В архиве редакции «Neue Rheinische Zeitung» мы находим корреспонденцию купца Штригница из Эккартсберге, где разоблачается деятельность местных чиновников, а также корреспонденцию Дицлера из Обервезеля об участии учителей в мартовской революции и о стремлении реакции отвоевать потерянные позиции в школьном деле [2].

Выше шла речь о деятельности членов Союза коммунистов в демократическом движении Германии и их связях с «Neue Rheinische Zeitung». Архив редакции газеты, в сопоставлении с другими материалами переписки, позволяет расширить представление о связях газеты с руководителями демократических организаций в различных частях Германии.

Во *Франкфурте-на-Майне,* где некоторое время находился один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» — Дронке,— существовал довольно многочисленный Рабочий союз, руководимый мелкобуржуазными демократами Пельцем и Эсселленом [3]. Есть основания предпо-

---

[1] Архив ИМЛ. Штребер — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 1 марта 1849 г., ф. 23, № 14/1. — «Neue Rheinische Zeitung» № 243, 11 марта 1849.

[2] Архив ИМЛ. Штригниц — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 20 января 1849 г., ф. 23, № 6/5; Дицлер — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 16 марта 1849 г., ф. 23, № 19/7.

[3] Подробнее о деятельности этого союза и его руководителей см. *K. Obermann.* «Die deutschen Arbeiter in der Revolution von 1848». Berlin, 1953, S. 268—270.

лагать, что Маркс и Энгельс поддерживали связь с ними непосредственно, а также через Дронке и Аннеке[1]. В статье Энгельса «Франкфуртское собрание» упоминается о высылке Пельца и Эссellена из Франкфурта-на-Майне как о незаконном и произвольном акте со стороны властей, предпринятом под давлением местных буржуазных кругов[2].

Одно время — весной 1849 года — корреспондентом «Neue Rheinische Zeitung» во Франкфурте-на-Майне был известный революционный демократ Г. А. Шлёффель[3].

В *Веймаре* во главе местных демократов стоял д-р Лафори. О его аресте «Neue Rheinische Zeitung» сообщила в редакционной статье в феврале 1849 г., бичующей бесчинства полицейских властей по отношению к демократам[4].

В *Кёнигсберге* постоянным корреспондентом «Neue Rheinische Zeitung» являлся один из руководителей Демократического клуба — Лорек[5]. Из *Лейпцига* Марксу пишет председатель Народного клуба Земмиг[6], из *Золингена* — Хёллер, член правления местного политического клуба, делегат первого рейнского конгресса демократов[7], из *Нейштадта* — член Демократического союза Фишер[8], из *Бингена* — член Рабочего просветительного общества Шмиц[9]. Редакция «Neue Rheinische Zeitung» получала письма из *Майена* от секретаря политического

---

[1] Архив ИМЛ. Дронке — Марксу, 17 мая 1848 г., ф. 20, № 19; Аннеке — Фребелю, 31 мая 1848 г., ф. 458, № 3982; Эсселлен — Энгельсу, 6 мая 1849 г., ф. 1, оп. 5, № 223.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 12.

[3] Архив ИМЛ. Ф. Шмидт — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 10 марта 1849 г., ф. 23, № 14/8; Г. А. Шлёффель — Марксу, 12 марта 1849 г., ф. 1, оп. 5, № 214.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 275; Архив ИМЛ. Лафори — Кройтеру, 15 и 23 октября 1848 г., ф. 458, №№ 5765, 5766.

[5] Архив ИМЛ. Лорек — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 31 августа и 27 сентября 1848 г. и 14 марта 1849 г., ф. 1, оп. 5, № 215; ф. 23, № 3/1; ф. 1, оп. 1, № 270.

[6] Архив ИМЛ. Земмиг — Марксу, 23 октября 1848 г., ф. 23, № 3/3.

[7] Архив ИМЛ. Хёллер — Марксу, 18 ноября 1848 г., ф. 23, № 3/5.

[8] Архив ИМЛ. Фишер — Марксу, 21 января 1849 г., ф. 23, № 11/9.

[9] Архив ИМЛ. Шмиц — Марксу, 22 февраля 1849 г., ф. 23, № 13/18.

клуба Бэра[1], из *Хоннефа* — от председателя Демократического союза Кёнена[2], из *Штеркраде* — от председателя Демократического союза Цёллера[3], из *Эммериха* — от руководителя местной демократической организации Кустодио[4].

Среди читателей и корреспондентов «Neue Rheinische Zeitung» фигурируют редакторы местных демократических газет в различных пунктах Германии: редактор «Westfälische Zeitung» в *Падерборне* Виль[5], редактор газеты «Neues Rheinische Volksblatt» в *Дармштадте* Олиг[6], редактор «Westfälische Volkshalle» в *Дортмунде* Мистериц[7], редактор «Anhaltische Volkszeitung» в *Кётене* Замлер[8], редактор «Volksstimme» в *Эльберфельде* Дринхауз[9], редактор «Hallische Demokratische Zeitung» в *Галле* Равальд[10], редактор «Mittelfränkische Zeitung» в *Нюрнберге* Мейер[11]. Из *Бреславля* посылает сообщение в редакцию студент Вебер, член Демократического клуба[12], из *Мюнстера* — член Демократического союза

---

[1] Архив ИМЛ. Бэр — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 25 января 1849 г., ф. 23, № 11/12.

[2] Архив ИМЛ. Кёнен — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 14 марта 1849 г., ф. 23, № 14/13.

[3] Архив ИМЛ. Цёллер — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 26 февраля 1849 г., ф. 23, № 13/23.

[4] Архив ИМЛ. Кустодио — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 7 марта 1849 г., ф. 23, № 14/4. Обращаясь в редакцию с просьбой опубликовать в газете вынесенный ему приговор, он рассказывает о том, что в своих еженедельных выступлениях на собраниях Демократического общества он неизменно заимствует материал из «Neue Rheinische Zeitung».

[5] Архив ИМЛ. Виль — Марксу, 27 марта 1849 г., ф. 23, № 6/24.

[6] Архив ИМЛ. Олиг — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 24 ноября 1848 г., ф. 23, № 7/30.

[7] Архив ИМЛ. Мистериц — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 10 апреля 1849 г., ф. 23, № 18/12.

[8] Архив ИМЛ. Замлер — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 3 апреля 1849 г., ф. 23, № 18/2.

[9] Архив ИМЛ. Дринхауз — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 30 января 1849 г., ф. 23, № 11/19.

[10] Архив ИМЛ. Равальд — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 12 февраля 1849 г., ф. 23, № 13/10.

[11] Архив ИМЛ. Мейер — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 23 февраля 1849 г., ф. 23, № 13/20.

[12] Архив ИМЛ. Вебер — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 13 и 22 октября 1848 г., ф. 23, № 7/11.

Штирлин[1], из *Гейдельберга* член Рабочего союза, студент-медик Хейльблут[2], из *Магдебурга* — секретарь «Союза для охраны прав народа» Шюнхоф[3], из *Гейленкирхена* — архитектор Зельте[4].

В этих письмах и корреспонденциях сообщается о деятельности местных демократических организаций, об их борьбе с либерально-буржуазными и консервативными кругами, о репрессиях, которым подвергаются демократы, о беззакониях и произволе властей по отношению к неимущим слоям населения. Авторы писем — внимательные читатели «Neue Rheinische Zeitung» — изъявляют желание сотрудничать в ней и тут же прилагают заметки и корреспонденции, которые они просят поместить в газете. Такой поток писем со стороны читателей (часть из них систематически публиковалась в номерах газеты под редакционной чертой) и обилие предложений о сотрудничестве свидетельствуют об огромной популярности газеты среди германского народа — популярности, которой не могла похвастаться, пожалуй, ни одна из немецких газет того времени.

Можно было бы привести бесчисленное множество примеров глубокой симпатии и уважения к газете и ее редакции со стороны самых широких слоев немецкого народа. В марте 1849 г., в годовщину мартовской революции, в различных городах Германии готовились митинги и банкеты. В связи с этим редакция «Neue Rheinische Zeitung» получила многочисленные приглашения принять участие в этих празднествах[5]. В ответ на это в номере газеты, вышедшем 18 марта, было напечатано следующее заявление:

«Редакция «Neue Rheinische Zeitung» получила из ряда окрестных местностей как на левом, так и на пра-

---

[1] Архив ИМЛ. Штирлин — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 27 ноября 1848 г., ф. 23, № 7/32.

[2] Архив ИМЛ. Хейльблут — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 25 декабря 1848 г., ф. 23, № 7/46.

[3] Архив ИМЛ. Шюнхоф — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 15 февраля 1849 г., ф. 23, № 13/4.

[4] Архив ИМЛ. Зельте — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 15 февраля 1849 г., ф. 1, оп. 1, № 5898.

[5] Архив ИМЛ. Шеффер — Марксу, 11 марта 1849 г., ф. 1, оп. 5, № 213.

вом берегу Рейна, приглашения на банкеты в честь 18 марта. Мы весьма благодарны нашим друзьям-демократам за эти дружеские приглашения и сожалеем лишь, что чрезмерная занятость лишает нас возможности последовать какому-либо из этих приглашений»[1].

О признании, которое редакторы газеты завоевали в армии, свидетельствует письмо солдат расквартированного в Кёльне 34-го пехотного полка. Нельзя без волнения читать следующие слова, обращенные к редакторам газеты и руководителям кёльнского Рабочего союза:

«Мы, солдаты 34-го пехотного полка, не можем не выразить многоуважаемой редакции «Neue Rheinische Zeitung» нашу искреннюю и глубокую благодарность... Поверьте, что имена *Маркса, Шаппера, Энгельса, Вольфа, Корфа, Аннеке* и *Бёйста* никогда не изгладятся из нашей памяти. Более того, мы надеемся, что придет время, когда мы сможем выразить этим господам нашу благодарность».

В конце письма следуют 1700 подписей[2].

Самыми горячими симпатиями пользовалась «Neue Rheinische Zeitung» среди рабочих. Газета имела обширный круг корреспондентов среди руководителей и рядовых деятелей рабочего движения. На ее страницах широко публиковались сообщения о положении рабочих и о их участии в политической борьбе. Эцвейлер из Гусдорфа в своем письме в редакцию от имени окрестных ткачей просит написать статью «по своему вкусу» о бедственном положении ткачей[3]. Из Магдебурга сообщают об успешно проведенном рабочем собрании, о возросшей организованности рабочих, о той роли, которую играют рабочие сахарных, машиностроительных и химических предприятий[4].

Маркс, Энгельс и другие редакторы «Neue Rheinische Zeitung» поддерживали также постоянную связь с сою-

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung» № 249, Zweite Ausgabe, 18. III. 1849.

[2] Архив ИМЛ. Солдаты 34-го пехотного полка — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 15 марта 1849 г., ф. 23, № 14/14.

[3] Архив ИМЛ. Эцвейлер — Марксу, 8 февраля 1849 г., ф. 23, № 6/14.

[4] Архив ИМЛ. Отто Шевалери — в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», 20 февраля 1849 г., ф. 23, № 19/4.

зами немецких рабочих-эмигрантов за пределами Германии. Руководитель социалистического клуба немецких рабочих в Льеже Ридель в своем письме благодарит Маркса за присылку газеты и сообщает о деятельности союза[1]. Во время своего пребывания в Швейцарии осенью и зимой 1848 г. Энгельс сблизился с немецкими рабочими-эмигрантами и принимал участие в деятельности местных рабочих союзов. Это явствует не только из известного письма руководителей лозаннского Рабочего союза, которые назначили Энгельса своим делегатом на конгресс рабочих союзов в Берне[2], но также из письма Шлоттербека, руководителя союза в Ла-Шо-де-Фоне, и из письма Д'Эстера, который сообщает, что передал привет Энгельсу через Рабочий союз в Берне[3].

Дружеские связи редакции «Neue Rheinische Zeitung» носили интернациональный характер. Не имея возможности в данной статье подробно останавливаться на этом вопросе, мы приведем лишь несколько менее известных примеров. В Англии редакторы «Neue Rheinische Zeitung» поддерживали свои старые связи с чартистами, особенно с Гарни и Джонсом. Орган революционного крыла этой партии «Northern Star» откликнулась на выход «Neue Rheinische Zeitung» статьей, в которой давала высокую оценку деятельности ее редакторов, в первую очередь Маркса и Энгельса[4]. В ответ «Neue Rheinische Zeitung», благодаря своих английских друзей за лестный отзыв, указывает, что *«революционная «Northern Star»* является единственной английской газетой, одобрением которой мы дорожим»[5].

Редакторы «Neue Rheinische Zeitung» продолжали поддерживать завязанные во время их пребывания в Брюсселе связи с бельгийскими демократами, радикалами и республиканцами. Выше уже упоминалось письмо Марксу бельгийского радикала Жотрана, редак-

---

[1] Архив ИМЛ. Ридель — Марксу, 5 декабря 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 12505.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 623—624.

[3] Архив ИМЛ. Шлоттербек — Энгельсу, 29 декабря 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 9743; Д'Эстер — Марксу, 12 февраля 1849 г., ф. 1, оп. 5, № 12043.

[4] «Northern Star», 24.VI.1848.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 122.

тора брюссельской газеты «Débat Social». В архиве «Neue Rheinische Zeitung» имеется также письмо редакции льежской газеты «Libéral Liégeois» с жалобой на неаккуратную доставку газеты из Кёльна [1].

Неизменный дружеский контакт поддерживали Маркс и Энгельс с польскими демократами. Во время своей поездки в Берлин летом 1848 г. Маркс получил от польского демократа Владислава Косцельского 2000 талеров на продолжение издания газеты [2]. Сохранилось письмо Лелевеля Марксу с просьбой поместить в газете заметку о положении польских эмигрантов в Брюсселе [3].

Известно также, что в статьях «Neue Rheinische Zeitung», где разоблачалась политика прусского правительства в Познани, широко использовались материалы, публиковавшиеся польскими революционерами (например, брошюра того же Косцельского [4]). В свою очередь, статьи из «Neue Rheinische Zeitung» о Польше тотчас же сообщались полякам [5].

Международные связи «Neue Rheinische Zeitung» не были случайным явлением. Они в полной мере соответствовали духу пролетарского интернационализма, которым была проникнута позиция газеты по всем вопросам германской и европейской революции.

* * *

Революционный дух «Neue Rheinische Zeitung» и ее огромное влияние на народные массы вызывали не только горячие симпатии друзей, но и бешеную ненависть врагов. Прусское правительство и местные власти

---

[1] Архив ИМЛ. Жеримон — ответственным издателям «Neue Rheinische Zeitung», 27 октября 1848 г., ф. 23, № 7/16.

[2] Архив ИМЛ. Косцельский — Марксу, 18 сентября 1848 г., ф. 1, оп. 3, № 32.

[3] Архив ИМЛ. Лелевель — Марксу, 23 февраля 1849 г., ф. 1, оп. 1, № 5547.

[4] *Wladislaus Koscielski.* «Widerlegung der offiziellen Nachweisung des General v. Colomb, den Bruch der Convention vom 11. April betreffend und Einige Worte über die Aktenmäßige Darstellung der Polnischen Insurrection im Jahre 1848 des Majors von Voigts-Rhetz». Berlin, 1848.

[5] Архив ИМЛ. Эвербек — Марксу, 12 декабря 1848 г., ф. 1, оп. 5, № 182.

Рейнской провинции вскоре поняли, что, несмотря на подзаголовок газеты «Орган демократии», она занимает гораздо более революционную позицию, чем другие демократические газеты. Окружное управление Кёльна в своих донесениях министру внутренних дел указывает, что «Neue Rheinische Zeitung» — не что иное, как «орган так называемой демократически-социальной республики»[1] и стремится к «свержению существующего строя и установлению социальной республики»[2]. В свою очередь, военный комендант Кёльна в переписке с берлинскими властями называет газету «наиболее решительным и талантливым органом» демократической партии в Кёльне[3].

Не удивительно поэтому, что деятельность Маркса и Энгельса как редакторов газеты происходила в обстановке нескончаемых преследований со стороны административных, судебных и полицейских властей. При этом с чисто бюрократической изворотливостью было использовано то обстоятельство, что Маркс, находясь в эмиграции, якобы утратил право прусского подданства.

С первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» прусские власти прилагали все усилия, чтобы под этим предлогом сделать невозможным пребывание Маркса в Кёльне и тем самым помешать дальнейшему изданию «крамольной» газеты.

Тайная переписка кёльнских властей с министерством внутренних дел в Берлине проливает свет на эту подлинную причину отказа прусского правительства предоставить Марксу право прусского подданства.

Из донесения кёльнского окружного управления министру внутренних дел явствует, что кёльнским властям, а через них прусскому правительству, была хорошо известна революционная деятельность Маркса до 1848 года[4]. К донесению приложена полученная от прус-

[1] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 20 августа 1848 г., ф. 191.

[2] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 10 марта 1849 г., ф. 191.

[3] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ, датированный концом марта 1849 г., ф. 191.

[4] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 20 августа 1848 г., ф. 191.

ского посланника в Брюсселе справка бельгийской тайной полиции о деятельности Маркса в 1845—1848 гг. в Париже и Брюсселе[1]. В частности, бельгийской «службе безопасности» было известно из документов, захваченных у Маркса во время его ареста в Брюсселе, что он является главой «Коммунистического союза». Одновременно в Берлин сообщались также полученные от кёльнской прокуратуры сведения об «известной тенденции» «Neue Rheinische Zeitung» и о деятельности Маркса в самом Кёльне. Не удивительно, что на основании всех этих данных кёльнские власти и стоявшее за их спиной прусское правительство, видя в Марксе не просто демократического журналиста, а влиятельного главу революционной партии, принимали все меры к тому, чтобы положить конец деятельности Маркса в Кёльне как главного редактора газеты.

Поэтому уже 29 июля 1848 г. окружное управление на основании предписания прокурора дает указание кёльнской полиции о высылке Маркса как лица, лишенного прусского подданства, за пределы Пруссии[2].

Однако, как известно, приказ о высылке Маркса был издан только почти через год, в мае 1849 года. Объясняется это тем, что летом 1848 г., в обстановке мощного подъема революционно-демократического движения в Рейнской провинции, подобная репрессия по отношению к Марксу могла вызвать взрыв народного негодования, т. е. привести к нежелательным осложнениям для властей. Поэтому они предпочитают действовать более осторожно и возлагают эту неприятную миссию на кёльнскую полицию, да и то с рядом оговорок («если обстоятельства будут этому благоприятствовать» и т. д.).

Это означало, что намерение правящих кругов Пруссии применить репрессивные меры против редакции «Neue Rheinische Zeitung» было отложено до более благоприятного момента.

Осенью 1848 г., в связи с активизацией контрреволюции в Германии, начинается новая полоса преследо-

---

[1] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив. Полицейская справка о Марксе, составленная в июле 1848 г., ф. 191.

[2] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 29 июля 1848 г., ф. 191.

ваний «Neue Rheinische Zeitung», на этот раз в общегерманском масштабе. Кампанию открывает имперское министерство во Франкфурте, которое требует от кёльнской прокуратуры возбудить уголовное преследование против демократических организаций Кёльна (Комитета безопасности, Демократического общества и кёльнского Рабочего союза), а также против редакции и экспедиции «Neue Rheinische Zeitung» — на основании помещенных в газете фельетонов и опубликованного в ней решения народного собрания в Кёльне [1]. При этом имперский министр юстиции подчеркивает в своем циркуляре, что, хотя, согласно юридической практике Рейнской провинции, процессы по обвинению в клевете не возбуждаются государственными властями, в случае чрезвычайной важности допустимо нарушение правовой процедуры. Таким образом, имперское министерство сознательно шло на явно незаконные действия, стремясь одним ударом покончить с демократическими организациями Кёльна и вдохновителем их деятельности — редакцией «Neue Rheinische Zeitung». В соответствии с этим генеральный прокурор дает указания о возбуждении судебного процесса против Маркса и других редакторов «Neue Rheinische Zeitung», перечисляя при этом опубликованные в газете статьи, которые должны фигурировать в качестве материала обвинения [2].

Все перипетии этого смехотворного процесса были изображены Марксом в статье «Государственный прокурор «Геккер» и «Neue Rheinische Zeitung»» [3]. В сентябре — ноябре 1848 г. было одновременно возбуждено несколько судебных процессов против Маркса, Энгельса и других редакторов газеты, а также против руководителей демократических организаций Кёльна. Прусские чиновники, опасаясь вынесения кёльнским судом присяжных оправдательного приговора, нагромождали одно обвинение на другое. Между тем их опасения сбылись. В феврале 1849 г. суд присяжных вынес оправдатель-

---

[1] Архив ИМЛ. Дюссельдорфский полицейский архив, документ от 25 сентября 1848 г., ф. 191.

[2] Архив ИМЛ. Дюссельдорфский полицейский архив, документ от 30 сентября 1848 г., ф. 191.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 474—479.

ный приговор Марксу, Энгельсу и Корфу в связи со статьей «Аресты», а также Марксу, Шапперу и Шнейдеру II в связи с воззванием Рейнского окружного комитета демократов об отказе от уплаты налогов. Таким образом, рухнули надежды прусских властей путем судебного преследования прекратить в Кёльне деятельность Маркса и Энгельса и других редакторов «Neue Rheinische Zeitung».

Тогда снова выдвигается козырь об отсутствии у Маркса прав прусского подданства. Ссылаясь на свои прежние донесения, кёльнское окружное управление вновь обращает внимание министерства внутренних дел на необходимость высылки Маркса как «опасного человека» [1].

При этом подчеркивается, что недостаточно выслать Маркса из Кёльна — надо отнять у него возможность обосноваться в другом пункте Пруссии. Вместе с тем кёльнские власти боятся последствий высылки Маркса. Опасаясь «демонстрации со стороны демократической партии», они не решаются действовать на свой собственный страх и риск и предпочитают ждать указаний свыше.

Делом о высылке Маркса по указанию прусского правительства занимается обер-президент Рейнской провинции Эйхман. Он сообщает, что совещался по этому поводу с кёльнскими властями [2]. Комендант Кёльна полковник Энгельс особенно настаивает на высылке Маркса из Пруссии, так как он-де является душой газеты, наиболее влиятельным и значительным лицом среди республиканцев Кёльна. Вместе с тем он опасается, что за Маркса могут вступиться не только народные массы, но и муниципальный совет Кёльна, в свое время предоставивший ему право жительства в городе. Комендант Кёльна, по-видимому, хорошо осведомленный через полицейских агентов, отмечает, что Маркс пользуется симпатией и имеет друзей среди многих депутатов второй палаты, и поэтому возможен протест с их стороны в случае высылки «враждебного правитель-

[1] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 10 марта 1849 г., ф. 191.

[2] Архив ИМЛ. Прусский полицейский архив, документ от 29 марта 1849 г., ф. 191.

ству публициста [Literaten] без явного и своевременного предлога». В результате Эйхман советует прусскому правительству дать понять кёльнскому окружному управлению, что министерство внутренних дел не возражает против высылки Маркса, но что следует выждать для этого удобный момент и подходящий повод. В случае же, если Маркс будет выслан, это должно быть сделано очень быстро (с предупреждением за несколько часов), причем он должен быть выслан не только из Кёльна, но и за пределы Пруссии, а в случае возвращения немедленно переправлен через границу.

Известно, что прусское правительство и кёльнские власти последовали совету Эйхмана. «Удобный момент» (даже без «подходящего повода») представился весной 1849 г., когда контрреволюция считала, что наступил час ее победы в Пруссии.

Как мы видим, документы полицейских архивов заслуживают самого серьезного внимания. Вынужденное признание со стороны врагов представляет особую ценность. Опасения прусских властей, что высылка Маркса может явиться толчком к народному выступлению в Кёльне и к протесту со стороны депутатов ландтага, являются свидетельством огромного влияния, которое приобрела редакция «Neue Rheinische Zeitung» на демократическое движение не только в Рейнской провинции, но и во всей Германии.

* * *

Борьба за создание и укрепление «Neue Rheinische Zeitung» занимает центральное место в деятельности основоположников марксизма в период революции 1848—1849 годов. Широко используя газету для воздействия на широкие народные массы, Маркс, Энгельс и их соратники сумели сплотить вокруг нее пролетарских революционеров и демократов, активных участников и руководителей рабочих и демократических организаций Рейнской провинции и других частей Германии.

Именно в эти бурные революционные годы выковалась славная когорта пролетарских борцов, прошедших школу Союза коммунистов и посвятивших всю свою

жизнь борьбе за освобождение пролетариата. Члены Союза коммунистов, друзья, соратники и единомышленники Маркса и Энгельса сыграли выдающуюся роль в руководстве рабочим и демократическим движением в различных частях Германии.

На страницах «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс боролись за осуществление общего тактического плана, намеченного в программных документах Союза коммунистов. Они неустанно разъясняли, что германский пролетариат непосредственно заинтересован в доведении до конца буржуазно-демократической революции.

Благодаря неустанной организационной и публицистической деятельности Маркса и Энгельса и их соратников «Neue Rheinische Zeitung» стала «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата» [1]; вокруг ее знамени группировались лучшие представители рабочего и демократического движения. Располагая многочисленной армией друзей и сочувствующих, которые несли ее слово в народ, «Neue Rheinische Zeitung» много сделала для политического воспитания пролетариата. Велика ее роль и в сплочении демократических сил, в мобилизации их на борьбу против феодальной контрреволюции, за национальное единство и полную демократизацию политического и социального строя Германии. Опираясь на симпатии и поддержку народных масс, газета в течение целого года противостояла всем попыткам реакции заставить замолчать пролетарских революционеров. Под руководством Маркса и Энгельса «Neue Rheinische Zeitung» не только спасла революционную честь Рейнской провинции — она вписала славную страницу в летопись борьбы германского пролетариата за единую демократическую Германию.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 64.

*В. Н. ПОСПЕЛОВА*

# ПОЗИЦИЯ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В КРЕСТЬЯНСКОМ ВОПРОСЕ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 ГОДОВ В ГЕРМАНИИ

Аграрный вопрос в Германии в период революции 1848—1849 гг. имеет довольно обширную историографию, которая отражает взгляды различных классов на пути развития капиталистических отношений в Германии. В освещении этой проблемы ярко обнаруживается коренная противоположность между буржуазной и марксистской историографией. Буржуазные историки, занимавшиеся изучением аграрных отношений (Рейс, Иордан, Цикурш, Валентин [1] и др.), не давали глубокого анализа причин и характера крестьянского движения, обнаруживая неспособность правильно оценить его роль в революции, а подчас и сознательное стремление умалить эту роль. При этом все они совершенно игнорировали позицию Маркса и Энгельса по отношению к крестьянству в период революции 1848—1849 годов.

Роль крестьянства в буржуазно-демократической революции и тактика Маркса и Энгельса по отношению к крестьянству в революции 1848—1849 гг. в Германии впервые с настоящей глубиной были раскрыты в работах В. И. Ленина.

---

[1] *K. Reis.* «Agrarfrage und Agrarbewegung in Schlesien im Jahre 1848», Breslau, 1910; *E. Jordan.* «Die Entstehung der konservativen Partei und die preussischen Agrarverhältnisse von 1848», München, 1914; *J. Ziekursch.* «Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte», Breslau, 1927; *V. Valentin.* «Geschichte der deutschen Revolution von 1848—49», Berlin, 1930.

Из специальных работ советских историков следует отметить кандидатскую диссертацию Е. А. Ненастьевой на тему: ««Новая Рейнская газета» Маркса и Энгельса и аграрный вопрос в германской революции 1848—1849 гг.» (1951 г.). Интересный фактический материал и важные теоретические положения о роли крестьянства содержатся в работе Е. А. Степановой и С. З. Левиовой «Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848—1849 годов» (1955 г.).

Вопрос о том, как происходило формирование взглядов Маркса и Энгельса в отношении крестьянства, представляет большой интерес. Ряд важных положений по крестьянскому вопросу был сформулирован Марксом и Энгельсом еще накануне революции 1848—1849 годов. Революции в странах Европы дали возможность проверить эти положения на практике. Вместе с тем эти революционные события послужили основанием для новых теоретических обобщений, для развития марксистского положения о союзе пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической революции, а также в период подготовки пролетарской революции.

Маркс и Энгельс на основе анализа революционной борьбы в Германии и в ряде других стран (Италия, Австрия, Венгрия и др.) сформулировали идею о необходимости совместной борьбы пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической революции. Возглавив пролетарское крыло в немецком революционно-демократическом движении, они всей своей практической революционной деятельностью стремились провести в жизнь эту идею.

Об этом свидетельствует вся их деятельность в качестве редакторов и главных сотрудников «Neue Rheinische Zeitung», их непосредственное участие в демократических организациях и руководство этими организациями через своих соратников, использование ими этих организаций для мобилизации всех революционных сил в стране. Борьба Маркса и Энгельса, их соратников и единомышленников за вовлечение крестьянских масс в революцию, за осуществление и упрочение союза рабочих и крестьян в годы революции, нашла свое отражение в

демократической печати, в первую очередь в «Neue Rheinische Zeitung», а также в газетах кёльнского Рабочего союза: «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln», «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» и в газете «Neue Kölnische Zeitung für Bürger, Bauern und Soldaten».

Германия относилась к числу тех стран Европы, где аграрный вопрос был одним из центральных вопросов надвигавшейся революции. Результат предшествующего социально-экономического развития Германии ставил на очередь дня скорейшую ликвидацию феодальных отношений в деревне. Разрешение аграрного вопроса было тесно связано с другими насущными задачами. Оно в значительной мере обусловливало осуществление национального единства и демократизации страны, а также подъем ее производительных сил. От решения этого вопроса зависело, по какому пути пойдет дальнейшее социально-экономическое развитие Германии: по пути медленного и мучительного для народа приспособления помещичьего хозяйства к капиталистическим условиям или по пути радикальной ликвидации остатков феодализма и свободного развития капиталистических отношений.

Маркс и Энгельс считали крестьянство одной из движущих сил назревавшей в Германии революции. Поэтому они уделяли большое внимание отношению пролетариата к крестьянству.

В работах основоположников научного социализма, относящихся к предреволюционному и революционному периоду, дан анализ социального положения немецкого крестьянства, вскрыты корни экономического и политического гнета, который тяготел над ним, показана перспектива перехода неимущего крестьянства в ряды пролетариата.

Еще накануне революции Маркс и Энгельс указывали на потенциальные революционные силы, дремлющие в крестьянстве. Столетиями тяготевший над крестьянами феодальный гнет способствовал накоплению этих сил, сделав неизбежным революционный взрыв. Антифеодальная борьба в деревне особенно усилилась накануне революции. Однако, учитывая экономическое и политическое развитие Германии и анализируя

соотношение классовых сил накануне революции 1848 года, основоположники марксизма отмечали малочисленность и слабую сплоченность пролетариата и недостаточную сознательность и распыленность крестьянства. Поэтому Энгельс в работе «Конституционный вопрос в Германии» указывал, что политическое руководство общественным движением в Германии в то время неизбежно должно было еще принадлежать буржуазии [1].

И вместе с тем Маркс и Энгельс отмечали, что единственной подлинно революционной силой, хотя и объединенной в то время под знаменами буржуазии, был народ, т. е. «пролетарии, мелкие крестьяне и городская беднота» [2]. Еще до революции они отмечали соглашательские поползновения буржуазии, ее склонность к предательскому компромиссу с феодальными элементами и страх перед народным движением. Маркс и Энгельс считали, что пролетариат должен был объединить свои революционные усилия с антифеодальным движением крестьянства. Энгельс в статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» указывал, что коммунисты должны сплачивать революционные силы в лице пролетариата, мелкого крестьянства и городской бедноты и направлять борьбу этих сил против политического и социального гнета.

Маркс и Энгельс считали, что буржуазная революция в Германии явится лишь прологом к пролетарской революции. Поэтому ряд положений о крестьянстве они выдвигали, исходя из задач переходного периода. В «Манифесте Коммунистической партии» — этом программном документе научного коммунизма — Маркс и Энгельс указывали на двойственную природу крестьянства, в силу чего они не рассматривали крестьянство в условиях капитализма как самостоятельный революционный класс. В то же время они отмечали, что значительным слоям крестьянства предстоит переход в ряды пролетариата, поэтому крестьянство могло быть революционным и могло стать союзником пролетариата в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 55.

[2] Там же, стр. 206.

борьбе против эксплуататорского строя. Эта же мысль была развита у Энгельса в работе «Принципы коммунизма», где он указывал, что «большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и городских мелких буржуа, которые находятся еще только в стадии перехода в пролетариат, в осуществлении всех своих политических интересов все более зависят от пролетариата и потому вскоре должны будут присоединиться к его требованиям»[1]. В связи с этим Маркс и Энгельс писали о союзе пролетариата не со всем крестьянством, а лишь с мелким. Это обстоятельство было учтено ими, когда они вместе со своими соратниками, членами ЦК Союза коммунистов, вырабатывали в марте 1848 года развернутую программу пролетарской партии в германской революции — «Требования Коммунистической партии в Германии»[2].

В «Требованиях» была сформулирована аграрная программа, которая провозглашала полную и безвозмездную отмену всех феодальных повинностей, обращение в собственность государства княжеских и прочих феодальных земельных владений. Предусматривая, таким образом, революционное разрешение аграрного вопроса в интересах всего крестьянства, этот документ имел в виду и ряд мероприятий, которые должны были способствовать дальнейшему развитию революции в интересах пролетариата и беднейшего крестьянства. Такими мероприятиями были: организация на национализированных феодальных землях крупного сельскохозяйственного производства, национализация транспорта и кредита, создание национальных мастерских как формы организации труда. Имея в виду именно эти мероприятия, авторы «Требований» отмечали: «В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства — со всей энергией добиваться проведения в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только с их осуществлением миллионы, которые до сих пор эксплуа-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 332.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 1—3.

тировались в Германии небольшим числом лиц и которых будут пытаться и впредь держать в угнетении, смогут добиться своих прав и той власти, какая подобает им как производителям всех богатств» [1].

«Требования Коммунистической партии в Германии» стали программой борьбы для пролетарского крыла германской демократии.

Однако, вернувшись в Германию в апреле 1848 г., Маркс и Энгельс из конкретного анализа экономического развития и политической обстановки в Германии сделали выводы, что некоторые далеко идущие требования пролетариата, нацеленные на переход к пролетарской революции, придется на известное время отложить, ввиду отсутствия условий для их осуществления. На очереди тогда стояла задача организации широкого демократического движения и вовлечения в это движение всей массы крестьянства. Поэтому Маркс и Энгельс использовали все возможные средства для усиления агитации среди крестьянства. Особо важную роль в этом деле сыграла «Neue Rheinische Zeitung». Будучи органом революционного пролетарского крыла германской демократии, эта газета определяла основное направление борьбы демократических сил и давала лозунги народным массам. На страницах «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс выступили в защиту угнетенного крестьянства, показывая его бедственное положение и бичуя правительство за затягивание отмены феодальных повинностей.

Своей публицистической деятельностью Маркс и Энгельс стремились активизировать крестьян, поддерживая все крестьянские антифеодальные движения, составлявшие по своему характеру и целям одну из важнейших составных частей общедемократического движения.

Под влиянием революционных выступлений крестьян и крестьянских петиций и адресов на повестку дня прусского Национального собрания был поставлен вопрос о ликвидации феодальных отношений в деревне. 24 июня 1848 г. на заседании Собрания обсуждалась записка министра торговли, промышленности и общественных работ

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 3.

Патова о выкупе феодальных повинностей. Энгельс писал по этому поводу:

«Читая эту записку, никак не поймешь, почему в старопрусских провинциях давно уже не вспыхнула крестьянская война. Какая бездна повинностей, оброков, поборов, какая путаница средневековых названий, одно бессмысленнее другого!» [1]

Буржуазия, находившаяся тогда у власти, пыталась сыграть роль посредника между помещиками и крестьянами. С одной стороны, прусская буржуазия, напуганная ростом крестьянского движения (особенно в Силезии), ставила вопрос об отмене феодальных повинностей, но, с другой стороны, представители правого крыла в прусском Национальном собрании предлагали законопроекты, предусматривающие безвозмездную отмену только незначительных феодальных повинностей. В отношении основной массы повинностей представители буржуазии предлагали выкуп на выгодных для дворянства условиях, выступая против отмены этих повинностей революционным путем.

На страницах «Neue Rheinische Zeitung» неустанно разоблачалась половинчатая политика прусского буржуазного правительства Кампгаузена — Ганземана по отношению к крестьянству. Газета бичевала трусливую позицию представителей правого крыла и нерешительность левых в прусском Национальном собрании.

«Neue Rheinische Zeitung» явилась органом демократического народного движения не только Рейнской провинции, где она издавалась, но и всей Германии. Рейнская провинция не являлась характерной для Германии областью в смысле социально-экономических отношений, в особенности в деревне. Основные феодальные повинности в Рейнской провинции были отменены после французской буржуазной революции конца XVIII века, в то время как в других областях Германии, и в частности в Пруссии, еще в значительной степени сохранились феодальные порядки, несмотря на то, что в 1807—1811 гг. было проведено формальное упразднение крепостного права. Поэтому «Neue Rheinische Zeitung» уде-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 5, стр. 110.

ляла большое внимание положению крестьянства и крестьянскому движению в других частях Германии, где был особенно силен феодальный гнет.

В соответствии с основной тактической линией Маркса и Энгельса в буржуазно-демократической революции в Германии «Neue Rheinische Zeitung» широко освещала бедственное положение крестьянства, крестьянские антифеодальные выступления. Основываясь на сообщениях своих многочисленных корреспондентов, «Neue Rheinische Zeitung» отмечала все известные ей наиболее существенные факты крестьянских выступлений в различных частях Германии.

17 июня 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» сообщала о сильном возбуждении сельского населения в Силезии, которое ожидало, что берлинское Национальное собрание отменит средневековые повинности безвозмездно. Ожидания крестьян, однако, не оправдывались, и недовольство их нарастало с каждым днем. Видя бесплодность деятельности Берлинского собрания, народ, как отмечала «Neue Rheinische Zeitung», вспоминал пословицу: «Помогай себе сам, тогда и бог тебе поможет!»[1]. «Neue Rheinische Zeitung» писала, что феодальные подати в Силезии сохранены в полном объеме, они выкупаются крестьянами с большим трудом.

В резкой, обличительной форме «Neue Rheinische Zeitung» вскрывала непримиримые социальные и экономические противоречия между помещиками и крестьянами. Газета противопоставляла помещикам, владеющим огромными латифундиями,— крестьян, задавленных феодальными повинностями, живущих за счет обработки нищенски ничтожных клочков земли.

Вместе с тем, газета отмечала неоднородность и самого крестьянства, среди которого выделялись зажиточные элементы, богатевшие за счет разорения и полного обезземеливания бедняков. Характеризуя крестьянство, «Neue Rheinische Zeitung» писала о наличии следующих категорий среди крестьян:

1. Крестьяне, владеющие от $1/2$ до 3—4 и больше гуф земли, которые будут довольны, если феодальные

[1] «Neue Rheinische Zeitung» № 17, 17.VI.1848.

повинности и другие помещичьи привилегии будут отменены безвозмездно.

2. Мелкие собственники, владеющие только несколькими моргенами земли, которые уже не довольствовались только отменой феодальных повинностей и требовали расширения земельного надела; они добивались получения такого участка земли, чтобы можно было без нужды прожить с семьей.

3. «Häusler» — безземельные крестьяне, требовавшие, следовательно, еще больше, т. е. вообще наделения их землей.

4. Многочисленный сельский пролетариат (Inlieger, Hofeknechte и др.).

Этот сельский пролетариат уже противостоял не только помещикам, но и зажиточным крестьянам, имевшим несколько гуф земли [1].

Борясь за вовлечение в демократическое движение всей массы крестьянства, «Neue Rheinische Zeitung» вместе с тем выделяла сельский пролетариат как наиболее близкую пролетариату и наиболее революционно настроенную часть крестьянства.

«Neue Rheinische Zeitung» внимательно следила за крестьянским движением и освещала на своих страницах все сколько-нибудь значительные антифеодальные и антиправительственные выступления.

В сообщениях из Мюнхена (Бавария) газета писала об отказе крестьян двух деревень от уплаты налогов. Для подавления этого выступления была применена военная сила [2].

В августе 1848 г. газета отметила выступление поденщиков (Taglöhner) в деревнях близ Шверина против расположившихся там войск [3]. Характерно, что крестьяне выступали не только против феодального гнета, но и против гнета прусской военщины.

Маркс и Энгельс обращали большое внимание на такие крестьянские выступления, которые были связаны с рабочим движением. Высоко оценивалась Энгельсом

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung» № 20, 20.VI.1848.
[2] «Neue Rheinische Zeitung» № 59, 29. VII. 1848.
[3] «Neue Rheinische Zeitung» № 72, 11.VIII.1848.

поддержка, которую оказали рабочим Франкфурта во время сентябрьского восстания 1848 г., вызванного заключением германо-датского перемирия, крестьяне прилегающего к Франкфурту района. Следует особо отметить, что это выступление рабочих и крестьян было вызвано политическими событиями. Это свидетельствовало о начале активного вмешательства крестьян в политические события.

«Neue Rheinische Zeitung» не только приветствовала отдельные выступления крестьян, но и указывала на большую важность повсеместного создания крестьянских организаций. Например, осенью 1848 г. во время новой вспышки крестьянского движения в Силезии газета отмечала, что крестьяне, объединенные в крестьянские союзы в округах, смогут совместными усилиями противодействовать реакционным проискам помещиков. В Силезии состоялся съезд 18 окружных союзов, на котором присутствовало 400 делегатов. Этот съезд принял петицию к Берлинскому собранию, в которой выдвигались требования равномерного распределения налогов на землю и безвозмездной отмены феодальных повинностей.

«Neue Rheinische Zeitung» указывала, что в руководстве этими крестьянскими союзами приняли участие демократы. В состав Центрального комитета окружных союзов было избрано 6 демократов. Газета отмечала этот факт как положительный не только для крестьянских союзов, но и для самих демократов, которые стали опираться на широкое крестьянское движение [1].

Отмечая усиление крестьянского движения в Силезии осенью 1848 г., «Neue Rheinische Zeitung» приводила на своих страницах многочисленные факты коллективных выступлений сельского населения за отмену феодальных повинностей. Крестьяне не только выдвигали требования отмены повинностей, но на деле отменяли их, отказываясь вносить платежи и выполнять повинности помещикам. Например, в Хиршберге крестьяне, объединившись, решили не вносить больше платежей.

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung» № 92, 2.IX.1848.

Они решили установить штраф для тех, кто станет вносить их.

Нередки были случаи, когда крестьяне на местах расправлялись со своими помещиками. «Neue Rheinische Zeitung» сообщала о фактах нападения на помещичьи имения в различных местах Силезии. Крестьяне разрушали замки, уничтожали акты записей повинностей. Как правило, для подавления крестьянских выступлений правительство было вынуждено применять довольно крупные военные силы [1].

Популяризируя революционные действия силезских крестьян, «Neue Rheinische Zeitung» пропагандировала среди всего немецкого крестьянства революционные методы борьбы с пережитками феодализма, способствовала усилению классовой борьбы в Германии. Газета рассеивала иллюзии тех крестьян, которые верили в то, что Франкфуртское собрание якобы уже отменило феодальные поборы, но от них эти решения незаконно утаиваются [2].

Для вовлечения крестьянства в революционную борьбу Маркс и Энгельс не только вели печатную пропаганду, они сделали практические шаги к установлению союза революционно-демократических сил города, ядро которых составлял городской пролетариат, с революционными массами деревни. Под влиянием пролетарского крыла, возглавляемого Марксом и Энгельсом, демократические организации Рейнской провинции и Вестфалии стали осуществлять идею сплочения демократических сил. Три демократических союза Кёльна: Демократическое общество, Рабочий союз и Союз рабочих и работодателей избрали 25 июня 1848 г. свой объединенный центр — Окружной комитет демократических союзов Рейнской провинции. В августе 1848 г. Окружной комитет созвал конгресс демократических организаций Рейнской провинции и Вестфалии. В работе конгресса приняли участие Маркс и Энгельс. По решению конгресса демократические союзы должны были

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung» №№ 99, Beilage и 104, 10 и 16.IX.1848.

[2] «Neue Rheinische Zeitung» № 99, Beilage, 10.IX.1848.

развернуть агитационную работу среди крестьян и фабричных рабочих, основывать союзы в деревнях и поддерживать с ними регулярную связь [1].

Большую работу в этом направлении проделал кёльнский Рабочий союз. Маркс и Энгельс оказывали большое влияние на деятельность Рабочего союза. Через Шаппера, Молля, Рёзера, Аннеке и других членов Союза коммунистов они направляли деятельность кёльнского Рабочего союза по созданию единого массового фронта демократических сил. В октябре 1848 г. Маркс был избран председателем кёльнского Рабочего союза.

Сразу же после конгресса демократических организаций Рейнской провинции и Вестфалии члены кёльнского Рабочего союза развернули большую работу среди крестьян. Так, орган кёльнского Рабочего союза газета «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» сообщала о том, что 26 августа несколько членов кёльнского Рабочего союза проводили беседы с крестьянами местечка Воринген (близ Кёльна). Используя революционные настроения крестьян, они организовали среди них демократический союз по типу кёльнского Рабочего союза. В связи с этим газета кёльнского Рабочего союза писала: «Крестьяне и рабочие являются главной опорой государства, но в большинстве своем они угнетены... В крестьянском и рабочем сословии заложены революционные силы Германии... Если крестьяне и рабочие объединятся, если они крепче сплотятся, то они скоро освободятся от феодального гнета, от ростовщичества, от гнета капитала. Мы призываем членов Рабочего союза в городах связываться со своими братьями в деревне» [2].

Газета сообщала об организации народных (Volksvereine) и крестьянских (Bauernvereine) союзов в различных частях Германии, о многочисленных собраниях и выступлениях сельского населения [3].

Сообщая о народном собрании в Мерзебурге, газета указывала, что «дело демократии находит в здешней

---

[1] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» № 29, 7.IX.1848.

[2] Там же.

[3] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» №№ 32 и 34, 17 и 24.IX.1848.

провинции среди сельского населения и особенно ремесленников широкую почву... Всюду образуются новые демократические союзы»[1].

Широкую агитацию среди крестьянства развернула созданная в сентябре 1848 г. членами комитета кёльнского Рабочего союза Аннеке и Бейстом «Neue Kölnische Zeitung für Bürger, Bauern und Soldaten». В своей программе газета писала, что особое внимание она будет уделять мелким крестьянам и поденщикам. Газета ставила своей задачей повышать классовую сознательность трудящегося народа, в том числе крестьян[2].

«Neue Kölnische Zeitung», как и «Neue Rheinische Zeitung», сообщала о крестьянских выступлениях против помещиков, о бедственном положении крестьянства всей Германии. Она указывала на рост республиканских настроений среди сельского населения[3].

Вслед за «Neue Rheinische Zeitung» газета отмечала подъем крестьянского движения в Силезии, воспроизводя многочисленные петиции и адреса Национальному собранию в Берлине с требованием безвозмездной отмены феодальных повинностей и установления свободного общинного порядка.

Подобные же адреса посылали и крестьяне Вестфалии. В этих адресах наряду с общекрестьянскими требованиями отмены феодальных привилегий, содержались специальные требования безземельных и малоимущих крестьян (о наделении землей и т. д.)[4].

Кёльнский Рабочий союз, руководимый в то время Марксом, стремился расширять и направлять стихийное движение крестьян на разрешение общедемократических задач революции. Поэтому на заседании комитета кёльнского Рабочего союза 6 ноября было принято решение об усилении агитации среди крестьян, о распространении специальных требований в деревнях[5].

---

[1] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» № 34, 24.IX.1848.

[2] «Neue Kölnische Zeitung für Bürger, Bauern und Soldaten» № 1, 10.IX.1848.

[3] «Neue Kölnische Zeitung» № 2, 12.IX; № 6, 16.IX; № 7, 17.IX; № 8, 19.IX; № 46, 9.XI; № 47, 10.XI; № 77, 15.XII.1848.

[4] «Neue Kölnische Zeitung» № 7, 17.IX.1848.

[5] «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» № 8, 19.XI.1848.

В ноябре 1848 г. в связи с наступлением контрреволюции и готовившимся разгоном прусского Национального собрания Маркс и Энгельс выступили за массовое движение против уплаты налогов.

После того, как 15 ноября 1848 г. Национальное собрание приняло решение об отказе от уплаты налогов, демократические организации Рейнской провинции во главе с Марксом наметили ряд практических мероприятий по борьбе с контрреволюцией. Они призывали население оказывать вооруженное сопротивление насильственному взиманию налогов, организовывать вооруженные отряды, избирать комитеты безопасности. Движение, начавшееся в Рейнской провинции, охватило и другие части Германии. В этом движении «Neue Rheinische Zeitung» заняла ведущие позиции.

Революционная агитация возымела свое действие. На местах начались революционные столкновения с властями. Крестьяне нередко выступали вместе с городскими жителями, например, в Рейнской провинции, в Силезии [1].

Для крестьянства, которое и раньше стихийно выступало против феодального гнета помещиков, это участие в общедемократическом движении сыграло большую мобилизующую роль. Многие крестьяне сразу же откликнулись на призыв «Neue Rheinische Zeitung». Так, газета сообщала из Дюссельдорфа о собрании сельского населения, решившего не платить никаких налогов и арендной платы существующему правительству [2]. Правительство ответило на это движение усилением репрессий.

В условиях обострения классовой борьбы в стране в ноябре — декабре 1848 г., рассчитывая на новый подъем революционного движения, Маркс и Энгельс призывали демократов возглавить крестьянские выступления и связать их с выступлениями рабочих. На заседании комитета кёльнского Рабочего союза 23 ноября было

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung» № 147, Zweite Ausgabe, 19.XI; № 149. 22.XI.1848; «Neue Kölnische Zeitung» № 56, 21.XI; № 70, 7.XII.1848.

[2] «Neue Rheinische Zeitung» № 146, Außerordentliche Beilage, 18.XI.1848.

принято решение послать специальных эмиссаров в деревни [1].

Однако новое усилие революционного народа не увенчалось успехом. Несмотря на попытки рабочих и демократов Рейнской провинции, руководимых Марксом, Энгельсом и их соратниками, организовать отпор контрреволюции, движение все же пошло на убыль. Это объяснялось главным образом слабостью местного руководства: мелкобуржуазные демократы не смогли твердо отстаивать революционные позиции. Крестьянство же во время революции оставалось еще в основной своей массе темным и забитым. Движение его большей частью было стихийным и неорганизованным. Крестьянство в значительной мере находилось под влиянием либеральной буржуазии, так как пролетариат из-за своей малочисленности, слабости и недостаточной организованности не был еще такой силой, которая смогла бы возглавить крестьянское движение.

В ходе революции выяснилось, что немецкая буржуазия изменила интересам народа и пошла на сговор с контрреволюцией. Маркс заклеймил германскую буржуазию за то, что она предала в 1848 г. своих естественных союзников-крестьян, «без которых она бессильна против дворянства» [2]. Германская буржуазия своей трусливой политикой, нежеланием освободить крестьян от феодального гнета обанкротилась в глазах народа. Своим предательством она помогла победе контрреволюции в Германии.

Весной 1849 г. начался завершающий этап в развитии германской революции, связанный с начавшейся в Германии борьбой за имперскую конституцию и вспыхнувшими под лозунгом защиты конституции восстаниями в Саксонии, Рейнской провинции, Пфальце и Бадене. В это время Маркс и Энгельс выступили с новой тактической линией в революции, обусловленной изменившейся расстановкой классовых сил. В надвигавшейся решающей схватке с контрреволюцией нужно было вести борьбу не только против крупной буржуа-

[1] «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» № 11, 30.XI.1848.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 299.

зии, необходимо было преодолеть трусость, неустойчивость и колебания представителей буржуазной и мелкобуржуазной демократии, выдвинувшихся в лидеры движения после открытой измены либеральной буржуазии. Поэтому основное внимание Маркс и Энгельс уделяли пролетариату и неимущему крестьянству, как решающим силам в предстоящей борьбе. В это время они ставили задачу освобождения пролетариата от влияния не только буржуазных либералов, но и мелкобуржуазных демократов, проявивших колебания и неустойчивость. Маркс и Энгельс практически поставили вопрос об организационном размежевании с мелкобуржуазными демократами, о создании самостоятельной пролетарской партии.

Такая линия отнюдь не исключала совместных действий пролетариата и трудящегося крестьянства с мелкой буржуазией, но она означала ориентировку на бо́льшую самостоятельность рабочего класса в этой совместной борьбе, на противопоставление его последовательных позиций неустойчивости мелкой буржуазии.

В связи с этим усиливается борьба вождей рабочего класса за пролетарское влияние на крестьянство, за вовлечение крестьян в революционную борьбу и особое внимание уделяется мелкому крестьянству.

Этот период в развитии германской буржуазно-демократической революции явился новым тактическим этапом в постановке Марксом и Энгельсом крестьянского вопроса. Снова положение о мелком крестьянстве, выдвинутое в «Требованиях Коммунистической партии в Германии», становится на первый план.

«Neue Rheinische Zeitung» отмечала в это время новый этап в крестьянском движении. Неимущие крестьяне выступают со своими собственными требованиями, которые носят не только экономический, но и политический характер.

Так, поденщики из Мекленбурга составили адрес, под которым подписалось 70 000 человек. Они требовали равенства всех перед судом, введения общинного порядка в дворянских имениях, отмены существовавших контрактных работ (одного из видов кабального договора), утверждения закона, ограничивающего

размер дворянских имений, причем, с условием, что $^{1}/_{3}$ каждого имения сможет купить община по подходящей цене, и др.[1].

Особое внимание в это время уделяла «Neue Rheinische Zeitung» опять-таки крестьянскому движению в Силезии, где классовые противоречия в деревне были наиболее обострены, где крестьяне находились под двойным гнетом помещиков и ростовщиков-буржуа, а также зажиточных крестьян и где борьба малоимущих и неимущих слоев деревни выделялась отчетливее всего. Так, сельскохозяйственные рабочие Силезии выступали со своими особыми требованиями, сводившимися к следующим пунктам:

1. Государство должно гарантировать рабочим за поденную работу такую заработную плату, на которую они смогли бы прожить с семьей. Должен быть установлен необходимый прожиточный минимум.

2. Государственные и церковные имения должны сдаваться мелкими участками беднякам за умеренную арендную плату.

3. Налоги, тяжесть которых лежит в основном на бедняках, должны быть перераспределены, с тем чтобы налоговое бремя несли также и имущие; излишние государственные расходы должны быть совсем отменены.

4. Выборы и голосование в государстве должны быть всеобщими, прямыми, и т. д.[2].

Очень большое значение в этот период имели статьи одного из ближайших соратников Маркса и Энгельса — В. Вольфа о силезском крестьянстве, опубликованные в «Neue Rheinische Zeitung». Выходец из крестьянской семьи, Вильгельм Вольф сам познал горькую долю подневольного труда. Он прекрасно знал всю систему феодальных повинностей не только в Силезии, но и во всей Пруссии. Поэтому в редакции «Neue Rheinische Zeitung» он считался наиболее компетентным по крестьянскому вопросу и его статьи наряду со статьями Маркса и Энгельса полностью выражали точку зрения

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung» № 257, 28.III.1849.
[2] Там же.

всей редакции «Neue Rheinische Zeitung». Особое место среди статей Вольфа занимает серия о «Силезском миллиарде».

Вольф показал в этой серии, как на протяжении десятков лет прусские юнкеры и силезские помещики грабили крестьян, взимая с них множество различных феодальных поборов. Он подсчитал, что сумма поборов, взысканных помещиками с силезских крестьян, достигает почти миллиарда талеров. Вольф призывал крестьян требовать возвращения силезского миллиарда.

Вместе с тем Вольф наглядно показал, что крестьянство не представляло собой однородную массу, что из среды крестьян уже выделялись: 1) крестьяне-буржуа, владеющие 3—4 и более гуфами земли; 2) имущие крестьяне, владеющие 2 и более гуфами земли; 3) огородники, свободные, выгонные (Auenhäusler) крестьяне, имевшие хижину и небольшой огород; 4) и, наконец, многочисленная группа крестьян без земли и без дома,— то есть сельский пролетариат [1].

Вольф указывал, что последняя категория крестьян находится в самом тяжелом положении. Она не только лишена земли, но, кроме того, еще должна платить различные налоги. Хотя сельские пролетарии не зависели уже непосредственно от помещика, однако, дворянство находило различные предлоги, под которыми взимало с неимущих различные поборы («охранные деньги», государственные налоги: подоходный налог, сборы на школу и церковь, общинные сборы) [2].

Вольф призывал крестьян вступить в решительную борьбу за свои права и законные требования. Для того чтобы улучшить свое положение,— писал он, обращаясь к крестьянам,— необходимо изменить существующий государственный строй [3].

Выступления Вольфа на страницах «Neue Rheinische Zeitung» отражали позицию Маркса и Энгельса по крестьянскому вопросу, их линию на вовлечение широких слоев трудящихся крестьян в борьбу за последовательное

---

[1] *W. Wolff.* «Die Schlesische Milliarde». Berlin, 1954, S. 58, 82.
[2] Там же, стр. 82—83.
[3] Там же, стр. 90—91, 110.

разрешение задач буржуазно-демократической революции и подготовку условий для перехода к революции пролетарской.

Однако революционная борьба народа в 1848—1849 гг. не увенчалась успехом. Преданные либеральной буржуазией, которая предпочла отказаться от притязаний на политическое господство и заключить союз с юнкерами, покинутые в решающие минуты колеблющимися и неустойчивыми представителями мелкобуржуазной демократии, пролетариат и крестьянство не были еще в состоянии, в силу своей слабости и классовой разобщенности, дать отпор контрреволюции и довести революцию до конца. Кроме того, предательское поведение буржуазии и трусливая политика мелкобуржуазных демократов в значительной степени сковали революционную активность крестьянства, среди которого преобладало буржуазное и мелкобуржуазное влияние.

Пролетариат в Германии в 1848—1849 гг. оказался еще довольно малочисленным и слабо организованным, чтобы сплотить вокруг себя революционные силы и одержать победу в революции.

Несмотря на то, что буржуазно-демократическая революция в Германии потерпела поражение, революционный народ в лице пролетариата и крестьянства показал своей самоотверженной борьбой, что он таит в себе огромный запас революционной энергии.

Важнейшую роль в деле политического воспитания, организации и сплочения пролетариата и крестьянства сыграла «Neue Rheinische Zeitung», которая на всем протяжении революции энергично и последовательно отстаивала наряду с интересами пролетариата также и интересы крестьянства.

Замечательным образцом тактики пролетариата по отношению к крестьянству в буржуазно-демократической революции явилась в 1848—1849 гг. деятельность Маркса и Энгельса и руководимой ими «Neue Rheinische Zeitung». Используя антифеодальное движение в стране, Маркс и Энгельс вели борьбу за мобилизацию всех демократических сил. Они ставили своей задачей поднять *все* крестьянство на борьбу против феодально-абсолютистского строя.

Когда окончательно обнаружилась измена буржуазии и неспособность мелкобуржуазной демократии стать лидером движения, Маркс и Энгельс еще больше утвердились в своих выводах о том, что только революционный народ — пролетариат в союзе с крестьянством и городской мелкой буржуазией способен довести до конца демократический переворот.

Маркс и Энгельс предвидели, что после свержения феодально-абсолютистского строя интересы пролетариата и буржуазии разойдутся. Пролетариат вместе с беднейшим крестьянством должен будет выступить против буржуазии. Поэтому на завершающем этапе революции основное внимание они уделяли сельскому пролетариату и мелкому крестьянству, как союзникам рабочего класса в будущем переходе от революции буржуазной к пролетарской.

Революция 1848—1849 гг. в Германии явилась важнейшим этапом в развитии взглядов основоположников марксизма по крестьянскому вопросу. На опыте революции Маркс и Энгельс убедились в том, что крестьянство является мощной революционной силой в борьбе за разрешение задач буржуазно-демократической революции, союзником пролетариата в этой борьбе. Без активного участия крестьянства буржуазно-демократическая революция не может завершиться. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что на буржуазно-демократическом этапе революции необходимо использовать революционную энергию всего крестьянства. На основании уроков буржуазно-демократических революций 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс подошли к идее гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Анализируя итоги революции 1848—1849 гг. в Германии, а также во Франции, они пришли к выводу, что революционные возможности крестьян следует использовать и в борьбе против буржуазного строя. Эту мысль позже, в 1856 году, Маркс сформулировал так: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. 1953, стр. 86.

Ожидая вслед за революцией 1848—1849 гг. в Германии нового революционного подъема, Маркс и Энгельс в марте 1850 г. в «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» сделали набросок расстановки классовых сил после победы буржуазно-демократической революции:

«Как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом» [1].

Ленин развил идеи Маркса и Энгельса в стройную теорию о союзе рабочего класса и крестьянства в буржуазно-демократической революции, о гегемонии пролетариата в этой революции и о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 7, стр 265.

*М. А. КОЧЕТКОВА*

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В КЁЛЬНСКОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*(апрель—октябрь 1848)*

Деятельность Маркса и Энгельса в кёльнском Демократическом обществе составляет неотъемлемую часть практической революционной деятельности Маркса и Энгельса в революции 1848—1849 гг. в Германии.

Возглавляя во время революции наиболее передовые пролетарские элементы Германии, Маркс и Энгельс не противопоставляли особые задачи пролетариата в германской революции общедемократическим требованиям. Они были наиболее последовательными борцами за доведение до конца буржуазно-демократической революции, что должно было, по их убеждению, подготовить почву для пролетарской революции. Руководствуясь тактическими принципами, провозглашенными еще в «Манифесте Коммунистической партии», Маркс и Энгельс стояли за сплочение сил демократического лагеря, за союз пролетарских революционеров с мелкобуржуазными и буржуазными демократами. Такая тактика отнюдь не исключала, а, наоборот, предполагала критику со стороны пролетарских революционеров ошибочных взглядов и политических колебаний их мелкобуржуазных союзников. Тактика Маркса и Энгельса была рассчитана на то, чтобы побуждать демократов идти вперед, а главное, вовлекать в движение самые широкие слои народа. Маркс и Энгельс стремились использовать для этой цели широкую сеть демократических и рабочих организаций, создававшуюся в Германии после мартовской революции. Опираясь на эти организации, они старались сплотить массы вокруг лозунгов борьбы за объединение

Германии революционно-демократическим путем, за коренные революционные преобразования во всем ее общественном и политическом строе.

Знаменосцем этих революционных идей, могучим органом сплочения масс явилась в годы революции издаваемая Марксом и Энгельсом «Neue Rheinische Zeitung». Исходя из этих революционных принципов, Маркс и Энгельс определили свое отношение ко всему демократическому движению в Германии в эти годы, в том числе и к демократическому движению в Рейнской провинции, одним из организационных и политических центров которого явилось кёльнское Демократическое общество.

Вопрос о деятельности основоположников марксизма в кёльнском Демократическом обществе сравнительно мало освещен в исторической литературе.

Буржуазные историки, сознательно замалчивавшие участие Маркса и Энгельса в демократическом и рабочем движении Германии вообще и Рейнской провинции, в частности, игнорировали их роль в руководстве кёльнским Демократическим обществом во время германской революции 1848—1849 годов.

Объективистски преподносит материал, освещающий деятельность Маркса и Энгельса в кёльнском Демократическом обществе, буржуазный историк Кюн. Собрав в своей книге «Молодой Герман Беккер» [1] ряд документов о деятельности демократических организаций Кёльна, использовав материал из демократических газет того времени, в том числе и из газеты «Der Wächter am Rhein», Кюн ограничился по существу простой подборкой выдержек из документов, не сделав из них почти никаких выводов и обобщений. В ряде случаев он приходит к неправильным выводам.

Известный немецкий историк-марксист Франц Меринг в своей работе «Карл Маркс» [2], писал о том, что Маркс стоял во главе кёльнского Демократического общества, но подробно не останавливался на деятельности вождей пролетариата в этой организации.

Более обстоятельно рассмотрена эта тема в работах советских историков.

[1] *W. Kühn.* «Der junge Hermann Becker». Dortmund, 1934.
[2] *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни». 1957.

Деятельности Маркса и Энгельса в кёльнском Демократическом обществе уделяет внимание Е. А. Степанова в своей работе «Фридрих Энгельс»[1] и в статье «Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848—1849 гг.», опубликованной в сборнике «К столетию революции 1848 года» (1949 г.). Некоторый материал в связи с этим приводится в сборнике «Революции 1848—1849», изданном Академией наук СССР (1952 г.).

Ряд сведений об обстоятельствах, связанных с вступлением Маркса в кёльнское Демократическое общество, приведен в книге немецкого историка-коммуниста К. Обермана «Немецкие рабочие в революции 1848 года»[2]. Однако историками ГДР, как и советскими историками этот вопрос еще в полной мере не исследован.

В основу данной статьи положены материалы, взятые главным образом из демократической прессы 1848 года: из «Neue Rheinische Zeitung», газеты «Der Wächter am Rhein», «Neue Kölnische Zeitung» и др., а также из буржуазных органов: «Kölnische Zeitung», «Elberfelder Zeitung», «National Zeitung» и других. Изучение всех этих материалов дает более полное представление о кёльнском Демократическом обществе и об участии в его работе Маркса и Энгельса.

Говоря о кёльнском Демократическом обществе нельзя, хотя бы кратко, не остановиться на той роли, которую играл Кёльн и кёльнская демократия в общедемократическом движении в Германии в период после мартовской революции 1848 года.

Кёльн, один из крупнейших и наиболее развитых в промышленном отношении городов Пруссии, центр Рейнской провинции (наиболее передовой в экономическом и политическом отношении части Германии) был в то время также одним из главных центров революционного движения в Германии. Кёльнская демократия того периода объединялась в трех крупных организациях: Демократическом обществе, Рабочем союзе и Союзе рабочих и работодателей.

[1] *Е. А. Степанова.* «Фридрих Энгельс». Второе, дополненное издание, 1956.

[2] *К. Obermann.* «Die deutschen Arbeiter in der Revolution von 1848». Berlin, 1953.

Кёльнское Демократическое общество образовалось в апреле 1848 года. Оно возникло, так же как и другие демократические и рабочие организации того периода в результате подъема демократического движения и роста активности демократических элементов в Рейнской провинции после мартовских событий в Германии. В различных органах печати того времени (в «Kölnische Zeitung», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Elberfelder Zeitung» и др.) с конца апреля 1848 г. все чаще появляются сообщения о народных собраниях в зале ресторации Штольверка, обсуждавших различные политические вопросы и носивших подчас весьма бурный характер.

Вот, например, как описывает корреспондент консервативной буржуазной газеты «Elberfelder Zeitung» одно из таких собраний: «19 апреля 1848 г. ...состоялось под председательством Шнейдера II народное собрание у Штольверка для обсуждения избирательной программы. На пригласительных билетах крупными буквами было написано: «Вход свободный», поэтому, очевидно, так и получилось, что бо̀льшая часть собравшихся состояла из людей, которых здесь называют «стопроцентными демократами» — рейнских рабочих, фабричных парней и т. п., хотя некоторые честные бюргеры также были представлены. Больше других говорили гг. Шнейдер, Д'Эстер, Борхардт и Боль. Все речи и «за» и «против» сопровождались громовыми аплодисментами; однако за всю свою жизнь я еще никогда не слышал такого бурного восторга, какой вызвал г-н Хоффарт, или Хохфарт, вдруг прервавший обсуждение и закричавший: «Господа, республика! Кто за нее, становитесь на мою (левую) сторону, а кто против — на правую». Все устремились с буйным ликованием на левую сторону» [1].

На одном из этих народных собраний и было образовано, 25 апреля 1848 г., Демократическое общество.

«Общество, собиравшееся в Штольверкском зале,— сообщает в корреспонденции от 26 апреля 1848 г. «Deutsche Allgemeine Zeitung»,— конституировалось вчера как Демократическое общество (клуб). Оно будет

[1] «Elberfelder Zeitung» № 116, 26.IV.1848.

по всей вероятности действовать совместно с демократически-социалистическим клубом д-ра Готшалька, который заседает в другом помещении, и с Рабочим союзом, основным оратором и главой которого является тот же Готшальк. Прежде всего деятельность этого общества будет направлена на то, чтобы провести как можно больше выборщиков своего толка на приближающихся выборах»[1].

12 мая 1848 г. состоялось первое заседание Общества[2] для выборов комитета на основании принятого 25 апреля народным собранием устава.

Устав кёльнского Демократического общества дает нам ясное представление о характере этой организации.

Согласно уставу, целью Общества являлось обсуждение и отстаивание интересов народа.

Членом Общества мог быть всякий, записавшийся и уплативший, по меньшей мере, 1 зильбергрош за месяц.

Заседания Общества назначались еженедельно. Они должны были быть открытыми. Протоколы заседаний подлежали опубликованию.

Право решающего голоса имели только члены Общества.

Во главе Общества должен был стоять комитет для ведения дел и организации дебатов, избранный из состава членов Общества и состоящий из 25 человек. Этот комитет переизбирался каждые полгода.

Из числа членов комитета избирался председатель[3].

Как уже видно из приведенных выше данных, кёльнское Демократическое общество было безусловно массовой, хотя и чрезвычайно пестрой по своему составу, организацией. В него входили представители мелкой буржуазии, рабочие, ремесленники, демократически настроенные офицеры.

Во главе Общества стояли мелкобуржуазные демократы и радикалы: Шнейдер II, Герман Генрих Беккер, Д'Эстер, Борхардт, Вейль, К. Крамер и др. Некоторые из них в разные периоды своей жизни примыкали к

---

[1] «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 120, Beilage, 29.IV.1848.
[2] «Trier'sche Zeitung» № 137, 16.V.1848.
[3] «Kölnische Zeitung» № 132, 11.V.1848.

коммунистическому движению, были связаны с Марксом и Энгельсом.

Председатель Общества, Карл Шнейдер II, был кёльнским адвокатом. В 1848 г. он избирается членом Рейнского окружного комитета демократов. В феврале 1849 г. Шнейдер II выступает в качестве защитника Маркса и Энгельса на процессе «Neue Rheinische Zeitung». Вместе с Марксом и Шаппером Шнейдер II является одним из обвиняемых на процессе Рейнского окружного комитета демократов 8 февраля 1849 года. Впоследствии — в 1852 г.— он выступал защитником на кёльнском процессе коммунистов.

Другим крупным деятелем кёльнского Демократического общества был Герман Генрих Беккер — один из руководителей Союза рабочих и работодателей в Кёльне, ставший затем редактором «Westdeutsche Zeitung», с 1850 г.— членом Союза коммунистов. В 1852 г. Беккер фигурирует в качестве обвиняемого на кёльнском процессе коммунистов. Однако впоследствии он отходит от рабочего и демократического движения.

Интересной фигурой являлся также социалист и демократ Карл Людвиг Иоганн Д'Эстер. Врач по профессии, он принимал деятельное участие в революции 1848—1849 годов. Д'Эстер был членом кёльнской общины Союза коммунистов, членом Центрального комитета демократов Германии. Видным деятелем Общества был также Карл Крамер — публицист, редактор и издатель газеты «Der Wächter am Rhein», в которой одно время (июнь — август) печатались протоколы заседаний кёльнского Демократического общества.

Маркс и Энгельс, следуя выработанной ими тактике, считали необходимым поддерживать мелкобуржуазных демократов и толкать их на решительные действия.

В этом отношении тактика Маркса и Энгельса в корне отличалась от сектантской тактики Готшалька и других тогдашних руководителей кёльнского Рабочего союза, отрицавших необходимость участия рабочих в общедемократическом движении, необходимость союза с крестьянскими массами и выдвигавших, в противовес этому, не учитывая и не понимая буржуазного харак-

тера революции, требование «немедленной борьбы «за рабочую республику»».

К моменту возвращения Маркса и Энгельса в Германию в 1848 г. положение было таково, что вожди рабочего класса не могли рассчитывать на создание в ближайшее время массовой пролетарской партии, так как рабочий класс Германии был для этого еще слишком слабым, незрелым, возглавляемый ими Союз коммунистов был крайне малочисленным и не пользовался еще должным влиянием среди пробужденных революцией к политической жизни широких масс рабочих, ремесленников и мелкой буржуазии.

Правильно поняв и оценив конкретную историческую обстановку, Маркс и Энгельс примкнули к демократическому движению, к его самому левому, фактически пролетарскому крылу. Такую тактику они рекомендовали всем членам Союза коммунистов во всех частях Германии.

Впоследствии Энгельс писал об этом периоде: «Когда мы вернулись в Германию весной 1848 г., мы примкнули к Демократической партии, потому что это было единственным возможным средством привлечь к себе внимание рабочего класса» [1]. «Если бы мы не пошли на это,— указывал Энгельс,— если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам ничего другого не оставалось бы, как проповедовать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: не для этого мы так хорошо изучили утопистов и не для этого составили свою программу» [2].

Этими соображениями и объясняется вступление Маркса и Энгельса в кёльнское Демократическое общество.

Те немногочисленные краткие протокольные записи заседаний Демократического общества, которые публикова-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII, стр. 614.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 313.

лись в газете «Der Wächter am Rhein», отдельные заметки, помещенные в «Neue Rheinische Zeitung», а также некоторые сообщения правых газет: «Elberfelder Zeitung», «Deutsche Zeitung», «Kölnische Zeitung» и др., дают нам далеко не полное представление о всей деятельности Маркса и Энгельса в кёльнском Демократическом обществе. Однако и из указанных источников видно, что Маркс и Энгельс уделяют большое внимание кёльнскому Демократическому обществу, фактически руководят и направляют по верному пути его действия.

Прежде всего Маркс и Энгельс поставили задачу — расширить базу общества, увеличить количество пролетарских элементов в нем путем установления более тесных связей с другими демократическими и в особенности рабочими организациями. Уже на заседании 16 июня 1848 г. ставится вопрос о том, «чтобы идти рука об руку с союзами, которые занимаются предпочтительно обсуждением социальных вопросов» [1]. Из выступлений членов общества ясно, что имеются в виду два других демократических союза Кёльна — Рабочий союз и Союз рабочих и работодателей.

В июне 1848 г. во Франкфурте-на-Майне состоялся первый конгресс демократов [2], на котором, в частности, было решено создать Окружной комитет демократических союзов Рейнской провинции с центром в Кёльне. Маркс и Энгельс, как известно, стремившиеся к объединению революционно-демократических сил и к налаживанию согласованных действий, по-видимому, оказали влияние на принятие этого важнейшего решения через своих соратников, членов Союза коммунистов И. Молля, К. Шаппера и Ф. Фрейлиграта, участвовавших в работе первого конгресса демократов.

Следуя этому решению конгресса, кёльнское Демократическое общество также стало уделять больше внимания вопросу объединения демократических сил.

На заседании кёльнского Демократического общества 23 июня Шнейдер II заявил, что по поручению комитета Демократического общества редактор «Neue Rheinische

[1] «Der Wächter am Rhein» № 3, 1848, 1. Dutzend.

[2] *G. Lüders*. «Die demokratische Bewegung in Berlin im Oktober 1848». Berlin und Leipzig, 1909.

Zeitung» Карл Маркс и он занимаются вопросом объединения действий Общества с другими демократическими союзами и что если он сегодня еще не может сообщить о положении дел, то это объясняется «чисто внешними препятствиями» [1].

Вслед за этим выступлением Шнейдера II, в «Elberfelder Zeitung» появляется ошибочное сообщение от 24 июня об объединении Демократического общества с кёльнским Рабочим союзом и о том, что органом этого объединенного «клуба» будет «Neue Rheinische Zeitung». В то же время «Elberfelder Zeitung», будучи осведомлена о решении франкфуртского конгресса демократов, отмечает, что Кёльн станет центром для демократических и рабочих организаций Рейнской провинции и Вестфалии [2].

Маркс и Энгельс, последовательно проводя в Демократическом обществе линию на создание объединенного комитета для совместных действий трех демократических союзов Кёльна, выступают против организационного слияния Демократического общества с этими союзами, прежде всего, ввиду разнородного состава и характера этих организаций.

Будучи членами кёльнского Демократического общества, Маркс и Энгельс одновременно уделяли большое внимание также другой, более многочисленной по количеству членов, пролетарской по своему составу и характеру деятельности организации — кёльнскому Рабочему союзу. С конца июня 1848 г., после фактического отстранения Готшалька, кёльнский Рабочий союз стал их главной опорой и, естественно, Маркс и Энгельс не хотели растворить этот союз в демократическом объединении, так как стремились сохранить самостоятельный характер этой пролетарской организации.

1 июля председатель Демократического общества Шнейдер II заявляет на заседании Общества, что комиссия, созданная из представителей кёльнского Рабочего союза, Союза рабочих и работодателей и кёльнского Демократического общества для установления более

[1] «Der Wächter am Rhein» № 5, 1848, 1. Dutzend.
[2] «Elberfelder Zeitung» № 176, 27.VI.1848.

тесной связи между этими союзами (в состав данной комиссии входил и Маркс), высказалась против организационного слияния этих союзов (Шнейдер II мотивировал это также и отсутствием необходимого помещения). Комиссия,— продолжал далее Шнейдер II,— предложила организовать объединенный комитет из 6 человек, избрав по 2 представителя от каждого общества. Дальнейшей задачей этого комитета, по мнению комиссии, является создание в Кёльне окружного комитета демократических союзов Рейнской провинции и Вестфалии, т. е. установление более прочного единства действий всех демократических организаций Рейнской провинции и Вестфалии.

На этом же заседании представителями в объединенный комитет от кёльнского Демократического общества были временно назначены Карл Маркс и Шнейдер II [1].

Позднее, на заседании Общества 21 июля они же были избраны постоянными членами Рейнского окружного комитета демократов, а их заместителями — Вильгельм Вольф и Генрих Бюргерс [2].

Стараясь достигнуть установления более тесных связей между кёльнским Демократическим обществом и другими демократическими организациями Кёльна, Маркс и Энгельс одновременно стремились политически правильно ориентировать членов Общества в ряде важнейших вопросов германской революции. Они добивались принятия решений, разоблачавших предательскую политику буржуазного правительства и осуждавших трусливую и беспринципную позицию буржуазного большинства Берлинского и Франкфуртского собраний.

Выступая 14 июля на заседании кёльнского Демократического общества, Энгельс отмечает, что уже к этому моменту в берлинском Национальном собрании лежит 1677 адресов без движения.

В этом же своем выступлении Энгельс встает на защиту прав свободы союзов для демократически настроенной части офицерства, подвергавшейся репрессиям в связи с участием в демократическом движении,

[1] «Der Wächter am Rhein» № 6, 1848, 1. Dutzend.
[2] Там же, № 9, 1848, 1 Dutzend.

Он вносит предложение, чтобы Д'Эстер в качестве депутата прусского Национального собрания предпринял шаги против ограничения права свободы союзов для этой части офицерства [1].

Большой интерес для характеристики деятельности Маркса и Энгельса в кёльнском Демократическом обществе представляет заседание от 11 августа 1848 г., в котором они оба участвовали и которое происходило под председательством Маркса [2].

На этом заседании был принят протест против включения Познани в Германский союз, направленный в адрес франкфуртского Национального собрания. Протест этот соответствовал той позиции, какую занимала «Neue Rheinische Zeitung» по польскому вопросу.

Национальное освобождение Польши «является вопросом жизни для самой Германии»,— говорилось в этом документе, который заканчивался призывом «заявить решительный протест против принятого германским Национальным собранием 27 июля с. г. решения относительно великого герцогства Познанского и тем самым энергично протестовать перед лицом Германии, Польши и всей Европы против этого произвольного включения, проводимого только в интересах реакционной партии в Пруссии, России и Австрии» [3].

На этом же заседании был поставлен и обсужден вопрос о преследованиях, которым подвергались со стороны правительства руководители революционно-демократического движения, в особенности Маркс и Шаппер.

3 августа Маркс получил уведомление от полицейских властей, что ему отказано в предоставлении права прусского гражданства и что его, как и раньше, будут считать иностранцем.

Кёльнское Демократическое общество принимает протест в адрес прусского министра внутренних дел в связи с этим решением прусских полицейских властей. Одновременно члены Общества решили начать вечером этого дня сбор подписей под этим документом, если не

---

[1] «Der Wächter am Rhein» № 8, 1848, 1. Dutzend.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 528—529.
[3] Там же, стр. 530—531.

будет отменен отказ в предоставлении Марксу права гражданства.

Маркс, выступая на заседании Общества, вскрывает истинные причины, побудившие прусское правительство прибегнуть к подобным мерам против него.

Энгельс в своем выступлении приводит данные о новых полицейских мерах, направленных против видного деятеля демократического движения Шаппера, угрожающих последнему высылкой.

Кёльнское Демократическое общество избирает депутацию, поручив ей добиться отмены кёльнскими властями репрессивных мер, направленных против Маркса и Шаппера. В состав этой депутации входят немецкий публицист, сотрудник «Neue Rheinische Zeitung», Мориц Риттингхаузен, адвокат Карл Шнейдер II и один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» Генрих Бюргерс [1].

Большой интерес для характеристики деятельности Маркса и Энгельса в кёльнском Демократическом обществе представляет выступление Маркса на одном из заседаний Общества, направленное против Вейтлинга, который, возвратившись из Америки в Германию, в конце июля 1848 г. приехал в Кёльн.

Один из руководителей кёльнского Демократического общества Герман Генрих Беккер пишет, что, познакомившись с ним, Вейтлинг попросил разрешения изложить свои взгляды на заседании кёльнского Демократического общества [2]. Деятелю такого типа как мелкобуржуазный демократ Беккер было, по-видимому, важно столкнуть Вейтлинга и Маркса, взяв на себя роль арбитра; возможно также, что он надеялся таким путем ослабить влияние Маркса в Обществе, рассчитывая на то, что основная масса его членов пойдет за Вейтлингом. Беккер демагогически заявил, что трибуна Общества предоставляется каждому и Вейтлингу также не требуется на это специального разрешения. Маркс, согласно воспоминаниям Беккера, узнав о намерении Вейтлинга выступить на заседании кёльнского Демократического

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 528—529.
[2] *W. Kühn.* «Der junge Hermann Becker». Dortmund, 1934, S. 107.

общества, спросил Беккера: «Неужели недостаточно с нас готшальковского вздора и Вы должны пустить в ход еще и Вейтлинга?» Беккер в ответ на это сказал, что та же самая трибуна к услугам Маркса[1].

Позиция Беккера во время инцидента с Вейтлингом свидетельствует о том, что Марксу и Энгельсу нередко приходилось отстаивать правильную тактическую платформу, на базе которой был заключен союз между пролетарскими революционерами и мелкобуржуазными демократами, в борьбе с представителями мелкобуржуазной демократии, что им приходилось преодолевать противодействие своих неустойчивых союзников.

21 июля 1848 г. Вейтлинг по договоренности с Беккером выступил на заседании Общества. О том, что большинство членов кёльнского Демократического общества сумело правильно разобраться в ошибочности тех положений, которые высказал Вейтлинг, свидетельствует тот факт, что встреченный громкими аплодисментами, Вейтлинг сошел с трибуны сопровождаемый крайне сдержанными вежливыми хлопками[2]. Выступление Вейтлинга было направлено против основных положений тактики Маркса и Энгельса в революции. В своем путаном и претенциозном выступлении Вейтлинг уводил слушателей в сторону от исторически правильной оценки задач, стоящих перед буржуазно-демократической революцией в Германии, обнаружив полное непонимание связи между политической борьбой и борьбой за социальные интересы трудящихся. Особенно много путаницы внес Вейтлинг в вопрос о диктатуре. Навязывая своей аудитории чрезвычайно узкое толкование вопроса о диктатуре, Вейтлинг сводил этот вопрос к установлению неограниченного господства небольшой группы лиц и даже к установлению личного правления.

Маркс на этом заседании не выступал, в конце речи Вейтлинга он покинул зал заседания, но члены Общества сумели дать отпор Вейтлингу.

Карл Крамер, редактор и издатель газеты «Der

---

[1] *W. Kühn.* «Der junge Hermann Becker». Dortmund, 1934, S. 108.

[2] Там же, стр. 116; «Der Wächter am Rhein» № 9, 1848, 1. Dutzend.

Wächter am Rhein», прямо заявил, что он «считает взгляды Вейтлинга не демократическими»[1].

4 августа 1848 г. Маркс выступает на заседании Общества, давая резкую отповедь ошибочным положениям, выдвинутым Вейтлингом. Основываясь на историческом развитии революций последних столетий, Маркс показывает ложность положения Вейтлинга о необходимости отделять политическое движение от социального. Напротив, утверждает Маркс, «интересы политические и социальные скорее должны взаимно переплетаться друг с другом»[2]. Далее, касаясь положения немецкого народа, Маркс говорит, что «к сожалению, мы, немцы, в отношении социального развития находимся теперь лишь на том уровне, которого французы достигли уже в 1789 году. Разрешение нынешних противоречий возможно лишь в результате резкого разграничения их и в результате различения интересов отдельных классов»[3]. Доказывая несостоятельность вейтлингианского понимания вопроса о «диктатуре», Маркс отмечал, что предлагаемая Вейтлингом «диктатура», является «непрактичной и совершенно невозможной»[4]. Эта отповедь, данная Марксом Вейтлингу, не понимавшему, как и Готшальк, буржуазно-демократического характера революции, была также важна для политического воспитания членов Общества, так как Маркс дал в ней анализ поставленных Вейтлингом проблем с точки зрения научного социализма. Кроме того, она представляет большой интерес как единственное известное нам выступление Маркса против Вейтлинга в 1848 году.

Кроме Маркса и Энгельса и одновременно с ними в члены кёльнского Демократического общества вступили редакторы «Neue Rheinische Zeitung» Вильгельм Вольф и Генрих Бюргерс. Через них Маркс и Энгельс постоянно имели возможность оказывать влияние на членов Общества, воспитывать их в духе революционно-демократических и коммунистических идей.

---

[1] «Der Wächter am Rhein» № 9, 1848, 1. Dutzend.
[2] Там же, № 1, 1848, 2. Dutzend.
[3] Там же.
[4] Там же.

Большую работу проводил в Обществе друг и соратник Маркса и Энгельса Вильгельм Вольф, известный своей деятельностью в Союзе коммунистов и в редакции «Neue Rheinische Zeitung» и в особенности своими статьями по крестьянскому вопросу.

Вильгельм Вольф выступал с еженедельными политическими обзорами международных событий, используя трибуну Общества по существу для того, чтобы освещать политическую и классовую борьбу в различных странах с позиций «Neue Rheinische Zeitung». К сожалению, краткие записи стенографических отчетов не дают нам полного представления об этих интереснейших обзорах.

Большую работу проводил в Обществе также и другой редактор «Neue Rheinische Zëitung» Генрих Бюргерс, председательствуя на собраниях, популяризируя в своих выступлениях последовательно демократические идеи.

В этой связи определенный интерес представляет собой адрес франкфуртскому Национальному собранию, принятый Обществом 23 июля 1848 г. по поводу запрещения демократических союзов в Штутгарте и Гейдельберге, в составлении которого безусловно принимал участие Бюргерс. Этот адрес перекликается с помещенной в «Neue Rheinische Zeitung» от 20 июля статьей Энгельса «Закрытие клубов в Штутгарте и Гейдельберге»[1]. В адресе со всей резкостью ставится вопрос о сохранении революционных завоеваний германского народа. «Эти запрещения,— говорится в адресе,— являются преступлением против священнейших прав народа, против основ всякой общественной жизни, против наиболее важных достижений наших революций, преступлением против права свободы слова и свободы союзов!»[2].

Как Вольф, так и Бюргерс принимали участие также в установлении более тесных связей между кёльнским Демократическим обществом и другими демократическими организациями, тем самым способствуя консолидации сил демократии. Как уже указывалось, и Вольф и Бюргерс

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 240—241.
[2] «Neue Rheinische Zeitung» № 56, 26.VII.1848.

были избраны 21 июля Демократическим обществом заместителями членов Рейнского окружного комитета демократов, членами которого являлись Маркс и Энгельс. В. Вольф принимал также участие в качестве делегата в работе Рейнского конгресса демократов в августе 1848 года.

Деятельность Маркса, Энгельса и других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» в кёльнском Демократическом обществе все больше способствовала росту его авторитета и увеличению его численности.

«Trier'sche Zeitung» в корреспонденции от 27 августа 1848 г. сообщает, что в то время как Союз граждан (организация умеренных буржуа) посещается все меньше и меньше, кёльнское Демократическое общество привлекает к себе все новых и новых людей [1].

В начале сентября, в связи с падением министерства Ауэрсвальда — Ганземана в Пруссии, 100 новых членов вступают в кёльнское Демократическое общество. Деятельность Общества в это время приобретает все более решительный характер.

На заседании 9 сентября принимается протест против ареста одного из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», революционного поэта Фердинанда Фрейлиграта. На этом же заседании после того как стало известно о предстоящем аресте члена Общества, юриста Вейля, за чтение в Рабочем союзе стихотворения Фрейлиграта «Мертвые — живым», все собравшиеся, выражая свой протест, вместе с Вейлем хором повторяют это стихотворение [2].

13 сентября на Франкенплаце в Кёльне редакция «Neue Rheinische Zeitung», кёльнский Рабочий союз и Демократическое общество организовали народное собрание, на котором присутствовало около шести тысяч человек. На этом собрании по предложению Вильгельма Вольфа, которое было поддержано Энгельсом, был избран Комитет безопасности из 30 человек, в состав которого вошли Маркс и Энгельс, В. Вольф, Бюргерс и Дронке, а также ряд руководителей и членов кёльнского Демократического общества — Шнейдер II, К. Крамер,

[1] «Trier'sche Zeitung» № 244, 1.IX. 1848.
[2] «Neue Rheinische Zeitung» № 99, 10.IX.1848.

Беккер и др. Тогда же был принят адрес прусскому Национальному собранию, предложенный Энгельсом, в котором требовалось от депутатов, чтобы они, в случае попытки правительства распустить Собрание, оставались на своем посту, даже если против них будет применена вооруженная сила.

Большой интерес для характеристики роли Маркса и Энгельса в деятельности кёльнского Демократического общества и во всем демократическом движении Рейнской провинции представляет собой также народное собрание в зале Эйзера от 20 сентября. Оно было созвано совместно Комитетом безопасности, кёльнским Демократическим обществом и кёльнским Рабочим союзом в связи с восстанием во Франкфурте, вызванным ратификацией франкфуртским Национальным собранием позорного перемирия с Данией — перемирия, явившегося предательским актом по отношению к борцам за освобождение Шлезвиг-Гольштейна от датского господства. На этом собрании принимается решение о солидарности с повстанцами Франкфурта, а депутаты франкфуртского Национального собрания, голосовавшие за ратификацию перемирия, объявляются предателями народа. На собрании со страстной речью выступает Фридрих Энгельс, который бичует позорное решение Франкфуртского собрания, а также информирует собравшихся о ходе восстания во Франкфурте. Собрание принимает решение по поводу восстания во Франкфурте, которое публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 23 сентября [1].

В связи с этим со стороны прусского правительства уже 25 сентября последовал ряд репрессий, направленных против Энгельса, В. Вольфа, Бюргерса, а также против Комитета безопасности, кёльнского Демократического общества, кёльнского Рабочего союза и экспедиции «Neue Rheinische Zeitung».

С целью предотвратить преждевременные выступления рабочих и революционно настроенных демократов и оградить их от провокаций со стороны правительства, кёльнское Демократическое общество совместно

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung» № 109, 22.XI.1848; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 5, стр. 543—544.

с представителями Рабочего союза устраивает 25 сентября в зале Эйзера заседание. На этом заседании Маркс и его сторонники предостерегают собравшихся от преждевременных выступлений [1].

К этому моменту прусское правительство от угроз и отдельных репрессивных мер перешло в открытое наступление на демократическое движение. 26 сентября в Кёльне вводится осадное положение. По приказу военной комендатуры приостановлен выход демократических газет: «Neue Rheinische Zeitung», «Der Wächter am Rhein» и других.

Это усиление реакции, выразившееся также в том, что репрессии против демократических элементов продолжались и после снятия осадного положения, не могло не сказаться на всей деятельности Общества в целом.

В дальнейшем борьба между умеренными и революционно-демократическими элементами в Обществе усиливается по мере усиления политической борьбы в Рейнской провинции.

Уже в сентябре 1848 г. Шнейдер II, избранный в Комитет безопасности, выходит из него, напуганный его революционным характером. Введение осадного положения, закрытие ряда демократических газет, а также последовавшие затем полицейские преследования против ряда членов Общества — все это сковывало активные действия последовательно революционных элементов в кёльнском Демократическом обществе и содействовало активизации его правого, умеренного крыла.

Вскоре после отмены осадного положения в Кёльне, 3 октября 1848 г., даже такая правая по своим взглядам газета, как «Elberfelder Zeitung» писала в корреспонденции от 4 октября 1848 года: «Вчера утром было снято осадное положение и уже вчера же вечером состоялось собрание демократов, на котором, однако, весьма умеренно выступал адвокат Шнейдер II» [2].

«Der Wächter am Rhein» перестал печатать протоколы заседаний Общества, так как лицо газеты к этому времени вообще меняется: начиная с 27 августа,

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung» №№ 113 и 115; 27.IX. и 13.X. 1848.
[2] «Elberfelder Zeitung» № 270, Beilage, 6.X.1848.

она заполняет свои полосы разного рода театральными обозрениями, литературными рецензиями, стихотворениями и т. п., корреспонденции же политического характера на некоторое время почти совсем исчезают с ее столбцов.

Редакторы «Neue Rheinische Zeitung» после сентябрьских событий не смогли принимать такого непосредственного участия в работе Демократического общества, как раньше, так как после 26 сентября Энгельс вынужден был уехать из Кёльна в связи с угрожавшим ему арестом. Вольф и Бюргерс также покинули Кёльн, а на плечи Маркса легла вся тяжесть работы в редакции «Neue Rheinische Zeitung». С 16 октября 1848 г. Маркс становится, кроме того, еще и председателем кёльнского Рабочего союза.

Все эти обстоятельства вызвали изменения в деятельности Общества, которая приобрела гораздо более умеренный характер.

Таково было положение в кёльнском Демократическом обществе к концу 1848 года.

В дальнейшем в связи с изменением обстановки, вызванной ростом политической сознательности и активности немецких рабочих, в ходе революции проникавшихся пониманием своих собственных классовых целей и начинавших освобождаться от влияния мелкобуржуазных демократов, Маркс и Энгельс меняют свою тактику по отношению к мелкобуржуазной демократии.

При этом они учитывают также и перемены в расстановке классовых сил в Германии: окончательный переход на контрреволюционные позиции буржуазии, колебания и нерешительность, проявленные мелкобуржуазной демократией. Приступив практически к созданию самостоятельной пролетарской партии, Маркс и его сторонники организационно порывают с мелкобуржуазными демократами и в апреле 1849 г. выходят из кёльнского Демократического общества. В то же время и на этом этапе революции Маркс и Энгельс не отказываются от совместных действий с мелкобуржуазными демократами в борьбе против контрреволюционных сил.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что период наиболее интенсивной деятельности кёльнского Демокра-

тического общества в борьбе за отстаивание демократических преобразований относится к периоду подъема революции, когда существовали наиболее благоприятные условия для развития демократического движения в Рейнской провинции. Именно в это время Маркс, Энгельс и другие редакторы «Neue Rheinische Zeitung» — В. Вольф и Г. Бюргерс — являлись активными членами Общества и их влияние определяло направление и характер этой организации.

Деятельное участие Маркса и Энгельса в кёльнском Демократическом обществе, придавшее на время этой организации революционно-демократический характер, представляет собой образец применения тактики Маркса и Энгельса в германской революции 1848—1849 гг., их борьбы за создание широкого демократического фронта в Рейнской провинции.

*С. М. ГРИГОРЬЯН*

# МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» В ЭКОНОМИЧЕСКОМ УЧЕНИИ МАРКСА

В условиях прусского архиреакционного режима, социального, политического и духовного угнетения широких народных масс Маркс уже в 1842—1843 гг. приходит к убеждению в необходимости радикальных революционных демократических преобразований буржуазного общества.

Работая в «Rheinische Zeitung», изучая положение трудящихся масс, в частности, мозельских крестьян, Маркс выступает с серией статей, в которых резко критикует социально-политический строй Пруссии и защищает интересы «бедной, политически и социально обездоленной массы».

В 1843—1844 гг. происходит переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Статьи Маркса, опубликованные в «Deutsch-Französische Jahrbücher» в начале 1844 г., убедительно свидетельствуют об этой эволюции его взглядов, его мировоззрения.

Работая в качестве редактора «Rheinishe Zeitung», Маркс встал перед необходимостью высказаться «о так называемых материальных интересах» [1]. Это обстоятельство, по собственному признанию Маркса, поставило его в затруднительное положение и явилось первым толчком к занятиям политической экономией.

Свои экономические занятия Маркс, по свидетельству Энгельса, начал осенью 1843 г. в Париже с изучения про-

[1] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1953, стр. 6.

изведений английских и французских экономистов и социологов [1].

В 1844 г. он сблизился с Энгельсом, который в это время уже написал свои «Наброски к критике политической экономии» и детально изучал фактическое состояние экономики Англии.

«Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот» [2].

Первый период экономических исследований Маркса охватывает 1843—1849 годы. Изучив большое количество материалов, Маркс решает в 1844 г. приступить к написанию большого экономического произведения «Критика политики и политической экономии», в котором предполагал дать развернутую критику буржуазной политической экономии и экономического строя капитализма. В течение 1844—1847 гг., находясь в Париже, Брюсселе, Лондоне и Манчестере, Маркс продолжает изучать экономическую литературу. Он читает и делает выписки из работ Смита, Рикардо, Милля, Томпсона, Мак-Куллоха, Тука, Купера, Петти, Буагильбера, Коббета, Сэя, Сениора, Оуэна, Кенэ, Брея, Грея, Прудона и др., всего около 70 авторов. Особенно подробно им были законспектированы труды по экономической истории.

Только после того как Маркс проделал колоссальную подготовительную работу, в результате которой он приобрел глубокие, конкретные разносторонние знания, он приступает к выработке основ своей теории.

Первые результаты своих экономических исследований в 40-е годы Маркс изложил в таких произведениях этого периода, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Нищета философии» (1847), «Наемный труд и капитал» (1847—1849), а также в написанных совместно с Ф. Энгельсом «Немецкой идеологии» (1845—1846) и «Манифесте Коммунистической партии» (1848).

---

[1] См. *К. Маркс.* «Капитал», т. II, 1955, стр. 6.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 2, стр. 10.

Не останавливаясь на *всех* весьма важных проблемах, поставленных или в той или иной мере решенных Марксом в вышеназванных работах 40-х годов, мы намерены показать в общих чертах, в какой мере Маркс в этих своих произведениях разработал такие экономические категории и проблемы, как товар и товарное производство, труд, стоимость, формы стоимости, деньги и денежное обращение и некоторые другие, то есть категории и проблемы, получившие свое дальнейшее развитие в работе К. Маркса «К критике политической экономии».

Как сказано выше, впервые Маркс приступил к созданию большого *экономического* труда в 1844 году. В течение пяти месяцев, с апреля по август 1844 г., он написал вчерне первые три части, известные ныне под названием «Экономическо-философских рукописей 1844 года».

«Экономическо-философские рукописи 1844 года», лишь частично дошедшие до нас, в целом посвящены критике капиталистического строя и буржуазной политической экономии. К числу основных проблем, которыми занимается Маркс в этой работе, относятся: заработная плата рабочих, борьба между трудом и капиталом, частная собственность и труд, власть денег в буржуазном обществе и некоторые другие. Стержневым вопросом рукописи являются понятия «отчуждение труда» и «самоотчуждение рабочего» в капиталистическом обществе.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс в значительной мере пользуется терминологией Гегеля и Фейербаха, хотя и наполняет ее новым содержанием. Так, если Гегель, рассматривая категорию «отчуждения», имел в виду отчуждение самосознания, а Фейербах — отчуждение абстрактного, внеисторического, внеклассового человека, то Маркс говорит об отчуждении труда в смысле отделения рабочего от средств производства, т. е. о том, что средства производства, экспроприированные капиталистами, противостоят рабочему в буржуазном обществе как чуждая, закабаляющая рабочего сила. Занимаясь исследованием труда как экономической категории, Маркс отмечает, что труд при капитализме производит не только товары, но и рабочего как товар, т. е. рабочий низводится до положения товара.

Продукт труда есть тоже труд, только труд овеществленный. Затрачивать труд — значит, писал Маркс, опредмечивать его.

Исследуя капитал, Маркс приходит к следующему определению его сущности: «Капитал есть *командная власть* над трудом и его продуктами» [1].

Таким образом, уже в этой рукописи Маркс подходит к выяснению существа и некоторых особенностей капиталистической эксплуатации.

В работе «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс сосредоточили свое внимание на разработке основных положений исторического материализма. Именно в этом труде они впервые выразили положение, что общественное бытие людей определяет их общественное сознание, показали решающую роль способа производства во всей общественной жизни людей и в целом наметили исходные положения закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Как известно, этот закон был классически сформулирован позже, в 1859 г., в предисловии к работе К. Маркса «К критике политической экономии».

Работы К. Маркса «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», а также написанный совместно с Ф. Энгельсом «Манифест Коммунистической партии», созданные в 1847—1849 гг., представляют собой уже произведения зрелого марксизма.

В своем труде «Нищета философии» Маркс критикует Прудона, пытавшегося доказать возможность разрешения всех противоречий капитализма путем «справедливого», «безденежного» обмена и «дарового кредита». Прудон предлагал не уничтожать капитализм и его экономическую основу — товарное производство, а очистить эту основу от злоупотреблений; не уничтожать меновую стоимость и товарный обмен, а сделать их всеобщими, абсолютными, «справедливыми». Прудон, по выражению Маркса, «хочет сохранить частное производство, *но организовать* обмен частных продуктов, хочет *товара*, но не хочет *денег*» [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, 1956, стр. 534.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 238.

Исследуя в «Нищете философии» труд, Маркс не только разъясняет, что стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд, но и открывает, что труд создает стоимость лишь при товарном производстве, что стоимость есть экономическая категория, присущая товарному производству, что стоимость и закон стоимости исчезнут вместе с исчезновением товарного производства, товарных отношений.

Если стоимость — категория историческая и присуща товарному производству, то и труд, создающий стоимость,— такая же историческая категория.

Но труд — условие существования всякого общества. Чем же объяснить тот факт, что он создает стоимость только в условиях товарного производства?

Очевидно, что в условиях товарного производства труд приобретает новое качество, новую специфическую особенность. Но какова специфическая особенность труда в условиях товарного производства? Этого Маркс в «Нищете философии» еще не показал.

Исследуя товар и товарное обращение, отношение товара и денег, Маркс здесь выясняет, как и почему товар и товарный обмен порождают противоположность товара и денег.

Критикуя Прудона, Маркс противопоставляет ему пока что в общем рикардовскую теорию денег, хотя понимание денег у Маркса уже несколько другое, чем у Рикардо. В одном из писем к Энгельсу Маркс замечает: «в сочинении против Прудона я сам придерживался теории Рикардо» [1].

Но для Рикардо деньги, как и товар, категория естественная, а для Маркса — историческая. В «Нищете философии» Маркс еще не вскрыл двойственного характера труда, заключенного в товарах, не показал и специфики денег как всеобщего товара и бытия стоимости.

Прудон утверждал, что золото и серебро стали деньгами только по воле государственных правителей (суверенов). Маркс разбил это антинаучное утверждение, показав, что деньги не вещь, а выражение известных общественных отношений. «Поистине нужно,— писал

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 388.

Маркс,— не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы» [1].

Глубокими и оригинальными в этой работе Маркса были также его взгляды о разделении труда, развитые с точки зрения материалистического понимания истории. Маркс показывает, что разделение труда есть определенная ступень в развитии производительных сил общества.

Уже в этой работе Маркс развивает положение о единстве производства и потребления, а также о примате производства. Это положение получает дальнейшее развитие в «Введении», написанном Марксом в 1857 г. для задуманного им большого экономического труда.

В «Наемном труде и капитале», написанном на основе лекций, прочитанных немецким рабочим в Брюсселе во второй половине декабря 1847 г., и опубликованном в апреле 1849 г., Маркс систематизирует важнейшие положения, изложенные ранее в «Нищете философии», освещает ряд новых вопросов и прежде всего разбирает отношение наемного труда к капиталу.

В этой работе Маркс характеризует заработную плату как цену товара — рабочей силы и указывает, что она «определяется теми же законами, которыми определяется цена всякого другого товара» [2].

Рабочая сила стала товаром только в буржуазном обществе. Став товаром, рабочая сила продается по тому же закону, что и другие товары, т. е. по закону стоимости.

Хотя в этом своем произведении Маркс употребляет еще термин «продажа труда», или «товара труда», в сущности же он имеет в виду товар — рабочую силу. Уточнение, что рабочий продает свою рабочую силу, а не труд, было сделано Марксом позже.

Если экономисты до Маркса видели в отклонении рыночных цен от стоимости нарушение закона стоимости, то Маркс видит в этом единственную форму его проявления.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4 стр. 112.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 57.

Уже в этой работе Маркс показывает в общих чертах, за счет чего и как создается прибавочная стоимость, что последняя есть результат эксплуатации труда капиталом. Однако предстояла еще огромная научно-исследовательская работа по теории стоимости, по теории денег, по решению весьма сложной проблемы прибавочной стоимости — этого краеугольного камня марксистской политической экономии.

В этой работе раскрывается сущность капитала, как такого отношения, при котором «живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости»[1]. Маркс показал, что только при определенных общественных условиях негр, например, становится рабом, а машина — капиталом. Далее Маркс подчеркивает, что интересы капитала и интересы наемного труда диаметрально противоположны, что прибыль и заработная плата находятся в обратном отношении друг к другу.

Наконец, в «Наемном труде и капитале» довольно обстоятельно проанализировано влияние накопления капитала на положение рабочего класса. Этот раздел работы оказался настолько полным и правильным, что даже почти через 20 лет Маркс воспроизводит его основные положения в VII отделе I тома «Капитала».

В «Манифесте Коммунистической партии», в этом бессмертном труде ярко изложены важнейшие черты капиталистического способа производства, явившиеся затем объектом глубокого и всестороннего исследования в «Капитале». В «Манифесте» дано гениальное по глубине, яркости и простоте изложение противоречий капитализма и, прежде всего, противоречия между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, доказана неизбежность краха капитализма, системы наемного рабства, обрисована всемирно-историческая роль пролетариата как могильщика капитализма и творца нового, социалистического общества.

Таким образом, в течение 40-х годов XIX века Маркс добился значительных успехов в исследовании и выяс-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 65.

нении ряда экономических проблем капитализма. Однако к этому времени Маркс еще не закончил разработку своего экономического учения в целом. Еще немало экономических проблем оставалось невыясненными или не полностью выясненными. Таковы, например, теория прибавочной стоимости и прибыль, воспроизводство капитала, теория земельной ренты, учение о деньгах и другие.

«В сороковых годах,— пишет Энгельс,— Маркс еще не довел до конца своей критики политической экономии. Это было сделано лишь к концу пятидесятых годов. Поэтому его работы, появившиеся до выхода первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.), в отдельных пунктах отклоняются от работ, написанных после 1859 г., и содержат выражения и целые фразы, которые с точки зрения позднейших работ являются неудачными и даже неверными» [1].

* * *

Работа в газете «Neue Rheinische Zeitung» в 1848—1849 гг., революция 1848—1849 гг., в которой Маркс и Энгельс приняли непосредственное участие, и последующие события вызвали перерыв в экономических занятиях Маркса. Но уже осенью 1850 г., находясь в Лондоне, Маркс возобновил эти занятия. Начался второй период его экономических исследований. Последние месяцы 1850 и весь 1851 год Маркс напряженно работает днем в Британском музее, а ночью дома. Он штудирует и критически обрабатывает новый материал, почерпнутый из обширной литературы по вопросам денег и денежного обращения (Тук, Юм, Локк, Фуллартон, Торренс, Джейкоб, Блэк, Рикардо, Бозанкет и др.); по земельной ренте (Рикардо, Андерсон и др.); по агрономии и агротехнике (Либих, Джонстон и др.); по истории хозяйства, истории техники. Кроме того, им было изучено большое количество работ по политической экономии и социализму (Смит, Рикардо, Милль, Мальтус, Годскин, Грей, Оуэн, Торнтон и др.).

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 45.

В предисловии «К критике политической экономии» Маркс, говоря об этом периоде своих экономических занятий, писал: «Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота,— все это побудило меня опять начать с самого начала и критически переработать новый материал» [1].

И действительно, Маркс изучает предмет с начала и при этом критически перерабатывает не только новый материал, но и пересматривает свои старые взгляды по ряду экономических вопросов. Так, если в «Нищете философии» по вопросам денег и денежного обращения Маркс — по его собственному признанию — еще, в общем, «придерживался теории Рикардо», то в 1851 г. он эту теорию подвергает резкой критике [2].

Осенью 1851 г. Маркс вместе с Энгельсом обсудили план издания большого экономического произведения в трех томах: первый том по замыслу посвящался критике политической экономии; второй — критике социалистов-утопистов; третий — истории политической экономии. Но этот замысел не был осуществлен ввиду необходимости работать ради хлеба насущного.

В течение 1852—1856 гг. Маркс значительное время уделяет изучению экономического положения Англии и других европейских стран; он анализирует фактические данные и пишет множество статей об экономической жизни и экономической политике европейских стран. В частности, Маркс писал о политических последствиях торгового оживления, о торговом и промышленном кризисе, об экономическом положении, финансовой политике и финансовом положении Англии, об экономическом и финансовом положении Франции и некоторых других стран, о борьбе рабочих за сокращение рабочего дня, о забастовочном движении и т. п.

[1] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1953, стр. 9.

[2] См. письмо Маркса к Энгельсу от 3.II.1851 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 137—142).

Одновременно с этим Маркс продолжает основательно изучать историю политической экономии и тщательно собирать интересующий его конкретный фактический материал: отчеты парламентских комиссий, доклады фабричных инспекторов и другие официальные документы. Так, в частности, в 1856 г. он исследует состояние денежного рынка, а также симптомы надвигавшегося уже очередного экономического кризиса. Разразившийся в 1857 г. кризис побудил Маркса ускорить его работу по систематизации всего собранного материала и созданию основ его экономической системы.

8 декабря 1857 г. Маркс сообщал Энгельсу:

«Я работаю, как бешеный, ночи напролет над систематизацией своих экономических исследований, чтобы успеть еще до déluge [потопа, т. е. до наступления новых революционных событий.— *С. Г.*] закончить работу в общем виде» [1].

Надо сказать, что работать Марксу в этот период приходилось в невероятно тяжелых условиях. Вместе со всей семьей он испытывал горькую нужду, которая после 1849 г. была почти постоянной их спутницей. Средства к жизни он добывал прежде всего писанием статей.

Большую материальную помощь оказывал Марксу его верный друг Энгельс.

В 50-х годах XIX века по мере все более глубокого и многогранного исследования целого ряда экономических проблем капитализма перед Марксом вырисовывалась все более ясная цель и структура его будущего большого экономического произведения. Эта цель состояла в том, чтобы дать «критику экономических категорий», критику капиталистического способа производства. Задуманное Марксом произведение должно было состоять из 6 книг: первая книга — о капитале, причем ей намечено было предпослать вступительную часть; вторая — о земельной собственности; третья — о наемном труде; четвертая — о государстве; пятая — о международной торговле и шестая — о мировом рынке.

Первая книга, согласно плану автора, должна была состоять из 4 разделов. Предполагалось, что первый раз-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 266.

дел — «Капитал вообще» — будет включать три главы: товар, деньги, или простое обращение и капитал.

С августа 1857 по май 1858 г. Маркс написал рукопись объемом около 50 печатных листов; эта рукопись представляет собой один из этапов работы над книгой «К критике политической экономии» и известна под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)» — «Основные черты критики политической экономии (черновой набросок)». В августе — сентябре 1857 г. Маркс набросал вышеупомянутое «Введение», составившее содержание тетради с пометкой «М». В октябре — ноябре 1857 г. Марксом была написана 1-я из семи пронумерованных тетрадей. В ней и в начале второй тетради изложена «глава о деньгах». В этой главе Маркс, разоблачая прудонизм, дал глубокий анализ денег. Он показал, что в условиях товарного производства прудоновская идея «рабочих денег» в виде пресловутых «часовых бон» — чистейшая утопия. Наряду с критикой Прудона Маркс развивает здесь некоторые основные положения своей теории стоимости и денег.

В этой главе Маркс формулирует положение о том, что уже в метаморфозе товара, в распадении обмена на два акта, в отделении покупки от продажи заложена абстрактная возможность кризисов. До Маркса экономисты видели единство покупки и продажи, но не замечали их разделения, отделения этих актов друг от друга и противоречия между ними.

Основное внимание в этой главе обращено на выяснение сущности и исторического происхождения денег. Много интересного имеется здесь об истории золота и серебра как денег, о их свойствах. В неразрывной связи с анализом денег Маркс рассматривает весь процесс разложения докапиталистических формаций и образование предпосылок возникновения капитализма.

Вслед за анализом денег Маркс занимается разработкой основной проблемы своего труда — проблемы капитала и, прежде всего, исследованием условий превращения денег в капитал. Этот материал содержится во 2—7-й тетрадях. Стремясь как можно скорее выпустить свою работу в свет, Маркс в то же время ни на йоту

не поступается свойственной ему величайшей тщательностью и научной добросовестностью.

22 февраля 1858 г., сообщая Лассалю о ходе работы над книгой, Маркс писал: «Я действительно уже несколько месяцев занимаюсь окончательной ее обработкой. Но дело подвигается очень медленно, так как предметы, которые делаешь в течение многих лет главным объектом своих исследований, обнаруживают все новые и новые стороны и вызывают новые размышления, как только хочешь покончить с ними» [1].

Маркс решил издавать эту работу отдельными выпусками, так как не располагал ни временем, ни средствами для того, чтобы спокойно написать ее всю целиком.

К концу марта 1858 г. Маркс в основном подготовил материал для первых нескольких выпусков. В это же время через посредство Лассаля Маркс заключил договор с берлинским издателем Францем Дункером на издание ее первого выпуска. Первый выпуск Маркс обещал отослать издателю в Берлин в конце мая 1858 года. Однако болезнь и острая материальная нужда задержали на несколько месяцев подготовку рукописи к печати. Лишь в августе 1858 г. Маркс вновь оказался в состоянии продолжить работу по подготовке к изданию первого выпуска.

21 января 1859 г. рукопись первого выпуска, или работы под названием «К критике политической экономии», была закончена, а 25 января отправлена в Берлин. Примерно через месяц, 23 февраля 1859 г., в издательство было отправлено и знаменитое предисловие. Через четыре месяца, в начале июня 1859 г., книга «К критике политической экономии» вышла в свет.

Следует отметить, что работа «К критике политической экономии» была написана в короткий срок, примерно с августа 1858 по январь 1859 года. Об этом свидетельствует письмо Маркса к Энгельсу от 29 ноября 1858 г., в котором сообщалось:

«...первая [глава.— *С. Г.*], *Товар*, вовсе не была написана в черновом наброске, а вторая, *Деньги или простое обращение,* имелась лишь в виде краткого наброска» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 98.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 369.

Однако эти слова вовсе не означают, что при написании книги «К критике политической экономии» не были использованы подготовленные Марксом материалы. 12 ноября 1858 г. Маркс в письме к Лассалю сообщал, что «материал был налицо; оставалось лишь оформить» [1].

В начале 1859 г. Маркс приступил к подготовке к печати второго выпуска, в который предполагал включить только то, что должно было составить третью главу первого отдела, а именно — «Капитал вообще». Используя рукописи 1857—1858 гг. («Grundrisse»), Маркс уже в феврале — марте 1859 г. создал основу 3-й главы.

Однако в ходе дальнейшей работы рукопись второго выпуска чрезвычайно разрослась и в 1862 г. Маркс решил готовить ее в виде самостоятельного произведения. Этим произведением и явился впоследствии его всемирно известный труд — «Капитал».

«Представляя собой продолжение первого выпуска,— писал Маркс Кугельману 28 декабря 1862 г.,— она [т. е. рукопись второго выпуска.— *С. Г.*] выйдет самостоятельно под заглавием «Капитал», а «К критике политической экономии» будет только подзаголовком» [2].

Очень важно подчеркнуть, что Маркс к 1859 году уже разработал свою экономическую теорию. В предисловии ко второму тому «Капитала» Ф. Энгельс в 1885 г. писал, что к 1859 г. марксова критика политической экономии «была готова не только в основных чертах, но и в важнейших подробностях» [3]. Этот факт подтверждает и сам Маркс. В предисловии «К критике политической экономии», написанном в январе 1859 г., в частности, говорится: «Весь материал лежит передо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе; систематическая обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств» [4].

Внешние обстоятельства, однако, не способствовали

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о капитале, 1948, стр. 71.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 411.
[3] *К. Маркс.* «Капитал», т. II, 1955, стр. 6.
[4] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1953, стр. 5.

осуществлению намерений автора. Занятия публицистикой, необходимость зарабатывать на жизнь, практическая революционная деятельность, частые болезни в связи с тяжелым материальным положением отрывали Маркса от научно-исследовательской работы, задерживали выход в свет его сочинений.

Лишь через восемь лет, в 1867 г., Марксу удалось закончить обработку части этих рукописей и издать первый том «Капитала». Бо̀льшая же часть этих монографий 1857—1858 гг., являвшихся в основном отправным материалом для создания «Капитала», была опубликована на языке оригинала лишь спустя примерно 80 лет, в 1939 году Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)». Отдельные части и фрагменты из этой рукописи опубликованы и на русском языке. Так, известное «Введение» было впервые опубликовано на русском языке в 1922 году; «Глава о деньгах» — в «Архиве Маркса и Энгельса», т. IV, 1935 год; раздел «Формы, предшествующие капиталистическому производству» — в журнале «Пролетарская революция» № 3, 1939 год.

Основная часть «Grundrisse» посвящена результатам исследования проблем капитала. В этой рукописи только на первых 148 страницах излагаются другие вопросы (набросок «введения» и «глава о деньгах»). На следующих 514 страницах речь идет о капитале и весь этот основной раздел назван «Das Kapitel vom Kapital». Большое место в этом разделе отведено исследованию таких вопросов, как превращение денег в капитал, производство прибавочной стоимости, первоначальное накопление капитала и др.

Эта рукопись представляет огромный научный интерес не только как первоначальный вариант «Капитала», но и как труд, в котором разработан ряд важных проблем, не освещенных ни в работе «К критике политической экономии», ни в «Капитале». В «Grundrisse» имеется немало глубоких интересных высказываний относительно различных форм разложения родовой общины, эволюции форм земельного владения, историче-

ского развития противоположности между городом и деревней, неизбежности победы социализма, отдельных сторон социалистического строя.

Некоторые вопросы трактуются в «Grundrisse» значительно подробнее, шире, чем в «Капитале». Например, о роли и характере денег и денежного материала, о значении свободной конкуренции, об историческом развитии экономических отношений и экономической мысли в различных странах.

Вместе с тем следует отметить, что в «Grundrisse» многие другие важные проблемы лишь намечены или вовсе не упоминаются. Например, исследуя капитал, Маркс в «Grundrisse» свое главное внимание обращает на анализ основного и оборотного капитала, а не постоянного и переменного. В «Grundrisse» почти ничего не говорится об органическом строении капитала, о воспроизводстве индивидуального и всего общественного капитала, о земельной ренте и т. д.

Таким образом, в результате напряженной работы в течение 50-х годов, т. е. второго периода научных экономических исследований, Маркс не только создал замечательный труд «К критике политической экономии» (1859 г.), но и провел огромную подготовительную работу для его продолжения — написания великого всемирно известного произведения — «Капитала».

* * *

Книга Маркса «К критике политической экономии» состоит из предисловия и двух глав.

Знаменитое предисловие к работе «К критике политической экономии» имеет громадное самостоятельное значение.

В своих трудах 40-х годов (прежде всего в «Нищете философии», «Наемном труде и капитале», «Немецкой идеологии», «Манифесте Коммунистической партии») Маркс, как уже указывалось, изложил основы материалистического понимания истории.

В предисловии к работе «К критике политической экономии» он дает «цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на челове-

ческое общество и его историю»[1], то есть исторического материализма.

Вот эта классическая формулировка:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[2].

Из разных областей общественной жизни Маркс выделил экономическую область, из всех общественных отношений (материальных и идеологических) — производственные отношения, как основные, определяющие все остальные отношения. Идеологические отношения — надстройка над материальными. Последние складываются помимо воли и сознания людей, как результат их деятельности, направленной на поддержание своей жизни. Идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корне подорвала буржуазные, ненаучные концепции в социоло-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 39.

[2] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1953, стр. 7.

гии. Если буржуазные социологи до Маркса утверждали, что «общественные отношения строятся людьми сознательно», то Маркс установил зависимость хода идей от хода вещей.

Именно «марксизм,— как отмечает В. И. Ленин,— указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,— на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [1].

Основные положения исторического материализма применяются Марксом при исследовании товара, труда, стоимости, денег и других экономических категорий. Маркс показывает, что развитие противоречия, заложенного в самом товаре, возникновение денег, проявление сущности денег в их функциях и другие моменты представляют собой естественно-исторический процесс.

*Первая глава* книги посвящена анализу товара, труда и стоимости.

Желая показать действительное движение капиталистического способа производства, Маркс начинает свой анализ с товара, т. е. с простейшего отношения.

Уже в учении о товаре, труде, стоимости и деньгах ярко обнаруживается тот революционный переворот,

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 40—41.

который совершил Маркс в политической экономии в целом.

В работах 40-х годов Маркс показал, что продукт приобретает форму товара при *определенных* общественных отношениях и что две стороны товара, наличие двух родов стоимостей — потребительной и меновой,— отмечали и его предшественники. В работе «К критике политической экономии» Маркс был первым, кто установил, что потребительная стоимость и стоимость товара составляют противоречивое единство, что это единство противоположностей выражает собой противоречие товарного производства.

Если предшественники Маркса утверждали, что товар и его стоимость представляют собой естественные категории и весь вопрос сводили к тому, чем определяется меновая стоимость товара, то Маркс в работе «К критике политической экономии» открыл в товаре экономическую клеточку буржуазного общества.

Проанализировав товар, Маркс выясняет далее, что противоречие, заложенное в товаре, вызвано противоречивым характером труда, производящего товар.

Маркс глубоко исследует труд, создающий стоимость и делает новые исключительно важные открытия.

Уже экономисты до Маркса (Смит, Рикардо) определяли стоимость товара содержащимся в нем трудом. В этом их заслуга. Но буржуазные экономисты при этом впадали в ряд противоречий, которые они были не в состоянии разрешить. Они, в частности, не ставили перед собой задачу выяснить, почему и при каких условиях продукт труда принимает форму товара. Они не видели различия между товаром и продуктом труда вообще, различия между трудом, создающим стоимость, и трудом как необходимым условием существования всякого общества.

Глубоко исследовав свойство труда, Маркс нашел, что не всякий труд и не при всех условиях, придает товару стоимость, соответствующую затраченному количеству труда. Далее, Маркс показал *какой* труд, *почему и каким способом* создает стоимость, *почему* стоимость есть не что иное как овеществленный в товаре труд.

Выяснив специфику товара и труда, заключенного в товаре, Маркс делает великое открытие — он устанав-

ливает и доказывает двойственный характер труда, воплощенного в товаре. Это открытие представляет собой «отправной пункт», из которого вытекает все понимание политической экономии. Маркс показывает, что труд товаропроизводителя является одновременно и конкретным и абстрактным.

Труд, затрачиваемый в определенной форме, есть конкретный труд. В каждой потребительной стоимости воплощен определенный вид конкретного труда. Именно конкретный труд создает потребительную стоимость товара.

Но за различными конкретными видами труда скрывается нечто общее, присущее всякому труду. Этим общим является абстрактный труд, т. е. производительная затрата человеческого мозга, нервов, мускулов и т. д., т. е. затрата человеческой рабочей силы вообще, независимо от ее конкретной формы. В самом деле, «различные потребительные стоимости суть продукты деятельности различных индивидуумов, т. е. результат индивидуально различных работ. Но как меновые стоимости, они представляют одинаковый, лишенный различий труд, т. е. труд, в котором индивидуальность тех, кто трудится, стерта. Поэтому труд, создающий меновую стоимость, есть *абстрактно-всеобщий труд*» [1].

Абстрактный и конкретный труд — это две стороны труда, воплощенного в товаре.

Поскольку труд создает потребительные стоимости, он свойственен всем формам общества. Конкретный труд, как целесообразная деятельность, направленная на присвоение продуктов природы, является действительно *естественным* условием человеческого существования, независимым от социальных форм, вечной необходимостью. Потребительная стоимость во всех случаях содержит в себе природный субстрат, вещество. Труд, создающий стоимость, относится безразлично к особенностям материи, из которой состоят потребительные стоимости, и к особенностям формы самого труда.

В обществе, где господствует частная собственность на средства производства, двойственный характер труда,

---

[1] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1953, стр. 14.

воплощенного в товаре, отражает противоречие между частным и общественным трудом товаропроизводителей.

В силу частной собственности на средства производства люди разъединены, труд отдельного товаропроизводителя является его частным делом. Каждый товаропроизводитель ведет свое хозяйство обособленно от других. Но, с другой стороны, благодаря общественному разделению труда устанавливаются всесторонние связи и взаимозависимость между товаропроизводителями, труд которых составляет частицу труда общества в целом, т. е. является общественным трудом.

Таким образом, труд товаропроизводителей, являясь непосредственно их частным делом, в то же время носит общественный характер. Однако этот общественный характер труда обнаруживается только в процессе обмена, на рынке, когда один товар будет обменен на другой товар и получит общественное признание.

В произведении «К критике политической экономии» Маркс разработал и другие стороны научной теории стоимости.

Если Смит и Рикардо сводили анализ стоимости к анализу величины стоимости, то Маркс дал глубокий анализ стоимости. Он определил ее сущность, как овеществленный абстрактный труд, теоретически обосновал определение величины стоимости общественно-необходимым трудом и показал, что единственным мерилом различных количеств абстрактного труда является рабочее время.

Исходя из того, что стоимость является выражением абстрактного труда, Маркс приходит к выводу, что стоимость выражает собой производственное отношение между товаропроизводителями, работающими друг для друга. Но работают они друг для друга не прямо, не непосредственно, а при посредстве обмена одних продуктов труда на другие.

Тем самым Маркс поставил и разрешил новый вопрос в этой области, а именно, почему в условиях товарного производства труд, затраченный на производство товара, неизбежно принимает форму стоимости.

Маркс первый научно обосновал, почему стоимость *непосредственно* не измеряется трудом. А это очень важ-

ный вопрос в теории и в экономической действительности в условиях товарного производства.

Маркс показал, что, будучи общественным отношением и выступая как свойство вещей, стоимость может быть проявлена и выражена лишь отношением вещей. Но за отношениями вещей скрываются отношения людей.

Развитая Марксом теория стоимости позволила ему детально выяснить образование прибавочной стоимости.

Именно в установлении различия между трудом, производящим потребительные стоимости, и трудом, создающим стоимости, т. е. в установлении двойственной природы, заключенного в товарах труда, состоит то главное, что определяет понимание многих важных вопросов марксистской политической экономии.

*Вторая глава* посвящена выяснению, прежде всего, сущности денег.

Раскрыв тайну денег, выяснив их сущность, Маркс детально проанализировал их функции, определил законы обращения металлических и бумажных денег, а также вскрыл утопичность различных проектов устранения противоречий капитализма, «улучшения капитализма» путем уничтожения денег.

Смит и Рикардо, классики буржуазной политической экономии, выяснили, что стоимость денег, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем и что обмен товара на деньги есть обмен равных стоимостей. Их заслуга состоит также в том, что они рассеяли иллюзию, будто деньги созданы государством. А. Смит, например, учил, что деньги возникли спонтанно, стихийно, из процесса товарообращения.

Однако классики буржуазной политической экономии не вскрыли с необходимой полнотой и научностью сущности денег и исторического процесса их образования.

Маркс, использовав научные элементы теории денег классиков буржуазной политической экономии, исследовав огромный фактический материал по истории и теории денег, создал новую, цельную, подлинно научную теорию денег.

Товар, ставший деньгами, этот выделенный из товарного мира товар, превращается в *бытие* стоимости всех товаров.

С возникновением самостоятельной формы товарной стоимости, т. е. денег, происходит разделение мира товаров на два полюса: на одном полюсе остаются все обычные товары, на другом — золото, особенный товар, играющий роль всеобщего эквивалента, роль денег.

В продаже Т—Д, как и в покупке Д—Т, друг другу противостоят два товара — два единства меновой и потребительной стоимости.

В товаре — меновая стоимость его существует лишь идеально как цена, а в золоте — его потребительная стоимость существует как носитель меновой стоимости.

Заключенная в самом товаре внутренняя имманентная противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, переносится, распространяется на оба члена формулы Т—Д, так что товар противостоит золоту как потребительная стоимость, а золото противостоит товару как меновая стоимость.

Таким образом, внутренняя противоположность, заключенная в товаре, внешне выражается в противоположности между товаром и деньгами.

Только в этой внешней противоположности, когда товар и деньги вступают в обмен друг на друга, они проявляются: товар как потребительная стоимость, а деньги как меновая стоимость.

Классики буржуазной политической экономии и другие предшественники Маркса, не выяснив сущности денег, не могли определить их функции. Роль денег сводилась ими лишь к выполнению функции орудия обращения. Все другие функции, которые они в известной мере знали, рассматривались ими с точки зрения орудия обращения. То есть они не понимали своеобразия отдельных функций денег.

Маркс развил теорию денег и денежного обращения. Он определил функции денег; дал детально разработанную характеристику каждой из них как особой формы проявления сущности денег; выяснил связь между ними, их единство. Это очень важно, ибо рассмотрение отдельных функций денег изолированно, оторванно от других, порождало и все еще порождает различные иллюзии, «теории», не имеющие ничего общего с действительностью.

В этой же главе Маркс объясняет происхождение и особенности бумажных и кредитных денег.

Используя богатый фактами исторический материал, Маркс в заключительной части главы дает весьма обстоятельную критику различных буржуазных и мелкобуржуазных теорий денег и денежного обращения, вскрывая при этом классовую подоплеку этих теорий.

Очень важно отметить, что эта критика имеет актуальное значение и в наше время, так как старые буржуазные и мелкобуржуазные теории денег и денежного обращения, в несколько измененном виде, используются современными буржуазными экономистами для апологии империализма.

Говоря о месте и значении труда Маркса «К критике политической экономии», следует остановиться так же и на такой широко известной его работе, как «Введение» (Einleitung), которое уже упоминалось выше. Это «Введение» писалось для большого экономического сочинения, началом, первым выпуском которого являлся труд «К критике политической экономии».

Начиная с 1907 г. на немецком и с 1922 г. на русском языке книга Маркса «К критике политической экономии» издается вместе с «Введением», которое, кстати, упоминается Марксом в предисловии.

Маркс набросал это «Введение» в августе — сентябре 1857 г., но, не закончив, отложил его. Объясняя причину такого решения, Маркс в предисловии к «К критике политической экономии» писал: «Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые только еще должны быть доказаны, может помешать» [1].

Но и позже Марксу не удалось возвратиться к этой работе и закончить ее. В 1902 г. К. Каутский обнаружил это «Введение» в бумагах Маркса и в следующем, 1903 году, оно было опубликовано в «Neue Zeit» [2].

Несмотря на отрывочные и местами незаконченные мысли, «Введение» очень богато глубокими идеями

---

[1] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1953, стр. 5.

[2] См. «Neue Zeit», Bd. I, 1902—1903, S. 710—718, 741—745, 772—781.

и имеет неоценимое значение в методологическом отношении.

Народное хозяйство — по Марксу — есть единство органически связанных между собой многих его элементов. Общественное производство он называет «естественным исходным пунктом».

Производство, распределение, обмен и потребление, указывает Маркс, образуют собой части целого, различия внутри единства. Производство является господствующим моментом, внутренней имманентной причиной, определяющей известные формы распределения, обмена и потребления, а тем самым производство обусловливает и их взаимные соотношения.

«Определенное производство обусловливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен, *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство *в его односторонней форме,* с своей стороны, определяется другими моментами... С изменением распределения изменяется производство... Наконец, нужды потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом» [1].

Здесь во «Введении» Маркс устанавливает наличие взаимосвязи и взаимодействия между производством, распределением, обменом и потреблением и доказывает при этом решающую роль производства в экономической жизни общества. Уместно напомнить, что до Маркса экономисты рассматривали производство, распределение, обмен и потребление, как вполне самостоятельные моменты, влияющие друг на друга, но не находящиеся в необходимой внутренней связи.

Большое место во «Введении» занимает характеристика марксистского метода исследования экономических явлений. Здесь имеются глубокие положения о сочетании абстрактного, или логического, метода с историческим.

В рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс отмечал, что «выработку ме-

[1] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1953, стр. 212.

тода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает материалистическому основному воззрению»[1].

* * *

Как известно, первый отдел I тома «Капитала» также посвящен изложению вопросов товара, стоимости, денег, обращения товаров и некоторых других.

Известно, что Маркс рассматривал первый том «Капитала» как продолжение труда «К критике политической экономии». Однако основное содержание работы «К критике политической экономии» он счел необходимым резюмировать в первом отделе первого тома «Капитала». Это было сделано им не только в интересах большей связанности и полноты исследования, но и потому, что «многие пункты, которые там [в «К критике политической экономии».— *С. Г.*] были едва намечены, получили здесь [в «Капитале».— *С. Г.*] дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, и, наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь»[2].

Какие же это пункты, которые в работе «К критике политической экономии» были только намечены и развиты в первом томе «Капитала»?

В первом томе «Капитала» проведено совершенно четкое различие между стоимостью и формой ее проявления. В работе «К критике политической экономии» Маркс, разумеется, делал такое различие, однако стоимость и меновую стоимость он называл, как правило, одним термином — меновой стоимостью.

Эту меновую стоимость Маркс в работе «К критике политической экономии» исследовал и со стороны содержания — как выражение абстрактного труда и со стороны формы, т. е. как выражение стоимости одного товара в другом. Таким образом, одним и тем же термином выражалось различное существо. Кроме того, в «Капитале» гораздо более полно и всесторонне исследовано

[1] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1953, стр. 235.

[2] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 3.

соотношение стоимости и форм стоимости, яснее показано, как в меновой стоимости «скрывается» стоимость.

Основной идеей учения Маркса о форме стоимости является то, что в условиях товарного производства *стоимость одного товара может быть выражена только в другом товаре* и не может быть выражена *непосредственно в труде,* а потому не могут быть созданы «рабочие деньги». Анализ субстанции стоимости и величины стоимости в «Капитале» стал более полным и популярным, чем в «К критике политической экономии».

В «Капитале», по словам самого Маркса, более обстоятельно исследуется двойственный характер труда, заключенного в товаре. Здесь значительно ярче и точнее указана связь между двумя сторонами товара и двояким характером заключающегося в товаре труда.

«Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова,— и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости» [1].

В работе «К критике политической экономии» Маркс, раскрыв, что товар является воплощением общественных отношений людей в буржуазном обществе, показывает, что эти отношения между людьми выступают под вещной оболочкой, т. е. как отношения вещей, которые возникают стихийно и господствуют над людьми.

Однако здесь Маркс еще не формулирует положения о товарном фетишизме. Это сделано им лишь в первом томе «Капитала».

Хотя в «Капитале» резюмировано основное содержание книги «К критике политической экономии», тем не менее последняя сохраняет свое самостоятельное значение. Во-первых, потому что в отличие от «Капитала» она дает три очень важных экскурса в область истории экономических учений (разделы А, В, С), в которых критически изложены обширные данные исследо-

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 53.

вательского характера по истории анализа товара, по истории теорий стоимости, денег, денежного обращения. Во-вторых, в этой работе весьма обстоятельно рассмотрены различные аспекты теории денег при капитализме.

Книга Маркса «К критике политической экономии» при ее появлении в свет не вызвала сколько-нибудь значительной реакции. Буржуазия вместо критики прибегла к другому оружию, к замалчиванию книги. В Германии на эту книгу откликнулись лишь некоторые специальные печатные органы. В частности, несколько рецензий появилось в конце 1859 г. в специальных журналах: «Bremer Handelsblatt» и «Literarisches Zentralblatt».

Большая научная рецензия на эту работу Маркса, написанная в августе 1859 г. Энгельсом, была опубликована в лондонской немецкой газете «Das Volk».

Более значительное распространение эта книга Маркса получила в России. Немецкое издание книги уже через несколько месяцев после ее появления в свет стало известно в ряде крупных городов России. Она имела своих читателей не только в обеих столицах, но также в прибалтийских губерниях, на Украине.

На русском языке книга впервые была издана в России в 1896 году. В Советском Союзе она нашла миллионы читателей. По данным Всесоюзной книжной палаты до 1958 г. труд Маркса «К критике политической экономии» издавался на русском языке и на языках народов СССР 32 раза общим тиражом в 1507 тыс. экземпляров.

Работа Маркса «К критике политической экономии» — ценнейшая монография, знаменующая собой важный этап в развитии марксистской политической экономии. Она имеет большое научное значение для истории и теории политической экономии. В этом труде, продукте пятнадцатилетних исследований, «впервые,— как писал сам Маркс,— выражен имеющий важное значение научный взгляд на общественные отношения». «К критике политической экономии» имеет актуальное значение и в настоящее время для коммунистических и рабочих партий не только капиталистических стран, но также и стран, строящих социализм, ибо в странах, строящих социализм, сохраняются в течение известного

периода, хотя и приобретают специфические особенности, товарное производство, товарообмен, деньги, денежное хозяйство, а также продолжает действовать, правда, в ограниченной сфере, закон стоимости.

Этой работой Маркса был в корне уничтожен «прудонизм», показана несостоятельность других мелкобуржуазных и буржуазных воззрений по вышеназванным проблемам политической экономии капитализма.

Своими экономическими исследованиями и выводами уже в этой работе, а затем в «Капитале» К. Маркс, как отмечал В. И. Ленин, «революционизировал»[1] политическую экономию и добился научной победы партии рабочего класса.

Эта и другие научные победы основоположников научного коммунизма в XIX веке послужили идейно-теоретической подготовкой всемирно-исторических революционных побед рабочего класса в XX веке.

В. И. Ленин в новых исторических условиях развил и поднял на более высокую ступень революционное учение Маркса и Энгельса.

Благодаря творческому применению великого преобразующего учения марксизма-ленинизма социалистическая революция победила в СССР, Китайской Народной Республике и в ряде других стран; социализм превратился в мировую систему.

Таким образом, опыт истории мирового развития в XX веке служит неопровержимым свидетельством того, что великие идеи марксизма-ленинизма превратились в материальную силу освободительного движения народов мира. Они стали победоносным знаменем в борьбе сотен миллионов людей за мир и свободу, за демократию и социализм.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 33.

*А. И. МАЛЫШ*

## АВТОРИЗОВАННОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА «КАПИТАЛА» МАРКСА

В своем главном произведении — «Капитал» — К. Маркс с исключительной научной глубиной исследовал законы движения капиталистического способа производства, показал условия его зарождения и неотвратимость окончательной гибели. Маркс имел все основания писать накануне выхода первого тома «Капитала», что эта книга — бесспорно самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуазии [1]. «Капитал», как сокровищницу революционных идей, и до сих пор ненавидят и боятся обреченные историей на гибель эксплуататорские классы, а для сил, знаменующих исторический прогресс, великое творение Маркса служит могучим оружием в их справедливой социальной борьбе.

«Капитал» во всех своих частях представляет собой, как справедливо указывал в свое время Энгельс, труд целой жизни гениального мыслителя.

Еще в начале 40-х годов молодой Маркс в качестве публициста и редактора вплотную столкнулся с рядом экономических проблем, непосредственно затрагивавших интересы широкой массы населения тогдашней Германии, в частности ее Рейнской провинции, и решил во что бы то ни стало восполнить недостаток своего экономического образования. С этого времени он штудирует всю доступную литературу по политической экономии, истории народного хозяйства, техники, интересуется состоянием экономики Германии и других стран. Особенно

---

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 484.

плодотворными эти занятия Маркса стали после его переезда в Англию, в которой капитализм получил наибольшее развитие. Глубоко и критически Маркс овладел научным наследием классиков английской буржуазной политической экономии.

Уже в 40-х годах увидели свет теперь такие широко известные работы Маркса как «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли», в которых был сформулирован ряд основополагающих взглядов новой экономической теории, получивших дальнейшее развитие и всесторонне разработанных в более поздних трудах, особенно и главным образом в «Капитале».

Экономические исследования Маркса были временно прерваны революцией 1848—1849 годов. А когда отгремели ее бои, он снова уселся за письменный стол, чтобы продолжить начатое дело. В течение 1857—1858 гг. им была написана, в порядке самоуяснения вопросов, большая рукопись, опубликованная полностью пока только на языке оригинала под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie». Сам Маркс указанную рукопись рассматривал как «Rohentwurf» — черновой набросок будущего произведения, т. е. «Капитала».

В 1859 г. была опубликована работа «К критике политической экономии». Главные положения ее составили впоследствии основу первых трех глав первого тома «Капитала».

В 1861—1863 гг. Маркс подготовил новую рукопись объемом примерно в 1500 страниц, т. е. в два раза больше «Grundrisse». 9 тетрадей этой рукописи из общего количества 23 были переработаны затем в первый том «Капитала», тогда как остальные образовали содержание «Теорий прибавочной стоимости» и отчасти III тома «Капитала». Первый том «Капитала» впервые вышел из печати в Гамбурге в 1867 г., будучи результатом более чем двадцатилетнего, поистине героического труда.

Творец «Капитала» следовал девизу, замечательно сформулированному им 18 марта 1872 г. в письме к французскому издателю Лашатру: «В науке нет широкой столбовой дороги [route royale], и только тот может

достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»[1]. Свое произведение Маркс никогда не считал законченным. Едва появилось первое издание первого тома «Капитала», как он начал думать о его исправлении, о существенно важных дополнениях. Маркс весьма тщательно готовил второе издание первого тома «Капитала», во многом отличающееся от первого издания. Он предполагал также дальше работать над усовершенствованием своей книги, готовя ее третье издание. К сожалению, последнее вышло уже только посмертно под редакцией Энгельса, сделавшего, со своей стороны, все возможное для того, чтобы книга была такой, какой ее хотел увидеть сам автор. И здесь следует сказать, что выпавшая на долю Энгельса весьма сложная задача была успешно разрешена, прежде всего, благодаря тому, что Маркс оставил после себя авторизованный французский перевод «Капитала», отметив на авторском экземпляре те места, которые надлежало распространить на все прочие издания, включая и издания на языке оригинала.

* * *

Французское издание первого тома «Капитала»[2] было осуществлено отдельными выпусками, т. е. по частям, в течение 1872—1875 годов. После русского издания, вышедшего в марте 1872 г. в переводе, начатом Г. Лопатиным и законченном Н. Даниельсоном, это было второе издание книги на иностранном языке. Маркс придавал большое значение переводам своих трудов, особенно «Капитала». Каждое известие на этот счет его необычайно радовало. В подготовке французского перевода он принял самое непосредственное участие и как переводчик, и как редактор. Сохранилось много писем Маркса, а также свидетельств его близких, дающих представление о том, какую громадную работу выполнил Маркс, желая сделать «Капитал» еще более совершенным и максимально доступным для французского читателя.

---

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 23.

[2] «Le Capital» par Karl Marx. Traduction de M. J. Roy, entièrement revisée par l'auteur. Paris. Éditeurs, Maurice Lachâtre et C-ie.

Годы подготовки французского издания относятся к периоду, который наступил после поражения Парижской коммуны, послужившей первым опытом пролетарской власти. Политические уроки ее были подвергнуты обстоятельному анализу в знаменитом произведении «Гражданская война во Франции». Высоко ценя революционный героизм коммунаров, Маркс с гениальной прозорливостью вскрыл их ошибки, основные причины неудач и сделал огромной важности теоретические выводы, которыми воспользовались последующие поколения революционеров во всех странах и в первую очередь рабочие России во главе с ленинской партией коммунистов.

Члены Коммуны в основной своей массе были социалистами лишь по революционному пролетарскому инстинкту, далекими еще от ясного понимания важнейших положений научного социализма. Поэтому, например, в экономической области Коммуна не провела ряда преобразований, совершенно обязательных для того, чтобы сохранить и упрочить диктатуру пролетариата.

Слабости коммунаров были в известной степени отражением общей слабости французского рабочего движения того времени. Несколько позже, в письме к Кугельману от 18 мая 1874 г., Маркс отмечал, что «во Франции недостаток теоретического обоснования и практического здравого смысла очень чувствителен» [1]. В преодолении этого недостатка особую роль должен был сыграть первый том «Капитала». Очень важно было его вдохновляющие идеи сделать достоянием масс, отступивших временно под натиском реакции.

Марксу чрезвычайно по душе пришлось предложение Лашатра издать «Капитал» отдельными, периодически появляющимися выпусками. «В такой форме,— писал он,— работа станет более доступной для рабочего класса, а это для меня решающее соображение» [2].

Французский перевод первого тома «Капитала» был выполнен Жозефом Руа — переводчиком произведений Фейербаха. И хотя Руа, по отзывам Маркса, был боль-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 368.
[2] *К. Маркс*. «Капитал», т. I, 1955, стр. 23.

шим знатоком обоих языков, перевод получился слишком буквальный, не удовлетворивший автора. С этим переводом у Маркса, как он сам признавался, была «чертова уйма работы»[1]. «Рукопись Руа... от начала до конца пришлось переделывать»,— пишет он Лашатру 12 мая 1874 года[2]. В письме к Зорге от 23 мая 1872 г. он сообщает: «мне ежедневно приходится править... и *корректуры* сделанного в Париже французского перевода, которые я часто должен совершенно переделывать и исправлять, чтобы объяснить французам суть вопроса»[3].

Все это взял на себя Маркс при большой занятости в Генеральном Совете I Интернационала одновременно с другой литературной работой и несмотря на тяжелую болезнь.

Французское издание существенно отличается от первых двух немецких изданий. Более того, имеется ряд различий между ним и четвертым немецким изданием, вышедшим в 1890 г. под редакцией Энгельса. Количество разночтений между этими изданиями достигает нескольких сот.

В чем состоят, в самых общих чертах, особенности структуры и текста авторизованного французского издания?

В четвертом немецком издании, которое положено в основу распространенного теперь русского перевода, имеется 7 отделов, объединяющих 25 глав. Во французском издании — 8 отделов и 33 главы.

Глава 24 (по немецкому изданию) «Так называемое первоначальное накопление» выделена во французском издании в самостоятельный восьмой отдел, который называется просто «Первоначальное накопление». Отдельные параграфы этой главы развернуты в главы. Кроме того, увеличение количества глав во французском издании по сравнению с немецким произошло еще за счет превращения в самостоятельные главы всех трех параграфов главы 4-й в немецком издании «Превращение денег в капитал». Такие изменения в структуре тома

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 189.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 367.
[3] Там же, стр. 253.

вызваны, очевидно, желанием автора подчеркнуть лишний раз самостоятельное значение материала, излагаемого в том или ином параграфе, разукрупнить отделы и главы, облегчив тем самым в известной мере труд читателя.

Глава, соответствующая 5-й в немецком издании, и отдел 5-й по немецкому изданию во французском издании носят другое название. Глава 5 — «Процесс труда и процесс возрастания стоимости» — во французском издании стала 7-й главой и названа: «Производство потребительной стоимости и производство прибавочной стоимости». Такой заголовок представляется более простым и более доступным пониманию. В связи с этим следует учитывать также и то, на что указывал в одном из своих примечаний к французскому изданию сам Маркс: тогда во французском языке отсутствовало слово «процесс», выражающее в точности тот смысл, который вкладывался в это слово автором на немецком языке.

Отдел пятый в четвертом немецком издании озаглавлен: «Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости». Между тем, отдел третий там же назван: «Производство абсолютной прибавочной стоимости», отдел четвертый — «Производство относительной прибавочной стоимости». Естественно, может возникнуть вопрос, почему автор не избежал в названии отдела пятого как бы дословного повторения названия двух предыдущих отделов. Подобный вопрос, по-видимому, встал и перед самим Марксом во время его работы над французским изданием. Поэтому в последнем мы находим измененное название. Вместо «Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости» — «Дополнительные исследования по вопросу о прибавочной стоимости». Действительно, речь здесь идет о новых фактах и обобщениях, не повторяющих содержания двух предыдущих отделов.

Разнообразными по размерам и типу являются текстуальные различия.

Чтение «Капитала», усвоение всего того, что в нем есть, сопряжено с немалыми трудностями. И это не удивительно, ибо «Капитал» представляет собой обширный научный труд, разрешающий сложнейшую тему. Один

из современников и друзей Маркса, В. Либкнехт, справедливо замечал: «Конечно, стиль «Капитала» труден, но разве легок излагаемый в нем предмет?» [1]

Готовя французский перевод, Маркс, прежде всего, хотел добиться большей популярности своего произведения, разумеется, не в ущерб его научным качествам. Во многих случаях, особенно в первых главах, он сознательно старался упростить изложение. «Я был принужден,— пишет Маркс в письме к Даниельсону от 28 мая 1872 г.,— переделывать во французском тексте целые отрывки, чтобы сделать их доступными для французской публики» [2].

Несколько иллюстраций.

В немецких изданиях (глава первая) находим следующую фразу:

«Шотландец Маклеод, профессиональная обязанность которого заключается в том, чтобы разукрашивать возможно большим количеством учености рутинные представления банкиров Ломбард-стрита, представляет удачный синтез между суеверными меркантилистами и просвещенными разносчиками идей свободной торговли» [3].

Во французском издании в самом тексте этой фразы Маркс делает вставку, поясняющую, что Ломбард-стрит — это «улица крупных банкиров Лондона» [4].

В главе первой — «Товар» — анализируются исторические формы стоимости и среди них самая ранняя: простая, отдельная, или случайная, форма, наблюдавшаяся в то далекое время, когда процесс обмена носил еще спорадический характер. При этом X товара A = (или стоит) У товара B. Один товар служил материалом для выражения стоимости какого-нибудь другого товара. Во французском тексте слово «отдельная» опущено, так как по существу и без него вполне можно обойтись.

Довольно часто авторские «упрощения» не только позволяют скорее понять данную мысль или выражение, но и как бы уточняют их или даже расширяют их содер-

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 97.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 189.

[3] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 67.

[4] «Le Capital» par Karl Marx, p. 24.

жание по сравнению с соответствующим вариантом на языке оригинала.

В разделе о товарном фетишизме Маркс пишет, что если мы, например, возьмем обыкновенный стол как определенную полезную вещь, удовлетворяющую одну из многочисленных потребностей человека, то в этом качестве — в качестве потребительной стоимости — его можно почувствовать, физически ощущать как предмет, выполненный из дерева, имеющий ту или иную внешнюю форму, размеры, вес и т. д. Он чувственная (sinnlich) вещь. Но вот тот же стол становится товаром, носителем стоимости, реализуемой в порядке рыночных отношений. В этом качестве возможность физического осязания его исключается. Он в одно и то же время чувственно сверхчувственная вещь (sinnlich übersinnliches Ding). Это сложное и глубокое определение, вырванное из контекста, может быть и так понято: сверхчувственная вещь — это вещь, особенно действующая на чувства. Во французском переводе, на наш взгляд, найден вариант исключительно удачный, точно и выпукло выражающий мысль автора: à la fois saisissable et insaisissable — эту вещь в одно и то же время можно почувствовать, осязать, она поддается нашим ощущениям, и ее нельзя почувствовать, осязать, она не поддается нашим ощущениям [1].

В главе первой — «Товар» — говорится: «При древне-азиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни» [2].

Во французском издании это место претерпело существенное изменение: «При способах производства древней Азии, древнего мира вообще, превращение продукта в товар играет только подчиненную роль, которая, однако, приобретает все большее значение по мере разложения общинного уклада» [3]. Следовательно, Маркс, во-первых, рассматривает древнюю Азию как составную

---

[1] «Le Capital» par Karl Marx, p. 28.
[2] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 85.
[3] «Le Capital» par Karl Marx, p. 31.

часть древнего мира в целом, во-вторых, он убирает загадочное «и т. д.», утверждая тем самым, что в виде исключения продукты для обмена производятся только в древности, пока еще не зашел далеко упадок общинного уклада жизни. По-видимому, здесь Маркс в какой-то степени пересматривает данное им ранее, в предисловии к работе «К критике политической экономии», деление общественно-экономической истории на азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства, считая азиатский и античный выражением одной и той же сущности.

Еще пример из этой главы.

В параграфе «Товарный фетишизм и его тайна» находим такой абзац:

«Так как форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а следовательно характерной, как в наши дни, то кажется, что ее фетишистский характер можно еще сравнительно легко разглядеть. Но в более конкретных формах исчезает даже эта кажущаяся простота. Откуда возникают иллюзии монетарной системы? Из того, что она не видела, что в золоте и серебре как деньгах представлено общественное производственное отношение, однако представлено в форме природных вещей с очень странными общественными свойствами. А возьмите современную политическую экономию, которая с таким величавым пренебрежением посматривает на монетарную систему: разве ее фетишизм не становится совершенно осязательным, как только она начинает исследовать капитал? Давно ли исчезла иллюзия физиократов, что земельная рента вырастает из земли, а не из общества?» [1]

Так сказано в четвертом немецком издании 1890 года. Разумеется, здесь нет чего-либо неправильного. Однако ряд положений высказан как бы скороговоркой и потому трудно усваивается. Все эти положения Маркс счел необходимым дать на французском языке в другой формулировке — более ясной, обстоятельной, а потому

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 89.

и более доходчивой для рабочего читателя. Сравним соответствующие положения, как они даны в двух изданиях:

В четвертом немецком: «форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства». В авторизованном французском: «Форма товаров есть наиболее общая и самая простая экономическая форма, которую приобретают в нашем обществе продукты труда»[1]. Как видно, последняя формулировка несколько шире первой, но в то же время и проще.

В четвертом немецком: «А возьмите современную политическую экономию, которая с таким величавым пренебрежением посматривает на монетарную систему: разве ее фетишизм не становится совершенно осязательным, как только она начинает исследовать капитал?» Во французском этот текст выглядит иначе: «А современная политическая экономия, которая сильно бахвалится своим остроумием и без устали изрекает пошлые шутки против фетишизма меркантилистов, не является ли она в такой же мере жертвой обманчивой видимости? И не заключается ли ее первая догма в том, что вещи, например, орудия труда, по своей природе суть капитал и что, желая раскрыть их чисто социальный характер, люди тем самым-де совершают преступление против самой природы»[2].

В чем заключаются преимущества данного текста французского издания перед аналогичным текстом немецкого издания?

Во-первых, Маркс не без оснований предпочитает говорить уже не о монетарной, а о меркантилистской системе. Меркантилизм — это экономическая политика ряда европейских феодальных государств XV—XVIII веков, которая использовалась нарождавшейся буржуазией в интересах ускоренного накопления капиталов, а также система взглядов, обосновывавших эту политику. Согласно меркантилистским представлениям, богатством являются одни лишь деньги. Богатство возникает исключительно в сфере обращения. Единственным

[1] «Le Capital» par Karl Marx, p. 32.
[2] Там же, стр. 32—33.

источником прибыли служит внешняя торговля. Монетарная система — ранняя форма меркантилизма, господствовавшая в XV веке и добивавшаяся активного денежного баланса, сосредоточения в стране любым путем как можно большего количества металлических денег. В XVII веке монетаризм уступает место более гибкой и прогрессивной политике — собственно меркантилизму, целью которого было обеспечение активного торгового баланса. Уже позднее, к началу XIX века, меркантилистские взгляды отходят в прошлое, более распространенным становится сознательное или подсознательное понимание роли производства как единственной сферы, где совершается первичный процесс создания богатства.

Во-вторых, в немецком издании Маркс лишь намекает, что современная, т. е. вульгарная политическая экономия, критикуя меркантилистов, находившихся в плену денежного фетишизма, сама по существу является его жертвой. Во французском же издании он, не ограничиваясь одним напоминанием, в краткой, но вполне убедительной форме поясняет сущность фетишистских заблуждений этой политической экономии.

В четвертом немецком издании сказано: «Давно ли исчезла иллюзия физиократов, что земельная рента вырастает из земли, а не из общества?» [1]

Во французском: «Наконец, физиократы, которые несравненно выше современной политической экономии, не думали ли они, что земельная рента не есть дань, отнятая у человека, а напротив, дар самой природы собственникам» [2]. Преимущества в последнем изложении опять-таки не вызывают сомнений. Здесь Маркс воздает должное физиократам, а это особенно важно было подчеркнуть для французской публики. Физиократы в лице доктора медицины Кенэ и других знаменовали своими трудами об общественном воспроизводстве важное достижение экономической мысли Франции. Но вместе с тем Маркс критикует физиократов, указывая, в чем состояла ошибочность их концепции в вопросе

---

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 89.

[2] «Le Capital» par Karl Marx, p. 33,

о происхождении земельной ренты. Эта критика во французском издании первого тома «Капитала» дана в более четком виде, чем в других его изданиях.

И, наконец, еще один пример, свидетельствующий о том, насколько внимателен был великий Маркс к своему читателю, как он совершенствовал свою книгу от издания к изданию.

В главе девятой немецкого издания «Норма и масса прибавочной стоимости», почти в самом начале ее, выведена формула массы прибавочной стоимости:

$$M = \begin{cases} \frac{m}{v} \times V \\ k \times \frac{a'}{a} \times n, \end{cases}$$

где $M$ — масса прибавочной стоимости, $\frac{m}{v}$ — норма прибавочной стоимости, причем $m$ — прибавочная стоимость, доставляемая отдельным рабочим в среднем за день, $v$ — переменный капитал, ежедневно авансируемый на покупку одной рабочей силы; $V$ — общая сумма переменного капитала; $k$ — стоимость средней рабочей силы; $\frac{a'}{a}$ — степень эксплуатации рабочей силы, причем $a'$ — прибавочный труд, $a$ — необходимый труд; $n$ — число применяемых рабочих. В немецких изданиях эти две формулы читаются так: «масса производимой прибавочной стоимости равна величине авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости, или определяется сложным отношением между числом одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталистом рабочих сил и степенью эксплуатации отдельной рабочей силы» [1].

Первая часть текста, относящаяся к формуле $M = \frac{m}{v} \times V$, является совершенно ясной. Но о другой его части, начиная с «или», этого, пожалуй, сказать нельзя. В результате сделанного автором улучшения во французском издании формула $M = k \times \frac{a'}{a} \times n$ читается иначе, а именно: «Масса прибавочной стоимости

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 309.

равна стоимости одной рабочей силы, помноженной на степень ее эксплуатации и число одновременно применяемых рабочих сил»[1].

При подготовке французского перевода Маркс в ряде случаев устранил очевидные смысловые ошибки, вкравшиеся в немецкий текст. Характерным является одно исправление в главе XXIII «Всеобщий закон капиталистического накопления». По ходу изложения Маркс замечает, что из того факта, что во время кризисов перепроизводства товарные цены обычно падают и стоимость денег повышается, а в фазе процветания наблюдается обратная картина, так называемая денежная школа (Currency School), занимавшаяся вопросами денежного обращения, делает вывод, будто при высоких ценах в каналах обращения слишком мало денег, а при низких — слишком *много.* Так ли это? Руководствуясь простой житейской практикой капиталистических стран, которая, однако, не идет дальше наблюдения внешней стороны явлений, люди привыкли судить о сравнительно низких ценах как о показателе недостатка покупательных средств,— говорят, деньги стали дорогими. И напротив, высокие цены указывают на избыток денежной массы, когда говорят, что деньги стали дешевыми. Так именно рассуждали представители количественной школы — Торренс, Норман, Клей и другие. И вполне понятно, почему во французском тексте, в отличие от немецкого, отмечается, что эти экономисты полагали, что при низких ценах — денег *мало,* при высоких — денег *много*[2].

Следует заметить, что такая зависимая связь соответствует действительности, но лишь в условиях бумажно-денежной эмиссии, когда денежные знаки не могут быть обменены на золото. При наличии золотого стандарта расширение или сокращение средств обращения, если остается неизменной стоимость благородных металлов, функционирующих как деньги, является всегда следствием, но отнюдь не причиной колебания товарных цен. Денежное обращение, указывает Маркс, есть

[1] «Le Capital» par Karl Marx, p. 131.
[2] Там же, стр. 272.

только вторичное движение, отражающее реальное состояние рынка товаров.

Помимо переделки отдельных мест в целях придания им большей простоты и ясности, наряду с уточнениями, лишь небольшая доля которых рассмотрена выше, французское издание первого тома «Капитала» содержит множество авторских дополнений как в основном тексте, так и в примечаниях под текстом. Особенно много их в отделе «Процесс накопления капитала». Все эти исключительно важные дополнения, различные по своему объему и содержанию, служат красноречивым доказательством высокой научной добросовестности Маркса, отражают в известной мере эволюцию взглядов его по отдельным вопросам, показывают, что Маркс никогда не считал законченной работу над «Капиталом». Большинство указанных дополнений были перенесены Энгельсом в 3-е и 4-е немецкие издания. Но нельзя думать, что оставшимися можно пренебречь, что они не существенного свойства. Эта часть дополнений, по-видимому, не была унаследована немецкими изданиями, так как включение их потребовало бы ломки устоявшегося текста и стиля на немецком языке. Остановимся лишь на нескольких из этой группы «неунаследованных» дополнений.

В третьем параграфе главы XXIII «Всеобщий закон капиталистического накопления» Маркс, рассматривая специфический для капитализма циклический характер процесса производства, указывает, что «этот своеобразный жизненный путь современной промышленности» [1] не наблюдался ни в одну из прежних эпох человечества, он был невозможен также и в период детства капиталистической системы. Во французском издании этот вывод подкреплен пояснением, отсутствующим в других изданиях:

«Тогда, благодаря тому, что технический прогресс был медленным и еще медленнее становился всеобщим, изменения в составе общественного капитала едва ощущались. В то же время расширение недавно созданного колониального рынка, соответствующее умножение по-

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 638.

требностей и средств их удовлетворения, появление новых отраслей промышленности увеличивали вместе с накоплением спрос на труд»[1].

Тут же Маркс определяет более обстоятельно, чем в немецких изданиях, роль неизбежно порождаемой капитализмом безработицы как фактора, обеспечивающего промышленный подъем после кризиса. Далее вскрывается ложность буржуазных теорий народонаселения.

«Только при режиме крупной промышленности производство избыточного населения становится регулярным средством производства богатства.

Если этот режим наделяет общественный капитал силой внезапного расширения, удивительной эластичностью, то это потому, что под воздействием благоприятных обстоятельств кредит обусловливает приток в производство необычных масс растущего общественного богатства, новых капиталов, владельцы которых нетерпеливо выжидают подходящего случая для производительного их применения; и с другой стороны, потому, что технические средства крупной промышленности позволяют очень быстро превращать огромный прирост продуктов в дополнительные средства производства и более быстро перевозить товары с одного конца мира на другой. Если низкая цена этих товаров сначала открывает им новые рынки сбыта и расширяет старые, то их изобилие вызывает мало-помалу сокращение рынка в целом вплоть до такого состояния, когда они будут вытеснены с этого рынка. Коммерческие превратности сочетаются, таким образом, с чередующимися движениями общественного капитала, который в ходе своего накопления то претерпевает революции в своем составе, то увеличивается на уже достигнутом техническом базисе. Все эти влияния способствуют внезапному расширению и сокращению масштабов производства.

Расширение производства путем прерывистых движений есть первая причина его внезапного сокращения; последнее, правда, вызывает в свою очередь первое, но было ли бы возможно чрезмерное расширение производства, образующее отправную точку, без резервной

---

[1] «Le Capital» par Karl Marx, p. 279.

армии в распоряжении капитала, без увеличения количества работников независимо от естественного прироста населения? Это увеличение получается при помощи очень простого приема, который каждый день выбрасывает рабочих на улицу, применением методов, которые, делая труд более производительным, уменьшают спрос на него. Следовательно, постоянно возобновляющееся превращение части рабочего класса в рабочих, занятых половину времени или совсем безработных, придает движению современной промышленности ее типичную форму»[1].

Эти высказывания Маркса сохранили всю свою познавательную силу и в наши дни. Современная монополистическая буржуазия устами ее идеологов твердит о возможности преодоления безработицы в рамках капитализма с помощью особых мер правительственной политики. Однако в действительности, вопреки обильному теоретизированию и пропаганде относительно условий полной занятости, огромные массы трудящихся в капиталистических странах не обеспечены работой. Новейшие открытия в области техники и технологии производства вместе с усилением интенсивности труда служат причиной роста резервной армии безработных, которая не рассасывается полностью даже в период гонки вооружений и самой войны.

Маркс в своих научных трудах нередко употребляет литературные и мифологические образы, цитирует произведения художественной классики и народного фольклора. Понятно, что это делалось им не ради красоты стиля,— хотя сама по себе форма изложения играет далеко не последнюю роль и произведения Маркса являют для людей науки превосходный пример уменья сочетать строгую научность с художественностью в самом хорошем смысле. Он руководствовался, прежде всего, желанием сделать свое изложение сложных научных теорий максимально популярным и убедительным.

Во французском издании мы находим яркие художественные иллюстрации, отсутствующие в других изданиях. Вот пример. В начале главы «Так называемое

---

[1] «Le Capital» par Karl Marx, p. 279—280.

первоначальное накопление»[1] Маркс высмеивает досужие вымыслы вульгарной политической экономии относительно условий первоначального накопления. Все дело представляется подобно легенде о первородном грехе: в незапамятные времена существовали трудолюбивые люди и лентяи, одни трудились в поте лица своего, накапливали богатство, другие вели легкую жизнь и, в конце концов, прокутив все, вынуждены были продавать свои рабочие руки. Под строкой к соответствующему месту во французском издании[2] Маркс поместил сноску:

«Гёте, раздраженный этим вздором, высмеивает его в следующем диалоге:

«Откуда у тебя, дитя, дары все эти?
Ведь без источника нет ничего на свете.—
Да что ж, я их от папы получил.—
А папа от кого? — От дедушки.—
Но дал их кто деду твоему?
Он *взял* их».
(«За чтением катехизиса».)»[3]

* * *

На титульном листе французского издания первого тома «Капитала» по праву написано: «Совершенно переработанное автором». Сам Маркс высоко ценил это издание. В своей переписке с друзьями он часто цитирует отдельные положения «Капитала» именно по этому изданию, причем оговаривается, что здесь они даны не мимоходом, как в других изданиях.

Маркс настоятельно рекомендовал переводчикам первого тома «Капитала» использовать французское издание. Здесь же можно привести его письмо к Даниельсону от 15 ноября 1878 г., в котором даются советы по поводу предполагаемого второго русского издания. Маркс пишет: «1) Я желал бы, чтобы *разделение*

---

[1] См. *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 718.
[2] «Le Capital» par Karl Marx, p. 314.
[3] Дается в переводе, приведенном в т. 4, стр. 234, 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

*на главы* — то же относится и к их *подразделам* — было сделано по французскому изданию.

2) Чтобы переводчик постоянно и тщательно сверял второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений»[1].

В обращении Маркса к читателю, написанном 28 апреля 1875 г. и опубликованном во французском издании первого тома «Капитала» в виде послесловия, говорится: «Каковы бы ни были литературные недостатки этого французского издания, оно имеет самостоятельную научную ценность наряду с оригиналом и поэтому им должны пользоваться и читатели, знакомые с немецким языком»[2].

Авторизованное французское издание первого тома «Капитала», в которое Маркс, по его собственным словам, «внес кое-что новое и в котором многое изложил гораздо лучше»[3], заслуживает специального и самого внимательного изучения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Письма о «Капитале», 1948, стр. 206.
[2] «Le Capital» par Karl Marx, p. 348.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 479.

*А. В. УРОЕВА*

# ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОГО ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ I ТОМА «КАПИТАЛА» МАРКСА

История французского издания I тома «Капитала» представляет особый интерес, так как она связана с огромной творческой работой автора над этим изданием и его борьбой за пропаганду идей научного коммунизма во Франции и в тех европейских странах, где был распространен французский язык. Между тем, история французского издания, к сожалению, мало изучена.

В советской библиографии можно назвать лишь статью А. Д. Эйхенгольца[1]. Она была написана в 1936 г. на основании переписки, опубликованной в вышедших к тому времени томах Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (первое издание).

Во Франции история издания кратко освещена в предисловиях к переводам «Капитала» (Париж, 1938 и 1948 гг.). Социалист Зеваес пытался на нескольких страницах своей книги «О проникновении марксизма во Францию»[2] дать историю издания. К сожалению, автор этой популярной книги не приводит ссылок на источники.

Изучение материалов, хранящихся в архиве Института марксизма-ленинизма, дало возможность уточнить многие даты и факты в истории французского издания

---

[1] *А. Д. Эйхенгольц.* «К истории первого издания «Капитала» (том первый) на французском языке (1872—1875)». «Книжные новости» № 8, 1936, стр. 1—4.

[2] *A. Zévaès.* «De l'introduction du marxisme en France». Paris, 1947, p. 37—42.

«Капитала». Кроме того, переписка Института марксизма-ленинизма с работниками издательства «Editions sociales» в Париже, тщательный просмотр до 50 отдельных экземпляров книги в крупных библиотеках Москвы и Ленинграда, изучение последних публикаций во французской и итальянской печати позволило дополнить историю издания некоторыми новыми данными, облегчило задачу суммирования всего материала.

Значение французского издания I тома «Капитала» в истории марксизма чрезвычайно велико. Маркс считал, что французское издание имеет самостоятельное научное значение наряду с оригиналом. Он полностью переработал рукопись французского перевода, отметил в печатном экземпляре те места, которые хотел учесть при подготовке последующих немецких изданий I тома, но работа над II и III томами «Капитала» помешала ему осуществить свое намерение. Эту задачу выполнил за него его друг и соратник Ф. Энгельс. Таким образом, французское издание «Капитала» сыграло большую роль для всех последующих прижизненных изданий «Капитала».

Французский перевод «Капитала» издавался в тяжелые годы, в обстановке политической реакции, наступившей после разгрома Парижской коммуны. Часть территории Франции была оккупирована немецкими войсками. Происходила беспощадная расправа с коммунарами. Рабочее движение было отброшено назад, многие руководители, тысячи передовых рабочих были либо убиты, либо находились на каторге, в тюрьмах, в изгнании. Жестокой травле подверглись организации Международного Товарищества Рабочих во Франции. Специально изданный закон против I Интернационала карал, впервые во Франции, не только за совершенные «преступления», но и за «вредные мысли».

В этой сложной обстановке перед рабочим движением выдвигаются новые задачи. Нужно было сосредоточить все силы на борьбу за создание национальных пролетарских партий, за сплочение передовых рабочих на основе марксизма, за освобождение рабочих от влияния буржуазных и мелкобуржуазных социалистических направлений. Пользуясь обстановкой, сложившейся во Франции, буржуазия старалась подчинить французских

рабочих своему влиянию, направляя их на путь узкого тред-юнионизма и кооперативного движения, пытаясь вытравить революционные и социалистические традиции. Буржуазные экономисты во Франции так же как и их собратья в Германии пробовали сначала замолчать «Капитал», а когда это не удалось, то выступили со статьями, извращающими и опошляющими идеи «Капитала». Такого рода статьи опубликовали Блок, Лавеле и другие буржуазные авторы, которые пытались дать французским читателям превратное представление о «Капитале». Некоторые заядлые враги марксизма высказались даже за перевод книги Маркса, чтобы, как они рассчитывали, подготовить разгром новой революционной теории. Именно из этих соображений реакционер из парижской Академии наук, А. Франк, на одном из ее заседаний высказал пожелание увидеть полный перевод «Капитала» на французском языке [1].

С другой стороны, прогрессивные слои французской интеллигенции и передовые рабочие продолжали проявлять большой интерес к теории Маркса. Резолюции Брюссельского конгресса I Интернационала призывали рабочих всех стран к знакомству с содержанием книги. Но прочитать «Капитал» на языке оригинала могли лишь немногие из французских рабочих. На французском же языке, в газете левого прудониста А. Вермореля была опубликована лишь часть предисловия к немецкому изданию [2]. И даже эта небольшая публикация способствовала пробуждению желания у многих французских читателей познакомиться со всей книгой.

Перевод «Капитала» именно на французский язык Маркс считал весьма важным делом. С помощью этого перевода он надеялся «освободить французов от тех ложных воззрений, во власти которых они находятся благодаря Прудону с его идеализацией мелкой буржуазии» [3].

Вредное влияние прудонизма сказывалось и в соседних с Францией странах. В декабре 1872 г. старшая дочь

---

[1] «Der Volksstaat» № 1, 5.I.1876.

[2] «Le courrier français» № 106, 1.X.1867.

[3] К. Маркс — Л. Бюхнеру, 1.V.1867 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXV, стр. 486).

Маркса Женни в письме к Кугельману жаловалась на бельгийцев за их слабость в вопросах экономической теории. «Бельгийцы,— писала она,— считают, что Маркс и Прудон разрешили «проблему стоимости»»[1].

История французского издания начинается за 10 лет до того, как вопрос о переводе стал на реальную почву и был заключен договор с издателем[2]. Уже в 1862 г., задолго до выхода немецкого издания, интенсивно работая над своим трудом, Маркс заручился обещанием французских друзей о том, что по выходе книги на языке оригинала она будет переведена на французский язык[3]. Одним из серьезных вопросов был подбор переводчика. В переписке с Энгельсом, родными и знакомыми постоянно обсуждался вопрос о переводе, о кандидатах в переводчики, об издателях. Переводчиком надо было подыскать человека, в совершенстве владеющего двумя языками и не просто знающего предмет книги, а способного воспринять и передать новую теорию Маркса. Многие лица по разным причинам не подходили для роли переводчика этого гениального труда.

После выхода в свет немецкого издания журналистка Клеманс Руае (Royer), близкая к редакции «Journal des économistes», дала согласие сделать перевод. Но из беседы с ней П. Лафаргу, зятю Маркса, удалось составить представление о скудости ее научного багажа, выяснить ее политическое лицо. Она не скрывала своего пренебрежительного отношения к рабочему классу, считала его обреченным на муки и голод и даже выбрала темой своей очередной статьи «Незаконность права коалиции»[4]. Естественно, что такая кандидатура должна была отпасть.

В начале 1868 г. предлагал свои услуги по переводу польский эмигрант, участник польского восстания 1863 г. Иосиф Цверцякевич-Кард[5] (1822—1869). Цверця-

---

[1] Женни Маркс — Л. Кугельману, 23.XII.1872 г. («Movimento operaio» № 2, 1955, p. 292).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 213.

[3] Там же, т. XXIII, стр. 118.

[4] Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ). П. Лафарг — Ж. Маркс [XII. 1868], ф. 1, оп. 5, № 8206.

[5] Архив ИМЛ. И. Кард — К. Марксу, 10.I.1868 г., ф. 1, оп. 5, № 5281.

кевич был одним из секретарей Женевского конгресса Международного Товарищества Рабочих, участвовал в работе Женевской секции I Интернационала, сотрудничал в органе этой секции. Переводами Цверцякевич занимался для заработка, был и театральным репортером[1]. В 1869 году он умер.

Зимой того же 1869 г. друзья Маркса В. Шили, Э. Дронке и другие встретились в Париже и обсуждали положение с переводом. Они советовали Марксу послать известному французскому лингвисту Литтре экземпляр немецкого издания I тома «Капитала», выразив пожелание относительно перевода этого труда на французский язык[2]. В дошедшей до нас переписке отсутствует отклик Маркса на этот совет.

Начиная с 1865 г. через Виктора Шили велись переговоры о переводе с Эли Реклю (1827—1904), старшим братом знаменитого географа Элизе Реклю. Эли Реклю брался за перевод совместно с бывшим «истинным социалистом» М. Гессом и уже начал к нему серьезно готовиться, изучая другие работы Маркса[3]. Однако переговоры, длившиеся почти три года, ни к чему не привели. Одной из причин было то, что Реклю запросил чересчур высокий гонорар, и на долю издателя ничего не оставалось[4]. После поражения Парижской коммуны, в деятельности которой они принимали участие, оба брата Реклю эмигрировали в Швейцарию, где прониклись анархистскими взглядами и стали играть руководящую роль в бакунистском «Альянсе». Естественно, что вопрос о Реклю как о переводчике отпал.

В 1869 г. за перевод «Капитала» взялся Шарль Келлер (1843—1913), член I Интернационала. По характеристике Поля Лафарга, это был энергичный, увлекающийся, работоспособный человек, убежденный социалист и атеист. Келлер порвал с отцом, фабрикой которого

[1] Polski słownik biograficzny. Kraków, 1938, т. IV/4, Zeszyt 19, S. 384.

[2] Архив ИМЛ. В. Шили — К. Марксу, 7.II.1868 г., ф. 1, оп. 5, № 9727.

[3] Архив ИМЛ. В. Шили — К. Марксу, 26.IV.1868 г., ф. 1, оп. 5, № 9682.

[4] Архив ИМЛ. В. Шили — К. Марксу, 24.I.1868 г., ф. 1, оп. 5, № 9861.

он управлял несколько лет, с тех пор он жил переводами, главным образом для медицинского издательства G. Baillère в Париже[1].

Работа Келлера над переводом подвигалась быстро и была одобрена Марксом[2]. Келлер творчески подходил к переводу, советовался с Марксом и Лафаргом о переводе отдельных терминов, пытался иногда сам создавать новые французские слова, например, «valorisation» для перевода немецкого термина «Verwertung»[3]. К апрелю 1870 г. было переведено уже около 400 страниц, а издатель еще не был найден. Много раз работа прерывалась: и из-за неосуществленного намерения Келлера перевести «Восемнадцатое брюмера» и одновременно из-за обстоятельств материального порядка, и т. д. После ранения, полученного на баррикадах Парижа, Келлер вскоре уехал в Базель, где снова занимался переводами, собирался возобновить работу и над «Капиталом»[4]. Переход Келлера на позиции бакунизма[5], по-видимому, послужил этому помехой. Несмотря на это, Келлер продолжал поддерживать письменную связь с Марксом и в дальнейшем проявлял интерес к судьбе перевода, за который тогда уже взялся другой переводчик — Руа[6]. Келлер пробовал свои силы и в поэзии, выпуская стихи как под своим именем, так и под псевдонимом Жак Турбен[7].

За перевод «Капитала» на французский язык пытался также браться и бланкист Виктор Жаклар

---

[1] Архив ИМЛ. П. Лафарг — К. Марксу, 23.X.1869 г., ф. 1, оп. 5, № 8207. Об этом письме сообщает Женни Лонге Л. Кугельману 30.X.1869 г. («Movimento operaio» № 2, 1955, p. 266).

[2] Архив ИМЛ. Л. Лафарг — К. Марксу, 12.XII.1871 г., ф. 1, оп. 5, № 356.

[3] Архив ИМЛ. Ш. Келлер — К. Марксу, 23.XI.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 7779.

[4] Ш. Келлер — Л. Франкелю, 12.X.1871 г. (Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны, 1941, стр. 245—247).

[5] Анархисты, к которым примкнул Келлер, использовали припев к написанной им юрской песне в качестве лозунга в газете, издававшейся П. Бруссом в 1877 году («L'Avant-garde» №№ 1—12, 1877).

[6] Архив ИМЛ. Ш. Келлер — К. Марксу, 23.XI.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 7779.

[7] *Jacaques Turbin.* «Du fer», Paris 1897; «Ouvriers et paysans». Nancy, 1907. (См. Catalogue général... de la Bibliot. nationale, t. 80, p. 1118—1119.)

(1843—1900) и его жена Анна Васильевна Корвин-Круковская (1843—1887).

Жаклар восторженно встретил появление «Капитала». Он приступил к работе над переводом с сознанием ее огромного значения и ответственности переводчика. Свободного времени у него было мало, так как он жил с семьей на заработок от частных уроков. Жаклар строил планы поездки к Марксу в Лондон для согласования работы, но дальше этих планов дело не пошло[1].

В конце 1872 г. до Маркса дошли слухи, что перевод «Капитала» сделан женой Жаклара, Корвин-Круковской, передовой русской женщиной, участвовавшей, также как и ее муж, в деятельности Парижской коммуны. Из ее ответа на письмо Маркса выяснилось, что ею были переведены отрывки из «Капитала» для предполагавшейся рецензии, но все эти материалы погибли, попав в руки версальской полиции[2].

В конце 1868 г. П. Лафарг встретился и вел переговоры о переводе «Капитала» с Людвигом Пфау, корреспондентом «Allgemeine Zeitung». Пфау не считал, что ему лично эта работа по силам, но указал на Жозефа Руа, переводчика произведений Фейербаха на французский язык[3].

Переводить Фейербаха Руа начал не по заказу, а по влечению к его идеям. Впоследствии издательство Лакруа поручило ему перевод книги Фейербаха «Сущность христианства», которая вышла в 1864 г. в Париже и была им послана на отзыв автору[4].

Фейербах узнал о переводе от Э. Вайяна, а потом получил и самую книгу. Он очень лестно отозвался

---

[1] Архив ИМЛ. П. Лафарг — К. Марксу, XI. 1868 г., ф. 1, оп. 5, № 8212.

[2] Архив ИМЛ. А. Жаклар-Корвин — К. Марксу, 12.XI.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 7537.

[3] Архив ИМЛ. П. Лафарг — Ж. Маркс, XII. 1868 г., ф. 1, оп. 5, № 8206.

[4] *L. Feuerbach.* «La religion. Mort. Immortalité». Trad. de l'allemand avec l'autorisation de l'auteur. Par Joseph Roy. Paris, Lacroix, 1864.

Указание на то, что перевод авторизован, не соответствует действительности и является лишь уловкой издателя.

о переводчике, как о горячем и искреннем последователе его идей, сумевшем в переводе удачно воплотить его мысли. Он отметил в работе лишь незначительные недостатки [1]. Между автором и переводчиком завязалась переписка. Узнав, что Фейербаху 60 лет, Руа просил его при составлении завещания назначить его переводчиком своих работ [2]. Имя Руа фигурирует также в переписке Э. Вайяна с Фейербахом.

Вторично кандидатура Руа в качестве переводчика «Капитала» всплывает по рекомендации Ш. Лонге в январе 1872 года [3]. Жозеф Руа приступил к этой работе в феврале 1872 г. [4] и закончил ее в конце 1874 года [5]. При переводе Руа обнаружил много затруднений лингвистического порядка, которые его настолько беспокоили, что он просил Маркса дать на просмотр его другу Э. Вайяну сделанный им перевод первой главы [6].

В процессе работы Руа увлекся идеями книги, он просил разрешения у автора опубликовать на французском языке главу о рабочем дне, просил выслать ему экземпляры вышедших выпусков перевода для распространения среди знакомых, интересующихся книгой [7]. Он понимал значение работы и относился к ней с сознанием ее важности. Потерянное в связи с болезнью время он обещал наверстать и сдать выпуски в срок [8]. По условиям договора оплата перевода производилась по окончании всей работы (гонорар равнялся 1 500 франкам [9]).

---

[1] *L. Feuerbach.* «Ausgewählte Briefe von und an Ludwig Feuerbach». Hrsg. v. W. Bolin. Bd. 2, Lpz., 1904, S. 306, сноска.

[2] «Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass...». Bd. 2, Lpz., 1874, S. 167.

[3] Архив ИМЛ. Ш. Лонге — К. Марксу, 13.I.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 8598.

[4] Архив ИМЛ. Ж. Руа — Ш. Лонге, 28.II.1872 г., ф. 7, № 13021.

[5] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 26.II.1874 г., ф. 1, оп. 5, № 13311.

[6] Архив ИМЛ. Ж. Руа — К. Марксу, 14.III.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 13022.

[7] Архив ИМЛ. Ж. Руа — М. Лашатру, 22.III.1873 г., ф. 458, № 13024.

[8] Архив ИМЛ. Ж. Руа — К. Марксу, 8.V.1873 г., ф. 1, оп. 5, № 13025.

[9] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 27.III.1879 г., ф. 1, оп. 5, № 12979.

Такой способ оплаты вызывал необходимость параллельной платной работы, что и заставляло переводчика подолгу задерживать корректуры[1]. Издатель Лашатр сердился на Руа за эти задержки и не останавливался перед требованием заменить Руа другим переводчиком[2]. Были и еще некоторые обстоятельства, тормозившие работу над переводом: по ряду вопросов Руа должен был советоваться с Марксом, Руа разбирал немецкую рукопись Маркса[3], сотни километров отделяли переводчика от автора, а также и от издателя (последний жил в Испании), письма от Руа шли не прямо Марксу, а из конспиративных соображений через Лонге или Вайяна[4].

Личная встреча автора с переводчиком, неумело организованная Лонге в конце августа 1882 года, вызвала у Маркса лишь чувство досады[5].

Излишняя пунктуальность переводчика, который, как отметил Маркс, добросовестно старался дать возможно точный перевод, привела к слишком дословному переводу, и автор должен был перерабатывать всю рукопись, чтобы сделать ее более доступной для читателей-французов.

Отголоски того, что переводчик не совсем оправдал возлагавшиеся на него надежды, звучат во всей переписке. Дочь Маркса Женни писала Л. Кугельману в мае 1872 года: «Перевод первой части книги не так хорош, как этого следовало ожидать, судя по отзывам о переводчике, который с большим успехом переводил Фейербаха»[6]. В оправдание Ж. Руа надо сказать, что перевод такого труда, адекватный по качеству, форме и стилю, был по существу под силу только самому автору.

---

[1] Архив ИМЛ. Ж. Руа — К. Марксу, 26.III.1873 г., ф. 1, оп. 5, № 13026.

[2] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 22.III.1873 г., ф. 1, оп. 5, № 13002.

[3] Архив ИМЛ. Ж. Руа — К. Марксу, 2.II.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 13020.

[4] Архив ИМЛ. Ж. Руа — Ш. Лонге, 28.II.1872 г., ф. 7, № 13021.

[5] К. Маркс — Ф. Энгельсу, 24.VIII.1882 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIV, стр. 572).

[6] К. Маркс — Л. Кугельману, 3.V.1872 г. («Movimento operaio» № 2, 1955, p. 289).

Незадолго до начала работы Руа над переводом П. Лафаргу удается найти издателя, эмигранта Коммуны Мориса Лашатра, проживавшего в Испании под фамилией Леконта. Маркс подписал договор с Лашатром [1].

Морис Лашатр (1814—1904) — прогрессивный издатель, историк, демократ, известный своей борьбой против клерикализма и монархии. За выпущенные им издания он неоднократно подвергался репрессиям (например, за издание романа Э. Сю «Парижские тайны» и за антиклерикальные произведения, автором которых он был сам, и т. д.). После Парижской коммуны Лашатр вторично эмигрировал из Франции, опасаясь преследований за свою деятельность в качестве издателя и журналиста.

Дальность расстояния и положение эмигранта не помешали Лашатру развить энергичную издательскую деятельность, в частности, активно взяться за издание книги Маркса. Он улаживал все недоразумения между автором, переводчиком и типографией, читал корректуру, исправлял переводчика, замечал опечатки, оставленные автором в гранках [2], прилагал все усилия к тому, чтобы улучшить издание, не останавливаясь перед расходами. Лашатр внимательно прислушивался к требованиям автора, он, например, согласился выполнить пожелание Маркса и дал указание перевести иностранные цитаты на французский язык [3]. В то же время Лашатр обижался на автора за текст послесловия и за требование поместить список опечаток, считая, что этим и характеристикой перевода Руа автор необоснованно снижает значение издания [4]. Список опечаток он все же поместил, но сопроводил его оговоркой, которой пытался оправдать недосмотр издательства.

---

[1] Архив ИМЛ. Ж. Вернуйе — К. Марксу, 16.II.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 12960.

[2] К. Маркс — М Лашатру, 12.V.1874 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 367).

[3] Архив ИМЛ. А. Дерво — К. Марксу, 20.VI.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 13014.

[4] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 11.VI.1875 г., ф. 1, оп. 5, № 13006.

К Марксу Лашатр относился с глубочайшим уважением. Он поверял ему даже свои мысли о коммунизме. Читая текст начала книги, он наивно спрашивал автора, будет ли в конце книги видна связь ее содержания с идеями коммунизма. Предупредительность к автору выражалась даже в мелочах. Лашатр требовал от типографии присылки автору корректур на более тонкой бумаге, чтобы сэкономить Марксу почтовые расходы [1].

Маркс не всегда соглашался с мнением издателя. Он не разрешил снять в угоду Лашатру дату (1867 г.) с предисловия к первому немецкому изданию, несмотря на заявления Лашатра, что издание «новое» и что он возражает против того, чтобы в нем фигурировала «старая» дата [2].

Одновременно с «Капиталом» в издательстве Лашатра готовилась к выходу в свет и его антиклерикальная книга «История пап». Из этого издания Лашатр использовал для оформления «Капитала» рисунки титульных листов (на одном из которых изображен римский Пантеон [3]), некоторых заставок и концовок [4].

По договору с Лашатром «Капитал» должен был выходить выпусками по 1 печатному листу каждый, всего в 44 выпусках. При большом формате книги в одном печатном листе было только 8 страниц (нумерация печатных листов указывалась в правом нижнем углу соответствующих страниц издания). Чтобы дать автору наглядный образчик того, как будет издаваться «Капитал», Лашатр прислал Марксу один из выпусков книги Луи Блана «История французской революции», которая выходила в его издательстве более чем в двухстах выпусках [5].

---

[1] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 5.V.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 12982.

[2] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 29.IV.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 18981.

[3] *Римский Пантеон* — языческий храм, в средние века был превращен в церковь, теперь является национальным мавзолеем.

[4] *M. Lachâtre*. «Histoire des papes». Vol. I, p. 3, 241 (титульные листы), pp. 108, 229, 251, 420 и др. (виньетки заставок и концовок).

[5] Архив ИМЛ. П. Лафарг — К. Марксу, 12.XII.1871 г., ф. 1, оп. 5, № 356.

Издатель настаивал, чтобы в книге был помещен портрет Маркса, его биография, письмо издателю и ответ его, Лашатра, автору. Этот ответ Лашатр из конспиративных соображений не датировал, боясь дать реакционному правительству малейший повод для полицейских мер в отношении издания [1].

Из этих же соображений издатель все время воздерживался от рекламы книги. Однако по сведениям парижского Института социальной истории, в архивах Института хранится экземпляр печатного проспекта этого издания. Он состоит из первого выпуска книги, в который вошли, помимо двух титульных листов и портрета Маркса, автограф его письма к издателю и ответ последнего. Эти восемь страниц были обнаружены в архиве генерала Коммуны Эда [2].

На выполнение художником и гравером портрета и автографа требовалось известное время, что вызвало первую же задержку в выходе выпусков [3]. Любопытная деталь выяснилась в связи с новой публикацией в журнале «Movimento operaio» писем родных Маркса. Дочь Маркса Женни в письме Кугельману 3 мая 1872 г. указывала, что Лашатр настаивал на помещении в книге портрета Маркса потому, что в России цензура сняла портрет автора из русского издания «Капитала» [4].

Издание печаталось по 2 выпуска одновременно, но продавалось сериями по 5 выпусков сразу (по 40 страниц каждая серия). Всего было девять серий [5]. В последнюю серию вошло не 5, а 4 выпуска. Все серии продавались в одинаковых обложках. Одна из этих обложек была сохранена издателем при брошюровке всех 44 выпусков в одну книгу. Таким образом, серийная обложка вошла во французское издание «Капитала»

---

[1] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 12.III.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 12976.

[2] «L'actualité de l'histoire» № 10, 1955, p. 48.

[3] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 27.IV.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 12980.

[4] «Movimento operaio» № 2, 1955, p. 289.

[5] Употребляемое в русском переводе слово «выпуск» не всегда соответствует действительности. Энгельс пишет, что вышло 4 выпуска, фактически это 4 серии (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 348).

как первая непагинированная страница книги (шмуцтитул).

Точная дата выхода в свет первой серии — 17 сентября 1872 г.— указана служащим издательства Вернуйе, который тотчас же сообщил об этом Марксу: «Первая серия выпущена в продажу. С 4 часов уже продано 234 экземпляра»[1]. Эту же дату выхода первых пяти выпусков подтверждает в одном из своих писем автору и сам издатель. Поскольку Лашатр сообщал в этом письме (от 19 октября 1872 г.) ряд интересных сведений об издании, приводим его полный текст:

«Прилагаю ежедневную сводку продажи первой серии «Капитала» с момента выхода в свет, т. е. с 17 сентября по 12 октября. Общее количество проданных экземпляров составляет 576.

Мы этого добились без всякой рекламы, без статей, афиш, объявлений, даже без проспекта. Никаких, абсолютно никаких извещений о том, что книга печатается, не было дано даже простого объявления, которое я обычно помещаю на обложках других своих изданий.

Мы должны быть довольны.

Сейчас я готовлю серийную обложку для своей «Истории пап», которая будет печататься тиражом в 22 тыс. экземпляров; постепенно мы подготовим такого же рода обложки и для других изданий, тогда увеличится продажа «Капитала». Но необходимо, чтобы серии выходили регулярно, хотя бы раз в две или три недели.

Подписывайте для матриц [bons à clicher] четыре или шесть выпусков сразу, но, прошу Вас, приложите все усилия к тому, чтобы выход издания не прерывался; необходимо подписать на выход в свет первые шесть выпусков; хотя серия и состоит из пяти выпусков, но каждые два выпуска печатаются одновременно, шестой вместе с пятым, тиражом идут два любых выпуска сразу.

В Париже, говорят, большой спрос на Вашу биографию. Я рассчитываю добиться от Вас, чтобы Вы поручили своему другу Энгельсу[2] выполнить это. Мы поместим биографию в конце книги, она как бы увенчает ее.

---

[1] Архив ИМЛ. Ж. Вернуйе — К. Марксу, 18.IX.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 12972.

[2] В оригинале описка — вместо Энгельса стоит Гегель.

Вчера я получил корректуру 8-го и 9-го выпусков. Опечаток было очень немного; для оформления второй серии недостает еще 10-го выпуска; будьте так добры, дорогой учитель, пришлите без задержек подписанные на выход в свет выпуски с 5-го по 10-й, чтобы удовлетворить законное нетерпение подписчиков.

Передайте, пожалуйста, от меня привет гг. Лафаргу и Лонге и засвидетельствуйте мое уважение Вашей дочери, г-же Лафарг; надеюсь, семейная обстановка поможет ей быстро восстановить свое здоровье.

Привет Вам, учитель, и всем Вашим близким.

Морис Лашатр.

Политические события в Испании продолжают удивлять нас; восстание в Ферроле подавлено, но революция может в любой момент вспыхнуть в другом месте, в Малаге или Барселоне.

С красным знаменем за Коммуну и Федерацию!» [1]

В 1872 г. в свет вышла только первая серия. Несмотря на все усилия автора, переводчика и издателя печатание «Капитала» затянулось с 17 сентября 1872 до конца 1875 года [2]. Главная причина задержки, как уже отмечалось, состояла в той политической обстановке, которая сложилась после падения Парижской коммуны. Обстановка во Франции и в Европе не только не благоприятствовала, но и создавала серьезные препятствия для выхода книги. Кроме политических, было много и других причин, тормозивших работу над изданием. Автор находился в Лондоне; издатель — то в Испании, то в Бельгии, то в Швейцарии; переводчик жил в Бордо; типография находилась в Париже. Один рейс рукописи перевода от переводчика к автору и от автора в типографию составлял свыше 1000 километров. Рукопись или гранки иногда путешествовали из Франции через Англию в Испанию и снова во Францию, преодолевая расстояние свыше 2500 километров. Поскольку издание выдерживало до четырех корректур, то даже если они

---

[1] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 19.X.1872 г., ф. 1, оп. 5, № 12990.

[2] Архив ИМЛ. А. Кест — К. Марксу, 15.XI. и 4.XII.1875 г., ф. 1, оп. 5, №№ 12956, 12957.

благополучно прибывали к месту назначения, общий путь равнялся 1000 километров, умноженной на 4, т. е. доходил до 4000 километров. По свидетельству владельца типографии Лаюра, Маркс вносил многочисленные поправки, иногда в третьей корректуре он их делал больше чем в первой [1]. Задержки происходили как по вине переводчика и типографии, так и в силу большой работы над корректурами, проводившейся автором. Маркс подолгу держал корректуры часто из-за загруженности другой работой, нередко из-за болезни. Серии 2—6, с 6 по 30 выпуск, вышли в 1873 году, серии 7—8, кончая 40-м выпуском,— к середине 1875 года [2]. Переводчик закончил и сдал рукопись в конце 1873 года [3]. В январе 1875 г. Маркс закончил редакцию перевода [4]. Оставалось выпустить последнюю серию, когда юридические права на издательство Лашатра в Париже были переданы министерством Брольи реакционеру Кесту. Последний принадлежал, как указывал Маркс, к «подонкам консервативной партии» и делал все для того, чтобы сперва задержать печатание книги, а затем помешать ее распространению [5].

На требования Маркса ускорить завершение издания Кест заявлял, что не читал изданий Лашатра, ненавидит их за их тенденцию, но как юридическое лицо обязан выполнить договор в отношении иностранца [6]. По договору с Лашатром была предусмотрена посылка автору ста экземпляров каждого выпуска по мере выхода их из печати. Вынужденный выполнять договор, Кест послал эти сто экземпляров в конце ноября 1875 года [7].

---

[1] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 5.I.1873 г., ф. 1, оп. 5, № 12999.

[2] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 20.VII.1875 г., ф. 1, оп. 5, № 13007.

[3] Архив ИМЛ. М. Лашатр — К. Марксу, 26.II.1874 г., ф. 1, оп. 5, № 13311.

[4] К. Маркс — М. Оппенгейму, 20.I.1875 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 380).

[5] К. Маркс — Г. Девилю, 23.I.1877 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIX, стр. 449).

[6] Архив ИМЛ. А. Кест — К. Марксу, 11.X.1876 г., ф. 1, оп. 5, № 12955.

[7] Архив ИМЛ. А. Кест — К. Марксу, 4.XII.1875 г., ф. 1, оп. 5, № 12957.

Однако с посылкой произошло какое-то недоразумение, вероятно, к этому приложил руку и сам Кест, в результате чего Маркс получил последние выпуски лишь в конце 1875 года.

Таким образом, первый перевод «Капитала» на французский язык выходил с 17 сентября 1872 по ноябрь 1875 года. После выхода из печати последних выпусков все серии были сброшюрованы и продавались также в виде книги. Отличительными признаками этого издания являются: наличие предисловия автора к немецкому изданию с правильной датой (1867 г.), письма автора Лашатру (предисловие к французскому изданию) и послесловия к французскому изданию, ответного письма Лашатра Марксу, титульного листа книги с изображением римского Пантеона, указания на издателя Лашатра и типографию Лаюра. Издание было оформлено многочисленным политипажем (заставками и концовками), по содержанию не связанным с текстом. На последней странице книги значился номер заказа — 12403. Выходные данные не были указаны. По свидетельству автора, издание было выпущено тиражом в 10 тыс. экземпляров [1]. Каждый выпуск стоил 10 сантимов, серия — 50, все издание — 5 франков. Лашатру так и не удалось приложить к изданию биографию Маркса. Предметный указатель, составленный автором, был снят, так как выходил за норму печатных листов, предусмотренную по договору с типографией [2].

Однако на этом история первого французского издания «Капитала» не кончается. Во многих научных библиотеках имеются экземпляры, текст которых идентичен тексту первого французского издания. Оформление книги во многом сходно с первым изданием. Однако в книге другой рисунок титульного листа, отсутствует письмо Лашатра, произвольно изменена дата предисловия к первому немецкому изданию и вместо 1867 поставлен 1875 год. Вместо издательства Лашатра на титульном листе значится «Librairie du progrès», печаталась

---

[1] К. Маркс — Ф. Зорге, 21.VI.1872 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 270).

[2] К. Маркс — П. Лаврову, 15.V.1875 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 391).

книга не у Лаюра, а у других типографов[1]. На книге нет номера заказа, иными словами, она не была зарегистрирована в парижской Национальной библиотеке.

По мнению специалистов в области полиграфии[2], книга является перепечаткой со стереотипа. В оригинале матрицирован был весь текст, кроме заголовков внутри политипажа и самого политипажа. Абзацы оригинала и перепечатки совпадают, но внутри них в некоторых местах расположение печатных знаков иное[3].

Опечатки, отмеченные в издании Лашатра в особом списке, сохранены в тексте данного издания; опечатки, не вынесенные в список первого издания, исправлены[4]. Все эти изменения в полиграфическом оформлении текста и частичное устранение опечаток указывают на то, что при дублировании тиража со стереотипа некоторые его утерянные или поврежденные части были заново отлиты.

В фондах библиотеки Института марксизма-ленинизма есть экземпляр французского издания «Капитала», имеющий все признаки перепечатки, на корешке этого экземпляра указано: «15 édition». Этот термин в данном случае можно переводить как «15-й завод» или «15-я тысяча». В то же время известно, что издание Лашатра не превышало 11 тысяч. Таким образом, имеется еще одно доказательство дополнительной перепечатки первого французского издания «Капитала» в последующие годы.

Основываясь на цифре тиража (10 000), Зеваес делает неверные выводы о якобы незначительном распространении «Капитала». Издание, как он полагает, слабо распродавалось, поскольку во Франции в девятисотых

---

[1] Адрес типографии один и тот же, а фамилии владельцев разные (Noirot, Colombon et Brulé), видимо, предприятие переходило из рук в руки.

[2] — сотрудников научно-исследовательского Института полиграфической промышленности и техники в Москве.

[3] Например, на стр. 12, строка 1 снизу, стр. 60, подстрочное примечание; стр. 135, стлб. 1, строки 12—14 сверху; стр. 161, стлб. 1, строки 4—12 сверху; стр. 243, стлб. 1, строки 17—18 сверху; стр. 243, стлб. 2, строки 15—20 сверху; стр. 246, стлб. 1, строки 11—14 сверху и др.

[4] Например, в словах préalablement, на стр. 246, стлб. 2, строки 3—4 снизу; nécessité на стр. 329, стлб. 2, строки 3—4 сверху и др.

годах его еще можно было достать в парижских магазинах. Однако приведенные выше факты показывают, что в это время в парижских магазинах было не первое издание, а перепечатка его. Сама потребность в таких перепечатках говорит о неправильности выводов Зеваеса. Быстрое распространение французского издания и выпуск дополнительной перепечатки свидетельствует, вопреки мнению Зеваеса, о том, что экономическая теория Маркса и марксизм в целом с 70-х годов начал завоевывать во Франции все более прочные позиции.

Остается выяснить вопрос: кем и когда была осуществлена допечатка первого французского издания «Капитала»? Кто мог изменить дату предисловия без разрешения автора? Кто и из каких соображений мог издать книгу без соблюдения авторского права, так как на ней нет номера заказа и ее обязательный экземпляр не зарегистрирован в парижской Национальной библиотеке? Почему ни Маркс, ни Энгельс, ни их многочисленные друзья и сторонники не возражали против изменения даты предисловия?

Маркс получал из Парижа в 1876 г. противоречивые сведения относительно судьбы французского издания: одни из его друзей и корреспондентов видели книгу в витрине магазина бывшего издательства Лашатра, другим отказывали в продаже этой книги[1]. Кест поставил заведовать магазином до фанатизма набожную ханжу мадам Беген. Она всеми доступными ей средствами препятствовала распространению книги. От одних покупателей она скрывала наличие ее в магазине, других отговаривала от чтения таких безнравственных изданий и предлагала вместо «Капитала» книги другого содержания.

Об этих происках сообщал Марксу немецкий социал-демократ К. Гирш, неутомимый пропагандист произведений Маркса и Энгельса, бывший в это время корреспондентом «Frankfurter Zeitung» в Париже[2]. Гирш по-

[1] Архив ИМЛ. Ж. Вернуйе — К. Марксу, 17.X. 1876 г., ф. 1, оп. 5, № 12969; К. Маркс — П. Лаврову, 7.X.1876 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 428).

[2] «Geschichte der Frankfurter Zeitung», Frankfurt a. M., 1911, S. 155.

стоянно информировал Маркса о состоянии рабочего движения во Франции. Для переговоров относительно рецензии на французское издание «Капитала» Маркс связал К. Гирша с Анри Ориолем, предлагавшим, как это видно из его письма, поместить в газетах рецензию на французское издание «Капитала». В письме Марксу от 13 апреля 1876 г. Ориоль называет себя служащим магазина Лашатра, сообщает, что сочувствует идеям Маркса, понимает значение книги и необходимость ее распространения. Из дальнейшей переписки видно, что Ориоль оказывал Марксу услуги по обмену отдельных выпусков книги на сброшюрованные экземпляры, предназначенные для знакомых Маркса. В своих письмах Ориоль сообщил, что переписывается с Марксом тайком от Кеста и просил Маркса прислать ему копию договора с издателем[1]. Еще в середине 1875 года Маркс узнал от Вернуйе, что магазин Лашатра перешел в его руки[2], а с начала 80-х годов во главе издательства становится Ориоль[3].

Осенью 1876 г. Вернуйе сообщал Марксу, что французское издание «Капитала» выставлено в витрине бывшего издательства Лашатра[4] в доме № 38 на Севастопольском бульваре, где оно находилось до конца 1877 года. В 1878 г. адрес издательства изменился. Новое помещение находилось на улице Bertin-Poirée, 11.[5] Этот адрес и указан на изданиях Ориоля, которые начали выходить в 1883 году.

В этот период имя Ориоля встречается рядом с именами Девиля, Геда и Лафарга — деятелей французской Рабочей партии[6]. В числе других Ориоль участвовал в подготовке Международного рабочего съезда, который

---

[1] Архив ИМЛ. А. Ориоль — К. Марксу, 13.IV, 3.VI, 1.X, 15.X, 21.XI, 22.XII.1876 г., ф. 1, оп. 5, №№ 13301, 13302, 12932, 13034, 12934, 12933.

[2] Архив ИМЛ. Ж. Вернуйе — К. Марксу, 21.VII.1875 г., ф. 1, оп. 5, № 13309.

[3] Титульный лист книги: *К. Marx*. «Le Capital». Résumé... par G. Deville. Paris, Oriol, 1883.

[4] Архив ИМЛ. Ж. Вернуйе — К. Марксу, 17.X.1876 г., ф. 1, оп. 5, № 12969.

[5] «L'Egalité» № 5, 30.XII.1877, p. 3; № 8, 20.I.1878, p. 1.

[6] «Le Citoyen» № 387, 17.X.1882, p. 1.

предполагалось созвать в Париже во время Всемирной выставки 1878 года. В день открытия съезда полиция арестовала его организаторов, Геда, Массара и других. Ориоль, оказавшийся среди арестованных, был приговорен к месяцу тюрьмы и денежному штрафу.

С 1883 по 1886 г. имя Ориоля значится в качестве издателя на книгах и брошюрах, выпускавшихся Рабочей партией Франции. Его издательство выпускало программу Рабочей партии, выработанную Гедом и Лафаргом под руководством Маркса (им была написана теоретическая вводная часть); Ориоль издавал отчеты съездов партии, лекции Лафарга и Девиля по политической экономии, брошюры Геда, Лафарга и другую партийную литературу. В 1884 году Ориолем был издан первый том стихов пролетарского поэта Потье, автора «Интернационала», «великого пропагандиста посредством песни», как его назвал В. И. Ленин [1].

В 1883 г. Ориоль выпустил сокращенное популярное издание «Капитала» в обработке Г. Девиля. Эта книга, по отзыву П. Лафарга, подняла спрос и на основное издание. Для удовлетворения возросших к 1885 г. требований на книгу Ориоль вынужден был допечатать в другой типографии последние выпуски, вышедшие в издательстве Лашатра — после перехода его в руки реакционера Кеста — меньшим тиражом [2]. Таким образом, Ориоль дополнил оставшиеся от издательства Лашатра неполные комплекты книги. В результате этого и появились такие «смешанные» экземпляры, в которых наряду с маркой Ориоля на обложке [3] и отсутствием номера заказа имелись отличительные признаки издания Лашатра (например: титульный лист с изображением Пантеона).

Однако полиграфические особенности некоторых экземпляров, в которых изменения в оформлении текста были сделаны не только в последних выпусках, но и в начальных, говорят за то, что Ориоль, кроме частичного

---

[1] *В. И. Ленин.* «Евгений Поттьэ». «Коммунист» № 6, 1954, стр. 23.

[2] *F. Engels. P.* et *L. Lafargue.* «Correspondance», т. I, Paris, 1956, p. 173, 269.

[3] См. первый экземпляр французского издания «Капитала» в Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

дублирования последних выпусков, предпринял также и полное дублирование со стереотипа всего текста книги. Это дублирование всего текста было осуществлено издательством Ориоля, по-видимому, не ранее 1885 года. Возможно, что Энгельс и обнаружил эту разновидность издания и изменение даты предисловия к немецкому изданию, но в печати и переписке молчал об этом, так как допечатка была произведена без соблюдения авторского права. Раскрытие в печати этого факта грозило изъятием книги и привлечением к судебной ответственности издателя, который пошел на этот риск в целях более широкой пропаганды произведения Маркса. Энгельс, Лаура и Поль Лафарг знали Анри Ориоля, следовательно, они могли знать и историю перепечатки первого издания [1].

После выхода в свет французского перевода «Капитала» во французской и итальянской печати появились отклики на него. Книга нашла читателей и приобрела известность не только во Франции и Италии, но и в Бельгии и Голландии. Об этом писали автору Роша, секретарь голландской секции I Интернационала, и Де Пап, член бельгийской секции. Последний обещал автору широко использовать книгу в своих лекциях по политической экономии в рабочих обществах Бельгии [2].

Прав был Дицген, говоря, что с выходом в свет французского издания «Капитала» теория Маркса завоевала международную арену [3].

В 1877 г. Энгельс отметил то влияние на рабочих, которое имели произведения Маркса, и в первую очередь «Капитал»: «Место забытых произведений Прудона у романских рабочих заняли «Капитал», «Коммунистический манифест» и ряд других произведений марксовой школы; главное требование Маркса — захват всех средств производства от имени общества пролетариатом, достигшим политического единовластия,— стало теперь

---

[1] «Economie et politique» № 11, 1955, p. 12.

[2] Архив ИМЛ. Ц. Де Пап — К. Марксу, 17.XII.1875 г., ф. 1, оп. 5, № 5844.

[3] «Вопросы философии» № 3, 1958, стр. 145.

требованием всего революционного рабочего класса также и в романских странах»[1].

Французское издание I тома «Капитала», осуществленное под непосредственным руководством автора, открыло для научного коммунизма путь к сердцу и уму революционной интеллигенции и передового пролетариата Франции, заложило прочные основы соединения передовой научной теории с массовым революционным движением и помогло укреплению идейной и политической позиции Рабочей партии Франции.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 276.

## СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная комиссия:

*Гольман Л. И., Егорова А. Т.* (литературный редактор), *Малыш А. И., Сенекина О. К.* (ответственный редактор).

Сдано в набор 3 июня 1958 г.
Подписано к печати 12 ноября 1958 г.
Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 12$^{1}/_{4}$.
Условн. печ. л. 20,09. Уч.-изд. л. 20,28.
Тираж 8 тыс. экз. А 07035. Заказ № 3718.
Цена 11 руб.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

*

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.